ПЕСНИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ПЕСНИ
НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Вступительная статья,
составление, подготовка текстов
и примечания
Н. В. Капиевой

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1970

Р (с)
П 28

В книге представлены лучшие образцы богатого песенного творчества народов Дагестана: эпические и исторические песни, баллады, любовные, обрядовые, трудовые, бытовые песни, шуточные и колыбельные. В них многообразно отразилась жизнь горцев, историческое прошлое Дагестана, драматизм социальных отношений, бесправное положение женщины-горянки, своеобразные обычаи и обряды, борьба горцев за независимость. В книге не только песни о старине. Есть песни о гражданской войне, о Ленине, о приходе и утверждении Советской власти, о социалистическом преображении Дагестана.

7-4-2
324-70

ПЕСНИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

1

Начнем со сказки о прорванном мешке. Она известна в Дагестане каждому. Ее вам расскажут старики и дети. Ее не раз использовали в творчестве поэты и прозаики. Ее приводит в своей книге «Легенды и факты» историк Р. Магомедов.

«Известна сказка о всаднике, который когда-то, в незапамятные времена, разъезжал по миру с мешком, в котором были разные языки. Всадник раздавал разным народам земли разные языки. Когда всадник появился на Кавказе, он разорвал свой мешок об одну из неприступных скал Дагестана. Языки рассыпались по горам, и все перемешалось. Вот почему в Дагестане так много языков».[1]

«Сказка ложь, да в ней намек», — говорил Пушкин. Подобная сказка не могла не возникнуть именно в дагестанских горах. Образно и не без юмора она отразила исторически сложившуюся особенность Дагестана, — мимо нее не пройти исследователю, — многоязычие страны. Здесь говорят на тридцати языках и наречиях. Здесь есть диалекты, на которых говорят один-два аула. Здесь нередко бывает так, что жители рядом лежащих селений разноязычны. И столь же нередко бывает, что говорят и поют они и на своем языке, и на языке соседей.

Естественно, что уже по одному этому Дагестан оказался родиной чрезвычайно богатого и разнообразного устного поэтического творчества. Богатство и выдающиеся художественные достоинства горской песни отмечали еще в прошлом веке А. Бестужев-Марлинский, В. Белинский, Л. Толстой, А. Фет. На нее тогда же обратили

---

[1] Р. Магомедов. Легенды и факты, Махачкала, 1963, с. 8.

внимание ученые П. Услар, А. Шифнер, Вс. Миллер. С этого времени началось собирание и изучение (на первых порах, разумеется, лишь разведочное) песенного фольклора народов Дагестана. Первыми начали лингвисты. Записывались главным образом песни на основных языках страны — аварском, даргинском, кумыкском, лакском, лезгинском, а также на близком к кумыкскому ногайском языке. Несколько позже появились записи табасаранских и татских песен.

Одна из самых ранних публикаций горских песен принадлежит П. К. Услару. Его заметки «Кое-что о словесных произведениях горцев» появились в Тифлисе в 1868 году. И хотя Услар, руководствуясь установившимися вкусами европейской поэтики своего времени, не слишком высоко оценивал записанные им песни (а среди них были подлинные шедевры; Л. Толстой назвал их «сокровищами поэтическими необычайными»[1]), он все же отметил их поэтическую привлекательность. Услар писал: «Крайняя безыскуственность горского стихосложения не может, впрочем, помрачить для нас поэтического воодушевления, которым запечатлены многие горские песни. Уборы придают блеск красоте, но красавица остается красавицей даже в рубище. . .»[2]

Примерно в то же время началась и деятельность первых фольклористов-дагестанцев: ученика П. Услара лакца Абдуллы Омарова и кумыка Магомед-Эфенди Османова. Будучи преподавателем Восточного факультета Петербургского университета, Османов свои записи кумыкских и ногайских песен издал в Петербурге в 1883 году. К концу 1880-х годов относится превосходный небольшой свод даргинских исторических песен и баллад, принадлежащий Б. Далгату и также опубликованный (в 1892 году в Тифлисе).

И все же эти начинания, хотя и имевшие огромное значение для будущего фольклористики Дагестана, были лишь каплей, почерпнутой из моря. Море лежало непочатым. Даже много спустя, в 1925 году, проф. А. Жирков в статье «Старая и новая аварская песня» сетовал на скудость записей: «. . .до сих пор известно немного более десятка аварских песен, включая и отрывки, иными словами — почти ничего».[3]

Но не проходит и десяти лет после установления Советской власти в Дагестане, как картина совершенно меняется. Наступает время бурного интереса к устному творчеству. Рост национального само-

---

[1] Л. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 62, М., 1953, с. 209.

[2] «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 1, Тифлис, 1868, с. 34.

[3] «Дагестанский сборник», вып. 3, Махачкала, 1927, с. 105.

сознания, становление новой национальной культуры, новой советской литературы — все это требовало изучения ценностей прошлого, их критического усвоения.

В 1929 году появляется первый в истории аварцев печатный фольклорный сборник — «Аварские песни» А.-Л. Шамхалова. Вскоре выходит «Поэзия аула» — работа ногайского фольклориста А.-Г. Джанибекова; записи, сделанные им, исчисляются десятками тысяч строк. Затем кумыкский фольклор — книга «Чечеклер» («Цветы»), «Лезгинский фольклор» и другие издания.

Собиранием занимаются уже не отдельные энтузиасты. Его координирует Дагестанский научно-исследовательский институт языка, истории и литературы. Среди сотрудников института выдающиеся знатоки фольклора: Ш. Микаилов, М.-С. Саидов, М. Чаринов, А.-П. Салаватов, А. Каяев, М. Гаджиев, С. Абдулаев. Любовно, с упорным постоянством ведут фольклорные записи писатели А. Аджаматов, Э. Капиев, Ал. Назаревич, Ю. Хаппалаев. Союз писателей Дагестана направляет и поддерживает работу литераторов по переводам и обнародованию устного поэтического творчества.

Время, когда дагестанские ученые и писатели особенно деятельно обращаются к собиранию, изучению, обработке фольклора, — 1930-е годы. Именно в этот период было сделано огромное количество записей, появились первые сборники народных песен на родных языках. В эту же пору в Москве вышла подготовленная Эффенди Капиевым «Дагестанская антология», в которой впервые в переводах на русский язык были разнообразно представлены произведения устной поэзии народов Дагестана.

ДНИИЯЛ ведет научную разработку и публикование своих песенных фондов, появились отдельные труды, посвященные песенному творчеству Дагестана (У. Далгат, Б. Магомедова, Х. Халилова и других). Немало сделано первым и едва ли не единственным у нас в стране Народным научно-исследовательским институтом фольклора, руководимым Ал. Назаревичем (при Госуниверситете ДАССР). Все же это только начало.

Данная статья, разумеется, не может претендовать на исчерпывающую полноту освещения материала. Я касаюсь лишь аспектов темы, кажущихся мне наиболее значительными.

Любовь к песне в Дагестане необычайна. За понравившуюся песню в горах дарили коня. Так поступил, по преданию, аварский поэт Махмуд, услышав на дороге пение незнакомого путника. Однако поэтам свойственны поступки, выходящие за пределы обычного. Приведу другой пример: когда на песни даргинского поэта-импровизатора Батырая был наложен запрет, его односельчане-бедняки вскладчину

платили штраф — живого быка, только бы послушать пение своего любимца. Не одни слагатели песен, но и просто люди, хранящие в памяти хорошую песню, весьма почитались в Дагестане. А хранили песни, как хранят клады. «Хорошую песню и на пашню не променяешь», — гласила пословица. И это в стране, где пашня была рукотворной, клочок поля создавался трудом нескольких поколений, ибо землю для него, очищая от камней, нередко таскали издалека на своих плечах, в корзинах. Песни, конечно, как и повсюду, передавались в горах из уст в уста, но в то же время делились песнями знатоки неохотно. Существовала как бы «монополия» на знание того или иного текста. Еще и в наши дни, в век печати и радио, дагестанские собиратели фольклора жалуются на этот древний обычай: таить старинную песню, не сказывать ее другим, и уж особенно исполнителям-соперникам или «чужакам».

«Горец имеет страсть к пению: он любит петь в таких местах, где эхо его голоса раздается по горам», — это фраза из заметок о горской жизни, сделанных почти сто лет тому назад молодым аварцем. Пели на полевых работах и в пути. На свадьбах и на пирушках по случаю рождения дитяти. Пели, оплакивая умерших и выходя на битву с врагом. Песней трудовой люд клеймил тиранов, утверждал свое место на земле, защищал свое достоинство. Вот что рассказывал народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса. Рассказ относится к концу XIX — началу нашего века: «Между батлаичскими муталимами и чабанами практиковались состязания на восхваление каждой стороной своего ремесла и охаивание ремесла противника. Состязались стихами. В один из базарных дней муталимы выступили против чабанов публично, при всем народе. Они рассуждали в своих стихах о темноте чабанов, которые, мол, «с баранами пьют и с баранами едят», а чабаны в ответной песне принялись расхваливать прелести своей жизни — завели речь о цветущих горах, о резвых ягнятах, о жирном свежем мясе, которым они питаются, о студеной воде, которую они пьют... Народ, собравшийся на состязание, решил, что победили чабаны. Их песни оказались ярче, ядовитей и складней...»[1]

Эту же народную точку зрения с большой меткостью выразило аварское четверостишие, быть может сложенное некогда во время такой песенной перепалки:

Муталим щеголяет в черкеске и смыслит в Коране.
Но ведь мне-то известно: он трус и скупец.

---

[1] Гамзат Цадаса, Стихотворения и поэмы, «Библиотека поэта» (Большая серия), Л., 1958, с. 12.

А чабан ходит в шубе рваной бараньей
И не смыслит в Коране, а молодец!

Песенные споры, песенные диалоги, импровизации, соревнования были широко распространены. В высокогорном Дагестане, в Аварии, Дарго, Лакии это не вылилось в каноническую на Востоке форму ашугских состязаний. На юге же, в близких к Азербайджану Лезгинии, Табасаране, состязания ашугов были традиционными вплоть до революции (да и сейчас входят в программы новых праздников: праздника цветов, первой черешни). Мне довелось слышать воспоминания Сулеймана Стальского, как он в молодости колкой песней победил бродячих ашугов, заглянувших в Ашага-Стал, и сделался вскоре после этого на родине известным поэтом.

Песенное творчество Дагестана, складывавшееся на протяжении веков, знает все жанры, все поэтические формы, присущие развитому фольклору. Обширен героический эпос. Циклы исторических песен объемлют важнейшие события прошлого. Видное место занимают отличающиеся высокими поэтическими достоинствами баллады. Бесконечно богата у всех народов Дагестана любовная лирика. Разнообразны трудовые и обрядовые, игровые и шуточные песни, плачи и колыбельные, детские песенки. Устная поэзия народов Дагестана родственна во многих чертах, и это совершенно естественно при единстве их исторического пути, хозяйственного развития, общественного и семейного укладов, верований, быта, нравов. Но фольклор каждого народа — явление оригинальное, имеет свои особенности, и жанровые, и в области тематики и формы. Лакцы, аварцы наряду с лирикой создали и сохранили до нашего времени живой целостный эпос. Бытует древний эпос у ногайцев. У лезгин преобладает в песне лирическое начало, эпос сохранился лишь фрагментарно. Даргинцы внесли в общую сокровищницу особо совершенные лирические миниатюры и песни-баллады. Кумыки — афористические песни о героях...

Единство и многообразие, схожесть и многоцветность дагестанской песни в целом — явление в своем роде единственное.

2

Среди многих прекрасных эпических песен, помещенных в этой книге, есть аварская песня «Хочбар». Л. Толстой, работая над «Хаджи-Муратом», прочитал ее в прозаическом переводе П. Услара и сделал пометку: «Песня о Хочбаре удивительная».

Песня родилась, как полагают, в пору формирования историче-

ского эпоса в Дагестане, в XVII или XVIII веке, на реальной основе обострившейся борьбы между крестьянами и феодалами. Раздираемое внутренними противоречиями и жестокой борьбой между трудовыми низами и феодальной верхушкой общество выдвинуло вождей народно-освободительного движения. Эпос запечатлел крупные, крутые характеры, величавые фигуры защитников народных интересов в битвах против феодальной тирании. В этой плеяде личностей полуисторических, полулегендарных вождь гидатлинской вольной общины Хочбар выделяется особой целеустремленностью воли, значительностью поступков, выдающимся мужеством духа.

«В наиболее острой форме борьба вольных обществ с притязаниями феодалов выявилась в XVII веке в Гидатле, — пишет дагестанский историк. — Это вольное общество давно враждовало с Аварским ханством. Хунзахские феодалы захватывали земли гидатлинцев, совершали набеги, угоняли людей и скот. Гидатлинцы вынуждены были строить на границе своих земель сторожевые башни и вооруженной силой обороняться от отрядов хунзахских нуцалов». [1]

Песня о Хочбаре преломила события по-своему, поставив лицом к лицу народного героя и тирана.

Не в силах справиться с героем в открытом, честном бою, Нуцал-хан хитростью зазывает Хочбара к себе и казнит, сжигая на костре. Хочбар знает, что его ждет в Хунзахе гибель, и все-таки идет, опасаясь, что его отказ будет расценен как трусость. Песня любуется решимостью Хочбара. Поступок же хана с точки зрения горской морали (как и общечеловеческой, впрочем) — крайняя низость: он поднимает руку на гостя, лицо неприкосновенное. Одного этого поступка достаточно, чтобы Нуцал предстал перед горцами как воплощение коварства. Но он еще и трус, и бахвал. Хочбар в словесном поединке с ханом у пылающего костра побеждает твердой прямотой и смелостью:

Пощады у вас не к лицу мне просить.
Я всё, что задумал, успел совершить!

Должно быть, потребует толкования для современного читателя предсмертный поступок Хочбара — в нем кульминация песни: герой, бросаясь в пламя, увлекает за собой двух маленьких сыновей Нуцала. Что это — бесчеловечность? Злобная месть? Нет. В соответствии с воззрениями своего времени, песня воспевает этот поступок как

---

[1] Р. Магомедов, История Дагестана, Махачкала, 1961, с. 164—165.

справедливое возмездие. И только. Хочбар казнит будущих тиранов, подсекает ханский род под корень — в этом общественное оправдание его беспощадности. В некоторых вариантах (в лакском, например) говорится о жалости героя к ханским сыновьям: «дети солнца», «невинные ягнята» — называет их Хочбар. Но движет героем все же не голос сердца, а мысль о будущем народа. Жестока эпоха — жестоки нравы.

Высокий огонь гнева и не менее высокие художественные достоинства песни, ее композиционное совершенство, выпуклость характеров, краткость и выразительность диалогов сделали «Хочбара» песней общей для аварцев, даргинцев, лакцев. Сохраняя все свои основные свойства, она отличается в иноязычном бытовании только деталями. Лишь к лезгинам ее сюжет перешел в виде прозаического предания. Облик Хочбара — любимейший облик героя в дагестанском фольклоре.

Братом Хочбара по духу является лакский бунтарь Табахлинский Кайдар. Песни о нем составляют обширный цикл и повествуют о борьбе лакских крестьянских общин против кази-кумухских ханов. Считают, что восстание табахлинцев в XVIII веке было самым ожесточенным. В песнях поется о счастливом годе после изгнания тирана, о разделе восставшими ханского имущества между вдовами и сиротами, о том, как расправили крестьяне плечи, сбросив ханские повинности.

Описание защиты отрядом Кайдара крепости Табахлю — одна из примечательнейших сцен лакского исторического эпоса. Цикл значителен не только крупно вылепленной личностью Кайдара, но и тем, что говорит именно о широком движении народных масс, а Кайдар — один из смелых вожаков этого движения. И он, подобно Хочбару, несгибаем в борьбе против насилия. И его ждет страшная гибель на костре. И он уходит из жизни с гордо поднятой головой:

Эй вы, в синих черкесках враги!
Вот последнее слово мое:
Я пощады не попрошу
Ни в огне, ни в густом дыму!..

Пока сила была у меня,
Эту крепость я защищал...

Образ героя из народа — выразителя и защитника народных чаяний — всегда наделен самыми благородными чертами: честностью, бесстрашием, бескорыстием, прямотой. Таков Батыр-Амит из сложен-

ной в XIV—XV веках былины «Батыр-Амит сын Айсыла». Таков юноша-судья из родившейся в XIX веке лакской поэмы — Балхарский Давди. В них народный идеал человеческой личности, воплощение лучших качеств народного характера. В этой связи следует сказать и о созданных кумыками циклах героических песен, так называемых «къазак йирлар»,[1] песен о батырах. Каждая из них раскрывает какую-либо душевную черту батыра — богатыря, героя. Собранные воедино, они рисуют его живой облик. Герой предстает в них прямодушным, чуждым личных выгод, верным долгу и боевой дружбе.

Время возникновения этих песен точно не установлено. Возможно, это XVI—XVII век. Начав складываться несколько веков тому назад, эти циклы жили и пополнялись новыми песнями вплоть до прошлого столетия. Принято считать, что среда, в которой они возникли, — военные дружины феодалов. Во время внешних войн или внутренних междоусобиц в борьбе за власть кумыкские владетели, формируя свое войско, вооружали всадников из крестьян. Когда они бывали нужны, перед ними заискивали. Когда нужда в них миновала — о них забывали. Судя по духу песен, дружинники нередко были настроены бунтарски и проявляли непокорство. Критические выпады, едкий скепсис по адресу знати, а в более поздних песнях и по адресу «новых баев» — богатеев — постоянный мотив подобных песен. Воспевание воинской доблести, презрение к трусости как к величайшему из пороков, батальные детали, любовь к боевому соратнику — коню, являясь важными их мотивами, действительно свидетельствуют в пользу точки зрения, говорящей о возникновении их в военной среде. Но содержание циклов не ограничивается боевой тематикой. Оно гораздо шире и вмещает мотивы общенародного звучания. Песни о героях являются как бы своеобразным сводом кодекса чести. Не лишенные противоречий и чуждых, «верхушечных» напластований, они в лучших своих образцах учили, как жить и как поступать:

Речь героя прямодушна и чиста.
Ложью, лестью он не осквернит уста.

Или:

Что хорошего, если потупил ты взгляд
Перед тем, кто и слаб, и труслив, но богат.

Или:

Тогда побеждает несчастие нас,
Тогда нам приходится туго,

[1] «Къазак» — воин, феодальный дружинник.

Когда наступает наш черный час,
А рядом — ни брата, ни друга.

Сам афорический строй этих песен, их краткость (есть даже кумыкская пословица: «къазак йир короткой бывает — злая собака куцой бывает») говорят о том, что создавались они и как свод народной морали. Значительность их в том гневном протесте против несправедливого устройства мира, которым они проникнуты, в той скорби о бедственной судьбе человека из трудовых низов и в той любви к родимой земле, которая их наполняет:

Если станет герой похваляться,
Скажет: много по свету я странствовал,
Но вернулся в отчий дом...

Героические песни кумыков, их темы и образы во многом близки песням ногайцев. Облик ногайского батыра наделен теми же чертами: и он прям и честен, порой до простодушия, и он ненавидит трусость, презирает знать и разжиревших, трусливых баев, гибель в бою считает честью для воина.

Пусть горячею кровью будет мох обагрен —
Пусть! Сражаясь на краю желтого склона,
В битве поверженный — не пожалеет!

Родство это имеет не только географические, но и более глубинные языковые и исторические корни. Эпос ногайцев, их песни о батырах и древние сказания знают соответствия и в фольклоре других тюркоязычных народов: казахов, киргизов, каракалпаков. В эпосе действуют одни и те же герои (Эдиге, Кобланды-батыр, Таргын), варьируются одни и те же исторические ситуации. Сходна форма сказаний. Обычно стихи в них перемежаются прозаическими вставками, придающими связность сюжету и облегчающими понимание событий, зачастую лишь весьма отрывочно сохранившихся в народной памяти. Ногайский эпос — неизведанная пока область дагестанского фольклора. Складывался он во времена Золотой Орды и несколько позже, в XIII—XV веках. История же Золотой Орды, борьба и взаимоотношения входивших в нее народностей, племен и родовых объединений изучены мало.

Два столетия (XIII—XIV) испытывали народы Дагестана бедствия монголо-татарского гнета: угон в рабство людей, поборы непомерной дани, насилия, разорение. Наиболее жестокими были нашествия золотоордынского хана Тохтамыша и Тимура (на землях пооче-

редно захватываемого ими Дагестана они вели войны также между собой). Первый поход Тимура на Южный Дагестан относится к 1385 году; другой поход — когда его полчища проникли в высокогорные области страны и когда против Тимура совместно выступили аварцы, даргинцы, кумыки и лакцы — к 1396 году.

К. Маркс писал: «Политика Тимура заключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезывать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и таким образом всюду наводить ужас».[1] Политика эта не только подавляла. Она рождала сопротивление. В кровавой борьбе возникало единение прежде разрозненных народов.

В память о народном героизме остались многочисленные песни и сказания. Грозная и трагическая эпоха давала сюжеты большой поэтической силы. Прекрасен образ лезгинского мальчика — безымянного пастушонка, не потупившего взгляда перед грозным Тимуром, слова не промолвившего под пытками («Каменный мальчик»). Песня мастерски сочетает контраст двух образов: отрок, слабый телом, но могучий любовью к отчизне, за которую он жертвует жизнью, и бессильный перед этой силой патриотизма грозный завоеватель полумира:

Не дано врагам убить вовеки,
Погасить живого сердца пламень,
Не дано врагам свалить вовеки
Мальчика, что превратился в камень.
Если связан ты с родной землею,
Ты, в бою погибнув, стань скалою!

Не много найдется в дагестанском фольклоре образцов, могущих поспорить строгой собранностью сюжета, динамизмом, ясностью и богатством оттенков в изображении характера героя с лакской песней о девушке-воительнице Парту Патиме, в которой тоже повествуется о борьбе горцев с Тимуром. Трудно сказать, какова чисто фактическая основа песни. Лакцы считают Парту Патиму подлинно существовавшим лицом. Известны факты участия женщин Лакии в сражениях с Тимуром (например, при защите крепости Кули). За века — пока песня дошла до нас — в ней, видимо, многое переделывалось вслед изменяющимся народным воззрениям, но фон, эпоха и возвышенный, героический образ женщины — защитницы родины — сохранились во всей своей самобытной яркости. Запись песни сделана сравнительно поздно. Возможно, она долго бытовала как потаенная. Интересную мысль высказывает по этому поводу лакский ученый

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 6, М., 1939, с. 185.

Х. Халилов: «Можно предположить, — пишет он, — что эпическая песня о Парту Патиме подвергалась запрету вследствие того, что изображение женщины в качестве воина противоречило законам Корана».[1]

В отличие от многих других эпических и исторических дагестанских песен, в песне о Парту Патиме нет точной географической приуроченности. Сражения с врагом обрисованы в плане обобщенной гиперболы:

Две рати столкнулись, порядки построив,
Как будто упала на гору скала.
Усеялся дол головами героев,
Горячая кровь по земле потекла...

Внимание повествователя сосредоточено на личности героини. С редкостным мастерством, самыми, казалось бы, скромными средствами песня лепит многогранный характер. Парту Патима наделена свойствами неженского бесстрашия, силы и решимости. Она — героиня, предводительница отряда воинов, дерзко ринувшегося на битву с полчищами Тимура. Она побеждает в единоборстве монгольского богатыря Тугая. И она же — скромница, горская девушка («привет недостойна сказать я мужчинам!»), ласковая дочь, красавица, возлюбленная, жаркими слезами оплакивающая убитого врагом юношу Ахмеда. Должно быть, именно это сочетание героической самоотреченности и мягкости, нежности в облике героини дало лакскому поэту-революционеру Саиду Габиеву повод назвать ее «лакской Жанной д'Арк». Лирические тона сюжета сближают эпическую песню о Парту Патиме с дагестанскими балладами. Впрочем, и в ряде других случаев эти разделы эпоса близки, а подчас и трудно разделимы.

Вершиной дагестанского эпоса справедливо считают песни о разгроме Надир-шаха. Значительно более поздние по времени, нежели песни о борьбе с монголами, они с большой художественной точностью и исторической достоверностью сохранили и дух эпохи, и реальную суть событий, и выразительные их подробности.

«Решая вопрос о степени исторической достоверности дагестанских эпических песен о Надир-шахе, можно определенно сказать, что в большинстве случаев в них зарегистрированы реальные факты народной жизни», — замечает У. Далгат.[2]

Историческая основа этих песен такова: 30-е и 40-е годы

[1] Х. М. Халилов, Лакский песенный фольклор, Махачкала, 1959, с. 76.

[2] У. Б. Далгат, Фольклор и литература Дагестана, М., 1962, с. 126.

XVIII века отмечены на Кавказе и в Закавказье освободительным движением народов Дагестана, Азербайджана, Армении и Грузии против иранских поработителей. В 1734 году ареной военных действий стал Дагестан. Надир-шах, подавляя сопротивление горцев, не желавших подчиниться захватчикам, двинулся во главе двадцатитысячной конницы на Кумух и, несмотря на героическое сопротивление лакцев, взял и разграбил его. Затем подверглись разорению лезгинские земли с аулом Ахты. Второй поход — в 1735 году — отличался еще большей жестокостью. Надир-шаху удавалось добиваться временной покорности горцев, лишь обрекая их на мучения и надругательства, разрушая аулы, уводя пленных и заложников. Захватчикам помогали терзавшие страну феодальные междоусобицы и племенная раздробленность. Незатухающая борьба велась со все нарастающим ожесточением. Надир-шах поставил целью истребить дагестанцев, а остатки их переселить в Иран. Речь шла о жизни и смерти народов гор. И вот, когда иранцы в третий раз, собрав огромную, 150-тысячную армию, ворвались осенью 1742 года в самое сердце гор — в Аварию, их встретило единодушное сопротивление всех горских народов. Раздробленный на многочисленные ханства и вольные общества, Дагестан объединился. На помощь аварским дружинам пришло лакское войско во главе со своим предводителем Муртазали. Пришли даргинцы, кубачинцы, кайтагцы, лезгины, табасараны. Решающее сражение было дано близ аула Чох в долине Андалала. Размах битвы был поистине эпичен.

Аварская песня «Сражение с Надир-шахом» и лакская «Песня о герое Муртазали» прекрасно воссоздают ее грандиозную панораму. Живописью слова передают они и тот дух патриотического воодушевления, ту сплоченность, какие только и могли привести к победе.

Надир-шах был разбит наголову. Горцы преследовали врага до Каспия, до Дербента. Было захвачено знамя шаха и его золотое седло. Великая победа, пришедшее понимание, что сила в единстве, патриотический подъем — запечатлелись в фольклоре многочисленными преданиями, песнями, притчами и сказаниями.

Подобно «Слову о полку Игореве», аварская песня о разгроме Надира начинается с торжественного запева:

Братья, к песне правды слух обратите.
То, что было правдой, стало преданьем.
Ныне начнем повесть, одну былину...

И с удивительной цельностью выдержан на протяжении сотен строк этот торжественный, приподнятый лад. Вплоть до горделивой концовки:

Помните, пришельцы! Из этой битвы
Кое-кто из ваших в живых остался.
Снова к нам придете — всех уничтожим!

Вдохновенный пафос, поэтическая зоркость, единство интонации, достоверность в изображении событий невольно склоняют к мысли: быть может, песню сложил некий безвестный свидетель и участник битвы в каменистых теснинах Андалала? Очень соблазнительно думать, что жил некогда подобный Бояну, оставшийся неведомым, гениальный горский певец, и он создал аварское сказание о победе над Надир-шахом. Однако всё это лишь домыслы романтического порядка. Песня — плод сотворчества многих певцов не в одном поколении. Шло взаимопроникновение и обмен поэтическим словом. Вариантов песен и сказаний о борьбе с Надиром в Дагестане почти у всех народов множество. Одни из них с большей, другие с меньшей поэтической выразительностью, одни в более, другие в менее поэтичной форме — говорят об одном.

Эпос о борьбе с полчищами Надира складывался на переломе XVIII столетия и во второй его половине. К этому времени дагестанский фольклор уже выработал свою устойчивую поэтику, свод приемов, во многом общие для разноязычных народов. Аварская песня «Сражение с Надир-шахом» и лакская «Песня о герое Муртазали» возникли на одной исторической почве. Родственны в них и формальные черты: прием троекратного повтора, нарастание гиперболы, диалогический строй и даже некоторые устойчивые формулы. В аварской песне Надир-шах обращается к хану Сурхаю:

Я бы тебе отдал свои владенья,
Если б получил я Хунзах взамену!
Я бы тебе отдал свои богатства,
Чтоб Муртазали мне сделался сыном.

В лакских вариантах он говорит (перевод подстрочный):

Весь этот мир пусть будет твоим, Сурхай,
А твой сын Муртазали да будет моим.
Все мои войска да будут твоими,
А твой сын Муртазали да будет моим.

Един характер гипербол.

Облака, в которых спрятались горы,
Не идут в сравненье с клубами дыма!

Дождевая влага облаков темных
Не идет в сравненье с реками крови! —

говорится в аварской песне. Лакская звучит в унисон:

Разгорался, шумел и дымился бой,
Будто спорило в гневе небо с землей.
Уши глохли от грома немолчной пальбы,
Будто шла, грохоча, не смолкая, гроза...

Близки описания внешности горских воинов, их сборов на битву. У аварцев:

Выбрали пищали, гордясь оружьем,
Сабли подвязали, что рассекают
Супостата вместе с конем могучим,
Панцири надели и шлемы стальные,
Длинные черкески до ступней самых!
Вышли со щитами на руках твердых,
С выпуклым железом на локтях сильных,
За плеча закинув пороховницы.

У лакцев:

Вот кольчуги на плечи надели они
И оружье поверх железной брони.
Железные палицы взяли бойцы,
Копья дедовские достали бойцы,
Взяли заветные пищали бойцы,
Вздели на плечи луки свои,
Ружья достали боевые свои.

Содружество в борьбе против захватчиков, объединившее народы гор для великой цели, определяло и единство поэтической мысли. Сходство вовсе не означает, что песня заимствовалась одним народом у другого (хотя известны и случаи прямого перевода). Достаточно внимательно сравнить две песни из обширного цикла о разгроме Надир-шаха, помещенные в книге, — аварскую и лакскую, — чтобы убедиться: это не так. События и герои те же, но взяты они в разных ракурсах. Аварская песня сосредоточивает внимание на исторической канве событий, говорит о действиях народных масс прежде всего. В ней пространный зачин, обстоятельно рассказывающий о начале похода Надир-шаха, о его завоевательских намерениях. Она подробнее повествует о собирании народных сил. Лакская же, со-

храняя в общем верность тем же историческим обстоятельствам, выдвигает на первый план личность героя Муртазали. Она лиричнее, богаче живыми человеческими голосами. Ее диалоги изобилуют многими психологическими оттенками.

Дагестанский эпос о борьбе с Надир-шахом — поэтический памятник, значение которого для народов гор можно сравнить со значением «Слова о полку Игореве» в русской эпической поэзии.

Особое место занимают в историческом эпосе Дагестана так называемые песни о набегах. Они рассказывают о походах горских феодалов на соседние земли «Загорья» — Грузии. Цикл этот сложно противоречив. Песни о набегах, нередко отличающиеся высокими поэтическими достоинствами, возникали в феодальной среде; быть может, и по заказу или в угоду тем, кто был более всего заинтересован в набегах. Они воспевали радости военной жизни — добычу, захват рабов. В них удальское любование жестокостью битвы, беспощадность к противнику:

Красною сделаем из голубой Алазань.
Вытопчем травы на тучных нетронутых нивах.
Пусть неприятель свинец наш возьмет себе в дань
И обменяет на тамошних женщин красивых, —

говорится в аварской «Песне о хромом Ражбадине».

Набеги были для горских феодалов постоянным источником обогащения. Походы возвышали значение предводителей. Они помогали феодалам отвлекать силы крестьянства от внутренних неурядиц, гасить недовольство народа, страдавшего от ханского гнета, от бесконечных поборов. Часть добычи перепадала и рядовым участникам набегов. Это привлекало. Но в то же время участие в этих походах было тяжелым бременем для землепашца или скотовода, призванного ханом в ряды дружины. Известны песни, где сюжет развивается так: девушка прячет коня и оружие возлюбленного, которому хан велит идти в набег, закрывает ставни, чтобы не слышны были крики глашатая. В даргинской балладе «Муртуз-Али и Меседу» девушка готова отнести хану белый платок, полный серебра, только бы он оставил дома ее друга. Но хан на это отвечает: «Валлах, не оставлю, горло перережу!»

Трудовой люд неодобрительно относился к кровавым распрям с соседями. Набеги уносили много молодых жизней. Песни о набегах нередко принимали форму плачей. В них, переплетаясь, звучат проклятья феодалу и горькие сожаления о потере близкого (аварская песня «Мусалав»).

Складывались песни о набегах в XVI—XVIII веках. Выработался как бы некий канон такой песни, общий у аварцев, у лакцев. Обычно она начиналась с описания сборов в поход. Далее следовало описание военных удач, затем боя, нередко последнего для героя песни, и, наконец, возвращение удальцов с добычей в родной аул. Поэтика их также традиционна. Из песни в песню переходит, например, формула словесного поединка с врагом: «чтоб в землю укрыться, — вы не мыши; чтоб в небо взлететь, — вы не птицы»; «мы не мыши, но землю взрывают наши клинки; мы не птицы, но кремневки наши достигают неба».

Памятью эпохи остались в дагестанском фольклоре песни об ответных набегах грузинской стороны в горы Дагестана (даргинская баллада «Касамал Али», аварская баллада «Не пора ли, мать, жениться и мне?», герой которой получает смертельную рану, отбивая свои стада у угоняющего их тушинца).

Наше время, когда былые распри давно позабыты и все народы Кавказа живут в братском единении, постепенно стирает локальные приметы в этих песнях. В балладе «Касамал Али» — в ее современном звучании — девушку умыкает «разбойная шайка».

В грузинском фольклоре циклу дагестанских песен о набегах откликаются песни, повествующие о том, как защищались грузины от наскоков «лезгин» («леки», «лезги» было общим у грузин названием дагестанцев), и восхваляющие своих героев.

Важнейшим событием XIX века в жизни народов Дагестана была антиколониальная война с царским самодержавием. Наиболее значительным историческим лицом, чей облик многократно запечатлен в народной поэзии, был Шамиль, возглавивший национально-освободительное движение кавказских горцев против самодержавия. Движение это имело сложный характер. Борьба велась под реакционным религиозным знаменем. Но, как освещается этот вопрос в советской историографии, «было бы неверно за религиозной оболочкой не видеть антиколониального и антифеодального содержания движения горцев Чечны и Дагестана, которые вели справедливую освободительную борьбу против царского колониализма и ханско-бекского владычества. Однако при этом не надо забывать, что идеология мюридизма изолировала горцев от общения с другими народами, затемняла их классовое самосознание религиозными предрассудками, сдерживала социальную энергию горцев и не могла поэтому обеспечить победу в борьбе за национальную независимость, не говоря уже о социальном освобождении».[1]

[1] «История СССР», т. 4, М., 1967, стр. 435.

Чаще всего песни эпического цикла о Кавказской войне тематически связаны с тем или иным крупным сражением или обороной особо укрепленных Шамилем аулов. Подобные выдающиеся военные события особенно запоминались, а массовый героизм освободительной войны, большие жертвы, которые несли горцы в длительной неравной борьбе с сильнейшим противником, давали для этих песен жизненные сюжеты высокой трагедийности и пафоса. Таковы аварские песни «Ахульго», «Взятие Чоха», «Песня о взятии Салты». Сквозь время они пронесли и сохранили дыхание жарких сеч, отмеченных величайшей стойкостью и мужеством горцев. Внимание в них обычно сконцентрировано на одном событии, описанном эпически пространно со многими меткими подробностями.

При этом необходимо помнить, что песни, как правило, создавались в самый разгар борьбы и отразили то ожесточение, с каким велась борьба, тогда как осознание исторически прогрессивного смысла объединения горских народов с Россией могло прийти лишь позднее. Объединение с Россией не только ограждало народы Дагестана от бесчисленных иноземных нашествий, но и приобщало их к более высокому уровню экономической и культурной жизни.

Устная летопись народа — песни сохранили имена прославленных храбрецов: Бук-Магомеда, Акверди (Ахбердилава), строителя крепостной башни в Ахульго — Сурхая, деятельность которых отразилась и в письменных источниках. Но песни донесли до нас и имена многих героев, чья жизнь и подвиги уже почти не поддаются расшифровке. В этом цикле, исторически не столь отдаленном во времени, образ героя не обобщен, как в эпосе более ранних периодов. В нем действуют поименно названные, реально существовавшие личности. Но при этом в эпос Кавказской войны совершенно естественно входят старые формы и приемы. Призыв Шамиля подниматься на битву против Аргутинского («Эй, на помощь, бактулал! Эй, на помощь, буртиял... Каратинцы, технуцал, войско багва-чамалал!») — это формула, почти без изменений перенесенная из эпоса о разгроме Надиршаха.

Живописно и почти всегда точно, хотя и в гиперболических тонах, описывая события, развивавшиеся на горской стороне, песни по вполне понятным причинам туманно и зачастую наивно рисуют обстановку в стане противника («пятьсот генералов сошлись за столом»).

Упоминаются в песнях времен Кавказской войны имена русских военачальников: «Ярмул-паши» — Ермолова, «Аргута» — Аргутинского-Долгорукова, Лорис-Меликова и других. Ермолов, как известно, действовал на Кавказе особенно жестокими методами: жег аулы,

вырубал леса. Поэтому он и обрисован в песнях как жестокий завоеватель. Такова была народная оценка. Народная песня, обращаясь к Ермолову, предостерегающе напоминала ему об участи Надир-шаха.

Обширен цикл песен, посвященных Шамилю. Выдающийся политик и стратег, Шамиль сумел спаять в невиданном до него единстве разрозненные племена и общины Дагестана. Это было уже не временное объединение горских народов, как случалось прежде при нашествиях врага, а единое государство (имамат), со сложной системой управления, подчиненной главной цели Шамиля: ведению освободительной войны против колониалистского наступления царизма.

Сложить оружие Шамиля вынудили многие причины. Его государственную систему расшатывали социальные противоречия. Истощенной десятилетиями войны маленькой горной стране не хватало хлеба, оружия. Постепенно накапливалось недовольство жесткостью норм и установлений, введенных имамом. Начались разногласия в его ближайшем окружении. Объять все это переплетение обстоятельств слагатели песен о Шамиле, естественно, не могли. Как важнейшая и едва ли не единственная причина неудач имама и его поражения упоминаются подкуп и посулы, которыми царское правительство переманивало на свою сторону соратников Шамиля. Серебро и золото, что везут в обозах царские генералы, чины и почести, какие получают от царя изменники — ханы или наибы, — фигурируют почти в каждом сюжете, связанном с именем Шамиля. Даже сама царица дает в даргинской песне совет: «Не мешает в ход пустить войско золотых рублей. . .»

Есть песни, обвиняющие Шамиля в ошибках, порой выражающие недовольство его поступками. Но о поражении его народная песня всегда говорит со скорбью, с глубоким сочувствием:

Нелегка судьба была,
Но оружье снял Шамиль,
Чтобы воля жить могла
У наследников в груди.

Из соратников Шамиля наиболее яркий след оставил в устном творчестве горцев Дагестана Хаджи-Мурат. Его легендарная храбрость, сложность и противоречивость характера, сама необычность его судьбы дали горским певцам богатую канву для песенных узоров. Песня не скупится для него на самые возвышенные, подчас странные для русского слуха эпитеты (так, Хаджи-Мурат — «заряженная пушка Шамиля»). Чаще всего воспеваются его выступления

против ханов и набеги на их владенья, его уменье поражать противника, беспримерная стойкость в предсмертном поединке. Нередко песня высказывает сожаление о том, что Шамиль оттолкнул от себя Хаджи-Мурата и что он, «смелый сокол», не был рядом с имамом в трудный час. Эти сюжетные положения равно бытуют в аварских, лакских, кумыкских песнях.

Эпос Кавказской войны колоссален, но до сих пор мало исследован. Несколько страниц описательного характера отводит ему в уже упоминавшейся книге У. Далгат, и это, пожалуй, все. Цикл песен о Кавказской войне чрезвычайно плотно насыщен историческим материалом. Он как бы служит устным дополнением к таким горским письменным хроникам, как «Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах» Мухаммеда Тахира Ал-Карахи. Цикл этот сложен, во многом противоречив. В нем отразились оценки войны и ее деятелей, складывавшиеся в различных общественных слоях — и среди трудовых низов, и в кругах феодальной верхушки. На нем сильный оттиск официальной идеологии имамата. Наряду с передовыми идеями, устремлениями освободительной борьбы эпос содержит и пережитки отсталых взглядов, отзвуки воззрений общественных формаций прошлого: патриархального, родового, феодального строя. Во всех этих сложностях исследователям еще предстоит разобраться.

В лучших своих образцах дагестанский эпос отразил путь народов Дагестана к объединению, их патриотизм, героическую борьбу за независимость родных гор. Общность исторических судеб, как уже говорилось, способствовала родственной близости их фольклора. Быть может, ни в каком другом жанре не сказалась эта родственность так наглядно, как в эпосе, в исторических песнях. В них отражались коренные сдвиги, важнейшие переломы в развитии общества, крупные этапы освободительной борьбы — все то, что в наибольшей степени способствовало сплочению народов Дагестана.

3

Один из самых богатых и оригинальных разделов дагестанской устной эпической поэзии — песня-баллада. Жанр этот изобилует высокопоэтичными образцами и бытует издавна у аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев. Дагестанская баллада в основных своих признаках тождественна балладе русской и общеевропейской. Это маленькая сюжетная повесть с обязательным драматическим конфликтом, с про-

тивоборством страстей. В отличие от исторического эпоса, баллада говорит о личных человеческих судьбах. Ее сфера — любовь, семья, имущественные столкновения.

В область быта, хозяйственных сторон жизни, личных отношений переносит баллада острые сюжеты антифеодальной борьбы. В балладе «Пастух и Юсуп-хан» феодал убивает пастуха, угоняет его стада и табуны, потравой губит его луга. За смерть пастуха мстит брат — убивает Юсуп-хана с пятьюдесятью ханскими родичами. Говорится об одной человеческой трагедии, но за ней — большие общественные явления. В каменных теснинах высокогорного Дагестана, где пастушество было одним из основных источников существования народа, распри из-за пастбищ, посягательства феодалов на луга, принадлежавшие крестьянам, были одной из постоянных причин восстаний против ханов. Пастух — защитник своих стад — образ не одной дагестанской баллады, и восходит он в своих истоках, по-видимому, к временам седой древности. Об этом свидетельствуют такие песни, как например кумыкская баллада о Минкюллю, с ее библейским примитивизмом пастушьего быта.

Ненависть к феодальным угнетателям, борьба с ними находила свое выражение и в сюжетах любовных баллад. В кумыкской балладе «Бий и казак» герой отбивает свою невесту у самого могущественного владетеля кумыков — шамхала: «Как блеснул он саблей — взгляни! Бии-ханы не отыскали дверей, в окна выскочили они...» В балладах обличались жестокость феодалов, их коварство, корыстолюбие. По навету жены-развратницы Азайнинский шамхал оскопляет красавца юношу Салмана. Хунзахский Умма-хан за золото продает сестру Бахтику в жены злейшему врагу.

Очень распространен в балладах и любим образ героя из народа, защитника горской чести, воплощающего в себе те качества, какие по понятиям феодального общества, — в недрах которого в XVI—XVIII веках складывались баллады, — являются достойными похвалы. Превыше всего ценились мужество, воинская доблесть, выносливость. В условиях непрекращающихся в Дагестане войн, обороны от врага, набегов этими свойствами прежде всего определялась значимость человека. Как требовательно в этом отношении было народное мнение, свидетельствует кумыкская баллада «Песня Абдуллы». Мать посылает юного сына в бой с врагом, а когда он возвращается пронзенный «смертоносною вражьей стрелой», не отворяет ему ворот. «Ты взгляни хоть раз на дитя свое!» — просит сын, но мать непреклонна. Сын не должен показывать свою слабость:

— О мой сын, пусть в тебя не стрела,
А пушечное ядро попадет,
Мать твоя — покуда ты жив —
Лица к тебе не повернет.
Трижды плетью коня ударь,
Проскачи по селу, как встарь,
Чтоб тобой любовалась я,
Чтобы радовались друзья!

Сын, послушный матери, умирает в седле, и баллада возвеличивает его смерть. Песни подобного склада в чем-то родственны тем мотивам горского фольклора, что вдохновили Лермонтова на поэму «Беглец».

Часто сюжет баллады ставит перед героем моральные дилеммы и заставляет их решать в духе народного кодекса чести. Здесь антифеодальная тема переплетается с темой долга. В великолепной по художественным достоинствам кумыкской балладе «Айгази» герой поставлен в трудные обстоятельства: он должен оказать гостеприимство друзьям отца, отомстить кровнику и освободить невесту из рук похитивших ее князей. Долг гостеприимства горская песня ставит на первое место. Лишь оказав почет гостям, Айгази скачет исполнить второй долг — сразиться с кровником. И уж только затем — «собственной чести отважный слуга» — отправляется на княжеский двор и освобождает невесту. Кровничество, месть за убийство — мрачный конфликт многих баллад. Вплоть до середины XIX века у всех горцев Дагестана в их общественной и семейной жизни основным сводом правил морали и поведения был адат — обычай, складывавшийся еще во времена первобытнообщинного строя. Застойность жизни в горах влекла за собой особую живучесть многих древних пережитков. Кровомщение было обязательным. Живучесть его оказалась столь сильной, что некоторые кровные распри, тянувшиеся из поколения в поколение, были преданы забвению лишь в наши дни. Еще десяток лет тому назад на Северном Кавказе по почину советов старейшин в аулах проходили массовые примирения издревле враждовавших семей. Об этом необходимо помнить, чтобы правильно понять характеры мстителей. «Отважные слуги собственной чести», они в то же время были покорными слугами жестоких обычаев, восходящих к патриархально-родовому строю.

Широко представлена в дагестанской балладе традиционная для этого жанра тематика: любовные трагедии, семейно-бытовые драмы. В соответствии с драматическим характером жанра, баллада почти не знает счастливых концовок, во всяком случае они крайне редки.

Любовь и смерть обычно стоят в балладе рядом. Горская действительность в прошлом, с ее обычаями выдачи замуж за калым, умыкания девушек, давала для подобного типа баллад большое разнообразие сюжетов.

Многие баллады говорят о семейных распрях из-за имущества, о коварстве родных (обычно отца, братьев), зависти, губительной для влюбленных клевете, злобе, выносят свой приговор человеческим порокам, не чураясь при этом иногда и некоторой морализации.

Наиболее устоявшийся жанр дагестанского фольклора — баллада — имеет свою каноническую поэтику, своих любимых героев. В ней два-три действующих лица с четко очерченными характерами и свершившейся судьбой. Поступки героев всегда логически вытекают из их душевных свойств. Женщина в балладе — это обычно мать, мудрая советчица, плакальщица над убитым воином или покорная жена, преданная брату сестра, любящая невеста. Даже принимая от его руки смерть, жена или невеста не скажет любимому слова упрека... Герой, как уже говорилось, чаще всего храбрец воин, защитник чести, пастух, иногда обманутый ревнивец муж, коварные стяжатели братья-убийцы.

Действие баллады обычно развивается стремительно, не обременено мелочными формулировками. Ей свойственны внезапность, умолчание о второстепенных подробностях. (В даргинской балладе сестра узнает убийцу брата по братнину оружию и коню. В лакской сестра только говорит: «Ко мне подошел убийца его», — и это все.) Отсюда загадочность баллады, недосказанность, оставляющая поле для догадок слушателей: отчего умирает прекрасная девушка из Азейми? Почему отвергает любовь мужа новобрачная из аварской баллады «Не пора ли жениться и мне»?

Внезапны концовки баллад. Стремительны и внезапны зачины: «Трое братьев удалых поохотиться пошли...», «Просо в далеком поле она убирала одна...», «Убил он из-за любимой соперника...» Очень часто песня начинается с живой речи, с реплики: «Пойдем же, Али, к той гранитной скале!», «Эй, мой бий, будь сватом моим...», «На чужом скакуне не скакал никогда я...» Живая речь пронизывает балладу, диалог является движущей силой ее сюжета. Такая превосходная баллада, как лакская «Сестра Сулеймана», почти целиком построена на диалоге. Очень важную роль играет повтор, обычно троекратный, а иногда и многократный. Пять раз спрашивает сестра Сулеймана в лакской балладе у едущих с войны бойцов о своем брате, и эти варьирующиеся в повторе вопросы с большим мастерством и силой передают ее любовь, ее нарастающую тревогу.

В меньшей степени, чем общеевропейской или русской, свойствен-

по дагестанской балладе изображение фантастического, волшебного. Ей знакомы чудесные превращения, вещие сны, знамения. Вещий сон видит герой кумыкской баллады Абдулла, и мать толкует ему этот сон как предвестие близкой гибели. По заклятью героя из даргинской баллады «Скорбная песня» превращаются в камень его стада.

Дагестанской балладе известен мотив превращения в дерево — один из древнейших балладных сюжетов, бытующий у всех народов Европы и на Востоке. Связан он обычно с описанием несчастной любви. Умирают юноша из Кумуха и девушка из Азайни, и как символ их победы над смертью, нерасторжимости их чувства на их могиле:

Ствол граната молодой
Рядом с яблоней расцвел.
Сверху ветерок дохнет —
Ветви сходятся тотчас,
Снизу ветерок дохнет —
И расходятся они.

Но так же свободно слагалась дагестанская баллада и без элементов сверхъестественного. Особенно наглядно можно это проследить на разноязычных вариантах одних и тех же сюжетов. В аварской песне «Али, оставленный в ущелье» о гибели героя сообщает близким посланный Али ворон. В даргинской — сестра и невеста Али, заподозрив недоброе, сами отправляются его искать. В даргинской балладе «Сестра Сулеймана» девушка находит могилу убитого брата по озаряющему ее таинственному сиянию. В лакской балладе того же названия и на тот же сюжет сестра убеждается в гибели брата, найдя на ратном поле его истерзанное тело. События то ирреальны, то не отрываются от почвы реальной действительности, но эмоциональный лад песни от этого меняется мало, сюжет — и того менее.

Иногда то, что на поверхностный взгляд кажется элементом ирреального в балладе (родник, покрытый льдом в летний день, — предвестник беды; беседа девушки с вóронами и шакалами), есть лишь перенесенный в нее привычный троп горской лирики, где аллегории и ситуации подобного рода стоят в традиционном образном ряду.

Дагестанские фольклористы справедливо считают балладу вершиной поэтического устного творчества горцев.

Баллада, сочетая в себе черты чистого эпоса и приметы лирического жанра, с его личным, интимным решением темы, подводит нас к необъятной области лирики — к горской любовной и бытовой песне.

4

Чем объяснить широчайшее распространение горской любовной лирики и не снижающийся ее взлет на протяжении не одного столетия?

Уже XVII век дает превосходные ее образцы, не говоря о XVIII—XIX веках.

Казалось бы, ислам, столь жестоко и прочно внедренный в сознание горских народов завоевателями арабами, с его отрицанием и порицанием всякого душевного движения, не связанного с религией, всех светских форм эстетической сферы жизни, должен был постепенно заглушить, удушить это воспевание радостей самого могущественного из земных чувств — возвеличение любви. Однако этого не произошло. Любовная лирика — хотели или не хотели этого ее создатели — противоборствовала исламу. Не случайно ее сурово осуждало мусульманское духовенство. Не случайно Шамиль в высшую пору расцвета своего имамата запретил исполнение любовных песен (заодно с игрой на музыкальных инструментах).

Ислам низводил женщину к положению полурабыни, бесправного, бессловесного — в семье и в общественной жизни — существа. Однако наперекор официальной, вошедшей в быт и в сознание идеологии ислама, опутавшего жизнь человека сетью ограничений и догм, песня хранила дошедшие от древних времен и создавала новые образы женщин, поражающие неукротимой жизненной энергией, силой воли, смелостью разума. Зачины множества героических песен открываются словами героя: «Матушка, дай мне совет...»

В лирике образ женщины-горянки обретает множество живых реальных черточек, предстает во всем обаянии и силе женственности. А. Шифнер в 80-х годах прошлого столетия обнародовал на немецком языке аварскую песню — прекрасный образец подобного рода лирики. Это диалог юноши и девушки (русского поэтического перевода песни не существует, привожу в подстрочном):

«Погляди, погляди на меня жгучим взглядом,
Огневого коня дам я твоему милому отцу.
Промолви слово сладкими устами —
Стальным мечом, о девушка, одарю я твоего брата».
— «Нет, не гляну я на тебя жгучим взором,
Хоть целый табун огневых коней ты пригонишь.
Нет, не разомкну я сладких уст,
Если даже связку мечей ты притащишь.
Больше, чем огневого коня, любит меня мой милый отец —
Меня, свою дочь, что ни на кого не глянет.

Дороже, чем стальной меч, для милого брата
Я — сестра его, что его почитает!»

Таков народный идеал женского характера, сложившийся, быть может, еще до внедрения ислама в XIII веке. В ответе девушки — сознание человеческого достоинства, равного положения в семье. Позже эти гордые слова сменит вопль отчаяния и протеста:

Прощай, мой проклятый, недобрый отец,
Ты продал меня, как шуринский купец.
И братья прощайте, считайте калым.
Вы счастливы будьте несчастьем моим.

Горской лирике хорошо знакомы женская гордость, самоутверждение. Знает она и робкое смирение, покорность, и бунт, непокорство, то скрывающееся под видом шутки («Хольте, братья, — говорю, — вы лихих своих коней, а меня давно пора в руки милому отдать»), то бросающее свой вызов открыто («Разве сердце в груди у меня не затем, чтоб любить полюбившихся мне молодцов?»).

Песня, многообразная, как сама жизнь, на протяжении столетий впитала в себя тонкие, вечно меняющиеся и часто противоречивые, друг друга отрицающие сложности человеческих взаимоотношений и чувств.

Сфера народной лирики — это любовь и семья, хотя, разумеется, лирическая песня связана и с трудом крестьянина, обрядами, увеселениями, ритуалом праздников.

Прежде всего хочется обратить внимание на целомудренную сдержанность и чистоту горской песни. Любовь в ней — чувство властное и высокое. Любовь уподобляется огню, пламени. Сравнивают ее с прозрачной, сладкой родниковой водой. Горская лирика создала гениальный в своей обобщенности и локальности образ: любовь — цветы, расцветающие на льду. Песня женскими устами сомневается: «Если б верила я в чудо, что на льду цветут цветы» — и утверждает: «И на льду цветы взрастают, и венки из них плетут. . .»

Весь ход общественной жизни горцев на протяжении нескольких веков вел к ограничению женской свободы в выборе личной судьбы. И мусульманская религия, и адат постепенно всецело подчинили горянку власти отца, братьев, любого старшего мужчины в роду, отняли у нее радость нестесненного общения с внесемейным (да и с внутрисемейным) миром, свободного сближения с любимым человеком, лишили замужества по любви. Печальный образ девушки-затворницы проходит через великое множество лирических дагестанских песен, так же как и скорбный образ молодой женщины — жены,

купленной за калым, насильно выданной за нелюбимого, за богатого старика. С горькой обидой, с ненавистью, с насмешкой говорит песня о неусыпном надзоре семьи, о подозрительности отца, матери, братьев, свекрови, которые шагу не дадут ступить за порог без упреков.

Горская любовь — «любованье глаз», любовь на расстоянии. Короткие встречи у родника, куда девушки по обычаю ходят за водой, украдкой брошенный взгляд на улице или слово на вечеринке, на празднике, в поле... Любовь — беда. Любовь — горе. Эти слова — как близнецы в старых горских песнях. «Ах, жестока любовь, так жестока любовь, что не в радость является людям...»

Рассказывая о силе и горестях любви, песня прослеживает самые потаенные, удивительные в своей трогательной чистоте и нежности движения души.

Знаю, сокол, дорогая птица,
Бессердечны твой отец и мать.
Но спасибо — ты хотел жениться,
Ты не обнял, но хотел обнять, —

поет девушка в аварской песне. И как бы вторит ей песня лезгинская:

Ты женись, любимый, на красавице,
Чтобы, как меня, ее хоть звали...

Жизнь была такова, что свершившаяся любовь в ней величайшая редкость. «Как черен этот белый свет, где есть любовь, а счастья нет!» Песни не устают говорить о бесчисленных преградах между влюбленными: власть семьи, рознь богатства и бедности, сословные различия, родовые распри и, наконец, наветы, сплетни, пересуды, игравшие столь большую роль в косной жизни старого аула:

Весною пшеницу душит сорняк,
Душит он и ячмень.
Любовь нашу душит и друг, и враг,
И все, кому не лень.

В старой горской песне любовь кончается там, где начинается супружество. Могло ли быть иначе, если брак столь часто был подневольным для обеих сторон? Горская лирика мало знает песен о счастливой семейной жизни. В лезгинской свадебной песне пелось о судьбе замужней женщины: «А слива долго не живет, когда от ветки отпадет».

Душу народа, сердце народа не могли очерствить ни самые суровые обычаи, ни изуверские догмы религии. Горская лирика знает

и песни, полные упоения любовным счастьем, дерзко-озорные, грациозно-шутливые, изысканно-кокетливые, горделиво воспевающие могущество женской красоты, песни о женской власти над любимым, о мужской нежности и бережном покровительстве, о преклонении любящего перед возлюбленной. Все это есть, и не могло не быть, ибо без этого не было бы жизни. Но все это — на фоне трагической любви.

Между нами поток,
Ты на том берегу.
Между нами поток,
Мир проклятый жесток,
Что я сделать могу? —

сетует юноша в одной лакской песне. А в другой — девушка беседует с потоком, и поток говорит ей:

Многих девушек видел и жен,
Со слезами стоящих у скал.
Но печальней тебя никогда,
Никогда я еще не видал.

Символы препятствия в любви, разъединения любящих — река, поток или горные хребты — виртуозно варьируются в горской лирике.

Пространно можно было бы говорить о высоких поэтических достоинствах дагестанской любовной песни, о ее умении немногими словами рассказывать многое, о ее блестяще разработанном образном языке. Ограничусь двумя примерами.

Поет лакская женщина о своей неудавшейся любви:

Была гора от снега бела
И поле белее мела.
Стужа была,
Вьюга мела,
Сердце мое горело.

Весною было в садах бело.
Потом наступило лето.
Солнце пекло,
Травы пожгло —
Я до сих пор не согрета.

Всего десять строк. Но перед нами история человеческой судьбы. Любовь, тоска, боль, обида, отчаяние — все в этой песне. И как ве-

личаво это горе, как искусно сплела безвестная певица свою боль, свои чувства с жизнью родной земли, противопоставила их широким, просторным картинам природы. Все на антитезе и ни о чем прямо не сказано. Но сила и выразительность песенного иносказания таковы, что для каждого образа мысль слушателя сама подставляет реальное житейское толкование, дополняет, обогащает его.

Беседуют юноша и девушка в аварской песне:

Девушка

Я — тонкая яблоня в шрамах и ссадинах,
Меня обобрал ты — кому я нужна?
От грозди отпавшая я виноградина,
Меня уронил ты, кому я нужна?

Юноша

Я вылечу, яблонька, все твои ссадины,
Тебя обтрусив, сберегу я плоды.
Моя дорогая, моя виноградина,
Тебя подниму я, спасу от беды.

Нельзя не подивиться: как мало слов, а какое емкое содержание! Вам ясен характер девушки: нежной, робкой, беззащитной, встревоженной своим будущим, и облик юноши: решительного, любящего, готового к заботам о ней. Вы строите домыслы о счастливом завершении этой молодой любви... В том-то и сила, казалось бы, бесхитростной (и очень трудной!) простоты народной песни. Ее веками отстоявшаяся символика вмещает самое сложное содержание и при этом ясна, понятна всем.

Не всегда, однако, образность горской песни столь безупречно реалистична. Уже с конца XVI — начала XVII века в Дагестане наряду с устным народным творчеством стала развиваться письменная литература на арабском языке. Создатели ее — в основном представители мусульманского духовенства, люди, воспитанные на культуре арабского Востока, — хорошо знали поэзию Аравии, Ирана и нередко подражали ей. Позже в горах сложилась и своя, во многом оригинальная арабоязычная литература. Отзвуки книжных влияний, влияний исламской религиозной образности сказались и на устном творчестве. Иногда такая религиозная лирика бывала очень поэтичной. П. К. Услар в своем труде о даргинском языке приводит один из ее образцов, скомпанованный лаконично и точно: «Боже, держащий высокие небеса без золотого столба, держи ты нас вдали от

всякого зла! Боже, водящий месяц и солнце без серебряной цепи, введи ты нас в рай! . .»[1]

В любовной лирике звучание религиозных, мистических образов, не будучи самоцелью, зачастую оказывалось весьма условным. Когда влюбленный говорит: «Я шел прикоснуться к священной Медине», подразумевая под «Мединой» возлюбленную (или любовь), песня попросту пользовалась готовой и, как чудилось народному вкусу, «высокой» поэтической формулой и вкрапливала ее в реалистическую, в общем, фактуру стиха. Влияла на песню и пышная книжная лексика восточной поэзии. Иногда она врывалась в устный стих, что называется, без удержу и делала песню жеманно-слащавой. Пример — кумыкское «Обращение к любимой». В нем причудливо перемешаны и метафоры, почерпнутые из «священных» книг, и эпигонски скопированная книжная цветистость:

Ты для султана — София святая,
Ты — самоцвет, драгоценность Китая.
Струйка зем-зем у священной Медины,
Ваза французской прославленной глины.

Птица чудесного райского сада,
Пальма, цветущая в рощах Багдада.

Пусть подобные песни не так уж многочисленны и не они определяют национальную окраску горской любовной лирики, но слагались и они, и не заметить их или о них умолчать было бы неверно.

Оригинальная область горской лирики — песни раздумья. Собственно говоря, выделение их в особый ряд — дело условное. Склонность к размышлению, философичность свойственны горской лирике вообще. Нередко трудно бывает провести черту между лирикой чисто любовной или бытовой и между тем, что фольклористы называют лирикой медитативной. Но есть у песен-раздумий в их чистом виде и свои отличительные свойства: отсутствие фабулы, сжатость, насыщенность мыслью.

Эффенди Капиев, впервые в Дагестане давший песням этого цикла название «Раздумья», рассказывает в «Резьбе по камню», как он наблюдал их рождение:

«На аульских свадьбах или пиршествах, когда обычно буйствующая молодежь на время прерывает танцы, или поздно ночью, когда устали музыканты и признанные певцы, которым после каж-

---

[1] П. К. Услар, Этнография Кавказа, т. 5, Тифлис, 1892, с. 272.

дого выступления подносят полный рог вина, еле владеют языком, тамада... как бы спохватившись, обращается к старикам:

— Почему тишина воцарилась за вашим столом?

...Старик встает. Он поднимает музыкальный инструмент и, обращаясь больше к его струнам, чем к гостям, но не играя на чунгуре, — говорит одно четверостишие... Эти четверостишия нередко традиционны, но еще чаще они являются экспромтами...»[1]

Уменье экспромтом сложить песню было распространено и высоко ценилось в горах. Так рождались подчас и четверостишия раздумий. Но это не исключает того, что они, изящно отточенные в своей завершенности, шлифовались, совершенствовались исполнителями из поколения в поколение. И складывались они, конечно, не только в шуме застолья, но и в тиши одиноких поисков истины или во время неторопливых долгих бесед горских мудрецов. В «раздумьях» как бы спрессован нравственный опыт народа. В них мысли о назначении и достоинстве человека, о богатстве и бедности, знатности и безвестности, правде и лжи. Они судят о жизни и смерти:

Пусть думает кто-то,
Что тысячу лет проживет,
Но всё равно ведь наступит
Тысяча первый год!

Они говорят о нравственных нормах, о долге человека быть человеком:

Высоте, которой можно достигнуть,
Нету границы.
Нету предела пропасти,
В которую можно скатиться.

Складывались подобные песни, возможно, не без влияния книжной мудрости Востока, его древней, тяготеющей к дидактической афористичности поэзии, которую неплохо знали грамотные люди, арабисты, в горах. Но преувеличивать сторонние влияния не следует. «Раздумья» самобытны. В них независимо выстраданный нравственный и философский опыт горских народов.

Особо хотелось бы отметить и горские лирические четверостишия, по духу близкие к русской частушке: «дияр» у ногайцев, «маани» у лезгин, «шанма» у лакцев, «сарын» у кумыков... Пели их во время танцев, в хороводах. На вечеринках и на праздниках было принято состязаться в сочинении метких, остроумных куплетов.

---

[1] Э. Капиев, Резьба по камню, М., 1940, с. 108.

Иногда это были состязания между отдельными певцами, иногда между юношей и девушкой или между девичьим и мужским хорами. Песенный, импровизационный «спор» юноши и девушки — широко распространенная форма горской любовной лирики (кумыкская песня «Ты за мною ходишь всюду», табасаранская «Что ты сделаешь?»).

Изображение жизни в этих маленьких поэтических картинках-куплетах неизменно преломляется через любовную тему. Приемы их поэтики разнообразны. Охотно прибегает горская частушка (условно назовем ее так) к психологической параллели, находя в природе, в ее явлениях созвучия с духовной жизнью человека:

Если на цветок мухи прилетят,
Не увянет он, голову склоня.
Злые языки что ни говорят,
Не коснулась ржа золотой меня, —

поется в аварской частушке. Тот же поэтический прием и в частушке лезгинской:

Милый мой, пусти на грядки воду, —
Увядают розы, пожалей.
Старику меня отец мой продал
За пятьсот серебряных рублей.

Но незыблемых норм нет. Иногда подобное четверостишие — законченная, замкнутая в себе миниатюра, как например эта современная кумыкская «сарын»:

Алых бус не надеваю,
Шаль с кистями берегу.
Милый в армии три года,
Я дождаться не могу.

Порой лирическая частушка в чем-то смыкается с философскими «раздумьями», отличаясь от них, подобно следующему аварскому четверостишию, лишь более яркой любовной или бытовой окраской:

Не кувшин придет к тебе на кутаны,
Не ковер на прополку пойдет за тобой.
Обнимать тебе не сундук с приданым,
Целовать тебе губы жены молодой.

Как и русская частушка, эти горские четверостишия и в наши дни остались живым и очень «мобильным» жанром, активно откли-

кающимся на всякие перемены в жизни, на события современности. Однако сейчас сочинение их, и особенно исполнение, чаще связано уже не с фольклорными формами слагания и бытования, а с самодеятельным искусством в аулах, с исполнением в кружках, в хоровых коллективах, на клубных сценах.

Однако вернемся к образному языку дагестанской лирики. Но прежде несколько слов о формальных ее особенностях.

И снова — о сходстве и различиях.

Много сходного в стихосложении дагестанских народов. Еще П. К. Услар писал: «Лакское стихосложение, подобно аварскому, есть проза, разрубленная на 7 или 11 слогов. Таковые числа обусловливаются музыкальными требованиями, которые одинаковы у обоих народов».[1] Вряд ли надо полемизировать со странным определением стиха как «прозы». Верно то, что семисложные и одиннадцатисложные размеры (обычно с цезурой после шестого слога) одинаково свойственны аварской, даргинской, лакской песне. Стих у дагестанских народов силлабический, основан не на равных количествах ударений в строке, как русский, а на одинаковом количестве слогов. Одиннадцати- и четырнадцатисложными размерами (последний с цезурой после седьмого слога) чаще слагались песни эпические, хотя встречаются эти размеры и в лирике.

Но и в формах стиха общность не исключает различий. Старая аварская песня обычно не имела рифмы. Ее заменяли внутренние созвучия и повтор. У лакцев рифма применялась, но не считалась обязательной. Кумыкский стих отличался и разнообразием рифмовки, и большим богатством ритмов. Очень богата рифма у лезгин. Ритмика их песен иная, чем в высокогорном Дагестане. У них распространена была форма «гошма» — восьмисложная строка с рифмой-рефреном в строфе.

Горский стих во всем его формальном своеобразии и разнообразии почти не исследован. Все сказанное — лишь сведения самого общего характера. Малоизведанная область — связь горской песни с мелодией. Известно, что у большинства песен твердо закрепленного за ними мотива нет. На один и тот же мотив могут исполняться (в пределах одинакового количества слогов в строке) несколько различных песен. Однако известны и отдельные песни с присущей только им мелодией.

Общность лирической песни народов Дагестана чрезвычайно выразительно сказалась в поэтических приемах, в самом характере образности. Мы только что говорили о психологической параллели

---

[1] П. К. Услар, Этнография Кавказа, т. 4, Тифлис, 1890, с. 219.

в лирических четверостишиях. Прием этот широко распространен во всей дагестанской любовной лирике. Мысли, чувства, поступки человека сопоставляются (или противопоставляются) с жизнью природы, с ее образами. Пейзаж приобретает человеческое содержание:

Разве сердце мое гора?
Что же в тучах оно всё лето?
Разве сердце мое гора?
Что же нету над ним просвета?

Разве очи мои — облака?
Что же капли на них сверкают?
Разве очи мои — облака?
Что ж сухими они не бывают?

Параллель расширяется. Два плана: человек и природа — как бы смещаются в этой лакской песне, входят друг в друга. Образы приобретают двойную глубину и выразительность. То же найдем мы и в аварских, даргинских песнях. Горские певцы достигали здесь большого искусства, прекрасно умели, говоря словами А. Веселовского, «проектировать себя в тайники природы, переселить ее в свое сознание». [1]

Совершенно естественно психологическая параллель, обогащая образный язык, переходила в иносказание, в аллегорию:

Хоть у рыбки золотой
Изумрудные глаза,
Но зачем они нужны,
Если станет льдом вода?

У волшебного коня
Блещет золото копыт,
Но куда ему бежать,
Если тропы заметет?

Вторая часть формулы, в которой речь идет о человеке, о его переживаниях, лишь подразумевается в этой даргинской песне. Она отпала, вернее — целиком перенесена в область одухотворенной природы. Такая аллегорическая образность была весьма распространена и любима во всем горском фольклоре.

---

[1] А. Веселовский, Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля, СПб., 1898, с. 80.

Близость некоторых песен, принадлежащих разным народам Дагестана, поразительна. Кто скажет, прочитав следующие две песни — даргинскую и лакскую, — что́ это: заимствование, перевод?

ДАРГИНСКАЯ

Слаще меда юных пчел
Наша страсть была сладка.
Пусть отныне и навек
Будет горек этот мир
Тем, кто подгорчил ее.
Словно соты юных пчел,
Наша страсть была чиста.
Пусть отныне навсегда
Будет черен белый свет
Тем, кто очернил ее.

ЛАКСКАЯ

На цветке молодая пчела,
Слаще сахара мед золотой,
Но любовь, что впервые пришла,
Слаще меда пчелы молодой,
Слаще меда пчелы золотой.
Я в свои молодые года
Меда первой любви не вкусил,
Пусть же горькою будет еда
Тем, кто нашу любовь подгорчил,
Тем, кто нашу любовь омрачил.

Думается, это и не заимствование, и не перевод. Песни схожи потому, что родились на общей для двух национальностей земле, в одних и тех же исторических, общественных и бытовых условиях жизни. Если же и заимствование, то опять-таки обусловленное общностью отношения к действительности, общностью поэтического восприятия ее.

Но уж если говорить о подлинной «всеобщности» метафорического строя горской лирики, ярче всего сказалась она в образах, связанных с обликом величавых и прекрасных родных гор.

Послушаем лезгинскую песню: в свадебном встречании жениха и невесты лезгины пели: «Сошлись у нас гора с горой, лучами, солнце, их укрой». Оплакивая умершего чабана, причитали: «Лишенный лугов зеленых и гор высоких. . .» Лакцы сравнивали клевету и сплетни с тучами, обволакивающими горы («Обычно заволакивают тучи

не все хребты, а те, что высоки, и девушек не всех, а самых лучших чернят обычно злые языки. . .»). Кумычка о любимом пела: «Ты был горою, моей твердыней. . .» И даже в детской кумыкской припевке — те же образы: «Шесть гор вдали, не братья ли? Асхар-Тау среди них — не старше ли других? . .» «Ты меня разворошил, словно ломом глыбу скал», — жаловалась девушка в даргинской песне. А юноша восклицал: «Разве ветер виноват, если, улетая вдаль, гору покидает он? . .»

Улавливая родство, мы почувствуем при внимательном чтении и наиболее выразительные национальные свойства, особые для песни каждого народа.

Своеобразен дух кумыкского народного творчества — в песнях-раздумьях, в песнях о героях. Они всегда философичны, порой сдобрены несколько тяжеловатым юмором, полны раздумий о социальном добре и зле, о правде и неправде. В них углубленный, раздумчивый строй мысли, крепкой и твердой, как пословица:

Дождь прольется —
Хлеб пробьется.
Бек с беком погрызется —
Наша кровь прольется.

Не менее своеобразны легкие, грациозно-непринужденные изгибы мысли и ритма, свойственные лезгинской песне, ее припевы, сложные, точно затейливое шитье:

Вода потока холодна,
Когда в тени течет она.
О красивые горы!
Меня ж моя родная мать
Не хочет милому отдать,
О счастливые горы!
Далекие горы,
Высокие горы,
Красивые горы,
Счастливые горы!

Даргинские песни, колыбельные или трудовые, героические или любовные, отличаются ритмами особой чеканки, легкими и стремительными, яркой точностью образов, почти всегда данных в разящем противопоставлении или столкновении:

Белый снег на склонах гор,
Изнывая, солнца ждет,
Глянет солнце на него,
Словно я, погибнет он.
Может, на вершине скал
Потому и нет цветов,
Что, как сердце у меня,
Скалы горем сожжены.

Устная лирика народов Дагестана, так же как и эпос, — свидетельство их поэтической талантливости, духовного здоровья, богатства моральных сил, не сломленных ни веками социального гнета, ни религиозным аскетизмом. Ее художественные достоинства не меркнут, она блещет всеми оттенками поэтической мысли и чувства, приносит читателю чистую радость эстетического приобщения к прекрасному.

5

В начале этой статьи я уже упоминала, как рано вспыхнул в Дагестане интерес к родному фольклору. Песня — одна из ярчайших форм национального художественного самосознания. Без использования ее лучших традиций нельзя было закладывать основы молодой советской литературы. Родной фольклор и творчество старых горских поэтов, русская классическая литература и мировая классика — таковы были точки опоры. И по сей день лучшие произведения дагестанской прозы и поэзии многими достижениями обязаны своей неразрывной связи с народной устной поэтической традицией.

Вниманию к фольклору способствовали многие причины. Вплоть до Октябрьской революции сложившейся печатной литературы на родных языках в Дагестане не было. Творения ряда выдающихся певцов прошлого, таких, как Махмуд у аварцев например, создавались письменно, ходили в списках. Но напечатаны они были лишь в послереволюционные годы. В начале XX века в Дагестане появились писатели нового, европейского склада, писатели-революционеры: З. и Н. Батырмурзаевы, Т. Бейбулатов, Г. Саидов, С. Габиев, М. Чаринов. Появились первые печатные издания прогрессивного и революционного характера. Но книги, произведения художественной литературы в саклю дагестанца-труженика повсеместно вошли как одно из завоеваний Октябрьской революции. До этого, хотя письменная и устная поэзия на протяжении значительного времени развивались в горах параллельно, «поэтическим хлебом» народа была песня.

С фольклором связано, из него вышло творчество первого поколения советских поэтов Дагестана. Стихи неграмотного лезгинского ашуга Сулеймана Стальского, созданные как устные произведения, стали достоянием печатной литературы. Аварец Гамзат Цадаса, поэт большой книжной культуры, творивший не устно, а письменно, также многими гранями своего творчества близок фольклору. С народной поэтической традицией аварцев связаны его песни, басни, сказки. Стихи Цадасы долгое время бытовали устно (его первая книга вышла в 1934 году). Многие из них в устном бытовании закрепились. Из песенного творчества в современный стих перенесли Стальский и Цадаса разящую силу обличения, сатирическую заостренность мысли. Из песенного творчества восприняла молодая дагестанская поэзия свободолюбие, героическую, патриотическую направленность, богатство лирических оттенков, унаследовала систему стихосложения, реализм изобразительных средств, жанры. Ранние произведения советских поэтов Дагестана зачастую полностью переносили в книжную поэзию приемы поэзии устной. Таково творчество даргинского поэта Рабадана Нурова. Революционер, с оружием в руках отстаивавший в горах Советскую власть, он был влюблен в песню своего народа (ему принадлежит запись даргинской баллады «Три сердца», помещенной в этой книге). Он обрабатывал народные песенные сюжеты, почти ничего в них не изменяя, а его лирические стихи по диалогической форме, интонациям, образности трудно отличимы от старой народной песни, хотя и несут в себе новые идеи революционной эпохи.

Темы и образы устной песни питают поэзию, прозу, драматургию Дагестана. Кумыкский драматург, выдающийся фольклорист Алим-Паша Салаватов создает пьесу «Айгази». Образ героя драмы восходит к народному эпосу. Драматург взял из старых баллад об Айгази их лучшие, прогрессивные мотивы. Его герой не одинокий мститель. Он вожак крестьянского движения, борец против социального гнета, защитник общенародной чести. Пьеса Салаватова прожила на сцене более четверти века, ставится и в наши дни. На драматургию его (как и на ранние пьесы Г. Цадасы) сильное влияние оказала горская баллада с ее динамизмом, стремительным диалогом, острыми поворотами сюжета.

Сплавом фольклорных мотивов и индивидуального творчества была вышедшая в 1940 году книга стихов Эффенди Капиева «Резьба по камню». В песнях прошлого он нашел мотивы, созвучные современности. Две темы — героика и любовь — прошли лейтмотивом через все стихотворения книги, как и через переведенные для нее Капие-

вым народные песни. Собственные его стихи безукоризненно сплавили приемы народной песни, ее древнюю национальную символику и глубоко современное содержание. На них печать поэтической культуры нашего времени.

В годы Великой Отечественной войны вторую молодость обрел героический эпос Дагестана. Республика отмечала двухсотлетие разгрома полчищ Надир-шаха. Героическое прошлое, оживая, перекликалось с борьбой советских народов против фашизма, воодушевляло горцев на борьбу с врагом. В те годы в Дагестане ставилась написанная по мотивам народной песни пьеса «Хочбар».

Время идет. Ныне литература Дагестана находится в поре своего расцвета. Тесная связь с фольклором — по-прежнему одна из ее характернейших черт. Реализм народной песни, ее целомудренную чистоту, ясность и живую пластику образного рисунка впитала в себя поэзия Расула Гамзатова. До высокого совершенства доведена в его творчестве излюбленная форма «раздумья» — четверостишие, восьмистишие, афористическая «надпись».

Близость к устной песне отличает творчество народных поэтов Дагестана — кумыка Анвара Аджиева, лакца Юсупа Хаппалаева и молодых поэтов — лезгина Ибрагима Гусейнова, даргинца Рабадана Сулейманова и многих других поэтов и прозаиков Дагестана.

«Текут многочисленные реки и ручейки, то широкие, то узкие, то шумные, то спокойные. Различна их глубина, но все они берут начало из горных родников. Реки порой мутнеют, ручейки пересыхают, не дойдя до моря, но вечные и чистые воды горных родников не могут помутнеть. Сколько бы из них ни пили, они не иссякнут. Народные песни — это горные родники, откуда берут начало ручейки и реки, сливающиеся в бурном море советской поэзии. И я завидую тем нынешним и будущим певцам моей страны, которые прибавят к песням своего народа хоть одну свою песню» [1] — это говорит Расул Гамзатов.

Красота, мудрость, ясность и лаконизм народной песни и в наши дни сохранили свое значение высокого поэтического эталона, поэтической нормы, выработанной вековым художественным опытом народов гор.

Наталья Капиева

---

[1] Песни безымянных певцов. Народная лирика Северного Кавказа, Махачкала, 1960, с. 5.

АВАРСКИЕ ПЕСНИ

ЭПИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1. СРАЖЕНИЕ С НАДИР-ШАХОМ

Братья, к песне правды слух обратите.
То, что было правдой, стало преданьем.
Ныне начнем повесть, одну былину,
Песней она стала, поется всюду.

Надир-шах собрался в поход на горы
С войском хоросанским числом в сто тысяч.
Пеших людей кликнул он из Шираза,
Конных людей кликнул из Кандараха,
Кликнул хамаданцев неисчислимых,
Снарядил сокровищ он караваны,
Мир дельцов, тавризцев, двинулся в горы, —
На торговле руку они набили!

Да умрет хан ханов, Надир свирепый,
Завладеть вселенной смельчак задумал!
Войско Надир-шаха серебром блещет,
В золотых одеждах его каджары,
Жаром полыхают щиты и латы.
Крепости взрывают его орудья,
Стены пробивают его пищали,
Пушки стоят в каждом шатре походном,
Любы людям ратным его щедроты!

Ринулись войной на мир каджары,
На восток и запад гроза подвигалась!
Азнаур грузинский, грозу почуяв,
На земле Тифлиса пал перед нею.

Золото без счета взяли каджары,
Одолели силу земли грузинской,
С речью материнской сын разлучился —
Увели с собою пленных каджары.

В Голода, к аварцам, пришли каджары,
Говоря такие слова коварства:
«Если голодинцев мы всех погубим, —
Отомстим убийцам Ибрагим-хана,
Воздадим за брата шаха Надира!»

Мы же голодинцев добром помянем!
Надир-шах предал их огню и праху,
Глиняные стены саклей развеял.
Скрылись в лесах горцы, очаги бросив.
В Цараки ворвались враги внезапно,
Девочек схватили — вот вся добыча!
Одарив каджаров наградой щедрой,
Надир-шах на отдых стал в Закаталах,
Муки голодинцев здесь повторились...

Хлынули каджары по Дагестану,
Покорили землю горских аулов,
Пленников с собою взяли пришельцы.
Стран-земель владыка, Сурхай-безрукий,
Сдался чужеземцам еще до полдня.
Храбрый сын Сурхая, надежда горцев,
Муртазали спасся: к дяде Нуцалу
Ночью прискакал он в Хунзах вершинный.

Знала вся округа жену Сурхая,
Мудрою супругой Айшат прозвали, —
Надир-шах с ней рядом ложе поставил.
Девочки в аулах цвели и зрели,
Груди их до окон еще не достали, —
Девочек лишили каджары чести,
Повели невинных детей на площадь,
Всадники, красуясь, их затоптали.

Покорили эти края каджары,
Уводили пленных в злую неволю,
В долы Андалала двинулись дальше,
Чтоб дотла разрушить и эту землю.

Тесно меж Чалдой и Мухобом стало:
В правильном порядке шатры разбиты,
Кони на приколе в полях мухобских.

Выросла, чернея над Андалалом,
Туча вражьей рати — и разразилась
На хицибских пашнях страшною бойней.
Начал согратлинский народ сраженье.
Славен исполинский клич согратлинцев:
«Пусть лишится силы, чья рука дрогнет,
Проклят будь вовеки, чья душа струсит!
Молодцы, стреляйте, храбрецы, бейте,
Пришлых настигайте быстрою пулей!
Кто сегодня струсит — с тем я не знаюсь,
Кто сегодня дрогнет — навек мой недруг!
Саблями стальными, друзья, разите,
Чтобы кровь сгустилась на ножнах острых,
Из кремневок метких стреляйте, братья,
Чтоб забились дула клубами дыма!»
Стали защищаться молодцы наши.
Пулевые раны кровью сочились.
Стали защищаться храбрецы наши,
В пулевые раны чарто втыкая.
Сердце разрывалось от горьких мыслей,
Битва разгоралась еще сильнее,
И тогда раздался голос Надира:

«Погляди, безрукий Сурхай, взгляни-ка
На твою ораву, на мое войско.
Пристальнее, гордый Сурхай, взгляни-ка
На мышей ваших, на котов наших!»

— «Не гордись, не хвастай, Надир-пришелец,
Этот свет, мы знаем, ходит по кругу.
Ты забудь, собака, гордые речи,
Силу Дагестана испытай раньше.
Горцы Дагестана — сильные волки,
Завтра ты узнаешь, каковы горцы!»

Люди Андалала так обратились
К племенам соседним, братьям их верным:

«Эй вы, гидатлинцы и какрихинцы,
Эй вы, телетлинцы, и вы, келинцы!
Поспешите, братья, прийти на помощь!»
Эти не успели обнажить сабли,
А уже другие рубят наотмашь.
Эти не успели подвязать седла,
А уже другие на конях скачут!

Андалалцы хану в Хунзах черкнули:
Так и так, нагорья постигло горе,
Подлые каджары нас окружили,
Пастбища и пашни залиты кровью.
И когда в Хунзахе прочли посланье,
Стали снаряжаться даитиляльцы,
Вынули винтовки из мехов волчьих,
Вскинули кремневки, бьющие метко:
Им служил мишенью глаз воробьиный.

Выбрали пищали, гордясь оружьем,
Сабли подвязали, что рассекают
Супостата вместе с конем могучим.
Панцири надели, шлемы стальные,
Длинные черкески — до ступней самых!
Вышли со щитами на руках твердых,
С выпуклым железом на локтях сильных,
За плеча закинув пороховницы.

На конях, бегущих быстрее дичи,
На конях, грызущих зубами камни,
На черкесских седлах скакать решили.
Прицепили к седлам андийские бурки,
Прицепили к седлам древки прямые,
Чтобы развевались вольные стяги.
Так пошла на битву одна дружина,
Объявив Надиру войну святую.

Был главой дружины нуцал хунзахский —
Он железной рати был предводитель.
А за ним такие молодцы мчались:
Встретят они пламя — бросятся в пламя!
Мчались по нагорьям, полям и рекам,
И когда к долине Анада вышли,

Приказал нуцал им остановиться,
Он остановил их для наставленья:

«Если Андалалом враг завладеет,
Никогда не смоем пятно позора.
Если он прорвется к Чоху, Согратлю, —
Он, проклятый, завтра в Хунзах ворвется.
Постоим же, братья, за наши горы!
Кто живым вернется — славу добудет,
Кто же не вернется — будет бессмертным!»

Только разгорелась правая битва, —
Войском зашумели даитиляльцы,
Будто в синем небе гром прокатился.

Облака, в которых спрятались горы,
Не идут в сравненье с клубами дыма!
Дождевая влага облаков темных
Не идет в сравненье с реками крови!
Лишь дымок взовьется — двоих уложат,
Уберут убитых — пяток уложат.
От винтовок метких, кремневок горских
Побледнел до дрожи Надир-пришелец.
Обратились в бегство его каджары,
Львиную почуяв хватку Хунзаха.

И тогда того же шаха Надира
Слово раздается в огне и гуле:
«Бог тебя помилуй, Сурхай-безрукий,
Из какого края эта дружина?
Будь здоров и счастлив, Сурхай-безрукий,
Что это за всадник на коне черном?»
Отвечает шаху Сурхай с усмешкой:
«Вовремя примчалась эта дружина,
Во главе дружины — нуцал хунзахский.
Муртазали, сын мой, на коне черном,
Чтобы отвалились у него руки,
Чтобы ему ворон выклевал очи!»

— «Ох, чтоб отвалилась рука другая
У тебя сначала, Сурхай-безрукий, —
Что желать посмел ты родному сыну!

Лучше сам ослепни, Сурхай-безрукий, —
Как сказать посмел ты слова такие!
Я бы тебе отдал свои владенья,
Если б получил я Хунзах в замену!
Я бы тебе отдал свои богатства,
Чтобы Муртазали мне сделался сыном!»

Полчища каджаров быстро бежали,
Их быстрей косили горские сабли.
Гнали горцы долго шаха Надира,
Долго чужеземца гнали, покуда
Грудью не припал он к земле равнинной,
В сапогах, налитых собственной кровью!
На конях сражались даитиляльцы,
И огузиляльцы бились, не видя,
Что уже их ружья огонь расплавил!

По лугам Хициба, чистым от века,
Даже птичьей кровью не обагренным,
Потекли потоки вражеской крови.
На полях Мухоба, не знавших тука,
Появились горы каджарских трупов.

Помните, пришельцы! Из этой битвы
Кое-кто из ваших в живых остался.
Снова к нам придете — всех уничтожим!

2. ХОЧБАР

Гонец от аварского хана пришел
Призвать гидатлинца Хочбара в Хунзах.

«Идти ли мне, матушка, в знатный Хунзах?
На свадьбу к себе приглашает нуцал».

— «Не надо, не надо, мой сын, не ходи.
Коварным, как вдовы, нуцалам не верь!»
— «Нет, всё же пойду я, — ответил Хочбар, —
Не то меня грязный Хунзах засмеет,
Не то меня трусом нуцал назовет».

— «Что ж, если пойдешь ты, — заплакала мать, —
Вели побуйней скакуна оседлать.
Свое дорогое оружье надень
И лучшую в доме одежду надень.

Коня для нуцала в подарок возьми,
С алмазами перстень для ханши возьми,
Для дочери в дар кисею заверни,
Хунзахцам в подарок быка погони».

Коня для нуцала в подарок нашел,
С алмазами перстень для ханши нашел,
Для дочери в дар кисею завернул,
Хунзахцам в подарок он выбрал быка.

«Неси-ка, жена, мне одежду, неси.
Пока я оденусь, оружье неси,
Пока снаряжусь я, коня оседлай
И, взявшись за стремя, мне сесть пособи».

Так в путь снарядился могучий Хочбар,
Наутро вступил он в высокий Хунзах.

«Саламун алейкум, аварский нуцал!»
— «Алейкум салам, гидатлинский Хочбар!
Ты здесь наконец, враг аварцев лихой,
Баранов моих истребляющий волк!
А ну, долгожданный, отдай скакуна,
Я финики в корм приготовил ему.
А ну-ка, а ну-ка, кремневку отдай,
На гвоздь золотой я повешу ее!»

С почетом Хочбара ссадили с коня,
За стремя держа, помогали сойти.
Набросились сзади нукеры толпой —
На каждом предплечье повисло по пять.

И в синие цепи сковали его,
И в тесную яму столкнули его.

Хунзахский глашатай старейшин скликал:
«Рубите дрова, кто отцов потерял,
Носите кизяк, кто сынов потерял,

Раздуйте огонь, кто мужей потерял.
Попался нам в руки разбойный Хочбар,
Костер разведемте, сожжемте врага!»

Рубили дрова, кто отцов потерял,
Носили кизяк, кто сынов потерял,
Вздували огонь, кто мужей потерял,
На длинном хунзахском подъеме костер
Такой развели, что трещала скала.

Потом за Хочбаром послали людей:
«На площадь пойдем, разговор поведем!»

— «Ого, еще как я за вами пойду!
Ого, еще как я к огню подойду!»

От стара до мала собрался аул.
Когда же на площадь явился Хочбар,
Стоял впереди, усмехаясь, нуцал,
Стояли за ним все нукеры его.

«Иди-ка, иди-ка поближе, Хочбар,
Затеем беседу, потешим народ».

— «Ого, еще как я к тебе подойду!
Но только не новую речь поведу».

— «Ты, может, споешь нам, могучий Хочбар,
О песнях твоих всюду слава идет».

— «Из песен моих я бы спел вам одну,
Когда бы в руках я держал чагану,
И темные души б я вам осветил,
Когда бы кто руки мне освободил!»

— «Давайте развяжем, пусть песню споет!» —
Так в голос воскликнула вся молодежь.

«Нет, надо покрепче злодея связать», —
Ответили все, как один, старики.

Но вновь молодежь затвердила свое:
«Ужель не мужчины мы! Где наша честь?

Ведь он безоружен, он голоден, слаб.
На что он способен — поверженный раб?»

Нуцал горделиво кивнул головой.
По знаку его был развязан Хочбар.

Герою тогда чагану принесли.
И разом замолкли хунзахцы вокруг.

«Пустые вершины стоят предо мной,
Не я ли с вершин овец угонял?
Пустые долины лежат подо мной,
Не я ли с долин коней угонял?
Я вижу: сироты кругом собрались, —
Не я ль с их отцами рубился в бою?
Здесь в черном старухи на крышах стоят,
Не я ль с их сынами рубился в бою?
Меня б вы узнали, каким бы я был,
Когда бы клинок мой у пояса был!»

Тогда они саблю его принесли,
Сломали клинок и швырнули к ногам.

«Что ж, верный клинок мой, тебя я берег!
Ты многих хунзахцев рубил поперек.
Меня б вы узнали, каким бы я был,
Когда бы кремневку свою я добыл!»

И тотчас кремневку его принесли,
Разбили приклад и швырнули к ногам.

«Ну что же, подруга, был славен наш путь,
Немало хунзахцев ты ранила в грудь.
Тогда б я, хунзахцы, на вас посмотрел,
Когда б на своем скакуне я сидел!»

И вновь подошли, скакуна привели
И ноги коню перебили мечом.

«Что ж, добрый мой конь, ты свое отскакал,
Ты сорок насильников мертвых топтал.
Пощады у хана не стану просить, —
Я всё, что задумал, успел совершить!»

— «Скажи-ка, скажи, гидатлинский Хочбар,
Ты много ль хунзахских героев убил?»

— «Убитых пускай сосчитает нуцал:
Я сотне друзей их оружье раздал».

— «Скажи-ка, скажи, гидатлинский Хочбар,
Ты много ль забрал у хунзахцев коней?»

— «Вы сами считайте, как много забрал,
Но каждому другу я по три раздал».

— «Скажи-ка, скажи, гидатлинский Хочбар,
Ты много ль увел у хунзахцев быков?»

— «Вы сами считайте, как много увел,
Но ими дарил я одиннадцать сел».

— «Скажи-ка, скажи, гидатлинский Хочбар.
Ты много ль угнал у хунзахцев овец?»

— «Вы сами считайте, как много угнал,
А я беднякам их без счету давал!»

— «А ну-ка заставим Хочбара сплясать,
Пускай он теперь позабавит народ.
А ну-ка, пускай перед смертью своей
Потешит собравшихся этот злодей».

И грянули разом с зурной барабан,
Захлопал в ладоши хунзахский народ,
Смеясь любовался аварский нуцал,
Плясал у костра гидатлинский Хочбар.

Он трижды по кругу толпу обошел,
Он к детям нуцала легко подошел.
И в пляске с разбега обоих схватив,
Он бросился с ними в кипящий огонь.

«Ой боже, ой боже, могучий Хочбар! —
Тогда зарыдал, пошатнувшись, нуцал. —
Ой боже, ой боже, спасите детей!» —
Царапая бороду, звал он людей.

«Забуду я всё, гидатлинский Хочбар,
Хозяином станешь владений моих.
Отныне не будет насилий и бед,
Но только верни мне очей моих свет!»

— «Валлах, не получишь, коварный нуцал!
Клянусь, что недаром ты жизнь мою взял!
Пощады у вас не к лицу мне просить,
Я всё, что задумал, успел совершить.

Визжите, визжите, нуцала щенки!
Еще не ослабли суставы руки,
Эй, громче рыдай, трижды проклятый трус!
Еще не спалило мой тигровый ус!»

С утра до полудня играла зурна:
Попался хунзахцам могучий Хочбар.
С полудня поднялся отчаянный плач:
Два сына нуцала сгорели в огне.

3. КАЗИ АШИЛЬТИНСКИЙ

О смелом, что крови испил с копья,
О храбром, что мяса вкусил с клинка,
О старом, но всё не забытом событье
Скажу вам всю правду, лишь не торопите!

Не значит ли — крови с копья испить —
Элдара в жестоком бою победить?..
Не значит ли — мяса отведать с кинжала —
Добиться победы, убив каджара?!

Послушайте, как в Казанище-село
Однажды письмо из Кайтага пришло:
«Коней оседлайте, готовьтесь к бою.
Кази-ашильтинца возьмите с собою».

Гонец поскакал к ашильтинцу Кази:
«Спеши в Казанище. Людей привози».

Дружине Кази повелел — поскорее
Седлать скакунов, что взросли в Эндирее,
Черкесские седла на них закрепив,
Кремневые сабли с собой захватив.

И вот ашильтинец, прославленный лев,
Оружье в серебряных ножнах надев,
Вскочил на коня и помчался к победам.
Шесть тысяч отборных дружинников — следом.

Народ их встречает, покинув жилища...
«Ассалам алейкум, народ Казанища!»
— «Алейкум салам! — отвечает народ. —
Да будет удачным, Кази, твой поход!
Домой возвращайся с победою скорой,
С богатой военной добычей из Цора!»

Влились салатавцы в конный отряд.
И жители неба «аминь» говорят,
Желают победы Кази с его станом
В бою с кизилбашем, врагом окаянным.
«Пускай охранит их аллаха рука!..»
Лишь кадий молчит, провожая войска.

«Они не придут, говорю вам заране:
Я видел над их головами — сиянье.
Святыми желает их сделать аллах!» —
Сказал он, домой возвратившись в слезах.

Далеко остался аул Казанище.
Над конскими спинами вьется пылища.
Отряд наконец в Худатал прискакал.
И слышит Кази, что идет в Худатал,
Спешит, громыхая по каменной круче,
Тяжелые ядра на мулов навьюча,
Собой похваляясь, пыхтя, как медведь,
Каджар Купа-хан, чтоб ему умереть!..

Но хан, увидав ашильтинское войско,
Тотчас же утратил свой облик геройский:

«Кази, я тебя задарю серебром,
Кази, мы сокровищ тебе навезем.

С тобой поделюсь я по-братски страною, —
Чтоб ты — о мой брат! — помирился со мною!..»

— «Свинцовая пуля да яростный бой —
Вот мир, что возможен меж мной и тобой!
Разящее лезвие стали певучей —
Вот мир между мной и тобой наилучший!»

Такие изрек ашильтинец слова,
И эти слова отзвучали едва,
Как, саблей сверкая, рванулся он в схватку.
Когтит, словно горный орел куропатку,
Элдара, которому в битвах везло...
Отсек ему ноги, взвалил на седло...

Хвастливого он сокрушил Купа-хана.
Гордыню сломил у Баку и Сальяна.
Не он ли, воитель, герой удалой,
Взял крепость Дербент, что стояла скалой?!
Не он ли, Кази, — да гремит его слава! —
Расправился с силой Хаджи-Мамалава,
Не он ли, врагов истребляя полки,
Окрасил потоки Самура-реки?!
Соленою, красною стала водица,
И негде теперь куропатке напиться!
Али достославный — когда-то давно —
Закинул в зеленое море, на дно,
Свой меч Зульфукар — на погибель живого,
И стала прозрачная влага — багровой.
Не так ли, одним мановеньем руки,
Окрасил струенье Самура-реки,
Надолго оставив там отблеск пожаров,
Кази-богатырь, истребитель каджаров?!

4. ПЕСНЯ О ШАБАНЕ ИЗ ДЖАРА

Я скажу вам правду о тех, кто смел,
Кто царя, кто солдат его одолел.
Не хвалите меня, пока я не спел

Песнь о тех, кто срубил семь ханских голов,
Триста жен превратил в триста горьких вдов.

Был готов к курбану аул Голода
В день, когда там внезапно письмо прочли,
Что врагу-де мало своей земли,
Алазани достиг он-де без труда,
Захватить Дагестан он-де захотел,
Жерла пушек навел он прямо на Эл...

«В Закатале крепость враг возведет,
Над рекою лагерь он разобьет,
Сам же в Кара-Хаджи, во дворец, войдет,
В стороне грузин разожжет костры,
Средь Чалахских низин развернет шатры.
Пусть в Джагане свинцовые пули льют,
В Белокане — стальные клинки куют!»

Поскакали гонцы во весь опор,
Весть летит в Ункратль, в Тленсерух, в Карах,
Чтоб на Чиру-Майдан все пришли на сбор,
Прокатился призыв, точно гром в горах:
«Враг идет, на Эл, идет, ополчась.
Нет числа и счета его войскам.
Если вы нас бросите в трудный час,
Если вы не придете на помощь нам,
Вражьих полчищ тогда нам не удержать,
Не удастся нам обратить их вспять.
Если клятве не будете вы верны,
Если древний союз наш не устоит —
Наших девушек, что искони славны,
Чьей красою звездною Джар знаменит,
Обесчестят враги, уведут в свой стан.
Плетью сгонят они детей на майдан,
Не уйти им живыми из-под конских копыт!»

И едва слова эти раздались,
Сотни сот удальцов за оружье взялись,
Сотни сот на святом Коране клялись,
Не щадя головы, принять газават,
Сотни сотен с женами разошлись,
Говоря, что в Джар не вернутся назад,

Будут биться, вражьи кроша полки,
Будут драться, пока не погнут клинки!

Накаляя в сердце великий гнев,
Распалясь, разъярясь, как в пустыне — лев,
Фиктары-доспехи свои надев,
Сабли франко-египетские нацепив,
Черный ус лоснящийся закрутив,
Шлем с хвостом полощущим водрузив,
Светом панцирей весь мир осияв,
Закатав на могучих руках рукав,
Удалые воины на конях
Покидают Ункратль, Тленсерух, Карах.
С налокотниками, что как жар блестят,
С кинжалами, что доходят до пят,
Со знаменами, что к звездам норовят,
Покидает Эл храбрецов отряд.
Всех ведет на брань, как на торжество,
И восторгом, и яростью обуян,
Удалец из Джара — джигит Шабан,
Двадцать братьев двоюродных — вкруг него.

А когда сверкнула река Алазань
И предстал их взору неверных стан —
Своему отряду сказал Шабан:
«Наставленье слушай! На место — стань!
Да свершится грозный аллахов суд!
Если нынче враги возьмут рубежи —
В Закатале крепость они возведут,
Осквернят пятою Кара-Хаджи!
И тогда Корана прервется власть,
И тогда исламу придется пасть!
Наши сабли нынче решат судьбу.
Дайте клятву, братья, примите тавбу!
Слава тем, кто с честью закончит бой.
Кто умрет — тот смертью умрет святой».

Объявив двум женам своим развод,
Не вернуться — клятву Шабан дает.
Все клянутся за ним — не прийти назад.
И тогда, с поясов оружье сорвав,
Поломав чекан дорогих оправ,

Сбив ударом с верных кремневок приклад,
Дула кремневок рукой обхватив,
Ножны — наземь! — сабель сталь обнажив,
С грозным кличем: «Враг да не будет жив!» —
В гущу врезался удальцов отряд.
Прокатился джарцев клич боевой,
Точно гром с небес, где нет облаков.
Что там черная туча над головой?!
Над Шираком дым — погляди! — каков?!

Пропиталась кровью черкесок ткань.
Джарцы колют врага, разъярясь, как львы.
Что пожар?! Красна река Алазань.
Струи крови — гляди! — вот они каковы!

Сабли джарцев рубят наверняка.
Голодинец сидит на лихом коне,
Не сползет с седла, не падет, пока
Не расплавят панцирь его в огне!..

Вот как он воевал — удалец Шабан!
И Шеки разрушил он, и Ширван,
Он «хазахов» страну опалил огнем,
Вкруг Тифлиса стало светло, как днем!

Сотня сот удальцов полегла в боях.
Хоронить их порознь — не хватит сил.
Возгласили тогда над всеми «салах»,
И над всеми вместе аул голосил.
Что там — стоны маток и плач ягнят?!
Слышишь ты — каково голодинцы вопят?!

5. АХУЛЬГО

Известив гонцом царя, отослав письмо в Тифлис,
Приказав, чтобы пришли адъютанты, командиры, —
Генералы в этот день у сардара собрались...
Но о чем идет совет? Чем встревожены кяфиры?

«Укрепилась Ахульго! — генералы говорят. —
Не пройти войскам в Анди... И Шуру возьмем не скоро.
Возле крепости Шамиль перережет всех солдат.
И начальника пленит и, связав, утащит в горы».

Порешили — погрузить на верблюдов серебро.
В Дагестан, на Ахульго, устремилась волчья стая...
На арбах везут вино, сахар, прочее добро.
А на мулах, на конях — порох к самому Аксаю.

К Эндирею подошли. В Эндирее, у ворот,
Обещал войскам гяур, стукнув по кресту рукою:
Дескать, Библией клянусь, Ахульго теперь падет.
Шамилю пришел конец. Не дадим ему покою!

Взяв орудий без числа, что людей вгоняют в страх,
Взявши гаубицы, чей след в лугах — чернее раны,
Взяв казаков и солдат — сколько звезд на небесах,
Тучей движутся враги на несчастье Дагестана.

По путям и без путей, громыхая и пыля,
Приближаются они к Ахульго — желанной цели.
Но стреляет в них сама дагестанская земля.
Смертоносные дымки вылетают из ущелий.

Тут свалился офицер, там — лихой казак убит...
Боя не было еще, а потери — то и дело.
И, как прежде, Ахульго — неприступная — стоит.
Не сдается Ахульго — крепость, чтоб она сгорела!

И с гонцом дурная весть к Петербургу понеслась,
Получает русский царь неприятное известье:
«Дагестанская земля день и ночь стреляет в нас.
Ахульго — чтоб ей сгореть! — как была — стоит
на месте».

Возвращается гонец. Прибывает с ним ответ:
«Если крепость Ахульго всё ж останется на месте,
Если крепость не падет нынче в пятницу, в обед, —
Вам беды не миновать: помышляйте об аресте».

Крепкой водкою солдат поят, поят допьяна, —
Заливается зурна, и грохочут барабаны...
Неприступна Ахульго — крепость — да сгорит она! —
Хоть ее и день и ночь осаждают неустанно,

Хоть боярам каждый день платят чистым серебром,
Обещают всем чины, раздают горстями плату, —
Хоть и машет поп крестом, громыхает пушек гром, —
Не сдается Ахульго — чтобы ей сгореть, проклятой!

Всё же в пятницу, в обед, — ходуном пошла земля,
Стали пушки грохотать, как не слыхано вовеки,
И взлетели над землей дом, палаты Шамиля,
Что сияли белизной, точно храм священный Мекки.

Лейте слезы — о друзья! Бейтесь об пол головой!
Враг взошел на Ашильту!.. И бездомны мы, и сиры!
Дагестанская земля стала горестной вдовой.
Пала крепость Ахульго. К нам нагрянули кяфиры.

Предал нас Абдул-Халим, пропустил солдат, злодей!
Предал нас Омар-Дибир, да иссохнет он в темнице!
Чтоб гяурам услужить, — столько выдал он семей,
Стариков, детей и жен, что в горах хотели скрыться!..

Но пытался их спасти, но пробил кровавый путь
Меж напуганных солдат, что явились на расправу, —
Смелый сокол наш — Сурхай. Не одну проткнул он грудь,
Не одну срубил башку!.. Сабле Малачила — слава!

Алибек Хириясул, песню о тебе пою!
Кто кяфиров поражал, полный ярости и гнева?!
Руку правую свою, перебитую в бою,
Кто бесстрашно отрубил — мощною рукою левой?!

Торжествуете, враги?! Ахульго вы взять смогли!
Нет, не радуйтесь, враги, смерти славного Сурхая!
Сокол доблестный Сурхай и джигит Малаали —
В райских сладостных садах пребывают, отдыхая.

Похваляетесь теперь, что на нас нагнали страх?!
Но бессмертны имена тех, кто в битве пал кровавой.
Но запомнили в горах, но гордится весь Хунзах —
Храбрецом из храбрецов... Помнят все Ахбердилава!

Взяли сына Шамиля? Отдал вам птенца орел?!
Ну, а кто вам задал бой и в Ишкартах, и в Телетле?!
В Салатавию войска наш имам Шамиль повел!
Он не даст погибнуть нам!.. Он нас выручит из петли!..

Шамилева скакуна, что был выкормлен пшеном,
Повезли бы в Петербург да царю бы показали!
И Сурхаевым клинком похвалились бы притом...
То не ваша ль кровь горит на его черкесской стали?!

6. ПЕСНЯ О ВЗЯТИИ АУЛА САЛТЫ

Послушайте, я расскажу вам о том,
Как рухнула, в небо взлетая костром,
Та крепость, что высилась неколебимо.
А также о том, как молились алимы.

Быков они резали, мясо варя,
В хиндахской мечети намаз сотворя,
Аллаха просили: «Приди на защиту!
Салты, нашу крепость, от зла охрани ты!»

Дошла ли до бога алимов мольба,
Оружьем ли крымским решилась судьба,
Но только достигли храбрейшие цели:
Побили врагов возле стен цитадели.

Молитвою тех, кто душою был свят,
Иль битвою тех, кто принял газават, —
Но только достигли славнейшие цели:
Спесивых гяуров ряды поредели.

Считают гяуры погибших в бою:
Сто тысяч солдат не хватает в строю.

И Меликов чванный, явясь по тревоге,
Решает начальство просить о подмоге:

«Неважно с Салтами дела обстоят.
Прошу вас, пришлите побольше солдат.
Чтоб были у них сухари в изобильи,
Чтоб водку, как воду, весь день они пили.

Чтоб пушек зияли огромные рты...
Тогда лишь захватим мы крепость Салты».

Едва в Петербурге узнали о том, —
Пятьсот генералов сошлись за столом.
Друг с другом и судят, и рядят по-свойски,
И вот — собирают несметное войско.
Орудья при нем — точно лес на весу.
Казаки — любого разыщут в лесу.

Солдат сухарями снабдили и водкой.
Под звуки оркестра, веселой походкой,
Такой, что дрожит под ногами земля, —
Войска устремились — крушить Шамиля.

Приказ прибывает в конверте закрытом, —
Чтоб Меликов крепость взорвал динамитом.
А следом бы весь Дагестан захватил,
Карахцев сослал и в тюрьму заточил.

Гремит барабан, заливаются трубы...
Ой, Меликов, не поломал бы ты зубы?!
Неужто не стало отважных в горах,
Чтоб взяли кяфиры наш гордый Хунзах?!
Неужто исполнится вражье желанье
И крепость враги возведут в Дагестане?!

Эй, Меликов чванный, смирись и дрожи!
Иль нет в Дагестане Дибира-хаджи,
Героя Дибира — наиба имама,
Кто рубит неверных во славу ислама?!

Российское войско готовится к схватке.
На горных полянах белеют палатки.

Там — терские сотни, там — чудо-стрелки...
Осаду сомкнуть поспешают полки.
Кругом обступила, кольцом обхватила
Упрямую крепость — несметная сила.
Обложена крепость и осаждена...
— На помощь, наибы!.. Поддержка нужна!

Салты отстоять от врага мы могли бы,
Когда б подоспели на помощь наибы.
Спасли бы свободу аварской земли,
Когда б мухаджиры на помощь пришли!..

Но — горе! — не внемлют наибы призыву:
Они за рекою столпились пугливо.
Увы!.. Мухаджиры помочь не спешат:
Они за скалою, в укрытье, дрожат.

Сжимается вражье кольцо неуклонно.
Объяты огнем крепостные заслоны.
Орудия грозно рокочут, паля...
Всё реже и реже ряды Шамиля.

А где сам Шамиль?.. Он — далеко от боя.
Баранину ест, заедает халвою.
На крепость не хочет он даже взглянуть,
Сраженье его не волнует ничуть.

Далекого боя глухие раскаты
Достигли до храброго Хаджи-Мурата.
На гору высокую, как говорят,
Поднялся прославленный Хаджи-Мурат.
И, слышно, помочь он желает джигитам:
Отрезав, солдат провианта лишит он.

Не гром ли над крепостью загрохотал?!
Бушует неслыханный огненный шквал:
Слепящие молнии в небе блеснули,
Как ливень, свинцовые хлынули пули.
Прорвался на землю кипящий поток...
Был долог отчаянный бой и жесток:
Отважные воины, верные чести,
Врагов отражая, остались на месте.

А те, кто и совесть и честь потерял,
Как крысы, укрылись в расселины скал.

Бойцы побратались с нуждою, с бедою:
Коренья в лесу им служили едою,
Моча лошадей их напитком была...
Навалом вокруг громоздятся тела.
Не вспашкой осеннею поле изрыто:
Земле предают за джигитом джигита.
Не хлеб убирают под осень с полей —
Увозят убитых под стон матерей...

Наибы!.. Явитесь во всем вашем блеске!
Нашейте на желтые ваши черкески
Те ленточки, что подарил вам Шамиль.
В глаза вашим женам вы пустите пыль!

Эй вы, мухаджиры!.. Где ваши награды?!
На спины бы лучше пришпилить их надо!
Ударитесь в бегство — так будут видны
Любому и каждому ваши чины!

7. ВЗЯТИЕ ЧОХА

Люди, слушайте, — рассказ о былом я поведу,
О сраженьях, о делах, что у нас творились встарь.
Пронеслась повсюду весть: дагестанцам на беду
Приказал своим войскам выступать российский царь.

Из отборнейших солдат снарядив свои полки,
Генерал Аргут идет по Кавказу прямиком.
С пушками идет, а их — что камней на дне реки,
С ядрами идет, а их — что песка на дне морском!
С грохотом телег идет, отчего дрожит земля.
С топотом коней идет, отчего в горах — обвал...
Генерал Аргут идет — уничтожить Шамиля,
Крепость Чох завоевать хочет русский генерал.

Слышно, наши племена он до корня истребит.
Слышно, всё пожжет в пути, не оставит ничего.

Тот, кто в плен не угодит, — будет пулею убит,
А кто пулей не убит — станет пленником его...

Хочет нас сломить Аргут, наших дев с собой увесть,
Говорит, что Шамиля бросит в яму навсегда...
По аулам пронеслась, пробежала вихрем весть:
«Генерал Аргут стоит станом на горе Чалда».

Как пред яростной грозой, потемнели небеса,
Словно солнца чистый свет над вершинами потух.
И — как будто грянул гром — залп орудий раздался.
Генерал Аргут пришел — испытать аварский дух.

С неба — точно черный град с белым снегом пополам —
Пули сыплются, визжат... чтоб удачи им не знать!
Потемнел Шамиль-имам. Письма шлет Шамиль-имам,
Увидав, сколь велика эта вражеская рать:

«Эй, на помощь, бактулал! Эй, на помощь, буртиял!
Кто готов, разя врага, испустить последний вздох!
Каратинцы, технуцал, войско багва-чамалал!
Все, в ком честь не умерла, поспешайте, ждет вас Чох!»

К хиндалальцам, что внизу, посылает он гонцов,
К тем, что резвых скакунов кормят золотым пшеном...
И — на помощь Шамилю — понеслись со всех концов
Храбрецы из храбрецов в снаряжении стальном.

Искушенные в стрельбе, в джигитовке с малых лет
Поспешают на конях, на грызущих удила,
Мехельтинцы-молодцы, и андийцы — тут же вслед.
Технуцалов смелых рать с громом к Чоху подошла.
Для тушинцев — божий бич, страх и ужас — для грузин,
У тавадов дочерей забирающие в плен,
Обитатели долин все явились, как один,
Каратинцы собрались, став стеной у чохских стен.

Аргванинские идут, бактулальские войска, —
Все, в ком честь не умерла, все, кому неведом страх.
Разливаясь по горам, точно в паводок — река,
На священную войну поднимается Хунзах.

И цунтинцы, для кого смерть — заветная мечта,
И ахвахцы, что в бою — разъяреннее волчат,
Рвутся в битву, говоря: «Всё земное — суета»,
Жаждут вере послужить, прославляя газават.

За отрядами — отряд, как за волнами — волна...
Стал Шамиль считать людей — и не смог их сосчитать.
И возрадовался он, видя, сколь она сильна,
Сколь несметно велика эта дружеская рать.

И уверился имам, что аллах ему помог,
Воедино всех собрав, наставленье дал войскам,
И молитву прочитал, обратившись на восток,
И сказали все «аминь», — лишь замолк
Шамиль-имам...

Закипел кровавый бой, что доныне не забыт.
Защищая крепость Чох, каждый силу показал.
Пуля вражья просвистит — только камень раздробит.
Пуля чохцев просвистит — убивает наповал.

Если горец вскинет бровь, вслух молитву сотворя, —
Порошинке — не пропасть: попадает точно в цель.
А скомандует Аргут — пролетает пуля зря,
Направляясь без пути, прожужжит она, как шмель.

Точно скопище волков вкруг зимовки пестрых стад,
Рыщут люди Шамиля вкруг солдат со всех сторон.
Нет покоя и во тьме от аргутовых солдат:
Не смыкают чохцы глаз, нанося врагу урон.

Под покровом темноты, словно волки, подползут
И стреноженных коней прочь угонят в темноте.
Даже гаубицы, из тех, что привез с собой Аргут,
Утащили молодцы... Даже гаубицы — и те!

Обуял Аргута страх. Не того он ждал совсем.
В Дагестан, как на парад, под оркестр, маршировал.
Думал: грянет первый залп — и не станет чохских стен.
Крикнут воины «ура!», даст им водки генерал...

Но случилось всё не так: пули сыплются, как град,
А джигиты — на постах, каждый стоит четырех!
Рвется к крепости Аргут. Пушки яростно палят...
Как могучая скала — неприступна крепость Чох.

Смотрят вечером: она — сплошь охвачена огнем.
Смотрят вечером: дыра, брешь глубокая в стене...
Возликует генерал... А когда посмотрит днем —
Вновь целехонька стена, вновь — нетронута вполне.

И не ведает Аргут, что из дальнего леска
Крепкий ствол — за двадцать верст! — по цепи передают
И заделывают брешь, и стена — опять крепка...
Дагестанским чудесам удивляется Аргут.

И бормочет про себя: «Ну аварцы! Ну народ!
Сколько мы по ним ни бьем, — не свалился ни один!
Ну и крепость, этот Чох!.. Жжешь ее — она встает!
Поднимается сама из пылающих руин!»

И солдаты говорят: «Может, это — колдовство?!
Может, видится во сне, может, всё — не наяву!..»
В гневе хмурится Аргут. Стонет воинство его...
Поразмыслив, генерал донесенье шлет в Москву:

«Как мне быть?.. На здешний край мы напрасно шли
войной.
Днем и ночью длится бой. Крепость взять давно пора...
Но защитники ее мощной высятся стеной.
Неприступна крепость Чох. Крепость — как
Хайдар-Кисра.

А меж тем мои войска — с каждым приступом слабей,
А меж тем — свинцовых пуль истощается запас,
Дагестанцы — эти львы, волки в образе людей —
Вырываясь из ворот, устремляются на нас.

В гущу врезавшись, разят, бьют кинжалами солдат,
Устрашают молодых грозным выкриком «Алла!»
И бегут солдаты прочь, отступают наугад,
Словно стая журавлей перед натиском орла.

У меня поляжет — сто, а у них — один иль два,
Их и пули не берут, шамилевских удальцов!
От напастей у меня ослабела голова.
Посоветуйте — как быть?.. Чем их взять, в конце
концов?!»

Возвращается гонец. Следом движется обоз.
С чистым золотом тюки. Серебром полны вьюки.
«Если этих молодцов силой взять не удалось,
Это значит, что свинец в этом деле — не с руки.
Тут совсем иной металл пригодится, может быть.
Из наибов кое-кто любит деньги и почет.
Не сумели победить, так сумейте подкупить.
Ядра, сабли — ни к чему! Хитрости пришел черед...»

Двадцать чохцев генерал пригласил к себе прийти.
В офицеры произвел двадцать чохцев генерал.
Честь и деньги обещал он наибам двадцати.
Всем наибам двадцати щедро золото раздал...

И сломилась крепость Чох, та, что целые семь лет
Возвышалась пред врагом, как могучая скала...
То, что ядра не смогли, — совершила горсть монет.
Там, где сила не смогла, — злая хитрость помогла!

Говорят, что в этот день, с криком саблю обнажив,
Попытавшись кровью смыть родовой позор и стыд,
На изменника-сынка бросился Инков-хаджи...
Андалальцы-молодцы все заплакали навзрыд...

Если б каждый ствол лесной стал бы пушечным стволом,
Каждый камешек речной стал бы пушечным ядром,
Если б все цари кругом
Собрались одним полком
И пошли б на Дагестан через горы напролом, —
И тогда стоял бы Чох, как незыблемый оплот,
И тогда б сумел Шамиль от страны беду отвесть!..
Золотом да серебром — вот чем сгублен был народ!
Подлой алчностью людей, потерявших стыд и честь!

8. О ПОХОДЕ В КАЙТАГ

О тех, кто погиб, я поведаю быль,
О храбрых, пред кем трепетал враг,
О сильных, кому доверял Шамиль,
О тех, кто повел отряды в Кайтаг.

Глашатаи так, среди бела дня,
На крышу взойдя, вопили в ауле:
«Чье сердце как сталь — седлай коня!
Чья кровь как пожар — заготовь пули!..

Матери, сестрам своим поклонись!
С детьми и со всей роднею простись!
Достатком своим с бедняком поделись!
Коль гнев на кого таил — не гневись!
Кремневку бери! На коня садись!
Джигиты в поход на Кайтаг собрались!»

Могучие львы снаряжаться стали.
С охотой каждый седлал коня,
Готовились те, чьи сердца из стали,
Чья жаркая кровь горячей огня.

Матери, сестрам своим поклонясь,
С детьми и со всей роднею простясь,
Достатком своим с бедняком поделясь,
Коль гнев на кого таил — не гневясь,
Кремневкой крымской вооружась,
В черкеску холщовую облачась,
Встретить желают свой смертный час.

Пришел поутру сам имам к войскам.
Святые слова им сказал имам.
Он клятвам учил их, он им прочитал
Страницы из книг «Маан» и «Джалал».
«Готовы ли, братья, к битве жестокой?!
Храните, о братья, верность пророку!
Прославится тот, кто выстоит бой.
А тот, кто падет, — умрет как святой!»

Имам прочитал им главу из «Хадиса»,
И гурии слушать его собралися,

Из рая внимая священным словам...
И знак выступления подал имам:
«Во имя аллаха!» — и в ту же минуту
Отряды помчались навстречу Аргуту,
К Самуру-реке понеслись во всю прыть...
Летят скакуны и грызут удила.
Клянутся джигиты весь юг захватить,
Хайдак, Карабах, Дербент разгромить,
Хотят совершить лихие дела!

Галопом несясь, в Аргухиш прискакал
На четвертый день, говорят, отряд.
На полях Музи он лагерем стал.
Там разрыли поля, возвели завал
И охрану поставили, говорят.

Тогда, пророку хвалу воздав
И друг друга крепко за руки взяв,
Принесли они клятву. И день погас.
Но в часы, когда совершали намаз, —
Грохот, лязг и шум раздались вдали,
Так с вершин дожди, клокоча, бегут...
И пронзительно крикнул Гаджи-Али:
«Окружает нас генерал Аргут!
Эй, джигиты, все — на коня взлетай!
Сокрушай врага, чтоб гудела грудь!
Саблей путь пробьем в небесный рай!
Пулей к гуриям мы проложим путь».

И лавиною ринулся в бой отряд.
Бьют джигиты, крушат гяуров подряд,
Налетая, рубя, сползая с седла,
Джигитуя под брюхом коня на весу...
...Захлестала кровь, рекой потекла,
Стали рдяными все деревья в лесу.
Увлажнились высохшие поля.
Красным-красна под ногой земля,
Не сочтешь в горах багровых озер,
А воды питьевой нигде не найти.
Будто камни, что ливнем согнало с гор,
Полегли тела врагов на пути.

Груды тел на лугах кругом, как стога,
Белый дым, как туман, ущелья повил,
И, как ветки, которые град побил,
Виснут руки, уставшие бить врага.

Окровавлены сабли по рукоять.
Порешили бойцы на опушке стать.
Здесь намаз они совершить могли
И потери свои могли подсчитать:
Ранен в руку танусинец Али,
И вовеки не встанет уже с земли
Пригвожденный к ней Эфенди Халил,
Тот, что саблею столько чинов добыл,
Остальные все живы — до одного,
И тогда, аллаху хвалу воздав,
Пленных всех согнав, добычу собрав,
Пир устроили воины — торжество.

Но пока они веселились тут,
Окружил их вновь генерал Аргут.

И воззвал тогда воин Бук-Магомед,
Гневом, яростью грозною обуян:
«Мы попали, как волки в стальной капкан!
Все — к оружию! Помните свой обет!
В бой, храбрейшие! Ружья — наперевес!
Бейтесь так, чтобы ангел слетел с небес!
Пусть кинжал наш без устали колет, бьет!
Чтоб прошиб это белое поле — пот!..»

В бой пошли с молитвою на устах.
Этот бой — он грозен был и жесток, —
И одни кричали: «Аллах, аллах!»
А другие — вторя: «Пророк! Пророк!»

До полудня был свершен газават.
Горами трупы кругом лежат...
Мучит голод бойцов сильней и сильней.
Мучит жажда их — не хватает сил!
Но поели мяса убитых коней,
Но попили крови из конских жил —

И опять — в поту! — наверх, на кряжи,
Сокрушать врага сквозь огонь и дым.
И тогда, лицом обратясь к своим,
Молитву запел Али-Гаджи.

И заплакали все, чья душа жива,
Лишь арабскую заслышали речь.
Повторяя вслух святые слова,
С новой силой стали неверных сечь.
Божье пламя их опаляло, жгло.
Тридцать самых храбрых тогда легло.
Встретил ангел их у врат золотых,
Допустил их в рай Мухаммед-пророк.
А друзья завернули в черкески их,
Закопали тела в сыпучий песок...

И еще пятьсот погибли от ран.
Над ними из бурок стоит шатер.
Из Согратля Кади, из Апши — Салман
Так в Аргухише и лежат с тех пор.
Полегли здесь в полном расцвете лет —
Аргванинец Сугур и даргинец Хаджи...
О, гяуров гроза, наш Бук-Мухамед!
Как нам жить без тебя?.. Как нам быть, скажи?!

9. ПЕСНЯ О ХАДЖИ-МУРАТЕ

О воине слушайте повесть мою,
Чтоб доблестью сердце народа согрелось.
На радость вам подвиг сейчас воспою
Хунзахца, чья славится гордая смелость.
Смял юношей с рыжею хной на усах,
Взял девушек с хной на густых волосах,
Соратникам роздал большую добычу, —
О лев, как я песней тебя возвеличу?

Всему Дагестану ты — острый кинжал,
Ты пушкою был, что Шамиль заряжал,
Ты скрылся в Гехах, где надежная крепость,
В Бархане врагов обманул ты свирепость.

Зачем же ты, славы вкусив золотой,
К неверным ушел и покинул нагорье?
Зачем, шариат отвергая святой,
Пришел в Шахкиру, нашим горцам на горе?

«Подумал я, славы вкусив золотой:
Умру, как вступлю я во вражеский город.
Решил, шариат отвергая святой:
Неверными будет живот мой распорот!»

Но слушайте, храброму почесть воздам, —
Тому, на.кого рассердился имам,
Кто стал для Хунзаха причиной страданий,
По ком и вершины скорбят в Дагестане.

Остался теперь без добычи Хунзах, —
Так как же ему не томиться в слезах?
На Сунжу орел улетел из гнезда, —
Ужель не страшна Дагестану беда?
Не он ли, пройдя обиталище змея,
С отрядом своим разорил Адичах?
Не он ли в Хунзах возвращался, умея
Добыть полонянок с блистаньем в очах?
Не он ли бумажные деньги в попоне
И золото вез, не пугаясь погони,
Чтоб выдать соратникам пятую часть, —
Скакал, Araканам явив свою власть?
Не он ли над скалами Кара-Кайтага
Как сокол парил, чья безумна отвага, —
Короткое ухо — прославленный волк?
Бику Шахвали, что нежна, словно шелк,
Не он ли в шатре захватил, полон жара?
Не он ли, — то гордость была Дешлагара, —
В таркинские рощи погнал табуны?
Не он ли с прибрежной угнал стороны
Коней, на дорогах устроив завал,
И князю Аргуту послал свое слово:
«Я часто вас бил, я на вас нападал,
Я снова приду — разобью тебя снова!»

Тогда черный бык, сластолюбец-шамхал,
В Тарках, в злобной ярости, так закричал:

«Ухли, Кулецмин, Дженгутай, Казанище!
Где камень тащите, где — сгнившее пнище,
Устройте завалы, чтоб Хаджи-Мурат
На гибель повел свой разбойный отряд:
Чтоб этот в Хунзахе рожденный осел
Бесславную гибель в предгорьях обрел!
А если его мы не схватим в капкане, —
Всех ханов злодей истребит в Дагестане,
Сардара потом устрашит и Тифлис,
Чтоб в плен ему все генералы сдались.
Он юных девиц у отцов отберет,
А жен — у мужей, как наступит черед!»

Закрыли дороги, и вырыли рвы,
И двинули пушки к переднему краю.
Солдаты Аргута — свирепые львы,
Клянется шамхал: «Я врага покараю!»
О землю ударил шамхал сапогом,
Под звуки трубы и под бой барабана
«Ура!» закричал и с вершины кургана
Погнал казаков, чтоб схватились с врагом.

«Хоть сердце иное, мы — веры одной.
Не бейся, отряд милицейский, со мной.
Аргутовы пусть нападут казаки, —
Увидите чудо в ущелье Тарки!»

Мечи обнажив и сказав «Бисмиллах!»,
И рвы перепрыгнув с творцом на устах,
Отважные врезались в гущу врагов.
А их богатырь — да пребудет здоров! —
Солдат истребил, подступивших к завалу,
Как стадо, откормленное на убой.
Он голову чью-то послал генералу, —
Лишь другу вручают гостинец такой!

Взобрался на гору воитель отважный,
И посохом сделав свой острый клинок,
Он крикнул: «Шамхал двоедушный, продажный,
Что взвесил, то продал, в весах ты знаток, —
Вези на продажу убитых солдат!

Пускай в Казанище арбы заскрипят,
Чтоб трупы убитых в Шуру переправить!
Чтоб опись погибших в сраженье составить,
Пусть сразу же кафир-кумухцы придут!..
Но как приготовить арбы в Казанище,
Когда, ощетинясь, находится тут
Прославленный волк в ожидании пищи?
Но кто же сражаться придет, не сробев,
Когда, как баранов, пугает их лев?»

Домой не успел прискакать из похода —
Доходит нежданная весть до народа.
Ужель Шамилю в этой вести — отрада?
«Убит, говорят, сокол Хаджи-Мурат,
Ослам от кожевников — смерть, говорят!»
Шамиль, о Шамиль, заноситься не надо!
Немало ночей озарил он доселе,
Немало он тесных расширил ущелий!
Когда ты на землю ступил Бартуная,
Шамиль, о Шамиль, как ты бился бы, зная,
Что рядом сражается Хаджи-Мурат!
Шамиль, о Шамиль, дагестанская слава!
Когда гибнут всадники в битве кровавой,
Когда тебя недруги ныне теснят,
На выжженных землях возводят твердыни, —
О, если бы сокол помог тебе ныне!
Когда на тебе и чалма полиняла,
О, если б он саблей взмахнул, как бывало!
Не знали б мы стен крепостных в Бартунае,
Не знали б казачьих застав в нашем крае!

Легко ли судить и рядить вкривь и вкось?
Письмо генералу отправить пришлось:
Не знает, не скажет ли нам генерал,
Где бык круторогий — имама опора?
Тайлан, что в полон юных девушек брал, —
В каких он краях и вернется ли скоро?
«Опора имама, — охотится бык
На девушек возле грузинской реки.
Тайлан, что пленять чернооких привык,
В твердыне засел, где живут казаки.

Не зная ни битв, ни ночевок тревожных,
Он саблю сломал, что опасна и в ножнах!»

Без счета нам дни посылает аллах.
В Аксае — день пятницы, радость в сердцах.
Отправился он для намаза в мечеть,
Но двери велел Аслан-хан запереть:
«Мечеть перед кровным врагом мы закроем!»
Тогда усмехнулся рожденный героем,
На франкский курок пистолета нажал,
И выстрел раздался, и дверь — наповал!
В мечеть он вошел и молитву прочел.
«Джигиты, теперь мы пойдем на Аслана:
Оставив ислам, он к царю перешел, —
В покои дворца мы ворвемся нежданно!»

Ворвался он с горсткой друзей во дворец:
«А ну-ка, Аслан, покажись-ка ты мне!
Не ты ли скакал на гнедом скакуне?
Теперь на нем скачет хунзахский храбрец!»

Но хан, за семью притаившись дверями,
Велел, чтобы женщины вышли, сказав:
«Нет хана, о Хаджи-Мурат, между нами,
Уехал он, вызванный в крепость Хасав».

— «Эй, пчелы! Намаза познав благодать,
Могу ли на вас, на жужжащих, кричать?»
И волк куцоухий пошел к кунаку,
Пошел, перешел через Карби-реку,
То львом он казался, то страшным драконом,
В Нуху он ворвался с лицом разъяренным,
В Нухе дворянина спросил одного:
Найдется ль пристанище здесь для него?
В ответ промолчал иноверец проклятый.
А воин: «Пойдем, нужен мне провожатый».

Вот полдень встает над прозрачным ключом.
Неверному долг пред творцом — нипочем:
Сказали ему, чтоб исполнил намаз, —
Увы, от него услыхали отказ.
«Тот будет убит, кто не славит аллаха.

Тебя не убив, оскверню этот мир!»
Мечом со всего он ударил размаха,
И был на лугу обезглавлен кяфир.

Затем в убежавших ружье он направил,
А близко стоявших клинком обезглавил.
Как будто покой воцарился вокруг,
Но видит: враги появляются вдруг.
Четыре их тысячи было — и конных,
И пеших, со злобою в бой устремленных.

«Без крыльев взлетишь ли ты до облаков?
Теперь не спасешься от наших клинков!
Как волк убежишь ли, задравши овец?
Посмотрим, какой ты на деле храбрец!»

— «Клинки из Египта, — запомните впредь, —
Не крылья ли наши, чтобы в небо взлететь?
Уйдем ли, как мыши, под землю незримо,
Когда наша сила — кремневки из Крыма?»

Сказал — и ни с кем не сравнимый в сноровке —
С утра до полудня стрелял из кремневки,
И тряпкою рану заткнувши свою,
С полудня он в сабельном бился бою.
Каджаров убил он числом шестьдесят
И всех на завале сложил, говорят.

Душа храбреца устремилась в Синах.
Джигиты в смятенье, джигиты в слезах.
У Карби-реки, что его подняла,
Ликуют враги, — да умрут их дела!

Легко Алазани и счастлив Тифлис,
А сами давно ль в лихорадке тряслись!
Теперь Голода, Карабах и Ганджа
Не будут бояться, от страха дрожа.
И там, в Дешлахаре, и рядом, в Шуре,
Спокойно в ночи и на ранней заре.
Во прахе — героя хунзахского тело,
На небо душа храбреца улетела.

10. 1859 ГОД

Встань из могилы,
Герой Акверди,
Встань,
Потряси эти камни и горы!
Уже на Гунибе
Солдатский костер,
Уже на земле нашей
Кони чужие!

О, если б ты слышал,
Герой Акверди,
Какой
Шамилю
Выпал день в эту осень,
Ты лоб свой серебряный,
В гневе немом,
О памятник белый,
Рыдая, разбил бы!

11. ВЗЯТИЕ ЦУДАХАРА

Я повесть вам, люди, хочу рассказать...
С тех пор, как на свет родила его мать, —
Он в бой не бросался, бряцая оружьем,
С тех пор, как мужчиной назвался он, мужем, —
Вовек не свершал героических дел...
И вот в Анаду он явиться посмел,
Сказав, что отныне он — бек в Дагестане.

В Карах, в Тленсерух отправляют посланья.
Вождям Томодала явиться велят.
Сбирается в бой тленсерухцев отряд.
Грызут скакуны удила из металла.
В долине черкесская сталь засверкала.

Отряды в долине стоят наготове.
И Меликов сдвинул разгневанно брови,
Едва эти вести к нему донеслись.
Сардару письмо написал он, в Тифлис:

«Измена гнездится тут в каждом ауле.
Кому мы платили — все нас обманули.
С врагом заодно — и вершащие суд.
Солдатам давно провиант не везут.
Как быть с Дагестаном? Что делать мне тут?»

Когда прочитали посланье в Тифлисе,
Священники все на совет собралися.
Когда ж поднялись те священники с мест,
Взяв Библию в руку, под мышкою — крест, —
Гяур телеграммы шлет дважды и трижды:
«Эй, Меликов! Что-то не то говоришь ты!
Как — «нет провианта», когда налицо
Готовый служить Магомед из Гоцо?!
Что ты растерялся? Где дух твой геройский?..
Ведь Койсубулинское есть у нас войско!
Запомни: упустишь из рук Дагестан —
Солдату отдам твое кресло и сан.
Сермягу солдата наденешь ты сам!»

Прилично ль солдатом начальнику стать?!
И Меликов поднял несметную рать
С орудиями, что утыкаются в тучи,
С конями, что стелятся в скачке летучей,
С бойцами из тех, кто на Тереке лучший,
С казаками, славными силой могучей,
С арбою тяжелой, с арбою скрипучей,
Доверху ее нагрузив серебром...

Шагают войска, громыхая, как гром,
Селенье любое с землею равняют,
А город без боя себе подчиняют.

Один Цудахар не сдается на милость.
У стен его армия остановилась.
И Меликов пишет: «Эй, Ника-кади!
Сдавай Цудахар! К нам на службу иди!
Ты будешь людьми уважаемый кадий.
Друзей твоих лучших представим к награде.

Когда ж ты не сдашь подобру Цудахар,
На площадь большую, где нынче базар,

Нагрянут дружины, взывая о мести,
Бесчинствуя, ваших красавиц бесчестя.
Святыню мечети, в которой у вас
По пятницам дважды свершают намаз,
Они осквернят, не бывать в ней молений:
Казацкие кони заржут у ступеней».

Но Ника-кади не сдается врагу:
«Бумагу твою я безжалостно жгу.
Нам, Меликов, не столковаться с тобою.
Готовь свои пушки к великому бою!»

И пушки забили с восходом денницы.
Но дым не успел еще тучей сгуститься,
Но мало погибло еще человек,
Как войско томоров ударилось в бег.
И кровь не засохла на стали кинжала,
Как войско томоров бесславно бежало,
Оставив дружинам врага Цудахар...

На площади той, где сбирался базар,
Бушуют дружины, взывая о мести,
Повсюду — пожары, разор и бесчестье!..
Святыню мечети, в которой у нас
По пятницам дважды свершали намаз,
Глумясь, осквернили. Нет больше молений.
Казацкие кони храпят у ступеней.
Аварскую деву позорит казак...
Но где же Чарак?.. Не погиб ли Чарак?
Да нет, невредим этот доблестный воин.
Он дремлет в седле. Он — здоров и спокоен.
Как прежде, крепка у Чарака рука...
Так как же бежали томоров войска?!

12. МОЙ МИЛЫЙ УЕХАЛ НА ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ

Ты черкесское седло положил
На коня своего, снарядился в путь.
Как привстал в стременах — закурился прах.
Слезы падали градом мне на грудь.

Светлым поясом ты свой стан затянул,
Драгоценна сабля твоя, погляди!
Ты уехал, друг, далеко на войну,
Сердце выгорело у меня в груди.

Солнце падает за горы. Я смотрю —
В безутешном горе огнем горю...
Не успела утренняя заря
Посмотреть на тебя, попрощаться с тобой,
Ускакал ты за горы и за моря,
Прощаясь, поднял шапку над головой.
Не успел тебя проводить весь аул,
Лишь мельком на прощанье твой взгляд мне
блеснул.
Словно кровь, башлыки отпылали вдали, —
Возвратятся они иль навеки ушли?
Словно ворона крылья, черкески черны,
Возвратятся ль они из далекой страны?

Я коня твоего под уздцы не вела.
Керосиновым пламенем сердце горит.
Я, прощаясь, руку твою не взяла,
Но всё тело мое в лихорадке дрожит.

Где стальная кольчуга, что меч не берет?
Ты уехал, а я заболела, гляди!..
Ты уехал далеко, покинул меня.
Истомилось, изныло сердце в груди.

Улетел ты, сокол горных вершин.
Опустел без тебя аул Андалал.
Всем бойцам андалалцам ты равен один,
Знаменосцем ты в царском воинстве стал.

Знать, по росту тебя избрал генерал,
Знать, за стать и красу он тебя избрал.
Как ты бремя решил на себя возложить?
Льву прославленному андалалских войск,
Барсу горному в царском ли войске служить?
Чтобы царские деньги река унесла!
Не казна ли тебя у меня отняла?

Чтоб добра генералу в жизни не знать,
Если смел он тебя в свою службу забрать.

Жду тебя не дождусь я день ото дня.
Или служба тебе дороже меня?
Или деньги тебе дороже меня?
Ты уехал, и дни мои горем полны,
Знать бы, ведать, что деньги тебе так нужны,
Поле б я продала,
Я бы деньги нашла.

13. СМЕРТЬ БОЛЬШЕВИКА МУСЫ КУНДУХОВА

Еще один боец ушел от нас,
От тех, кто бился за рабочий класс.
Бесстрашный воин, храбрый наш Муса,
Ты шел, споткнулся, храбрый наш Муса...

Не вороны ль презренные орлу
Сломили, смяли пару смелых крыл,
Не в честной битве, а из-за угла,
И вот в сухой песок зарыт орел...

Они хотели окружить кольцом,
Оружье вырвать из твоей руки,
Оружье то, с которым ты прошел
Бесстрашным партизаном сквозь огонь.

Ты в Дагестане шел на кулаков,
На тунеядцев, мулл и палачей.
Бедой, лавиной падал ты на них,
Начальник славных красных партизан.

Ты в саклях черных у аварцев был:
Работал с нами, обучая нас,
Хунзахскую ячейку собирал
И говорил о классовой борьбе.

Ты всей душой был предан беднякам
И отдал им все силы, годы — жизнь!

В холодную могилу ты ушел,
Но среди нас по-прежнему живешь.

Пусть кулаки не радуются так,
Как псы, пускай свою не скалят пасть, —
Не так легко уходит коммунист,
Уйдя, оставит друга своего.

Почтим же память светлую, друзья,
Начальника хунзахских партизан;
Он нас любил, учил и в битву вел, —
Мы боевую песню шлем ему.

Спокойно спи, наш верный друг Муса!
Всё то, что создал ты, мы сохраним.
Спокоен будь, любимый друг Муса, —
Мы до конца идем путем твоим!

14. ЛЕНИН

Когда на востоке светило встает,
Все звезды бледнеют и тают, как лед.
Ученые мира в сравненьи с тобой
Темнеют, как звезды пред ясной зарей.

Ты первый пришел и людьми нас назвал,
Оружье победное в руки нам дал.
И спрятались в щели носители зла,
Как прячутся гуси от крика орла.

БАЛЛАДЫ

15. ПАСТУХ И ЮСУП-ХАН

Высоко в горах пас отару мой брат.
Вздремнул он, как вдруг обуял его страх.
Очнулся: у ног нуцалы сидят,
Злодей Юсуп-хан у него в головах.
Двуострый кинжал Юсуп-хан достал,
Дважды брату в грудь погрузил кинжал...
А у брата был лишь пастуший нож.
Наш пастуший нож — для овец хорош,
Толстой бурки им насквозь не пробьешь!

Два пса, что всегда вкруг брата вились,
Дико завыли, помчались вниз.
В аул примчались, нашли наш дом...
Гляжу: две овчарки стоят под окном.

«Да будет долог, о мать, твой век!
Псы просят поесть. Испеки чурек!

Да будет, жена, твоя жизнь легка!
Псы просят попить. Вскипяти молока!»

Пшеничный чурек им мать испекла.
Псы не тронули ни куска.
Жена, вскипятив, им дала молока.
Псы не выпили ни глотка.

Завыли и вновь побежали назад.
Подняли морды. Скулят, скулят...

«Жена, да не знать тебе в жизни невзгод!
В аул бы пошла, где мулла живет!..»

Оделась жена, в путь-дорогу пошла.
«Салам алейкум, аульский мулла!»
— «Алейкум салам, моя Меседо!
Какие дела тебя к нам привели?
Как муж твой живет, Ханзапил Али?»
— «Прекрасно живет Али Ханзапил.
Сходить за тобою меня он просил».

К нам, в нижний аул, они оба пришли.
«Салам алейкум, Ханзапил Али!»
— «Алейкум салам, аульский мулла!»
— «Скажи мне, Али, в чем забота твоя?..
Выкладывай всё, ничего не тая».
— «Беда приключилась, аульский мулла!
Семейство мое я вверяю тебе.
То поле мое, что на крае села,
Семье передать завещаю тебе.
Сказав «Бисмиллах», оседлайте коня,
Ко мне подводите, молясь за меня...»

— «В ауле, Али, на коня не садись!
Коня в поводу неспешно веди!
Минуешь аул, на коня взметнись!
Хлестни его плеткой, как птица лети!»

— «Когда не хлестну за аулом коня,
Пусть саблей нуцалы разрубят меня!
Когда я презрю наставленье твое,
Пусть тело мое расклюет воронье!
Доныне конем не изведана плеть:
Как сокол степной, он будет лететь!»

Наверх по горе поскакал я верхом,
В бинокль поглядел, что творится кругом.

Там конь не заржет, не заблеет овца:
Потравлены сплошь луговины отца.

Полянами я бродил наугад,
В ущелье глядел, где потоки текли...
Вдруг вижу: в кровавой луже — мой брат...

«Салам алейкум, мой брат родной!»
— «Алейкум салам, Ханзапил Али!»
— «Что с тобой, мой брат?.. Что случилось
с тобой?»
— «Со мной?.. Разве что-то случилось
со мной?..»
— «Когда ничего не случилось с тобой,
То где же стада кудрявых овец?
Когда ничего не свершилось с тобой,
То где ж табуны, что оставил отец?!
Где резвые кони — кутанов краса?
Откуда он — вор и убийца — взялся?
Скажи мне, мой брат! О, скажи что-нибудь!
Иначе кинжал я вонжу себе в грудь!»

— «Что ж, я расскажу тебе... Слушай, Али,
Откуда все наши напасти пошли:
Высоко в горах пас отару я, брат.
Вздремнул я, но вдруг обуял меня страх.
Очнулся — у ног нуцалы сидят,
Злодей Юсуп-хан у меня в головах.
Двуострый кинжал Юсуп-хан достал,
Дважды в грудь мою погрузил кинжал.
А со мною был лишь пастуший нож.
Наш пастуший нож для овец хорош,
Толстой бурки им насквозь не пробьешь!»

Я выслушал всё. Я вскочил на коня.
Аллах да поддержит сегодня меня!
Наверх по горе поскакал я верхом,
В бинокль поглядел, что творится кругом.
И вижу, грызя от ярости ус,
Что пир во дворце Юсуп-хана идет,
Гремит вкруг дворца и гармонь, и кумуз,
Нуцалы шныряют взад и вперед.

И пляшут они, и красавиц зовут,
Красавицы те, точно павы, плывут...

Там ловят овец с курдюком — пожирней,
Раскормленных там отбирают коней...

И я поскакал во всю мочь с высоты.
Коня своего погонял во всю прыть.

«Салам, Юсуп-хан!.. Юсуп-хан, это ты?..»
Он взгляд на меня не успел устремить
И слова не вымолвил ни одного,
Как с плеч голова покатилась его...

Кто был на коне — те с коней не сошли,
А пешие — те и в себя не пришли!

Дворец десять раз я объехал подряд:
Сородичей хана убил — пятьдесят.
Гляжу я: красавицы в страхе дрожат.
«Красавицы, что вам бояться меня?
Дворец Юсуп-хана красив и богат.
Живите спокойно в нем с этого дня.
Али отдает вам дворец и сад.
Живите, владейте всей ханской казной.
А я не притронусь из вас — ни к одной!

Всех слуг, что у хана дворец стерегли,
С собою берет Ханзапил Али!
Всех тех, кого в рабстве томил злодей,
Опять превращу я в свободных людей —
Пастушьею властью и волей своей!»

В ущелье коня я направил опять
И брату хотел обо всем рассказать:
«Злодей Юсуп-хан этой саблей убит.
А с ним пятьдесят сородичей спит!»

— «Нет времени слушать твой сладкий рассказ.
Ясин почитай. Я умру сейчас...»

Над братом ясин стал читать я, спеша.
Лишь часть прочитал: отлетела душа,

Я братово тело взвалил на седло,
В отцовское с ним поскакал село.

И вижу — народ навстречу спешит,
А мать впереди, и стара, и бледна —
И посох в руке ее правой дрожит,
А левой — слезу утирает она.

«О матушка, слез безутешных не лей!..
«Не плакать» тебе завещает мой брат:
Один лишь покойник под кровлей твоей.
А в доме у хана — лежит пятьдесят!»

16. ПЕСНЯ О САЛМАНЕ

«На чужом скакуне не скакал никогда я,
Но меня ненавидят ровесники, мать.
Не ловил и ягненка, отару пугая,
Но как вестники вражьи мне сверстники, мать!»

— «Это что — не коня ли чужого угон:
Отнимать у мужей их возлюбленных жен?
Это что — иль не ловля ягненочка в стаде:
Обнимать юных девушек в ярком наряде?»

— «Так со мной говорить не должна ты, о мать,
А не то мне придется изгнанником стать.
Ты обидных речей не высказывай сыну,
А не то я родное селенье покину».

— «Оставайся, судьбу не губи ты свою!
Жизнь в изгнанье трудна, а умрешь — на краю,
Одиноко на кладбище будешь лежать,
Да умрет за тебя твоя старая мать!
Оставайся у нас, мой черкесский клинок:
Кто в изгнанье живет, тот всегда одинок!»

Не послушался матери сын молодой.
Облачил свое тело в наряд боевой,

Оседлал он коня ради дальних дорог:
«Покидаю аул, о господень пророк!»

Едет-скачет Салман, едет-смотрит уныло.
Перед ним появляются два мутаила.

«Ассаламу алейкум, о люди науки!»
— «Ва алейкум салам, о Салман крепкорукий!»

— «Мутаилы во всех побывали местах:
Где всего веселее живется в гостях?
Где милее и ярче девиц красота?
О друзья, назовите такие места!»

— «Если зимняя скука тебе не тяжка,
Азайнинский шамхал — щедрый друг кунака.
Если лета степного ты вытерпишь зной, —
Всех красивей девицы в долине степной».

Он коня повернул, в Азайни поскакал.
«Ассаламу алейкум, почтенный шамхал!»
— «Ва алейкум салам, эй, аварец Салман!
Есть кунак у тебя средь моих аульчан?
Если есть, то к нему отправляйся ты в дом,
Если нет, — для тебя мы жилище найдем».

— «Ни друзей и ни братьев здесь нет у меня.
Если хочешь, возьми ты меня и коня,
Если нужен слуга, чтоб служил от души, —
Дай оружье, в нукеры меня запиши».

Взял его и коня азайнинский шамхал,
Дал оружье, в нукеры его записал.
Пятый день миновал. На шестой, поутру, —
Есть письмо: вызывают шамхала в Шуру.
Собирает в дорогу шамхал старых слуг, —
Вместе с ними Салман собирается вдруг.

«Эй, Салман, ты не езди со мной: твой скакун
Не обучен еще, да и ты слишком юн.
Ты еще не джигит и погибнешь от ран...»
Закрутил черный ус и ответил Салман:

«Если конь не обучен, а я — молодой,
То с кувшином пошлите меня за водой.
Если я не джигит и не справлюсь с врагом,
То отправлюсь я к девушкам с веретеном!»

Появился Чанка на коне вороном, —
Сын шамхала, который рожден от рабыни,
И уехал с нукерами старый шамхал.
Только с глаз они скрылись на плоской равнине,
В тот же час пораженный Салман услыхал
От Бики, от супруги шамхала, слова:
«Выше мужа поставлю тебя, но сперва
Обними мою шею, джигит чернобровый.
Не стелила я мужу постели пуховой,
А тебе постелю, — только мне прикажи,
Но сперва ты мне руку на грудь положи!»

— «О Бика, не могу я обнять твою шею, —
Для того ли аул я покинул родной?
Положить тебе руку на грудь я не смею, —
Из-за этого люди враждуют со мной!»

— «Ты обвей мою шею, Салман чернобровый,
А не то закуют твою шею в оковы.
Я хочу, чтобы грудь мою ты приласкал,
А не то ее горский отрежет кинжал!»

Но шамхал из Шуры возвратился нежданно.
«О шамхал, ты послушай-ка речи Салмана!
Мне велел твой нукер из аварской земли,
Чтоб служила ему, как тебе не служила.
Я пуховой постели тебе не стелила,
А слуга твой сказал: мне постель постели!»

— «Кунака не убью: люди мне не простят.
Оскопите его: так коня холостят!»

Исполняя приказ, повели его в хлев...

На черкесское тело оружье надев,
Скакуна оседлал он черкесским седлом,

И сверкала меча рукоять серебром,
И обратной дорогой пустился Салман.

«Что наделала я! Как красив его стан!
Чтоб язык мой отнялся за этот обман!»

17. НЕ ПОРА ЛИ ЖЕНИТЬСЯ И МНЕ?

«О мать, не пора ли жениться и мне,
Иль рано мне думать о верной жене?
Давно уже сверстники свадьбу сыграли,
О мать, мою свадьбу сыграть не пора ли?»

— «Женю тебя, сын мой, женю храбреца,
Но прежде убей ты убийцу отца.
Сыграешь ты свадьбу, и всех веселей,
Но кровника-недруга прежде убей».

— «Убийцу отца рассеку пополам,
Но дай мне отцову черкеску в награду.
Я кровника-недруга смерти предам,
Когда на коня я отцовского сяду».

Надела отцовский наряд на меня,
Отцова дала мне лихого коня.
Пустился я в путь, чтоб поспеть дотемна, —
Отары моей увидал чабана.

«Да будешь ты с миром, чабан, добрый друг!
Скажи: для коня где поблизости луг?
Скажи: для меня не найдется ль поляны?»
— «Привет и тебе, удалец тонкостанный,
Поляну для отдыха здесь ты найдешь.
А луг для коня — чуть пониже — хорош».

На выпас погнал я коня — и назад.
Вдруг слышу: копыта стучат и звенят.

Но кто там спешит на коне вороном?
Играет красавец скакун, а на нем

Гарцует, красуясь, надменный джигит.
Приблизился всадник и так говорит:

«Да будешь ты с миром, да будешь с добром!»
— «Будь счастлив и ты на коне вороном!
Скажи, почему вороной разыгрался,
А ты так надменно гарцуешь в седле?»
— «Ого, неспроста вороной разыгрался,
Недаром скачу я по этой земле:
Вот здесь был убит из Мукутля осел.
Теперь, чтоб осленка убить, я пришел».

— «Отца моего обозвал ты ослом, —
Сойди же с коня и ослабь-ка подпругу.
Есть ружья — и есть что сказать нам друг другу.
Я сам — тот осленок, мы схватку начнем!»

Дал недругу первого выстрела право, —
Лишь след на черкеске остался дырявый.

Я вскинул ружье и сказал: «Бисмиллах!», —
И выстрелил метко с творцом на устах,
И пуля попала противнику в грудь.
«Джигит, да пребудет счастливым твой путь!
Не надо тебе надо мной издеваться,
Хотя здесь в горах — никого, кроме нас.
Не должен ты здесь надо мной надругаться,
Хотя нас никто не увидит сейчас».

К чему издеваться? Кругом — никого:
За ухо схватив, обезглавил его.
К чему надругательства? Я не спесив:
Я руки отрезал, за пальцы схватив.
Врага побежденного долго не мучил,
Врага на коня своего я навьючил,
А сам поскакал на его вороном, —
И снова я в нашем ауле родном.

«Да будешь ты счастлива, старая мать!»
— «Того же хочу и тебе пожелать!»

— «Пора нам поставить побольше котел:
Я с туром трехлетним с охоты пришел,
Пускай все соседи отведают мяса.
О мать, я дождался желанного часа,
Теперь не пора ли жениться и мне,
Не время ль подумать о верной жене?
Давно уже сверстники свадьбу сыграли, —
О мать, мою свадьбу сыграть не пора ли?»

— «Женись, если хочешь, джигит молодой,
Но только скажи мне: кого тебе надо?
Возьмешь ли красотку с косой золотой,
Нужна ль андалялька — владелица стада?»

— «Красотка с косой золотой не нужна:
Со всеми придется делиться женой!
К чему андалялька-богачка жена?
Падет ее скот без остатка весной!
Двоюродная мне по нраву сестрица».
— «Ну что ж, не перечу, ты можешь жениться».

Вот солнце зашло, — отправляется сват.
Надвинулся вечер, — и стал я женат.
Как ночь наступила, вернулся домой.
Я начал беседу с женой молодой:
«Бешмет расстегни-ка, моя дорогая, —
Меня раздевала не раз и другая.
Сними-ка чувяки, — и прежде, бывало,
Мне женщин немало чувяки снимало!»

— «Бешмет, говоришь, расстегнуть? Наперед
Тушинца кинжал пусть его расстегнет!
Велишь, муженек, чтоб чувяки сняла?
Тебе пусть их снимет сначала мулла!»

Чудно! Ну и ну! И в ночной тишине
Лежу я в постели спиною к жене.
Проснулся внезапно от грустного сна,
Смотрю я — стоит мой чабан у окна.

«Да с миром пребудешь ты, юный храбрец!»
— «Привет и тебе, охранитель овец!
Мука на исходе, одежда ли — в клочья,
Зачем мой покой нарушаешь ты ночью?»
— «Одежда цела и муки есть запас,
Тушинцы угнали отару у нас».
«О мать, поскорее коня выводи,
Пока я обуюсь, коня снаряди!»

Пока одевался, коня снаряжала,
Пока обувался, коня оседлала.
Еще не успела схватиться за стремя, —
В седле уже сын, и торопится время.
«О сын мой, да счастье найдешь впереди!
Коня по аулу ты тихо веди,
Минуешь аул — поскачи побыстрей,
Для этого плеткой взмахни ты своей».

Я сделал, как мать научила меня:
Неспешно повел по аулу коня,
Но быстро помчался, оставив аул, —
Для этого плеткой три раза взмахнул.
Увидел врагов, совершивших разбой:
Тушинцы делили уже меж собой
Овец моих лучших, тех самых овец,
Что сыну в наследство оставил отец.

Кто ближе стоял, тех клинком изрубил,
Кто дальше стоял, тех ружьем погубил.
Но пуля тушинца вошла и в меня.
За овцами следом погнал я коня.
Прожгла меня пуля, но я наконец
В овчарню привел своих лучших овец.
С великим трудом прискакал к шалашу.
Страдаю от раны и громко дышу.
Встречал меня пес, будто брата, без лая,
А тут заскулил, в небо морду вонзая.

Что в мире стряслось? — я хотел бы узнать.
Проснулся аул! И увидел тогда я:

Идет впереди аульчан моя мать,
А с матерью рядом — жена молодая.

«Жена, — я сказал ей, — прими мой привет.
Ты мне расстегнуть не хотела бешмет,
Но пуля тушинца его расстегнула.
Чувяки, жена, с моих ног не сняла, —
Теперь-то, наверно, их снимет мулла!»
И вот что услышали люди аула:

«Мой муж ненаглядный, джигит чернобровый,
От злых языков и наветов — беда.
Виною всему — наши сплетницы-вдовы,
Тебя одного я любила всегда».

18. ПЕСНЯ БАХТИКИ

Я косы чешу золотым гребешком,
Гонец из Шуши прибывает к нам в дом.
Я моюсь-купаюсь в серебряной ванне,
Гонец карабахский привозит посланье.
Чтоб всё разузнать — я спешу за порог.
Подружек моих шелестит шепоток;
Что брат — Умма-хан, мол, с удачей великой:
В Шушу выдает он бедняжку Бахтику!

На крышу всхожу я, раздумий полна.
Будь проклят, о брат мой, на все времена!
Спускаюсь я с крыши, раздумьем объята.
Пусть бог покарает жестокого брата!..

«О сжалься, мой брат, заклинаю — прошу!
Зачем выдаешь ты Бахтику в Шушу?!
Недобрые слухи о хане в Хунзахе:
Отцовы враги там живут в Карабахе».

— «Что делать, сестра?.. Ведь шушинский гонец
Набил серебром мой просторный дворец!

Могу ли сестру не отдать в Карабах?!
Ведь наша родня щеголяет в шелках?!»

— «Когда серебро тебе дорого, брат, —
Пусть лед серебром обернется и град!
Коль золото брату дороже сестрицы, —
Пусть в золото горный наш кряж обратится!..

Из денег, что дал тебе будущий зять,
Нельзя ль сошники для хунзахцев сковать?
А если излишек останется малый, —
Наделать бы кос, чтоб косили Хабдалы!
Пусть пашут хунзахцы у нас на юру!
За этим в Шушу выдаешь ты сестру?!

Богатые ткани, что были в добавке,
В Таллухе продай, хоть не сыщешь там лавки!..
Пускай твой визирь народит дочерей.
Продай их, мой брат, и скорей богатей!..

Но если он всё ж предрешен, мой уход,
Пусть бархат и шелк всем хунзахцам пойдет!
Но если глаза у Бахтики померкли,
Аварцам насыпь ты монет, хоть по мерке!..»

О, если бы, мать, ты живою была,
Бахтике вослед ты бы с плачем пошла.
О, был бы он здесь, молодой Нуцал-хан,
Взглянул бы и он, как пойду я в Байган!
Где малый Булач?.. Ох, взяла б его жалость,
Узнай он, какая мне участь досталась!
Магомед-Мирза! Краем глаза взгляни,
Как я, зарыдав, побреду вдоль Заи!

Нет, если идти на чужбину придется,
Пусть пропастью черной мой путь оборвется.
Когда в Карабах повелят мне идти, —
Река без моста пусть отрежет пути!

«Пусть черною пропастью путь оборвется, —
Тебе продолжать его всё же придется.

Река ль без моста перережет пути, —
Бахтике — хоть вплавь — а придется идти!»

— «Когда бы попались заставы, затворы! —
Ведь путников грабят микратльские воры!
Когда повстречать бы разбойников мне,
Мой брат, чтоб твоей поломаться спине!
Суда в Алазани, случается, тонут...
Неужто же волны Бахтику не тронут,
Не скроет навек черно-сизый туман?!
Будь проклят, злодей! Проклят будь, Умма-хан!»

Увы! не попались засады, затворы,
Микратльские нас не ограбили воры!
Разбойники! Что ж вы не встретились мне?!
О брат, чтоб твоей поломаться спине!
Спокойною стала вода Алазани,
Увидев Бахтику, притихла заране,
Навек не сокрыл меня сизый туман...
Пусть волны сокроют тебя, Умма-хан!

Ущелья в горах, о колодцы печали!
Хочу, чтоб в Хунзах вы привет передали!
О синие горы, о скопища бед!
Поведайте брату, что зла во мне нет!
Скажите ему, что Бахтика-сестрица
Живет словно в сети попавшая птица,
Глядит на подруг, что летят в вышину;
Что я здесь, в Шуше, как грузинка в плену,
Тоскую в оковах о небе высоком...
Пускай донесет эту весточку сокол!

В ауле чужом — будь хоть ветер, хоть дождь! —
Свининой воняет, что не продохнешь.
Не скрыться и дома от запахов скверных,
Столь сильно смердит от квартала неверных!
Когда за обед ты усядешься тут,
Свинину тебе на обед подадут!
А вздумаешь чистой водицы напиться,
Так водки подбавят тебе и в водицу!
Омыться решусь — и немедленно мне
Кровищи свиной принесут в кувшине.

Намаз совершаю... Мой коврик припряча,
Подбросят мне под ноги кожу свинячью!

«Он — хан!» — говорил ты, приняв его дар.
Какой же он хан?.. Он — носатый каджар!
«Он — бек», — говорил ты... Да, как бы не так?!
Какой же он бек?! — плешивый ишак!

19. ПЕСНЯ ОБ АЛИ-МОЛОДЦЕ

С овечьей отарой в зеленых горах
По склонам скитался Али-молодец.
Меж скал на горе он поставил шалаш,
Усталый, уснул, чтобы встать на заре.
Приснились джигиту недобрые сны,
Под утро они разбудили его.
И видит Али: сыродел из села,
Осла погоняя, подходит к горе.
«Саламун-алейкум, Али удалой!»
— «Алейкум салам, дорогой сыродел!
Спасибо, что мимо меня не прошел,
Скажи мне, что слышно в родимом селе,
Какою молвою живет джамаат?»
— «Я нового слова тебе не принес,
Все живы-здоровы в селенье родном.
Одною молвою живет джамаат,
Не рад я тебе эту весть сообщить.
Та весть о хозяйке твоей молодой:
Чужой молодец ходит в саклю ее,
И малые дети остались одни,
Они, как сироты, всё клянчат куски.
А бусы, что ты ей купил у купца,
Теперь у того молодца, говорят».
Помедлил немного, вокруг поглядел,
Своею дорогой ушел сыродел.
И предался горю Али-молодец,
Все двести овец, что он пас на горе,
Зарезал кинжалом и бросил в овраг,
Послушных пастушьих собак разогнал.
И в путь зашагал к ненаглядной жене.

«Саламун-алейкум, бесчестная тварь,
Которую звал я своею женой!»
— «Алейкум салам, мой Али-молодец,
Пасущий овец на далеких лугах.
Наверное, ты утомился в пути,
Позволь мне еды принести и бузы».
Но кружку с бузой и тарелку с едой
Али опрокинул ударом ноги.
«Скажи мне на милость, Али-молодец,
Что это случилось сегодня с тобой?
В согласии много мы прожили лет,
И нынче с тобою нам спорить зачем?»
— «Когда, как не нынче, тебя мне бранить,
Ты брани моей не услышишь потом.
Когда, как не нынче, мне плакать навзрыд,
Ты, мертвая, слез не увидишь моих».
И вынул он острый кинжал из ножен,
Наотмашь кинжалом ударил жену.
«Али, да продлит твои годы аллах,
А я, мой любимый, прощаю тебе.
Ты только меня отнеси на кровать.
Лежать не хочу на полу я в крови».
— «Тебя я могу на кровать отнести,
Когда ты мне скажешь, где бусы твои!»
— «Аллах да хранит тебя, грозный мой муж,
Хранятся они в сундуке под замком».
Он отпер сундук — и подарок жене,
Жемчужные бусы на дне увидал.
И тело жены положив на кровать,
Он к матери в саклю чуть жив прибежал.
«Саламун-алейкум, родимая мать!»
— «Алейкум салам, мой любимый Али,
Тебя привели к нам какие дела?
Овцу ль ты пригнал и для нас заколол,
Пришел ли в селенье за белой мукой?
Соскучились дети вдали от тебя,
Жена стосковалась, Али, по тебе?»
— «Пришел я, родимая, не за мукой,
И не заколол я на мясо овцу.
Святого ягненка убил я со зла,
Дурного козла мне осталось убить».
И снова пошел он к жене молодой,

Глядит, а бедняжка не дышит совсем,
Уже потемнели большие глаза.
Застыла слеза на бескровной щеке,
И пальцы ее охладевшей руки
Прямы, как дербентские карандаши.
И словно проклятые бусы, блестят
Жемчужные зубы в оскаленном рту.
И вытащил снова кинжал свой Али
И грудью упал на его острие.

Отсохни, проклятый и лживый язык,
Который привык клеветать на людей.
Пусть очи откроются тех простаков,
Кто сразу поверить готов клевете.

20. АЛИ, ОСТАВЛЕННЫЙ В УЩЕЛЬЕ

«Пойдем же, Али, к той гранитной скале!
Там сокол глубоко в ущелье, во мгле,
Птенцов своих вывел, как в прошлом году».

— «Нет, братья, к гранитной скале не пойду!
Я чую коварство, я чую беду».

— «Зачем нам коварство и умыслы злые?
Ты — брат наш, а мы тебе — братья родные».

— «Коль правду сказали вы, милые братья,
Ремни предлагаю надежные брать я,
К гранитной скале все втроем мы пойдем...»
К гранитной скале они вышли втроем.

«Судьба наша, братья, решится на небе:
Тот спустится в пропасть, кто вытянет жребий!»

Все к шапке один за другим подошли,
Но вытянул жребий несчастный Али.
Связали, спустили его в котловину...
«О соколе, братья, тут нет и помину!

Одна лишь ворона гнездо тут свила!..»
— «Когда же о соколе речь у нас шла?..
О соколе речи и не было сроду...» —
Ответили братья, готовясь к уходу.

«Ой, братья, меня подымите отсюда!
Я милости вашей вовек не забуду!
Пятьсот тонкорунных отборных овец,
Что мне отказал, умирая, отец,
Ту землю, какую давала мне мать,
Немедля клянусь вам обоим отдать!..
Не нужно в ущелье меня оставлять!»

— «Пятьсот тонкорунных отборных овец, —
Стада, что тебе отказал наш отец, —
Мы поровну между собою разделим,
А ты оставайся, виси над ущельем!
И землю твою мы себе заберем,
На части разделим, отметив ремнем.
А ты оставайся в ущелье своем!»

Ушли они, к слезным мольбам непреклонны.
И вот прилетает в ущелье ворона,
На склоны садится и землю когтит,
Круги над несчастным по небу чертит.

«К гнезду моему, недоступному птице,
Али злополучный, как мог ты спуститься?
Куда не доносит и птичье крыло,
Какое несчастье тебя привело?»

— «К гнезду твоему, недоступному птице,
Мне братья мои помогали спуститься.
Куда не доносит и птичье крыло, —
Коварство ближайших родных привело...
Ворона, да будут птенцы твои сыты,
Попробуй, меня на скалу подними ты!»

— «Увы, мне тебя не поднять всё равно,
Ведь крылья мои ослабели давно.

В заботах семейственных я похудела,
И прежняя сила моя оскудела».

— «Ворона, да будут птенцы твои целы!
Когда б ты к родимой моей полетела,
Когда бы сказала жене молодой:
В ущелье Али под гранитной скалой!..»

Ворона немедля в дорогу пустилась
И с криком над крышей Али закружилась.

«Кружись не кружись, — ей жена говорит, —
Я знаю, Али над ущельем висит».

— «Кричи не кричи, — так ей молвила мать, —
Я знаю, что тяжко Али голодать...»

И мать и жена собираются в путь,
Чтоб участь Али облегчить как-нибудь.

Берут они с сахаром сумку с собой,
Кувшинчик берут они с белой бузой.

К гранитной скале они обе пришли,
Наверх поднялись и шагнули на край.
И громко они закричали: «Али!»
И слабо в ответ им послышалось: «Вай!»
В расселину бросили сумку... «Хватай!»
Но сумки добросить они не смогли.

И снова: «Али!» — закричали они.
«Вай!» — эхо опять до ушей донесло...
Бузу из кувшина плеснули: «Глотни!»
Но мимо буза пролилась, как назло.

«Мать! — слышат они. — Подойди и вглядись!»
Шагнула вперед она, глянула вниз
И видит, что яркий, нарядный бешмет,
В который ее ненаглядный одет,
Скользит по уступам, вдоль каменных плит,
Вниз, вниз хоросанская шапка летит,

Красивая шапка богатого меха...
Всё падает вниз, и доносит им эхо:
«Вабай-вада-дай, да сотрут мое имя!
Угай-ага-гай! Я загублен своими!»

Бегут они обе по длинной дороге
И видят, как милые руки и ноги
Катятся по скалам, дробятся, мелькают...
И белые кости, как сахар, сверкают
Меж камнями черными и меж корнями...
И женщины сумку набили костями,
К печальным останкам склонившись с любовью,
Кувшинчик наполнили алою кровью.
И с этим домой воротились к родным...

Там заняты братья разделом своим.
Пятьсот тонкорунных отборных овец,
Что третьему брату оставил отец,
Они меж собой поделили, считают
И братнину землю ремнем вымеряют...

В их лица злодейские мать заглянула
И сумку с костями на землю швырнула.
«Быть может, вам мало овец и земли,
Так это еще добавляет Али!
А может, в придачу и это годится?!» —
И кровью горячей плеснула им в лица!

21. ЛЮБОВЬ, ПРИШЕДШАЯ В ЮНОСТИ

— О фиалка, расцветшая на горе!
О фиалка, вся в золоте и в серебре!
Есть ли что-нибудь в мире прекрасней тебя?
— Есть:
Любовь, пришедшая в юности!
— О тростник, что растет на далекой земле!
О тростник, с белым сахаром в белом стволе,
Есть ли в мире хоть что-нибудь слаще тебя?
— Есть:
Любовь, пришедшая в юности!

22. ГОЛУБКА НА СКАЛЕ

«О голубка на скале
В оперенье золотом!
Что отдать мне за тебя
Своенравному отцу?

О высоко в небесах
Реющая ласточка!
Как согласье получить
Твоих братьев-гордецов?»

— «Выдает меня отец, —
Только взять меня сумей.
И согласье братьев есть, —
Только что заплатишь ты?»

— «Был бы румским я царем —
Отдал бы тебе престол,
Отдал бы тебе престол,
Сам бы пред тобою стал.

Был бы этот мир моим —
Отдал бы тебе весь мир,
Отдал бы тебе весь мир,
Сам рабом последним стал.

Если б небом я владел,
Я бы небо разделил.
Ад оставил бы себе,
А тебе вручил бы рай.

Но ведь я не румский царь,
Миром не владею я,
Небом не владею я,
Что ж отдать мне за тебя?»

23. МАТЬ И ДОЧЬ

«Мать, проснись, проснись скорей
И на диво погляди:
Ведь зеленою травой
Проросли кругом снега!

Мать! На крышу подымись
И на чудо посмотри:
Там в ущелье синий лед
Весь фиалками покрыт!»

— «Дочь! Траве не прорасти
Сквозь сугробы по горам.
Это юности твоей
Всюду чудится весна.

Дочь! Фиалки не цветут
В стужу зимнюю на льду.
Влюблена ты, а любовь
Тешит выдумками взор!»

24

Я вздыхая спать ложусь
И печальная встаю:
Мать задумала меня,
Как сокровище, беречь.

«Лучше б серебро свое
Берегла ты в сундуках,
А меня давно пора
Замуж, матушка, отдать».

Я печальная ложусь
И со вздохами встаю:
Братья в холе целый век
Задались меня держать.

«Хольте, братцы, — говорю, —
Вы лихих своих коней,
А меня пора давно
В руки милому отдать».

25

Я ходил возле башни, где пава живет,
А народ говорил, что в грехе я погряз.
Только раз мне послышался голос ее,
А уже говорят: «Ты нарушил адат».

Взгляд мой ищет тебя. Если это грешно,
Всё равно я в своем не покаюсь грехе.
Я тебя полюбил; если в этом вина,
Покарайте меня: я вины не таю.

Отчего так пекутся соседи о нас?
Почему столько глаз за тобою следят?
Почему так старательно яд клеветы
Все подсыпать хотят в чашу нашей любви?

26. ДЕВУШКА ИЗ ЧУЖОГО АУЛА

Судачат соседки в ауле твоем
О том, что нередко встречают меня.
Пусть вслед мне смеются, я вытерплю всё,
Но ты надо мною смеешься зачем?
Вчера я, ладонь положив на кинжал,
Сказал, что к тебе никогда не пойду.
Сегодня я вспомнил о слове своем,
Когда под окном у тебя замерзал.
Недаром в народе у нас говорят:
Любви не находят в ауле чужом.
Чем так мне томиться и ночью и днем,
Уж лучше влюбиться в соседскую дочь.
Чтоб в саклю ее невзначай забегать,
Идет она по воду — ей помогать.

27

Жемчужины белой
Я чище была,
Но ты меня бросил,
Возлюбленный мой.

Высокой чинары
Была я стройней,
Но ты разлюбил меня,
Суженый мой.

За мной ты повсюду
Ходил по пятам,
Как ходит охотник
За зверем лесным.

А нынче бежишь ты
При встрече со мной,
Как зверь от охотника,
Прячась, бежит.

Ах, жестокая любовь, жестокая любовь,
От мирозданья созданное чудо!
Ах, любованье глаз, любованье глаз,
Людям на радость данное, а мне на горе!

28

И волк не стыдится волчицы своей,
А ты от людей хочешь спрятать меня.
Голубка летит, не таясь, с голубком,
А мы лишь тайком друг на друга глядим.

29

Любимые щеки — созревший гранат,
Но в сад, где растет он, мне вход запрещен.
Любимые губы как райский цветок,
Но рай, где растет он, далек от меня.

30. ТЫ УШЕЛ

Была я с тобою, была пред тобой
Травой, на которую пала роса.
Ушел ты — я желтою стала листвой,
Которой не жить, если лето ушло.

31. МОЯ БОЛЕЗНЬ

Если б в сердце мне пуля попала,
Вынул пулю и был бы здоров.
Если б в сердце стрела мне попала,
Я б за деньги позвал докторов.

Но любовь разрывает мне сердце,
Не извлечь мне из сердца ее.
Пламя страсти сжигает мне сердце,
Но не лечишь ты сердце мое.

32

Словно птица, чьи перья на солнце горят,
Ты стоишь перед входом на людный базар.
Неужели и ты запылала огнем?
Не огонь это, алое платье твое.

Ты летишь от меня ворковать в тишине,
Нет, не веришь ты мне, не глядишь на меня.
Я руками могу разорвать свою грудь,
Чтобы ты поглядела на сердце мое.

Птица, пава, живущая в клетке чужой,
Песни пой для меня. Для кого ты поешь?
Для кого ты свое золотое шитье
Днем и вечером не выпускаешь из рук?

33

В море с неба звезда упала,
Вода ее приняла.
Девушка и не знала,
Что любовь неправдой была.

Ветер слово унес за скалы,
Не отыскать следа.
Девушка и не знала,
Что любовь для нее — беда!

34. ЧТО Ж ПОДЕЛАТЬ!

Что ж поделать, если мир жестокий
Заставляет нас гореть в огне!
А тебе спасибо, гордый сокол,
Хоть ты и не женишься на мне.

Не забудь меня, мой гордый сокол,
И в горах, где близки небеса,
Где, как наша грусть, в траве высокой
Светлая рассыпана роса.

Вспомни, сокол, обо мне в долине,
Где на перекрестке двух дорог,
Окруженный стеблями полыни,
Умирает полевой цветок.

Знаю, сокол, дорогая птица,
Бессердечны твой отец и мать.
Но спасибо — ты хотел жениться,
Ты не обнял, но хотел обнять.

35

На свете есть ли девушка несчастней,
Чье сердце сокол в небеса унес?
На свете есть ли девушка несчастней, —
Я плачу, я зову, но он не видит слез.

Ты, черный сокол, вьешься в туче белой, —
На то и крылья птице, чтоб лететь, —
А мне на то и сердце, чтоб болело.
Когда не по тебе, по ком ему болеть?

36

Я хочу, чтобы песня к тебе понеслась,
Чтобы в тело впилась и пронзила насквозь,
Чтобы жиром заплывшее сердце твое
Загорелось, как сало оплывшей свечи.

Я, лишенная силы, слезами зальюсь,
Чтоб река этих слез закрутила тебя,
Чтоб покинул ты землю и в ад угодил,
Как покинул меня для жены молодой.

37

Если ветер подует во мраке,
Приходи, я тебя буду ждать.
Приходи, буду ждать.
Скрипнет дверь, прошуршат ли чувяки,
«Это ветер», — подумает мать.
Вай, подумает мать.

Темной ночью по свежей пороше,
Чтоб на нас не накликать беды,
Не накликать беды,
В дом ко мне не крадись, мой хороший,
Утром люди увидят следы.
Вай, увидят следы.

38

На вершине чинара ветвистая
На страданье влюбленным растет,
А в теснине река каменистая
Расставанье влюбленным несет.

Дует ветер, чинара ветвистая
Что-то шепчет, как злая свекровь;
Как золовка, река каменистая
Омрачает влюбленным любовь.

39

Ты, птица, не знаешь, что значит беда, —
Где выше гора, туда и летишь.
Ты, рыба, не знаешь, что значит тоска, —
Где глубже река, туда и плывешь.

40. КУКУШКА

О нет, не жалела я, не понимала
Кукушку, что криком кричала в лесу.
Теперь я добрей и понятливей стала —
Сама безответно я друга зову.

41

У купца в магазине
Дорогую бутылку
Даже тем, кто не купит,
Поглядеть разрешают.

И в саду богатея
На чудесную розу
Даже бедным прохожим
Поглядеть разрешают.

И добром не владеть мне,
И цветка не сорвать мне.
Почему ж и глядеть мне
На тебя запрещают?

42. ДЕВИЧЬЯ ПЕСНЯ

Я к скалам высоким
Ходила с силком,
Да только не сокол
Запутался в нем.

Силков он не тронул,
Приманки не взял,
В силки самое меня
Ворон поймал.

Я в чаще далекой,
В высокой траве
Капкан укрепляла,
Мечтала о льве.

Но лев златогривый
Не тронул капкан.
Меня заманил
Кровожадный кабан.

Зубами, клыками
Мне впился он в грудь.
Он кровь мою выпил,
И мне не вздохнуть.

Прощай навсегда,
Бессердечная мать,
Тебе убиваться,
А мне погибать.

Прощай, мой проклятый
Недобрый отец.
Ты продал меня,
Как шуринский купец.

И братья, прощайте,
Считайте калым.
Вы счастливы будьте
Несчастьем моим.

43

Меня ты оставил,
Джигит удалой,
И вечной невестой,
И юной вдовой.

В папахе высокой
Джигит молодой,
Чернели усы
У тебя над губой.

А груди мои,
Как на ветке плоды,
Созрели и стали
Крепки и тверды.

Не тронутый пальцами
Любящих рук,
Иссохнет в саду
Перезрелый урюк.

Был сахар в глазах
Для услады твоей,
Был мед и шараб,
Я просила: испей!

В папахе высокой
Джигит молодой,
Навек ты остался
За дальней грядой.

За дальней грядой,
За чужою рекой,
Но мне не хотят говорить
За какой.

Когда б наша повесть
Дошла до Мисри,
О нас бы сказитель
Рыдал до зари.

44. ЯБЛОНЯ

Девушка

Я тонкая яблоня в шрамах и ссадинах.
Меня подрубил ты — кому я нужна?
От грозди отпавшая я виноградина.
Меня уронил ты, кому я нужна?

Юноша

Я вылечу, яблонька, все твои ссадины.
Тебя обтрусив, сберегу я плоды.
Моя дорогая, моя виноградина,
Тебя подниму я, спасу от беды.

45. Я ШЕЛ ЗА ЦВЕТАМИ...

Юноша

Я шел за цветами по райской долине,
Но в ад я упал и цветов не сорвал.
Я шел прикоснуться к священной Медине,
О камень споткнулся и спину сломал.

Девушка

Я в рай благодатный дорогу искала,
Но в яму упала и плачу в тоске.
Я райскую птицу однажды поймала,
А глянула — ворон сидит на руке.

46—54. *ЧЕТВЕРОСТИШИЯ*

1

Муталим щеголяет в черкеске и смыслит
в Коране.
Но ведь мне-то известно: он трус и скупец.
А чабан ходит в шубе рваной бараньей
И не смыслит в Коране, а молодец.

2

Ты белую руку протянешь с земли
И солнце достанешь с лазурных небес.
Ты к синему морю придешь, и волна
Кораллы и жемчуг со дна принесет.

8

Взгляни, чтоб прочла я во взгляде твоем,
Пылаешь ты прежним огнем или нет.
При всех без стесненья меня обними,
Чтоб знали в селенье про нашу любовь.

4

Небесная пава стремится к тебе —
Ты мимо идешь, ненасытный джигит.
Стремится чудесная птица к тебе,
Чего же ты ждешь, ненасытный джигит?

5

Полюбила я зурнача,
Невзлюбили меня в округе.
Разлюбила я зурнача,
Полюбили меня подруги.

6

Если на цветок мухи прилетят,
Не увянет он, голову склоня.
Злые языки что ни говорят,
Не коснулась ржа золотой меня.

7

Друг мой дорогой, смерим-ка любовь,
Взвесим на весах, чья любовь сильней.
Ну-ка, сокол мой, смерим нашу страсть,
Неужель твоя горячей моей?

8

Не кувшин придет к тебе на кутаны,
Не ковер на прополку пойдет за тобой.
Обнимать тебе не сундук с приданым,
Целовать тебе губы жены молодой.

9

Разве сердце в груди у меня не затем,
Чтоб любить полюбившихся мне молодцов?
И даны мне глаза не затем, чтобы видеть
Тех джигитов, которые любят меня?

ОБРЯДОВЫЕ, ТРУДОВЫЕ, БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

55. МУСАЛАВ

Пусть беда поразит тебя, хан Квази!
Ты посланьем в Ансох молодежь созвал.
Пусть они пропадут в Кахетии все,
Кто гонца своего к Мусалаву слал!
Ускакал Мусалав за крутые хребты,
Оставил меня он в кровавых слезах,
Оставил меня в громких стонах, в беде,
К Тиндинским лугам сокол мой улетел.

Пропадал Мусалав пять ночей и дней.
Весть из Цора пришла.
(Пусть провалится Цор!)
Весть из Цора пришла,
Что убит Мусалав.

Твоя слава вовек не умрет, Мусалав!
Ты к кумыкам пошел войска собирать.

Кровный мститель пускай в роду не умрет!
Гидатлинский отряд он увел в поход.
Если ты с высоты за войсками ушел,
Что же конь твой с пустым седлом прискакал?

Если в бой он увел гидатлинский отряд,
Что же сестры мужской надели наряд?
От кумыков войска пришли, говорят,
И в ущелье Квази станом стать хотят.
В Курали Собо пир богатый рядят.

Как в ущелье Квази им станом стоять,
Если наш Мусалав на чужбине пропал,
Если сокол погиб, что как солнце сиял?
Как пиры в Курали Собо затевать,
Если ты, мой родной, не вернулся домой?

Та Сурхаевых стен золотая броня
Разлеталась по швам на ширванских полях...
Был ты радуги столб на отцовском дворе.
Нет, не верю, что ты под Цором убит!

Правда, нету отца у того, у кого
Добрых тысяча есть молодых сыновей.
Но когда — молодой — ты в походе погиб,
Сразу, за день один, постарел твой отец.
Все теряют родных. Но когда ты погиб,
Сразу бедная мать постарела твоя.

Тот бешмет, что был ему сестрами шит,
Носит в горьких слезах невеста его.
А черкеску его, что сшила она,
Носят в горьких слезах только сестры его.

56. ПЛАЧ О ПОГИБШЕМ ГЕРОЕ

В далекие Джары
Ушел мой милый.
Уходя,
Через каждые пять шагов он оглядывался.
Ясноглазый ушел
Далеко в Загорье,
Бесстрашный, как волк,
На коне лихом.

Вот пришла из Джаров
Леденящая весть:
Уже
Не вернутся соколы обратно.
Из Загорья пришла
Палящая весть:

Что остался лев на перевале.
Милосердный бог!
Я б хотела орлицею стать,
Чтоб коснуться руки охладевшей.

Я б хотела
Голубкою горной быть,
Чтоб в лицо побледневшее
Глянуть.
Завидую, завидую тебе,
Шакал Загорья, —
Ты тела пожираешь тех,
Кто носил стальные кольчуги.
И тебе завидую,
Ворон речной, —
Ты клюешь очи тех,
Кто разъезжал на быстрых конях.

Пожрав тела тех,
Кто носил стальные кольчуги,
Шакал укрылся в темные леса.
Выпив очи
У обладателей быстрых коней,
Ворон с карканьем взвился
В голубое небо.

57. ПЛАЧ ПО УМЕРШЕМУ СЫНУ

Ты снимал по утрам хоросанскую шапку,
А теперь не снимаешь ее предо мною.
По ночам мелькала андийская бурка,
А теперь я бурки твоей не вижу.

Солнце заходит, темнеют горы,
У меня лицо от горя темнеет.
Солнце заходит, чернеют дали,
Темная ночь у меня на сердце.

Я мать, несчастная, как долина,
У которой трава на корню сгорела.

Я мать, несчастная, словно пальма,
С которой упал недозревший финик.

Женился друг на твоей невесте,
Сосед на твоем чунгуре играет,
А мне что делать, мой сокол ясный?
Я гляжу на серый могильный камень,
Это всё, что мне от тебя осталось.

58—59. *ПЕСНИ ЖЕНЫ НА СМЕРТЬ МУЖА*

1

Ветром сорвало платок головной,
Легкая кофта сгорела в огне.
Холодно мне. В нашей сакле пустой
Гаснет свеча и очаг не горит.

Песню какую запеть мне теперь
Сыну, который лишился отца?
В лес убегу, пусть рассерженный зверь
Деток моих разорвет и меня.

В горы пойду я, не видя дорог,
Легкую люльку неся на спине,
Чтобы рассерженный горный поток
Нас загубил в водопадах своих.

2

Злые соседи, не надо мне лгать, —
Что вам за польза во вдовьих слезах?
Ловкий аробщик, наверно, опять
В город поехал он камни возить.

Злые соседи, не надо мне лгать, —
Он не оставил меня и детей.
Верный мой пахарь, наверно, опять
В поле плетется он вслед за сохой.

Он за дровами взбирался на склон.
И возвращался с цветами назад,
Ехал за солью с соседями он,
Сахар с собою домой привозил.

60. МОЙ ЗАРАБОТОК

Я на тебя работал —
От пота кожа горела.
Я на тебя работал —
Тело мое болело.

Я одежки трепал свои,
Я лепешки жевал свои,
Я всем тебе угодил,
А чем ты мне заплатил?

Я работал три года длинных,
Я не видел ни ночи ни дня.
Ты, хозяин, яйцом петушиным
За труды наградил меня.

61. МЕЧТА БЕДНЯКОВ

Если б камни над нами
Были бы курдюками.
Вай, лабазан, алла!

А горы вдали с отрогами —
Баранами круторогими.
Вай, лабазан, алла!

А скалы в своем величии
Боками бы стали бычьими.
Вай, лабазан, алла!

Снега на вершинах вечные
Сырами б стали овечьими.
Вай, лабазан, алла!

Была бы в речке бурливой
Вода чесночной подливой.
Вай, лабазан, алла!

В той речке, припавшей к скалам,
Вся галька бы стала хинкалом.
Вай, лабазан, алла!

В лесу, где узки дорожки,
Росли б на деревьях ложки.
Вай, лабазан, алла!

Да от всего бы хоть малость
Нам, беднякам, бы досталось.
Вай, лабазан, алла!

62. ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Чашу ту, что налита,
Кто ж проносит мимо рта?
Если же она пуста,
Пусть расколется совсем.

Пусть горючая слеза
Не туманит нам глаза.
Наилучшая буза
Пусть в глаза ударит нам.

На крюки под потолки
Мы повесим курдюки.
А с бузою бурдюки
Пусть в сторонке обождут.

Мы для всех, кто здесь в гостях,
Теплых понашьем рубах,
Белых понашьем папах
Из бараньих курдюков.

Пожелаем, чтоб со скал
К нам рекою тек хинкал,
Чтобы землю освежал
Дождь красавиц молодых.

Пусть, друзья, наш сад плодится,
Чтоб нуцалам удавиться,
А пшеница пусть родится,
Чтобы ханам умереть.

Пусть погибнет хитрый вор,
И покроет пусть позор
Тех врагов, что до сих пор
Не показывались нам.

Да пошлет богатства бог
Тем, кто наполняет рог.
Тем, кто осушает рог,
Пусть аллах здоровье даст.

63. МОЛЬБА О ДОЖДЕ

Бог непреклонный, дождя нам пошли,
В трещинах лоно иссохшей земли.
Влаги пошли, нас неслышащий бог,
Чтобы пшеница взошла и горох.

Господи, дождь пусть пойдет проливной,
Встали бы травы на склонах стеной,
Чтоб желоба оказались малы,
Чтобы хвосты опускали козлы.

64

— Выбрав полночь потемней
Я к возлюбленной пошел,
Но с другим ее застал
На постели в этот час.

Сердце замерло в груди,
Покачнулся крепкий стан,
Но смолчал я и один
Воротился в отчий дом.

Утром рано, чуть заря —
Вышел на берег реки.
Вижу,
          щедрая в любви,
По воду одна идет.

Посмотрите, как идет,
Сколько гордости в плечах!
Будто я и не ее
В эту ночь застал с другим!

Девушка остановилась. Она поставила кувшин на землю и ответила юноше:

— Выбрав ночку потемней,
Редко ходишь ты ко мне.
А одной мне спать невмочь,
Если некого обнять.

Ты в обиде? Так пойдем,
Пусть рассудит нас судья.

И отправились мы с ней
К дому сельского судьи.
— Ассаламун алейкум,
Миром выбранный судья!
— Ваалейкуму салам,
Птичка в красных башмачках!

И девушка попросила кадия выслушать ее:

— Выбрав полночь потемней,
Редко он ко мне придет.
Мне ж уснуть невмоготу,
Если некого обнять.

Знаю я, что тяжкий грех
Деньги у людей украсть.
Но велик ли будет грех
Друга милого обнять?

Знаю я, что тяжкий грех
Черное любить вино,
Но какой же грех — любить
Друга черные глаза?

И кадий, говорят, ответил так:

— Правда, девушка, твоя,
Деньги красть весьма грешно!
Но за грех я не почту
Друга милого обнять.

Правда, самый тяжкий грех —
Черное любить вино!
Черные ж глаза любя,
Попадаешь прямо в рай!

65

Ну и парень,
Смех и грех.
Ты посмешище
Для всех.

Если встретишься
С джигитом,
Сходен ты
С котом побитым.

Встретится тебе
Герой,
Ты как мышь
Перед горой.

Только в споре
С хилой бабой
Ты могучий,
А не слабый.

Если пред тобой
Калека,
Ты похож
На человека.

66. МОЯ ЛЮБИМАЯ

Я встретил красавицу пасмурным днем,
Сожгла мне всю душу холодным огнем.
Я с первого взгляда ее полюбил,
Как вспомню — мне тошно и свет мне не мил.

Как холмик могильный у милой спина,
А ходит, как мокрая квочка, она.
Моя дорогая тонка и стройна,
Как старая винная бочка она.

У этой красавицы маленький рот —
От уха до уха в улыбке плывет.

А в нос ее алый (он чуть набоку)
Две меры, пожалуй, войдет табаку.

Ей-богу, ну всем дорогая взяла:
На пальчиках ногти, как когти орла.
А ручки — я сроду не видел таких, —
И черная шерсть и колючки на них.

Ресниц разноцветных свалялись концы,
Как шерсть шелудивой, паршивой овцы.
Еще хорошо, что совсем не нужна
Расческа любимой — плешива она.

Я с первого взгляда ее полюбил,
Как вспомню любимую — свет мне не мил.
Я думаю часто о ней, и тогда
Мне в рот не идет ни питье, ни еда.

67. ШТРАФ

Неразумный мой осел
В огород чужой забрел.
Рассудили, кто не прав,
Наложили штраф.
Не дал бог мне, чем платить,
Я к дебиру: как, мол, быть?

А дебир у нас чудак,
Шепчет: дескать, штраф — пустяк,
Шепчет: дескать, штраф — пустяк,
А сам ко мне и так и сяк...

От дебира я отбилась,
Но жена его явилась
И, увидев, что случилось,
Рассердилась, распалилась,
В волосы мои вцепилась.

О аллах, скажи на милость,
Что с дебиром приключилось?
Или в чем я провинилась?

68. МАТЬ ЛЮБИМОГО

Соседкам сказала любимого мать,
Что сын, мол, меня и не думает брать.
«Коль сын твой, — сказала я, — взять не возьмет,
Так в жены, — сказала я, — зять твой возьмет».

69

И кожа твоя блестит,
И взгляд твой тоже блестит.
И коров у тебя много,
И волов у тебя много.
Только там, где ум у мужчины,
У тебя — скирды мякины.

70

Ой, чудна моя невеста:
Думает она,
Что красивая в ауле
Лишь она одна.

Ой, чудна моя невеста:
Думает она,
Что мне нравится в ауле
Лишь она одна.

Ой, красавицы аула,
Мой простите грех:
Кроме дорогой невесты
Я люблю вас всех.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

71—72. *КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ*

МАЛЬЧИКУ

У зайчика моего шелковые рукавицы,
Каждый волосик, как шелк, на свету серебрится.
Для зайчика моего из шелка я сшила рубашку,
Для зайчика моего сохранила отцовскую шашку,
Для зайчика моего за горами кони пасутся.
Ждут они не дождутся,
Когда подрастет мой зайчик.

ДЕВОЧКЕ

Ох, мамина травинка,
Любовь моя и боль.
Ты вишня из Голотля,
Тиндинская фасоль.

Зима наступит скоро,
Потом растает лед,
Весной соседский мальчик
К тебе играть придет.

Блестит твой первый зубик,
Глаза твои блестят.
Спи, мамина травинка,
Все дети крепко спят.

73. ДИНГИР-ДАНГАРАЧУ

— Где ты был, дорогой
Дингир-дангарачу?
— Был в лесу за рекой
Дингир-дангарачу!

— Что ты делал в лесу,
Дингир-дангарачу?
— Дуб свалил и несу,
Ноша мне по плечу.

— Пользы много ли в нем,
Дингир-дангарачу?
— Будет строить свой дом
Дингир-дангарачу!

— Для чего тебе дом,
Дингир-дангарачу?
— Там с женой заживем,
Я жениться хочу!

— А нужна ли жена,
Дингир-дангарачу?
— Даст мне сына она,
Дингир-дангарачу!

— А зачем тебе сын,
Дингир-дангарачу?
— Чтобы жил не один
Дингир-дангарачу!

Чтоб работал весь день
Сын Дингир-дангарачу!
Удобрял бы ячмень
Сын Дингир-дангарачу!

Весь ячмень я свезу,
Смолочу, замочу,
И наварит бузу
Дингир-дангарачу.

Будет губы мочить
Дингир-дангарачу,
Будет петь, будет пить
Дингир-дангарачу!

ДАРГИНСКИЕ ПЕСНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ И БОЕВЫЕ ПЕСНИ

74. ПЕСНЯ О ПОХОДЕ ЕРМОЛОВА

Был разрушен Башликент,
Изменил горам шамхал.
И Ермолов порешил
На даргинцев бросить рать.

«Ярмула-паша» царю
В донесении писал:
«Мной разрушен Башликент
И шамхал на службу взят.
От кумыкских долов я
До вершин аварских гор
Земли покорил мечом,
Ваш покорнейший слуга.
И мятежных горцев я,
Бог свидетель, не щадил.
Их селения пришлось
Обратить в руины мне.
Вдовы горцев слезы льют,
Плачут сироты в горах,
И шамхала из Тарки
Я в прислужниках держу.
На Дарго готовлю штурм,
И для этого прислать
Я оружия прошу
И резервные полки. . .»

. . .Ты, Ермолов, взял Дарго,
В этом помогли тебе

Кадии из Акуши,
Цудахарские муллы.
В этом помогли тебе
Суфий и старшины все,
Что запродали свою
Совесть так же, как шамхал.
Но не очень ты гордись,
Верноподданный гяур,
Ведь персидский Надир-шах
Тоже с войском приходил.
А когда разгромлен был,
Он сказал: «Пусть в Дагестан
Ни один персидский шах
Не является с мечом!»

75. ШАМИЛЬ

От строки и до строки
Песню славы боевой
Амузгинские клинки
Написали среди гор.

Навсегда слилась она
С посвистом свинцовых пуль
Там, где горец скакуна
На тропе бросал в намет.

Пушки царские, паля
В Дагестане и Чечне,
Долго войско Шамиля
Не могли огнем сломить.

И держал гряду высот
Полководец из Гимри,
А за ним стоял народ,
Что свободой дорожил.

И считал имам не зря:
Лучше смерть в лихом бою,
Чем в неволе у царя
Коротать позорно век.

«Ежели малы числом,
Значит, — говорил Шамиль, —
Каждый должен за троих
Биться с недругом в бою!»

А наместник слал не раз
Донесения царю,
Что вот-вот возьмет Кавказ
И захватит Шамиля.

В небесах орел парит,
Кто возьмет его живым?
Кто имама полонит,
Если при оружье он?

И царица лисью прыть
Проявила, дав совет,
Не мешает в ход пустить
Войско золотых рублей.

Коронованной лисе
Было ведомо одно:
Что пред золотом не все
Могут стойкость проявить.

Звон червонного рубля
В истомившемся краю
Средь наибов Шамиля
Вдруг предателя найдет.

Вдоль ощерившихся глыб
Войско белого царя
Двинулось, чтоб взять Гуниб
В смертоносное кольцо.

И, предателям суля
Деньги черные свои,
На твердыню Шамиля
Шла бесчисленная рать.

Пусть на голову позор
Тем предателям падет,

В памяти народов гор
Не изгладившись вовек.

Недруг сплел из конопли
Сотню лестниц, и по ним
Пластуны его смогли
Через стены перелезть.

Но не ведал ничего
О предательстве Шамиль.
Встал чуть свет он для того,
Чтобы совершить намаз.

Но узнав, что окружен
Иноверцами вблизи,
Вырвал саблю из ножен
И подать велел коня.

«Эй, проснитесь, кто не спит,
Кто проснулся — за клинки!
С нами бог, и не простит
Он того, кто предал нас!

Велика для горца честь
Храбро умереть в бою.
И о нашей славе весть
Облетит подлунный мир!»

И мюридов за собой,
Что привыкли к свисту пуль,
Был готов в последний бой
Доблестно вести Шамиль.

Но имаму в этот час
Дети преградили путь
И взмолились: «Ты о нас
Вспомни, праведный Шамиль!

Войско белого царя
Ты разгневаешь вконец,
И польется, как заря,
По ущельям наша кровь.

Позаботься, о имам,
О грядущей доле гор.
Сам решай, встречать ли нам
Утро завтрашнего дня?»

И не сказка то, а быль,
На людей взглянув вокруг,
Головой поник Шамиль
В незапятнанной чалме.

Нелегка судьба была,
Но оружье снял Шамиль,
Чтобы воля жить могла
У наследников в груди.

Чтобы помнили его
В незапятнанной чалме.
И кляли в веках того,
Кто предателем прослыл.

76. КТО ЗА РОДИНУ ПОГИБ

Даже смерть красна того,
Кто за родину погиб,
Смолкнет сердце у бойца,
Не умрет молва о нем.

77

Песня, спетая тобой,
Стоит жирного быка,
Танец, что станцуешь ты,
Стоит резвого коня.

Как нигде у нас в горах
Очень много храбрецов.
Ты им друг с тех самых пор,
Как на белый свет рожден.

78

Шли кровавые ручьи,
Как в грозу по склонам гор,
Как снопы в богатый год,
Трупы в ряд валились там.

Лишь отважному судьба
Пасть от пули боевой.
Только храброму грозит
Смерть отточенным клинком.

79

В битве, в огненном кольце,
Я один остался жив.
Пусть сожжет меня огонь —
Мне сдаваться не к лицу.

Я сражаюсь, я один
В битвы огненном кольце.
Пусть враги сжимают круг —
Мне смиряться не с руки.

Стычки в поле я любил,
Где кремневки говорят,
Схватки я любил в горах,
Где клинки решают бой.

Окружен кольцом огня,
Я не дрогну в смертный час!
Эй, враги! Мой меч остер!
Вам не взять меня живым!

80

Если даже бой далек,
Плачут жены храбрецов,
Ибо знают: их мужья
Скачут первыми в огонь.

Если даже близок бой,
Жены трусов веселы,
Потому что их мужья
В безопасности сидят.

81

Пахарь, сеятель и жнец,
Многие твой хлеб едят.
Только самого себя
Ты не можешь накормить.

Оружейник молодой,
Многих ты вооружил,
Лишь у одного тебя
Нет винтовки в час беды.

82

Сколько ласточек в Чечне,
Столько буйных жеребцов
Ты объездил, партизан.

Сколько листьев на айве,
Столько воинских одежд
Износил ты, партизан.

Сколько молний по весне,
Столько сабельных клинков
Испытал ты, партизан.

Надо будет — ты, как лев,
Выйдешь подвиг совершить!

83. УЩЕЛЬЕ АЯ-КАКА

Бьет Кубань в колокола,
И над Тереком набат:
Собирают казаков
На Советы в бой идти.

Битый красными не раз,
Генерал Деникин их,
Под свое начало взяв,
Двинул яростно на юг.

Над селеньями в горах
Дым поднялся до небес.
Пала Темир-Хан-Шура
Под напором беляков.

Тех, кто за Советы был,
Присягал на верность им,
Вешать белый генерал
Отдал палачам приказ.

А предателей в горах
Он, кровавый, обласкал.
Мусалау потому
Дали генеральский чин.

Мекегинский перевал
Белая взяла орда
И в ауле Мекеги
Выжгла сакли все дотла.

К Дешлагару подошла
И, пред боем на привал
Став в ущелии Ая,
Начала готовить штурм.

Вышел поп, целуя крест,
И, солдат благословив,
Господа молил, чтоб он
Войску ниспослал успех.

Но деникинский сатрап
Генерал-палач Попов
От предчувствия беды
Был невесел в этот час.

На вершины он глядел,
Он глядел и понимал,
Что за каждым валуном
Горец неспроста залег.

Думало офицерье
Кроме боя и о том,
Как бы ноги унести
Из ущелия Ая.

Артиллерия врага
Грозно начала пальбу,
А у красных партизан
Пушек не было совсем.

Но зато винтовки их
Попадали метко в цель.
И к тому же тверд был дух
Сыновей кавказских гор.

В бой их вел не генерал,
А повстанческий вожак,
Мужественный Алибег,
Багатыра славный сын.

Двое суток длился бой,
Двое суток кровь лилась,
Вечером на третий день
Партизаны взяли верх.

Вся окрестная земля
Столько не пила воды,
Сколько выпила она
Крови вражеской в те дни.

Трупы белых казаков
Так удобрили ее,

Что насытилась она,
Как ни разу до сих пор.

Над ущельем поутру
Реял в небе красный флаг,
Впереди повстанцев шел
Багатыров Алибег.

Слава горцу-удальцу,
Сыну неприступных гор.
И великая хвала
Вам, даргинские мужи.

84. ТРИ СЕРДЦА

Наши горы говорят:
Травы зеленеют ныне, —
Видно, белых ждут ягнят,
Что родились на равнине.
Наши горы говорят:
В день весны цветок томится.
Ранний, ждет: певуч, крылат,
Жаворонок возвратится.
Наши горы говорят:
Ныне девушки в обновах, —
Возвращаются назад
Смельчаки из битв суровых!

Перекресток трех дорог.
Девушка стоит в печали:
«Может, милый жизнь сберег?
Может, пули миновали?
Не была бы по весне
Я свежей, чем эти травы,
То достался бы и мне
Из ягнят — один кудрявый.
Не затмила б я подруг
Красотой своею жгучей,
То и мне достался б вдруг
Из парней — хотя бы худший!
Но, к несчастью, как трава,
Расцветаю спозаранок,

И кругом идет молва,
Что я краше всех горянок.
Потому-то я и жду
Дорогого мне джигита.
С ним развею я беду,
Он избрал меня открыто.
Для ягненка мягок луг,
В небе жаворонок вьется.
Я не знаю, где мой друг,
И тревожно сердце бьется.
Хоть я краше всех подруг, —
К ним вернулись их джигиты,
Только мой не едет друг.
Он живой или убитый?
От зари и до зари
Жду, что весть о нем услышу!»

По ступенькам Чегери
Поднимается на крышу.
Оглядела всё, что есть
И вблизи, и в отдаленье.
Слышит: быстро мчится весть.
Слышит: весть летит в селенье.
Скачут всадники чуть свет:
Всюду весть узнают вскоре.
Впереди — ее сосед,
А в глазах соседа — горе.

«Если мрачен мой удел, —
Никогда тоски не ведай.
Если день мой потускнел, —
Ты всегда дружи с победой.
Весть какую ты принес,
Мой сосед, на крыльях черных?
Чьих ты хочешь горьких слез?
Чьих стенаний в скалах горных?»

— «Приготовь глаза для слез,
Сердце — для глухих стенаний.
О возлюбленном принес
Эту весть я с поля брани».

— «Лучше б я была немой, —
Говорить бы не хотела.
Лучше б стала я слепой, —
На тебя б не поглядела!»

Так сказала и бегом
По тропе заторопилась.
Конь ретивый ей знаком.
Что же с всадником случилось?
Вороной глаза скосил.
Он копытом бил сердито.
Иль прощения просил,
Что не уберег джигита?
«Без хозяина домой
Ты с оружием примчался.
Конь мой, конь мой вороной,
Где ты с всадником расстался?»

Смотрит: в скорбь погружены,
Горцы встали на развилке.
С буркой черною видны
Погребальные носилки.
Стала умолять друзей,
Чтоб носилки опустили.
Люди сжалились над ней,
Жаркой просьбе уступили
И в сторонку отошли,
Верность сердца почитая.

Наклонилась до земли
Любящая, молодая,
С трепетом приподняла
Бурку, молвила: «Средь схваток
Ты — мой сокол, чьи крыла
Ужасают куропаток.
Ты, как молния — туман,
Вражьи рассекал отряды.
Много ль получил ты ран?
Что ж лежишь ты без отрады?»

Приоткрыл глаза джигит, —
Милая пред ним стояла.

«Грудь моя в огне горит,
Получил я ран немало.
Смерть склонилась надо мной.
Напои, прошу, подруга,
Родниковою водой
Умирающего друга».

Набрала из родника
Ледяной воды в ладони,
Напоила смельчака,
Уронив слезу в ладони.
Пламя в сердце погасил,
Жажду утолил любимый.
Из последних молвил сил
Он с тоской невыразимой:

«Ты, чье имя — стяг в бою!
Как заря, ты загорелась,
И в тебе я узнаю
Удаль, мощь мою и смелость.
Если пить захочешь в зной,
Если жажда грудь изранит, —
Для тебя живой водой
Пусть моя могила станет.
Если встретишься с бедой,
Горе ль тяжкое нагрянет, —
Пусть надгробье надо мной
Для тебя опорой станет.
Как я плод хотел сорвать
Самый сладкий с древа рая,
Солнца луч хотел поймать
Для тебя, моя родная!
Но, увы, на этот раз
Мне удача изменила.
Наступил мой смертный час,
Ждет меня моя могила».

— «Не поверю никогда,
Что умрешь ты, мой любимый!
Что в цветущие года
О тебе рыдать должны мы!

За тебя я жизнь отдам, —
На земле живи просторной.
Светлым снилось ли мечтам,
Что конец наступит черный?»

— «Чегери, к чему рыдать?
Горькие нужны ли речи?»
Сотоварища опять
Подняли друзья на плечи.
К сакле Чегери идет
С верными друзьями вместе.
Задержались у ворот.
На почетном, ровном месте
Раненого храбреца
На носилках опустили,
И суровые сердца
Задрожали, загрустили.

«Над аулом солнце дня
Светит ярко и красиво,
Только в сакле у меня
Так печально, так тоскливо!»

Силы все свои джигит,
Чтоб подняться, напрягает.
Рядом девушка стоит,
Приподняться помогает.
Горцы на своих плечах
Понесли его к постели,
Но огонь погас в очах
И уста окаменели.
Умер он среди своих,
На глазах подруги милой...

Навсегда ушел жених,
Стала жизнь ее постылой.
С беспокойством вороной
Ржет, — и мысль его тревожит:
Трусу с низкою душой
Он достанется, быть может!
Где же трус? Он крутит ус:

Значит, так судьба решила, —
Скоро завладеет трус
Той, что храброго любила!

Охватила всех тоска
О соратнике и брате.
Хоронили смельчака
На кладбище на закате.
Вороной умчался прочь:
В сердце смута и унылость.
Чегери, темна, как ночь,
Над могилою склонилась.
Но и сердце Чегери
Скорбью ранено жестокой
И разорвалось внутри
Молодой груди высокой.

Прах дрожит, скакун летит.
Он скалы достиг отвесной.
Вниз глядит: замолк джигит,
Удалью своей известный.
Озирается кругом:
Травы плачут, речка стонет.
Вместе с горцем-смельчаком
Девушку его хоронят.

«Для чего мне жизнь без вас?
С белым светом я расстанусь!
Лучше я умру сейчас,
Только трусу не достанусь!»
Он скосил свой карий глаз,
Презирая страх и робость,
Он заржал в последний раз,
Со скалы сорвался в пропасть.

Так слились в одной судьбе,
Так три сердца замолчали,
Только песню о себе
Добрым людям завещали.

85. ЮНОША ИЗ КУМУХА И ДЕВУШКА ИЗ АЗАЙНИ

Из Кумуха молодец
Жарким сердцем полюбил
Девушку из Азайни.
Из Кумуха молодец
В дар запястья ей понес —
Девушке из Азайни:
Пять туманов их цена,
Только без пяти рублей.

Из Кумуха молодец
Ей колечко в дар понес —
Девушке из Азайни:
А цена тому кольцу —
Пять рублей без пятака.

«Сердца ненаглядный друг,
Мне пора, помчусь домой».
— «Сердца ненаглядный друг,
Уезжаешь ты домой
На алмазном скакуне, —
Два алмаза мне оставь —
Черные твои глаза».

— «Как оставлю я тебе
Черные мои глаза?
Много у тебя сестер,
Скажут: «Сладкое питье!» —
Выпьют, жадные они,
Черные мои глаза».

— «Сердца самый близкий друг,
Расстаешься ты со мной, —
Сердце у меня оставь:
Слаще сахара оно,
Белых колотых кусков».

— «Как оставлю у тебя
Сердце верное мое?
Много братьев у тебя,
Скажут: «Сердце есть одно,
Слаще сахара оно,

Белых колотых кусков», —
Жадные, они съедят
Сердце верное мое».

— «Сердца ненаглядный друг,
Как покинешь Азайни,
Трижды плетью ты взмахни,
Трижды ты назад взгляни».

Он покинул Азайни,
Трижды плетью он взмахнул,
Трижды он взглянул назад —
И увидел седока.

«Из Кумуха молодец,
Мир тебе, привет тебе!»
— «Всадник на коне лихом,
Мир тебе, привет тебе!»

— «Возвратись, джигит, скорей,
Ибо свет твоих очей
Азайнинцы-старики
На руках своих несут».

Из Кумуха молодец
Спрыгнул и пустил коня,
Бросил повод на седло
И назад пошел пешком.

Видит, свет его очей,
Сердца ненаглядный свет,
Азайнинцы-старики
На руках своих несут.

«Вы примите мой привет,
Азайнинцы-старики!»
— «И тебе от нас привет,
Из Кумуха молодец!»

— «Наземь положите вы
Свет моих печальных глаз,
Саван распорите вы, —
Я взгляну в последний раз».

Распороли, чтоб джигит
Посмотрел в последний раз.

Он взглянул на грудь ее —
И упал, пронзенный в грудь.
Он взглянул в глаза ее —
И навек закрыл глаза.

Словно сладкое питье,
Выпиты его глаза,
Словно сахару кусок,
Сердце съедено его.

Старики из Азайни
Написали так в Кумух:
«Расскажите, чем помочь
Жившим радостью одной
И умершим от одной
Поглотившей их любви?»

И получен был ответ:
«Можно только так помочь
Жившим радостью одной
И умершим от одной
Поглотившей их любви:
Пусть они в земле сырой
Лягут в саване одном».

И легли в сырой земле,
Рядом, в саване одном,
Из Кумуха молодец,
Девушка из Азайни.

И два дерева потом
Выросли на той земле,
Ствол граната молодой
Рядом с яблоней расцвел.
Сверху ветерок дохнет —
Ветви сходятся тотчас,
Снизу ветерок дохнет —
И расходятся они.

86. КАСАМАЛ АЛИ

Просо в далеком поле
Она убирала одна.
Семь конных на перевале
Вдруг увидала она.
Кони у семерых вороные —
Рысь, как ветер, быстра.
Кинжалы у них дорогие
Черненого серебра.
«Чую — они за мною!..
В неволю меня возьмут...
Плохо отец мой сделал,
Что поле засеял тут!

Горе матери! Горе
Братьям моим семерым!
Одну меня в дальнем поле
Грешно было бросить им!»
Серебряное ожерелье
Травой прикрыла она,
Десять старинных перстней
В землю зарыла она.

Вот семеро подскакали,
Копытами топчут жнивье.
«Ты чья? Ты служанка, раба ли? —
Они спросили ее. —
Красавица-то какая!
Откуда ты будешь, скажи?»
— «Я дочь знаменитого рода,
Мой отец — Азнавар Гаджи.
Сестра семерых джигитов,
Мой жених — Касамал Али».

— «Отец твой — наш старый обидчик,
В него сыновья пошли!..
Али твой — зять нареченный
Нашего злого врага.
Хватайте ее! Берите
В седло — и вся недолга!»

Руки они ей скрутили
И вскачь пустили коней.
Громко девушка плачет,
Да кто отзовется ей!
Кровь из глаз проливает,
Кричит она и зовет:
«Неужто никто, ниоткуда
На помощь мне не придет!

Радостна, бестревожна
Юность была моя.
Что же у шайки разбойной
Теперь оказалась я!»
Зорко в отчаяньи смотрит
По сторонам она.
Видит на взгорье с отарой
Юношу чабана.

«Пусть жизнь твоя долго длится,
Юноша-удалец,
Пусть будешь во всем ты удачлив,
Чабан, пасущий овец!
Скажи, что меня украли,
Скачи к Азнавару Гаджи.
Скачи к семерым моим братьям
И им о беде скажи,
Всё брось и с этою вестью
Спеши к Касамалу Али,
Что горную лань поймали,
Что в плен ее увезли!»

Покинул чабан отару,
Рассыпавшуюся кругом,
Овчарку стражем оставил
У бурки, стоящей торчком.
Поймал бегуна за гриву,
Проворно его взнуздал.
Погнал коня, не жалея,
Быстро в аул прискакал.

«Ассалам алейкум, сельчане,
Не знаться бы вам с бедой!»

— «Алейкум салам, — отвечают, —
Тебе, чабан молодой!
Коня загнал дорогого...
С каким ты делом, скажи?»
А он: «Я с черною вестью
Спешил к Азнавару Гаджи.

Пусть семеро храбрых братьев
Живей седлают коней,
Берут боевое оружье,
В погоню скачут скорей!
Я сам об этом несчастье
Скажу Касамалу Али,
Что горную лань поймали,
Что в плен ее увезли».

Грозная весть прилетела
К Гаджи Азнавару в дом.
Вскочили семеро братьев,
Услышав о бедствии том.
Оружье схватив, как были,
Прянули на коней,
Помчались, загородили
Пути незваных гостей.
Когда ж самому Касамалу
Весть о беде донесли,
Сбросил с плеч свою шубу
Джигит Касамал Али.
Домой побежал... Такое
Горе его обожгло!
На спину вороному
Бранное кинул седло,
Ружье свое за спину вскинул,
Взлетел в седло и, коня
Погладив по шее, молвил:
«Ну, друг! Выручай меня!»
Плеткой хлестнул вороного,
И, вылетев на перевал,
Он семерых верхоконных
Скачущих увидал.
«Ха, ха! — кричат верховые. —
Ты лучше б от нас отстал!

Тебя мы, джигит, продырявим
Свинцовым смертным дождем,
Египетскими мечами
Синими рассечем!»

— «Нет, не отстану, собаки!
Смерть вам, бешеным псам!
Пусть я умру, но без боя
Любимую не отдам!»

Змеей в седле изгибаясь,
Кричит красавица: «Эй!
Из-за меня, умоляю,
Не жертвуй жизнью своей!»

Выстрелил тут разбойник,
Папаху Али прострелил,
Грянул Али из кремневки,
Насмерть его уложил.
И налетел он.
                    И шашкой
Всех зарубил шестерых.
Так любимую спас он,
Отнял живую у них.
Рану в плече почуяв,
На вражьего сел бегуна.
Любимую посадил он
На своего скакуна
И повернул обратно,
Чтоб к дому ее привезти...

Семеро храбрых братьев
Встретились им на пути.
Их кони — в пене,
                    бурки
Покрыл дорожный прах.
Пот со лба утирают
Каракулем черных папах,
Дыхание переводят...
Верхом подъехала к ним
С улыбкой сестра родная
И молвила братьям своим:

«Спасибо вам, братья родные!
Как я вас ждала, дорогие!..
Попалась соколу в когти
В горах куропатка одна...
Меня вы ему отдайте —
Я им была спасена!»

А под горой, им навстречу,
Гаджи Азнавар идет,
Старинной собольей шапкой
Со лба вытирает пот.
Идет, опираясь на посох,
Печален, мрачен, как ночь.
Свой белый платок приоткрывши,
К отцу обратилась дочь:

«В зубах у барса овечка...
Пусть будет жертвой она.
Отвагой его от позора,
Отец, я была спасена».

Оставили куропатку
У сокола в когтях.
Оставили ягненка
У быстрого барса в зубах.

Влюбленные соединились.
Прошли недолгие дни —
Они, друзья, поженились,
Достигли счастья они.

87. СЕСТРА СУЛЕЙМАНА

«Мать любезная моя,
Напеки лепешек мне,
Завтра на коне верхом
Еду на охоту я».

— «Милый сын мой, Сулейман,
Лучше б ты не ездил в лес,

Вдруг меж спутников твоих
Черен кто-нибудь душой».

— «Не боюсь коварства я
И сумею разгадать,
Кто из спутников моих
Черной наделен душой».

Утром на гнедом коне
Выехал он со двора,
И ему с тревогой вслед
Глянули сестра и мать.

До вершины доскакал,
Грянул выстрел за спиной,
И убитый Сулейман
Рухнул под ноги коню.

Недруг взял его кинжал,
И патроны, и ружье,
Завладел конем гнедым,
Сел в черкесское седло.

А убитого сестра
За водой пошла в тот час,
И сняла она с плеча
Медно-огненный кувшин.

Наклонилась к роднику
И отпрянула, бледна:
Вот напасть — весна окрест,
А родник покрылся льдом.

Возвратясь в аул, нашла
Старца вещего, чтоб мог
Знаменье растолковать,
На загадку дать ответ.

Книгу мудрую открыл
Этот старец и сказал,
Что примета не к добру,
А к большой беде она.

Слезы горькие сдержав,
Девушка пришла домой.
Говорит:
«В дорогу мне
Напеки лепешек, мать!
Брату милому вослед
Я отправиться должна.
Не тревожься, не грусти,
Да хранит тебя аллах!»

— «Как же мне не горевать,
Не тревожиться, скажи,
Если дорогой мой сын
Не вернулся до сих пор?»

— «Ты мне сроку дай три дня,
На четвертый я вернусь,
И с тобою буду, мать,
Неразлучно целый век...»

Плетью обожгла коня
И направила его
Через пять гремучих рек,
Что неслись с пяти вершин.
Темный лес пересекла,
Как стремительная лань,
И отцовского коня
Осадила на горе.

Огляделась. Перед ней
Холм могильный, а над ним
Свет таинственный встает
И касается небес.
Сразу поняла она,
Чья могила на горе.
Повернула вспять коня,
Ни слезинки не пролив.

Ехала не торопясь,
В гнев печаль переросла.
И убийца брата вдруг
Девушке предстал в пути.

Потому смогла его
Разом опознать она,
Что под ним поджарый был
Сулеймана конь гнедой.

И оружье брата вмиг
Опознать смогла сестра.
Жаждой мести у нее
Переполнилась душа.

«Чудо-всадница, ответь:
Далеко ли держишь путь?» —
Так спросил заклятый враг
И приветствовал ее.

«Я достойного ищу,
Чтоб в мужья избрать его».
— «Может, гурия, я тот,
Кто достойней остальных?»

— «По оружью оценить
Я охотника могу.
Покажи-ка мне ружье,
Всадник на гнедом коне!»

Подал недруг ей ружье,
И в печали роковой
С укоризною она
Прошептала над ружьем:

«Ты с насечкой золотой,
Брата моего ружье,
Промолчало почему,
Когда пал владелец твой?»

— «Моего владельца ты
Справедливая сестра,
Подчиняюсь я тебе,
Словно брату твоему».

И прицелилась она,
И нажала на курок,

И, убитый наповал,
Рухнул недруг на тропу.

И, склонившись над врагом,
За ухо его держа,
Отсекла ему башку
Та, что совершила месть.
Отсеченную башку
Спрятала она в хурджин,
Чтобы матери своей
В дар ее преподнести.

А гнедому скакуну
Брата своего она
Горький бросила упрек,
Опечаленно вздохнув:
«Эх ты, холеный скакун,
Почему ты не унес
Брата моего, когда
Недруг целился в него?

Ты скачи сейчас домой, —
Если буду я жива,
В память брата моего
Рисом накормлю тебя».

88. ПРЕКРАСНАЯ БИКА

На востоке облака
Заалели поутру,
И прекрасная Бика
Появилась у дверей.

Прислонившись к скакуну,
Говорит любимый ей:
«Я в далекую страну
Уезжаю воевать».

И в ответ к нему с мольбой
Обращается Бика:

«Ты возьми меня с собой,
Свет единственный очей».

— «Как возьму тебя в поход,
Ненаглядная моя?
Засмеет меня народ,
Опозорюсь я окрест».

— «Стану ждать тебя с войны,
Белым дням ведя я счет.
Свадьбу мы сыграть должны,
Как вернешься ты домой».

— «Если, возвратясь домой,
На тебе я не женюсь,
Пусть удел счастливый мой
Молния испепелит».

Скрылся всадник за горой,
Вслед три месяца прошло.
А в любви три дня порой
Целой вечности сродни.

По тропинке за водой
Из дому пришла Бика
И черпалкой золотой
Стала наполнять кувшин.

В стороне от родника
В безмятежный этот час
Услыхала вдруг Бика
Шепот четырех старух.

«Ах, почтенные, вы мне
Не расскажете ль, о чем
Речь ведете в стороне
Шепотом между собой?»

— «Если б знала ты, Бика,
То, о чем мы речь ведем,
У тебя б наверняка
Слезы брызнули из глаз.

Если бы твой слух проник
В наш укромный разговор,
Ты упала б, как тростник,
Что подрублен был ножом».

От нахлынувшей тоски
Бросила кувшин Бика,
И разбила на куски
Золотой она черпак.

К горлу подступил комок,
Слезы брызнули из глаз.
И, чувяки сбросив с ног,
Кинулась в аул она.

Видит: головы склоня,
Аульчане в поводу
Черного ведут коня,
Бурка черная на нем.

«Стойте! — крикнула Бика. —
Ради неба самого,
Чтоб взглянуть на седока,
Сбросьте бурку поскорей!
Очи черные его
Что ж не смотрят на меня?
И в объятьях у него
Почему не нахожусь?»

— «Иль сама не видишь ты,
Очи зоркие его
Кровь до черной слепоты
Под бровями залила?
Как тебя — любовь свою —
Он в объятья заключит,
Если две руки в бою
Перерублены клинком?»

Кинулась домой Бика,
Саблю со стены сняла
И, сурова и легка,
Села на коня верхом.

И, решимости полна,
Бросила коня в намет,
Ибо поклялась она
Смертью отомстить врагу.

89. ВСАДНИК НА ТРЕХЛЕТНЕМ КОНЕ

Был парень молод и удал,
Он на рассвете дня
Седлом черкесским оседлал
Чеченского коня.
К седлу приладил он хурджин,
А к поясу — клинок,
И на виду седых вершин
Пустился в путь седок.

Над ним летели облака
И тень орлиных крыл.
И в полдень возле родника
Он спешиться решил.
И, словно месяц молодой,
Он заглянул в родник,
В нем напоил коня водой
И свой омыл в нем лик.

И вдруг увидел: к роднику,
Так плавно, как плывет,
Каких не видел на веку,
Красавица идет.

Идет с черпалкой золотой,
И с отсветом вершин
Несет, весь солнцем залитой,
Серебряный кувшин.

«Коня трехлетнего седок,
Дай мне к воде пройти.
Поставил лошадь поперек
Ты моего пути».

А у самой румянец щек,
Как будто маков цвет.
«Коня трехлетнего седок,
Скажи, коль не секрет,
В селенье нашем у кого
Остановился ты?»

— «Я здесь не знаю никого,
Царица красоты.
И, хоть ни с кем я не знаком,
Но, расседлав коня,
Тому я буду кунаком,
Кто приютит меня».

— «Ах, что ты, сокол, говоришь. . .»
И просит молодца:
«Знай, ты заехать должен лишь
В дом моего отца.
Тебя он встретить будет рад,
На радость аульчан.
Его жемчужных окон ряд
Глядит на годекан».

Она от парня без ума,
Наверное, была
И стремя звонкое сама
Джигиту подала.

И омывал, журча, исток
Скалы холодной грудь.
Коня трехлетнего седок
В аул направил в путь.
Коня поставил в стойле он,
И, как стрела в колчан,
Вошел в тот дом, что обращен
Лицом на годекан.
В кунакской саблю там на гвоздь
Повесил и потом
Уселся, словно званый гость,
На стуле золотом.

А девушка спешила так
Домой от родника,

Что потеряла свой черпак
И оба башмака.

Она оттуда, свет очей,
Примчалась босиком.
«Ах, мама, мама, в стойле чей
Скакун под чепраком?»

— «Поставь, безумная, кувшин
И ячменя не тронь!
В наш дом вошел шайтана сын,
Его вот это конь.
Шайтана сын тебя украсть
Готов средь бела дня».
Кормить зерном ячменным всласть
Дочь принялась коня.

Над сердцем, лишь вступила в дом,
Вновь потеряла власть.
И с юным всадником вдвоем
Она шепталась всласть.

Отец вернулся и повел,
Почтенный житель гор,
С приезжим парнем, сев за стол,
Степенный разговор.

Не ведал в доме ни один
И тайну ночь хранит,
Что гостя милого хурджин
Был девушкой открыт.

Она в него, у чувств в плену,
Ссыпала до утра
И мерку золота одну,
И мерку серебра.

И вот сложилось всё к добру,
Заря раздула жар.
Гость и хозяин поутру
Собрались на базар.

Когда явились на базар,
Красавицы отец
Спросил: «Купить какой товар
Желаешь, удалец?»

— «Я торговаться не привык,
Поладить мы должны.
Продай мне дочь свою, старик,
Которой нет цены».

— «Ты за товар мой поскорей,
Пока душа щедра,
Дай мерку золота и к ней
Дай мерку серебра».

Коня трехлетнего седок
При кадии открыл
С казной походный свой мешок
И цену уплатил.

Обычай дедовский храня,
Как требовал зарок,
Он отдал кадию коня,
Свидетелю — клинок.

И в дом, в котором жил и рос, —
Как ясную луну,
Невестку матери привез,
Себе привез — жену!

90. ХРАБРЫЙ ИНЖАЛУП

Муж отважный Инжалуп,
Шея у него стройна,
Словно глиняный кувшин
Из аула Сираги.

Муж отважный Инжалуп,
Широка его спина,
И притом длиною в пядь
Пальцы на его руках.

С нарезным стволом ружье
Он повесил на плечо
И на пастбище пошел
Бекбулата-богача.

«Ассалам алейкум!» — там
Пастухам сказал, и те
«Ваалейкум ассалам», —
Молвили ему в ответ.

Муж отважный Инжалуп
Говорит им: «Трижды я
Всю в три тысячи голов
Обойти отару смог.

С жирным курдюком овцу
Средь отары выбрал я.
Из трех тысяч вы ее
Мне отдайте, пастухи.

Если миром вы ее
Не пожертвуете мне,
То оружие скрестить
Нам придется, чабаны».

— «Если хоть одну овцу
Отдадим тебе, тогда
Обречет на гибель нас
Всемогущий Бекбулат.

Каждого за палец взяв,
Напрочь руку отсечет.
Крепко за ухо держа,
Срубит голову клинком.

С жирным курдюком овцу
Не вольны тебе отдать.
Если хочешь — сам бери,
И за то в ответе будь!»

Муж отважный Инжалуп
Поперек седла овцу

Положил и ускакал
В лес, темневший за горой.

Бекбулат прознал о том
От покорных чабанов.
Взял отряд нукеров он
И помчался следом в лес.

«Ассалам алейкум! Ты
Лютый враг мой, Инжалуп!»
— «Ваалейкум ассалам,
Щедрый, храбрый Бекбулат!

Как велит обычай гор,
У хозяина должна
Хоть одна овца найтись,
Чтобы гостя угостить.

Если б волк унес одну
Изо всех твоих овец,
Не заметил бы, клянусь,
Ты пропажи, Бекбулат».

— «Пусть бы волк унес овцу,
Пусть бы десять он унес,
А тебе я, Инжалуп,
Похищенья не прощу».

— «Спор оставим, Бекбулат,
Я — хозяин, ты — мой гость,
Угостить тебя позволь
Наилучшим шашлыком».

— «Не хочу я шашлыка,
А свинцом желаю всласть
Угостить тебя, чтоб впредь
Шашлыка не жарил ты».

Бекбулат спустил курок,
И нукеры вслед за ним.
И отважный Инжалуп
Вскинул крымское ружье.

Семь нукеров он убил
И поранил семерых,
Но и сам хватил свинца
В обе стороны груди.

«Эй, почтенный Бекбулат,
Ближе встань, желанный гость!»
Тот приблизился и вмиг
Меткой пулей был сражен.

И, за ухо взяв его,
Срезал голову ему
Инжалуп, чья грудь была
Вся свинцом начинена.

А потом позвал коня:
«Борзый конь мой, вороной,
Ляг, чтоб мог я сесть в седло,
И неси, не покачнув.

Если я останусь жив,
То четыре, мой скакун,
Подобью к твоим ногам
Я подковы золотых».

Иноходец вороной
Лег пред ним, как верный пес,
И поднялся, как верблюд,
И, как птица, полетел.

У знакомых встав ворот,
Он заржал, и в этот миг
Инжалупа мать стремглав
Выбежала со двора.

«Мать, ворота отвори», —
Так сказал ей Инжалуп. —
Бекбулата злые псы
Прострелили грудь мою.

Постели скорей постель
И светильник засвети.

Позови муллу, чтоб он
Помолился надо мной».

Постелила мать постель
И муллу позвала в дом,
И открыл мулла Коран
И молитвы стал читать.

В час полуночной луны
Умер храбрый Инжалуп.
И на крышу мать взойдя,
Закричала в тишине:

«Эй, проснись, честной народ,
Умер сын мой — Инжалуп,
Был он мужественней всех
И достоин ваших слез».

В час, когда взошла заря,
Сшили саван дорогой.
И в могилу храбреца
Опустили на горе.

И в честь этого окрест
Праздник был у богачей.
И стоял великий плач
В каждом доме бедняка.

91. СУЛТАН-АХМЕД-МЛАДШИЙ

Трое братьев удалых
Поохотиться пошли
На высокую скалу,
Соколят в гнезде искать.

На высокой той скале
Спор затеяли они.
Трое спорят удалых,

Мол, кому из них идти —
Соколят в гнезде достать.
Жребий начали бросать.
«Братья старшие мои,
Жребий незачем бросать!»

Он конец каната взял,
Стан свой крепко повязал.
Со скалы спустился вниз
Младший брат Султан-Ахмед.
«Братья старшие мои!
Здесь у сокола в гнезде
Я нашел не соколят,
А горластых воронят.
Подымайте вверх меня,
Потяните вверх канат!»

— «Мы канат потянем вверх,
Младший брат Султан-Ахмед,
Если ты оставишь нам
Белых на горе овец».

— «Белых вам дарю овец,
Братья старшие мои,
Потяните мой канат!»

— «Мы потянем твой канат,
Младший брат Султан-Ахмед,
Если долю нам свою
В доме матери отдашь».

— «Все богатства вам отдам,
Братья старшие мои,
Потяните вверх канат!»

— «Мы канат потянем вверх,
Младший брат Султан-Ахмед,
Если ты уступишь нам
И красавицу твою,
Выращенную в дому,
Словно ястреб на руке,

Словно гордый молодой
Жеребенок на лужке!»

— «Бог свидетель, ни за что,
Чем вы ни грозите мне,
Не отдам я вам ее!
Хоть убейте вы меня,
Разрубите на куски
И раздайте по домам,
Словно долю от тельца,
Что зарезали, когда
Наступил курбан-байрам,
Не отдам ее я вам —
Злым бесчестным подлецам!
Будь бы я не человек,
А родился бы легко,
Как зимой летящий снег,
Смерти б не боялся я.
Если б рос я, как цветок
На подоблачной скале,
В вешних солнечных лучах,
Жизни б я не пожалел! . .»

И, оставив удальца
Под высокою скалой,
Братья старшие его
С песнею пошли домой.

За аулом на тропе
Повстречала этих двух
Их названная сестра.
И Султан-Ахмеда с ней
Нареченная ждала.

«Вы скажите, братья, мне,
Младший где Султан-Ахмед?»

— «Где ж еще он может быть?
Он остался на скале
У сокольего гнезда.
Верно, он резвится там,

Как ягненок молодой, —
Не хотел пойти домой!»

Вот сестра в аул пошла,
С сахаром хурджин взяла,
А невеста мех водой
Ключевою налила.
И пошли они вдвоем
На высокую скалу.
«Милый брат Султан-Ахмед,
Молви, где ты, что с тобой?
Почему остался ты
Под высокою скалой,
Не пришел к себе домой?»

— «Как я мог прийти домой,
Если бросили меня
Братья старшие мои?»

— «Мы сейчас в аул пойдем,
Всех на помощь позовем,
Ты немного потерпи,
Голоден, так подкрепись!»

С белым сахаром суму
Бросила ему сестра,
Он хотел поймать — не смог.
Тут красавица его
С чистою водою мех
Сверху бросила ему.
Он хотел поймать — не смог. . .

«Бесполезно помощь звать,
Не дождусь я, изнемог!
Пусть не плачет наша мать,
Пусть забудет обо мне!
Ты, сестра, вернись домой,
Говори, что брата нет.
Милая, и ты уйди.
Навсегда простись со мной.
Нового себе найди.
Если с камня соскользну, —
Бездна страшная внизу,

Камни острые внизу,
Пропасть темная внизу!»

Соскользнул Султан-Ахмед
И в ущелье полетел.
Кости на скале одной,
Кровь струится на другой.
Нареченная его
И несчастная сестра
Подошли к пяте скалы,
Где упал Султан-Ахмед.
Мех, что бросили с водой,
Кровью налили его.
Положили в ту суму
Кости белые его.
И пошли они домой,
Громко воя, как зимой
Волки серые в лесу.
Полночь на дворе была,
Как домой они пришли.
Братья сели меж собой
Младшего добро делить.

«Если мало вам добра —
Хватит вам его костей!
Если нет еды, питья —
Нате, пейте кровь его!»

92. СКОРБНАЯ ПЕСНЯ

Я доставившему весть,
Что домой издалека
Мой возлюбленный спешит,
Золотой поставлю трон.
А услышу стук подков —
И поджарому коню,
Что оседлан милым был,
В ясли сена заложу.

«Мать, родившая меня,
Говорят, из дальних стран

Нареченный скачет мой,
Повстречать его дозволь.
Белым сахаром хурджин
Ты наполнить поспеши
И в хрустальную бутыль
Меду светлого налей».

— «Дочь, терпенья наберись
И обычай уважай.
Кто ж встречает жениха
От порога вдалеке?»

— «Я сгораю от любви,
Страстью я опалена.
И обычая сильней
Нетерпение мое. . .»

Белым сахаром сама
Дочь наполнила хурджин
И в хрустальную бутыль
Мед янтарный налила.
На коне она верхом
Нареченного встречать
Выехала со двора
По дороге в Мармучи.
И, омывшись в роднике,
Стала совершать намаз,
Поднялась на склон горы,
Обратив к востоку лик.

А жених ее — Али —
В одночасье под горой
Удивленно осадил
Взмыленного скакуна.

«Что за чудо, о аллах!
Вижу древо на горе,
Ствол у древа золотой,
Ветви, словно серебро.
Две янтарные хурмы, —
Мир не видывал таких, —

Вижу я на древе том,
Что за чудо, о аллах!»

Закружилась голова
У несчастного Али.
Зависть черная прожгла
Сердце бедное его.

«Пусть не будет ни один
Женщиной владеть такой,
Что красой затмила вмиг
Лик возлюбленной моей».

И прицелился Али,
Черной завистью томим.
И осечки, как на грех,
Не дало ружье его.

Плетью скакуна ожег,
Вихрем на гору взлетел.
Понял всё и побледнел,
Словно выстрелил в себя.

Пред возлюбленной упал
На колени сам не свой.
Заволакивал туман
Очи карие ее.
Смерть на белое чело
Тенью сумрачной легла
И черненье навела
На серебряной груди.

Холодевшие уста
Прошептали: «Не страдай,
И поглубже вырой мне
Ты могилу среди гор.
Не насытила любовь
Тело белое мое.
Пусть насытится оно
Черною землею всласть.
Я в объятиях твоих
Не лежала никогда,

В саван заверни меня,
Пусть меня обнимет он».

Возвратившийся в аул
Матери сказал Али:
«И гроша не стоит мир,
Будь хоть весь он золотой».

— «Не казни себя, сынок!
Если бросишь этот мир,
Что же станется со мной
У родного очага?»

— «Чтобы ни было с тобой,
Мне отныне всё равно.
Превратись хоть в камень ты
У родного очага!»

— «Что же станется с твоей
Ненаглядною сестрой?»
— «Очи выплачет она,
А потом с тоски умрет».

— «На кого оставишь ты
Наши пастбища, сынок?»
— «Пусть сметет их ураган,
Молнии испепелят!»
— «Ты привез тюки сукна,
Что же будет с ним теперь?»
— «В обезлюдевшем жилье
Пусть его источит моль!»

— «А с оружьем боевым
Что же станется, сынок?»
— «Пусть его погубит ржа,
Ни к чему теперь оно!»

— «Что же будет без тебя
С чабаном твоих овец?»
— «Опершись на посох, пусть
Станет тенью он своей!»

— «Что же станется тогда
С тысячью овец твоих?»
— «Пусть вся тысяча овец
Станет грудою камней!..»

И по рукоять кинжал
В грудь свою Али всадил.
В камень превратилась мать
У родного очага.

И, над братом отрыдав,
Вскоре умерла сестра.
Пастбища огонь спалил,
И сукно побила моль.

На оружье боевом
Густо ржавчина легла.
И над посохом чабан
Превратился в тень свою.

И на пастбищах пустых,
Как хотел того Али,
Стала тысяча овец
Грудой серою камней.

93. БЕДНЫЙ ПАРЕНЬ ИЗ КУБАЧИ

Убил он из-за любимой
Соперника, и в ночи
Родной свой аул покинул,
Бедный парень из Кубачи.

В Хибарае — ауле богатом —
Нашел он дружеский дом.
Трудом он жил и кормился,
Хорошим стал кузнецом.

А мать убитого сына
Решила ему отомстить.
К его возлюбленной часто
Стала она приходить:

«Его с головою нам выдай,
Склонись ты к моей мольбе, —
Еще у меня есть три сына,
Любого женю на тебе».

И вот по дальним аулам
Чеканщики и ткачи
Своим торговать товаром
Собрались из Кубачи.

Любимая бедного парня
Выходит навстречу им:
«Салам ему передайте!
Он мною, как прежде, любим...

А если словам не поверит,
Кольцо я вручаю вам.
Кольцо ему передайте,
Что смастерил он сам».

И перстень сняла с мизинца
И отдала купцам.
«Скажите ему: пусть вернется!
Жить врозь невозможно нам...
Скажите: враги твои — двое —
Убиты грозной судьбой,
А третий бежал из аула,
Куда-то ушел на разбой.
Если ты храбрый мужчина,
То возвращайся домой!»

Торговые кубачинцы
Поехали в дальний край,
Горы перевалили,
Пришли в аул Хибарай.
«Ассалам алейкум! Несчастный!» —
Старшина торговцев вскричал.
«Алейкум салам, кубачинцы!
Я рад, что вас повстречал!»

Радушно гостей он приветил,
Душа его вести ждала.
«Твоя любимая, парень,

Привет тебе послала.
А если ты нам не веришь,
Хоть нет нам нужды лгать,
Кольцо, что ты смастерил ей,
Велела она передать.
Друг друга убили в драке
Два старших твоих врага,
А третий бежал из аула
За горы, через снега,
И если ты храбрый мужчина —
Вернись. Соперников нет».

Он сделал ей ожерелье
Из тридцати монет,
Он двадцать рублей расплавил,
Браслеты сделал ей.
Он семь монет расплавил
И в перстнях камни оправил
В подарок милой своей.

За Уркарах до полудня
Он совершил переход.
Он до вечерней молитвы
Стоял у ее ворот.
В ворота ложем винтовки
Стучал он, горечь тая.
Встала она с постели
Медленно, как змея.
Лениво зевнув, спросила,
Глянув спросонья в окно:
«Кто там?»
— «Это я вернулся.
Я жду у ворот давно.
Видать, меня не ждала?
Зачем же меня звала?»

— «Аман! Чтоб мне ослепнуть!
Не ведала я ничего! ..»
Открыла двери, впустила
Любимого своего.
«Ты, милый, устал с дороги! .. —
Подушки ему кладет. —

Ты, верно, голоден?» — блюдо
Соленое подает.
Воды наливает в чашку,
Насыпав соли сперва.
И села с ним рядом, близко,
И сладки были слова.

На тонкие руки милой
Браслеты он надел,
На цепкие пальцы милой
Кольца он надел,
Сказал он желанной, милой:
«Ты — жизнь, утешенье мое! . .»
Серебряное ожерелье
Надел на шею ее.

Встала она раньше парня,
Чашку воды налила
В ствол его старой винтовки,
Чтобы стрелять не могла.
Клей взяла она крепкий,
Расплавила на углях,
Кинжал его смазала клеем,
Чтоб он застрял в ножнах.
Проснулся бедный парень,
Не чуя близкой беды:
«Любимая, пить хочу я,
Подай мне глоток воды. . .»

— «Нет в доме воды ни капли,
Но я принесу, подожди. . .
Пока не вернусь я с речки,
Из дома не выходи».

На улицу побежала,
На весь аул закричала:
«Эй, вы, сыновья Гайдара,
Берите ружья живей!
Ваш кровный враг воротился,
Теперь он в сакле моей!»

За ружья и за кинжалы
Гайдара дети взялись.

В ее проклятую саклю
Втроем они ворвались.
А парень ножнами кинжала
Двоих наповал убил.
Тяжелым ложем винтовки
Он третьего уложил.
Потом кубачинец-бедняга
Поджег возлюбленной дом
И песню односельчанам
Пропел, охвачен огнем:

«Друзья, меня не вините
За всё, что я совершил.
Во всем она виновата —
Я слишком ее любил.
Ни на слово ей не верьте —
В ней столько черного зла...
Ночью в любви клялась мне,
А поутру предала!»

Предательница-кубачинка
Жива. Да плохо житье...
Красива, но пес последний
Не хочет нюхать ее.

94. ГОРЬКАЯ ЛЮБОВЬ

«Мать моя, родная мать,
Собрались подруги в горы.
Вместе с ними погулять
Отпусти, — вернусь я скоро».
— «Дочь моя, родная дочь,
Не идут подруги в горы.
И тебе не надо: ночь
Упадет на землю скоро».

То, что ей сказала мать,
Слушать дочь не захотела.
Для того чтоб выше стать,
Башмаки она надела.

Для того чтоб стать стройней,
Облачилась поскорей
В платье на семи застежках.
Чтобы мрамора куском
Шея белая сквозила,
Тонким шелковым платком
Голову свою покрыла.
Так наполнила хурджин,
Разделенный на две части:
Брага сладкая — в одной,
А в другой — в подарок — сласти,
И пошла крутой тропой
В горы, на свое несчастье.

Где трава была жирна,
Скалы — с облаками рядом,
Увидала чабана,
Что пришел сюда со стадом.
«Мир тебе, чабан в горах!
Ты скажи мне ради бога:
Где находится Али?
Далека ль к нему дорога?»

— «Мир тебе в родных горах,
Бедная моя горянка!
Далеко твой друг Али,
Далеко его стоянка.
Видишь: потемнела высь,
Даль вечерняя туманна.
На ночь здесь остановись,
Встанешь завтра утром рано».

Приняла его совет.
Он повел ее к стоянке,
И услышала привет
От людей на той стоянке.
Так обрадовались ей,
Что зарезали овечку
Помоложе, повкусней.
Оказав почет горянке,
Приготовили хинкал.
Оказав почет горянке,

Для возлюбленной Али
На ночь на своей стоянке
Место лучшее нашли.

Охранял чабан ее,
Сон девичий карауля.
Взяв кремневое ружье,
Крепко в ствол всадил он пулю.
Ночь провел, как часовой,
И сказал ей спозаранку:
«Этой вот иди тропой
И увидишь ту стоянку».

До закатной тишины
С чабанами повстречалась.
«Будьте с миром, чабаны,
Может, видеть вам случалось,
Где находится Али?»
— «И тебе привет, горянка,
Матери дурная дочь.
Знай, что здесь — Али стоянка.
До того как ляжет ночь,
Отдохнуть ты можешь с нами».

И хоть не было Али,
Отдохнула с чабанами,
Чабанов — друзей Али —
Сладкой брагой напоила,
Напоив друзей Али,
Их сластями угостила.
Тени вечера легли.
Той, что крепко полюбила,
Говорят друзья Али:

«Как на ту тропинку выйдешь,
Так иди ты напрямик.
Стройный тополь ты увидишь,
А под ним бежит родник.
Друга жди во тьме полночной:
К роднику придет Али.
Друга жди ты в час урочный
Там, где травы расцвели».

Солнце за гору скатилось.
Вот пришла она туда,
Где под тополем струилась
Родниковая вода.
Как велели ей тогда,
На лугу остановилась.

Горный кряж во тьму одет.
К чабанам Али приходит:
«Мир друзьям, друзьям привет!
Что на свете происходит?
Почему под таганом
В этом сумраке ночном
Пламя вы не развели?»

— «И тебе привет, Али!
Как нам думать об огне,
О котле на тагане,
Если черною бедою
Нам грозит со всех сторон:
Родниковою водою
Черный завладел дракон!»

Бурдюки схватил Али,
Чтоб наполнить их водою,
Нацепил ружье Али,
Чтоб расправиться с бедою,
И гористою тропою,
С бурдюками на спине,
Трех погнал перед собою
Ишаков по крутизне.

На душе — темно и горько.
Он увидел в тяжкий миг:
Где под тополем с пригорка,
Лепеча, бежал родник, —
Тень какая-то чернела.
И тогда он крикнул смело:
«Кто ты? Кто ты? Отзовись!
Если дьявол — уберись!»

Богу девушка молилась,
Чтоб любовь была жива,

И прервать она страшилась
Просьбы набожной слова.
Не откликнулась на голос
Подошедшего Али.
Тишь ночная раскололась:
В тень, черневшую вдали,
Выстрелил Али, и в сердце
Пуля горская вошла.
Наземь девушка упала.
Голову приподняла
И чуть слышно прошептала:

«Сладкой браги налила я
Для тебя, мой удалец,
Что же ты, мне зла желая,
Вылил в грудь мою свинец?
Сласти другу принесла я, —
С ними слаще и питье.
Пуля жаркая и злая —
Угощение твое!
Не тебе ль, дыша любовью,
Вслед глядела я семь лет,
Что ж глаза мне залил кровью, —
Иль глядеть не надо вслед?
Если человечья жалость
У тебя в душе осталась —
Ты меня в последний раз
Обними, как мне мечталось, —
Так я встречу смертный час».

Подбежал Али в смятенье:
Насмерть пулей пронзена,
Холодеющею тенью
На траве лежит она.
Пред любимой на колени
Он упал и задрожал.
Поднял милую в смятенье
И к груди своей прижал.
На его груди подруга,
Холодея, умерла,
На траву ночного луга
Бездыханная легла.

Он вернулся, темен, мрачен,
На стоянку чабанов.
Злобой яростной охвачен,
Перерезал чабанов.
Разогнал он их отары —
Овцы тихо побрели.
После этой страшной кары
К милой вновь пришел Али.
Зарядил ружье, которым
Он убил свою любовь,
И над луговым простором
Громкий выстрел грянул вновь.
Рухнул он к ногам любимой,
Пулей собственной пронзен.
Их союз нерасторжимый
Ранней смертью был скреплен.

И теперь в одной могиле,
Под одной лежат плитой
Те, которые любили
С непорочной чистотой.
Их два дерева прикрыли,
Как пришла весны пора, —
Разрослась листва в покое:
Первое — из серебра,
А другое — золотое.
Но густа, крепка, остра,
Их колючка разделила.

Как подует на могилу
Ветер с моря мощнокрылый, —
С веток он сорвет убор.
Как подует ветер с гор, —
Ветки ломит с гордой силой.

Говорят, что и поныне
Оба дерева стоят
И обняться там хотят,
Но колючка посредине...

95

Ветер с моря вдаль спешит
По горам, где нет травы.
Он мечтает склоны гор
Золотом разрисовать.

Ветер с моря, для чего
О несбыточном мечтать?
Ты репейником седым
Разрисуешь склоны гор.

С черных гор туман густой
Над равнинами плывет
И наполнить родники
Хочет сладостным питьем.

О туман, плывущий с гор,
О пустом мечтать зачем?
Ты наполнишь родники
Мутной дождевой водой.

96. УХОДЯЩИЙ

Уходящий — уходи,
Только оглянись назад.
Погляди на то, что ты
Оставляешь навсегда.

Уходящий — уходи,
Но скажи в последний раз
Слово доброе тому,
С кем расстаться ты решил.

97

В черном небе по ночам
Всходит белая луна.
В белой комнате своей
Я, от горя почернев,
Одинокая сижу.

Нету на тебе греха —
Разве ветер виноват,
Если, улетая вдаль,
Гору покидает он?

Разве виноват Самур
В том, что быстро он течет,
Одинокую скалу
Оставляя позади?

98

Будь ты проклята, любовь,
Закрутившая меня,
Словно черная Койсу
Щепку на своих волнах.

Будь ты проклята навек,
Страсть, играющая мной,
Как сибирские ветра
Кандалами каторжан.

99

Есть ли в мире кто-нибудь,
Кто печали бы не знал?
Даже на лугу трава
Никнет, думая о том,
Что паршивая овца
Может растоптать ее.

Есть ли в мире кто-нибудь,
Кто ни разу не страдал?
Даже на горе цветок
Вянет, думая о том,
Что сожжет его мороз,
Инеем посеребрив.

100

Я извелся от тоски, —
Вышел из дому гулять.
Возле берега реки
Лег на золотом песке.

Вижу — на груди сидит
Желтобрюхая змея.
«Дай отведать, говорит,
Сердце из груди твоей».

Я ответил:
«Уходи,
Желтобрюхая змея,
Сердца нет в моей груди —
Страсть сожгла его давно».

Извелась моя душа
От печали и тоски,
Я поднялся, не спеша,
На высокую скалу.

Вижу — надо мной парит
Черный сокол белых гор.
«Дай мне выпить, говорит,
Ясные твои глаза».

— «Черный сокол белых гор,
Не осталось глаз моих,
С той поры как полюбил,
Я проплакал все глаза».

101. ТОСКА И ПЕЧАЛЬ

Горькую свою тоску
Бросил было я на луг.
Но не принял он ее:
Может, мол, моя трава
От тоски твоей истлеть.

Горькую свою печаль
Бросить в море я хотел.
Но не приняло оно:
Может, мол, твоя печаль
Воду высушить мою.

102

Хоть у рыбки золотой
Изумрудные глаза,
Но зачем они нужны,
Если станет льдом вода?

У волшебного коня
Блещет золото копыт,
Но куда ему бежать,
Если тропы заметет?

103

Если бы свою печаль
Сделал я хмельным питьем,
Всех товарищей своих
Напоил бы допьяна.

Если бы свою тоску
В сахар белый превратил,
Всех подруг моей сестры
Угостил бы щедро я.

104

Возле тех высоких гор,
Говорят, стоит гора,
Где и снежною зимой
Сочная трава растет.

Но понуро с той горы
Возвращаются стада,
Ни травинки не щипнув,
Ни былинки не найдя.

В той долине за бугром,
Говорят, течет родник,
Где и в засуху всегда
Ключевой воды полно.

Но из-за того бугра
Девушки бредут назад,
Белых ног не замочив,
Ни глотка не зачерпнув.

105

Говорят, что есть родник
С чудодейственной водой.
Свод серебряный над ним,
Золотой под ним песок.

Если б воду родника
Всю мне выпить удалось,
Я бы всё равно не смог
Жажду страсти утолить.

На горе, красив и дик,
Сахарный тростник растет.
Ствол серебряный блестит,
Корень золотой в земле.

Если б высосал я всю
Сладость из его ствола,
Всё же голода любви
Я бы утолить не мог.

106. МЫ НЕ ПЕРВЫЕ

Ты, родная, успокой
Сердце в сахарной груди, —
Много было и до нас
Тех, кто с малых лет любил
И окончил путь земной,
Счастья так и не узнав.

Ты напрасно слезы льешь
Из своих алмазных глаз, —
Мы не первые с тобой,
Кто из жизни уходил,
Страсть свою не утолив.

107

Были мы вчера близки,
Словно брови и глаза.
Словно море и гора,
Мы сегодня далеки.

Были мы близки вчера,
Словно пальцы на руке,
А сегодня далеки,
Словно небо и земля.

До того как полюбил,
Был я каменной скалой,
А теперь козленок я,
Замерзающий в снегу.

Словно сокол в небесах,
Сердце было у меня.
Нынче сердце у меня —
Как подстреленный фазан.

108

Вянет в поле от жары
Даже сочная трава,
Опаленные огнем,
Скалы трещины дают.

От горячих глаз твоих,
Как трава, я пожелтел,
В жарком пламени любви
Сердце треснуло мое.

109

Словно молодая лань,
Ты бежишь в зеленый лес,
Где орленок молодой
Ждет тебя у родника.

Словно старая овца,
Волочишься ты домой,
Где тебя, ругаясь, ждет
Глуховатый старый сыч.

110

Белый снег на склонах гор,
Изнывая, солнца ждет.
Глянет солнце на него, —
Словно я, погибнет он.

Может, на вершине скал
Потому и нет цветов,
Что, как сердце у меня,
Скалы горем сожжены.

111

О любимая моя,
Что случилось, не пойму?
Как волчица от ловца,
От меня ты прочь бежишь.

О изменщица моя,
Что случилось, не пойму?
Отчего ты, словно лань,
Убегаешь от меня?

Переменчивый мой друг,
Что случилось, не пойму?
На кого глядят глаза,
Что глядели на меня?

О коварная, кому
Говоришь ты те слова,
Что шептала раньше мне,
В тишине к плечу припав?

112. ВЕТЕР ИЗ-ЗА ДАЛЬНИХ ГОР

Свежий ветер каждый день
Обдувает склон горы,
Чтоб сожженные цветы
Позолотою покрыть.

Милый, чем украсишь ты
Сердце бедное мое,
Что сгорело от любви?

С моря синего туман
Над долинами плывет,
Чтоб наполнить вновь водой
Высохшие родники.

Чем наполнишь, милый мой,
Ясные мои глаза,
Те, что выплакала я,
Плача о любви своей?

113

«Чтоб во мне любовь разжечь,
Ты трусливой не была.
Чтобы утолить любовь,
Ты боишься пустяков.

Чтобы страсть во мне разжечь,
Ты орлицею была,
Чтобы утолить ее,
Оказалась мотыльком».

— «Милый, как же я могу
Утолить твою любовь,
Если, не жалея дочь,
Словно море на скалу,
Злится на меня отец?

Как могу я утолить
Разгоревшуюся страсть,
Если, бедную, меня,
Словно пойманную лань,
Держат братья взаперти?»

114

Я тебя спросил: «Когда
Будешь ты моей женой?»
Ты сказала: «Погоди,
В поле вырастет трава».

В поле выросла трава
И сошла, но до сих пор
Я не твой законный муж,
Ты еще мне не жена.

Я тебя спросил: «Когда
Будешь ты моей женой?»
Ты сказала: «Погоди,
Расцветут в горах цветы».

На горах цветы давно
Алым вспыхнули огнем
И погасли до весны,
Но, как прежде, я один.

115

Как ты смотришь свысока,
Чванясь блеском черных глаз!
Но ведь самый черный конь
В стойле привязью стеснен.

Как небрежно ты идешь,
Грудью белою гордясь.
Грудь у ласточки белей,
Да недолог птичий век.

116

Милый, уходи, не стой
Возле дома своего.
А не то я брошу всё
И в пекарню побегу,

Хоть в кладовке у меня
Хлеба свежего полно.

Милый, не терзай меня,
С крыши побыстрей сойди,
А не то я брошу всё,
За водой пойду к ручью,
Хоть кувшины у меня
До краев полны водой.

117

На тебя кричала мать:
«Нет богатства у него...»
Ах ты, старая карга,
Разве не богатство — взгляд?
Дочь твою он опьянил!

Твой отец меня корил:
«Мало у него добра...»
Чтоб сгорел ты, старый черт,
Десять пальцев на руках —
Разве это не добро?

118

От меня недалеко
Голубь ласковый живет,
Да на старый домик мой
Он не сядет никогда:
Крыша домика ветха.

От меня недалеко
Сокол голос подает,
Только на руку мою
Он не сядет никогда:
Больно уж она слаба.

119

Ты меня разворошил,
Словно ломом глыбу скал,
Не заметил — обронил,
Как подкову конь лихой.

120. УМЕРШИЙ ДРУГ

Мой неласковый отец
Запер в комнате меня,
Как сторожевые псы,
Ходят братья у дверей.

Взаперти я слезы лью,
Потому что в этот час
На носилках золотых
Друга моего несут.

Вы могилы средь могил
Не копайте для него, —
Дайте в золотой сундук
Я родного положу!

Люди, вы сырой земли
Не бросайте на него, —
Из рубиновых камней
Я насыплю холм над ним.

Пусть над соколом моим
Серый камень не стоит, —
Встану я над ним сама,
К югу обратясь лицом.

Вы молитвою своей
Не тревожьте сон его, —
Я сама над ним спою
Песню о своей любви.

121. СЛАЩЕ МЕДА

Слаще меда юных пчел
Наша страсть была сладка.
Пусть отныне и навек
Будет горек этот мир
Тем, кто подгорчил ее.

Словно соты юных пчел,
Наша страсть была чиста.
Пусть отныне навсегда
Будет черен белый свет
Тем, кто очернил ее.

122. ЯГНЕНОК

Беленький ягненок мой
С синевою на груди,
Я тебя растил, берег,
Нес под шубой по степи,
Заметая снег полой.

Беленький ягненок мой
С синевою на груди,
Я тебя растил, берег,
Но достался ты не мне.

123

Солнце, озари поля
В Азаюнтской стороне,
Чтобы моего дружка
Лихорадка не трясла.

Тропки ярче освети,
Семидневная луна,
Может, в полночь он придет,
Если в полдень недосуг.

124. ПЕСНЯ ДЕВУШКИ, КОТОРУЮ МАТЬ НЕ ВЫПУСКАЕТ ИЗ ДОМА

Отвори мне двери, мать,
Отвори мне поскорей,
Я не стану горевать,
Хоть разок на свет взглянув.

Не держи меня одну,
Отпусти меня скорей,
Слышу я вдали зурну,
Хоть окошко мне открой.

Что тебе за радость, мать,
Дочку бедную свою
Дома взаперти держать?
Сердце дочки далеко!

Сколько на горе стволов,
Столько на дворе парней,
Сколько на горе цветов,
Столько девушек в гостях.

Почему же я одна
Взаперти должна сидеть,
В чем, скажи, моя вина,
Чем грешна я пред тобой?

Говоришь ты мне: «Сиди,
Не ходи, мол, за водой,
И в пекарню не ходи,
Погоди, мол», — говоришь.

Если мне во цвете лет
Надо вянуть взаперти,
Ты зачем меня на свет
Человеком родила!

125

Говорил мне милый мой:
«Не останусь я с тобой.
Пусть сгорит весь белый свет,
Нам не жить с тобою, нет».

— «До чего же ты чудной, —
Всё на месте под луной,
Мир стоит, а ты со мной».

126. НЕ ХОДИЛ БЫ ЗА ТОБОЙ

Как луна за солнцем, я
Не ходил бы за тобой,
Если б знал, что у тебя
Столько спутников других,
Сколько звезд вокруг луны.

127

Ты не талисман любви,
Чтоб тебя любили все.
Чтоб испепелять сердца,
Ты не дьявольский огонь.

Чтобы пить влюбленный взгляд,
Ты не сокол молодой.
Не балхарский ты кувшин,
Чтобы жажду утолять.

ОБРЯДОВЫЕ, ТРУДОВЫЕ, БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

128. КАПИ

Объезжал мой брат коня
На высокой пене волн.
Как ягненок на лугу,
Он резвился на седле.
Ах, вай, Капи,
Ай, Капи!
Плачет сестра твоя, джан!

Пусть все семь таркамских сел
Черный занесет песок,
Чтоб предатели Капи —
Семь князей погибли там.
Ах, вай, Капи,
Ай, Капи!
Плачет сестра твоя, джан!

Пять его бухарских шуб
На жерди в углу висят.
Он не снимет больше их,
Синий шелк съедает тля.
Ах, вай, Капи,
Ай, Капи!
Плачет сестра твоя, джан!

Сколько шапок износил
Брат мой, кланяясь гостям,
Сколько иступил клинков
Он на вражьих головах...
Ах, вай, Капи,
Ай, Капи!
Стонет сестра твоя, джан!

129. ПЛАЧ ПО СЫНУ, СОСЛАННОМУ В СИБИРЬ

В том краю, где ты теперь,
Низко ль стелется туман?
Если там, где ты теперь,
Над землей плывет туман,
Знай, сынок, что это вздох
Старой матери твоей.

В том краю, где ты теперь,
Над землей гремит ли гром?
Если там, где ты теперь,
Над землей грохочет гром,
Знай, сынок, что это крик
Старой матери твоей.

В том краю, где ты теперь,
Льет ли с неба частый дождь?
Если там, где ты теперь,
Льет на землю частый дождь,
Знай, что это не вода, —
Слезы двух твоих сестер.

130. ТРУДОВАЯ ПЕСНЯ

Потреплю тебя я, лен,
Толстой палкою побью,
Пожалею, окуну
В озеро из молока.

Побелю и стану прясть
В пальцах золотых своих.
Кончу прясть и ткать начну,
А потом и шить примусь
Тонкой золотой иглой.

А сошью, так наряжусь,
Всем обновку покажу.
Покажу да изношу,
Идя за водой к ручью.

А как изношу, отдам
За душистую траву
Старенькой Кунушале
Из аула Мулебки.

131

Вдалеке клубится пыль,
Там отара за бугром.
Серебром блестят рога
У козла, что впереди.
Позади плетется пес
С черным шелковым хвостом,
А в густом кругу овец
Молодец-чабан идет.
Посох у него кривой,
Золотой.

132. ПЕСНЯ КОВРОВЩИЦЫ

Ай-и-яй, моя игла...
Три ковра я соткала,
Я один себе взяла,
Два я дочке отдала.
Размотала я клубок,
Завязала узелок.

Завязала два узла,
В руки ножницы взяла.
Ай-и-яй, ковер цветной,
Красный, желтый, голубой.

133. ПЕСНЯ ПОВИВАЛЬНОЙ БАБКИ

Чтоб богатым он был,
Как Казила-Али,
Чтоб на свете он жил,
Как Цикила-Али.

Чтобы там, где полно,
Он бы ел да пил,
А где пусто, чтоб там
Плясать выходил.
Чтоб к работе привык,
Чтоб науки постиг,
Чтоб отца понимал,
Чтобы мать почитал.

134. ЗАЗА-БИКЕ

«Ты не вышла за того,
Кто съедает в час зари
Пять горячих пирогов
С мятною травой внутри.
Ты не вышла за того,
Кто пельменей двадцать штук
Шлет вдогонку пирогам,
Чтоб насытить свой бурдюк.
Раз не вышла за него,
Может, за меня пойдешь?»

— «О себе не много ль мнишь,
Чем же ты, скажи, хорош?
В костяном твоем ружье
Не свинец внутри ствола,
Пуля войлочная в нем,
Вместо пороха — зола.
И козлиный у тебя
Пообтерся так папах,
Что ворсист не больше он,
Нежели ослиный пах.
Так что, родственник ты наш,
Дорогой Динмагома,
Свататься не торопись,
Если не лишен ума».

— «Слишком задаешься ты,
Но ведь честь невелика

Сватов засылать к тебе,
Злющая Заза-Бика.
Ты колючка меж цветов,
В струганной доске сучок,
Дудка ты, в какую дуть
Рад аульский дурачок.
Помни, уточка, что я
Селезень — не новичок,
Помни, дудочка, что я
Не аульский дурачок...»

Кое-что Заза-Бика
Взять поторопилась в толк.
И, домой придя, она
Красный раскроила шелк.
Сшила праздничный наряд,
Чтоб дивился белый свет,
И украсила его
Ожерельем из монет.

Из аула своего,
Сладостных надежд полна,
Подалась в аул чужой
За удачею она.

Повстречался ей в пути,
Там, где поле в облаках,
Землепашец молодой,
Пашущий на двух быках.

«В красном платье, как заря,
Шлю тебе привет я свой,
Черной пашни властелин,
Землепашец молодой!
Устали не знают пусть
Пегие твои быки,
И пусть будут у тебя
Ячменя полны мешки».

— «Ваалейкум ассалам,
Не впервые на веку
Золотых стогов гряда
Встанет на моем току.

Верь, такого не найдешь
В целом свете ячменя.
И жалеть не станешь ты,
Выйдя замуж за меня!»

— «Много мнишь ты о себе,
Я видала не таких,
Схожий с черною овцой,
Незадачливый жених!»

Вдоль ущелья, между скал,
По тропе Заза-Бика
Вскоре на зеленый луг
Поднялась за облака.

Увидала чабана
И сказала: «Счастлив ты,
С волкодавом под рукой
Будь, владелец баранты!»

— «Ваалейкум ассалам,
Глянь-ка, я ль не молодец,
Если бродят на лугу
Тысячи моих овец?
Чаша полная — мой дом,
Виден он за три версты.
Выйти замуж за меня
Не хотела ли бы ты?»

— «Для чего ты мне, когда
Выцвели твои усы,
Шапка в инее с утра,
Ноги мокры от росы?
У жены с таким, как ты,
Жизнь не может быть сладка».

И отправилась домой
Гордая Заза-Бика.

Стала слезно мать просить,
Возвратясь в аул, она:
«Матушка, не выдавай
Ты меня за чабана!

У него на шапке снег,
В сапогах его — мокреть.
Спать с таким я не смогу,
Может ли такой согреть?

Землепашца мне в мужья
Ты, родная, не бери,
Он на крыше будет спать,
Чтоб не прозевать зари.

За муллу не выдавай,
Потому что при луне
Станет руки он тянуть
К небесам, а не ко мне.

И за мельника меня
Я молю не отдавать,
Мельник к белой льнет муке,
Белую забыв кровать.

Ты отдай за бедняка
Дочь единственную, мать.
Он намерзся и меня
Будет жарко обнимать».

— «Нет перин у бедняка,
Нет пуховых одеял.
И не варится в котле
Дома у него хинкал».

— «Наживное это всё —
И перины, и хинкал.
Главное, чтоб муж меня
Ненасытно обнимал. . .»

Выйдя вновь, Заза-Бика
От ворот не за версту
В разбитном кругу парней
Увидала сироту.

«Здравствуй, славный удалец,
Чья козлиная в горах

Шапка вытерлась давно,
Будто бы ослиный пах.
В костяном твоем ружье
Не свинец внутри ствола —
Пуля войлочная в нем,
Вместо пороха зола.
А черкеска у тебя
Уж не ветхость ли сама?
Чем похвастаешься ты,
Сирота Динмагома?»

— «Тем гордиться я могу,
Что тобою покорен...»
И точеный стан ее
При народе обнял он.

«Ах, оставь меня, оставь,
Я девчонка-сирота».

— «Не оставлю! Я тебе
Подходящая чета».

— «Белою голубкой я
Ринусь вдаль через хребет!»
— «Кинусь, чтоб тебя когтить,
Сизым соколом вослед».

— «Краснобедрою лисой
Спрячусь от тебя в леса».
— «Гончим псом я обернусь,
Чтоб настичь тебя, лиса!»

— «Стану колосом ржаным,
На току рассыплюсь враз!»
— «Я фазаном обернусь
И склюю тебя тотчас!»

— «Облик яблока приняв,
Попаду я на базар!»
— «Душу заложу, но там
Красный откуплю товар!»

— «Ты за мной, Динмагома,
Всюду следовать был рад.
Я тебе открою дверь
И не отпущу назад!»

135. ДВЕ ВДОВЫ

На поляне ежевика,
Да пойди-ка собери-ка.
Патимат и Айшат
Обе вдовами сидят,
Год, сердешные, сидят,
Безутешные сидят.
Если кто-нибудь возьмет,
Сразу Патимат пойдет,
Сразу и Айшат пойдет,
Если кто-нибудь возьмет.

136. Я ГОВОРИЛА

Двух горшков одной рукой
Не бери, — я говорила.
Двух красавиц, сокол мой,
Не люби, — я говорила.

Двух горшков не унесешь,
Разобьешь, — я говорила.
Если двух себе найдешь,
Пропадешь, — я говорила.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

137. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Самый лучший подарок
Из возможных даров,
Словно слитый из сливок
Целой сотни коров.

Самый маленький мальчик,
Самый ценный мой клад,
Словно слеплен из жира
Целой сотни ягнят.

Я хочу, чтобы сильным
Подрастал ты, сынок,
Чтобы складным ты был
С головы и до ног.

Будут сильными руки
От ногтей и до плеч.
Ты богатства не будешь
Ни жалеть, ни беречь.

Подрастешь ты и будешь
И умен, и хорош,
Ты всю землю обскачешь
И пешком обойдешь.

Ты, сынок, побываешь
И у туч на груди,
Где пред тем, как пролиться,
Притаились дожди.

Пусть твой взор соколиный
Будет зорок и смел,
Как недельный ягненок,
Ты и мягок и бел.

138. КРУМ-КРУМ

«Где ты, голубь, пропадал?
Крум-крум».
— «Во дворце я ночевал,
Крум-крум.
Хан поймать меня хотел,
Крум-крум,
Но успел я, улетел,
Крум-крум.
Он хотел меня убить,
Крум-крум.
Ощипать и опалить,
Крум-крум.
А еще замыслил хан,
Крум-крум,
Опустить меня в казан,
Крум-крум,
Чтоб пришла его жена,
Потом
Чтоб меня из казана
Вдвоем
Вытащить и посолить,
Крум-крум,
Прожевать и проглотить,
Крум-крум.
Вот что сделать хан хотел,
Крум-крум,
Но успел я — улетел,
Крум-крум».

189. ГОЛУБЬ

И невзрачен, и убог,
Жил в селенье голубок.
Хоть он бедно жил и худо,
Отвечал добром на зло.
И однажды утром чудо
С голубком произошло.
С крыши он взлетел крутой —
Стала ножка золотой.
А с другой взлетел — другая
Ножка стала золотая.
Ввысь взглянул он тем же утром —
Взгляд покрылся перламутром.
Полетел он между скал —
Золотым, как солнце, стал.

Жил неподалеку ворон.
Был ворчун, драчун и вор он.
Встретил он у родника
Золотого голубка:
«Как ты, голубь, стал таким,
Не простым, а золотым?»
Отвечает голубок:
«Был и сер я, и убог.
С крыши я взлетел крутой —
Стала ножка золотой.
А с другой взлетел — другая
Ножка стала золотая.
Ввысь взглянул я нынче утром —
Взгляд покрылся перламутром.
Покружился между скал —
Золотым, как солнце, стал!»

Весь дрожа от нетерпенья,
Ворон полетел в селенье,
Чтобы счастья попытать,
Золотым, как солнце, стать.
С первой крыши он взлетел —
О трубу ногой задел.
С переломанной ногой
С крыши он взлетел другой.

Ввысь на небо поглядел —
Взгляд его окаменел.
Полетал он между скал —
Словно камень, вниз упал.

140. ЦЫП-ЦЫП-ЦЫП

Цып-цып-цып,
Мы принесли
Коноплянке конопли,
Перепелочке — зерно,
Куропаточке — пшено,
Индюшоночку — пшеницы,
Утеночку — чечевицы.
А тебе я дал
И себе я взял
Хинкал!

КУМЫКСКИЕ ПЕСНИ

ЭПИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

141. БОГАТЫРЬ КАРТ-КОЖАК И КРАСАВИЦА МАКСУМАН

Как сказали тебе: «Выезжай, Карт-Кожак, выезжай!»
Как надумал ты выехать наконец, —
Вороного коня ты покрыл седлом,
Зарядил пищаль с блестящим стволом,
Молвил: «И перед скалами не отступлю!» —
И поехал над Карасу-рекой.
К сорока храбрым нартам ты прискакал.
«Ассалам алейкум вам, нарты!» — сказал.

«Ваалейкум салам, Карт-Кожак!
Подойди, поглядим на тебя, кунак,
Осуши этот рог, назови свое имя,
Мы, как конь под седлом, покоримся тебе».

— «Что вам имя мое? Ведь я — это я!
Ни перед кем не клонится шея моя.
Мой закон: «Светильника близких не тронь,
Не подбрасывай хворост во вражий огонь!»
Если имя мое вы хотите знать —
Карт-Кожаком — богатырем меня звать».

— «Если ты и впрямь богатырь, Карт-Кожак,
Свою удаль теперь покажи-ка нам.
Над узкой тропой, над черной рекой,
Где, как чаша каменная, водопой,
Где утесы нависли, где валуны
Как подушки огромные округлены,
Свою жвачку жуют Максуман табуны.

Угони табуны, если ты удалец.
Коль угонишь табун, ты по нраву нам.
Если пьешь — ковш я меду хмельного дам».

Выпил духом единым ковш Карт-Кожак.
И еще хозяин ковш нацедил,
Карт-Кожака рядом с собой усадил.
Не ответил им Карт-Кожак — пойду!
И не молвил им Карт-Кожак — не пойду!
Он поверх бешмета оружье надел,
На коня вскочил и, как вихрь, улетел.

По тропинке, узкой, как ремешок,
Где бушует, ревет летящий поток,
По округлым склонам, крутым холмам
Поскакал он, путь держа к табунам.
На горном лугу, где синеют цветы,
Над рекой у обрывистой высоты
Дремал в траве табун Максуман.
Карт-Кожак объехал вокруг табуна,
А хозяйка, — и не проснулась она.
Трижды он объехал табун большой,
А что Максуман? Не проснулась она!
Сжалился он над девичьей душой,
Целиком весь табун Максуман угнал.
Шесть он гор миновал до вечерней поры
И дошел до седьмой, до Шасан-горы.
Вот взмахнул своей гривою огневой
Максуман-богатырши скакун гнедой,
Повернул, заржал, назад поскакал.

«Нет теперь у тебя твоего табуна,
Ахать поздно теперь! — сказала она. —
Позови скакуна, Максуман, взнуздай,
Деревянным седлом его оседлай
И скачи, поспешай, табун догоняй!»

Тут коня своего обротала она,
И взнуздала его, оседлала она,
Понеслась по следам своего табуна.
Шесть она миновала горных хребтов,

Как доехала до Шасан-горы,
Свой табун вдали увидала она.
«Эй, конный! Чтоб умерла твоя мать!
Ты куда мой табун задумал угнать?
Опозорил меня ты, себя не назвал,
Воровски ты мои табуны угнал!»

— «Что ж, — сказал, — мое имя ты хочешь знать?
Ни пред кем не привык я шею склонять.
Мой закон: «Светильника близких не тронь,
Не подбрасывай хворост во вражий огонь!»
Знать меня ты хочешь? Я — это я.
Знай, красавица, я Карт-Кожак — богатырь!»

— «Если ты и впрямь Карт-Кожак — богатырь,
То посмотрим, кто старше и кто сильней.
Пусть сперва под удар, кто моложе, встает,
Тот, кто старше из нас, пусть сначала бьет».
Так они и сошлись на решении том.
Максуман было только пятнадцать лет,
Карт-Кожаку тридцать пять, говорят.
Встала прямо перед ним Максуман под скалой,
Карт-Кожак прицелился черной стрелой.
Он пустил стрелу, не попал, говорят.
Очень мой Карт-Кожак горевал, говорят.

«Если выстрелю в лошадь твою, Карт-Кожак,
Будет пищей воронам лошадь твоя!
Если выстрелю в тебя, Карт-Кожак,
Жалко мне несчастной старухи твоей!»

Лук взяла свой и выстрелила Максуман,
Был убит Карт-Кожаков конь вороной.
В грудь коню попала стрела, говорят,
Шесть ременных подпруг порвала, говорят.
На спину богатырю Максуман
Деревянное положила седло.
И, как волк, он домой вдоль кустов побежал.

«Я за жизнь мою, за тридцать пять лет,
Лишь сегодня страх испытал!» — он сказал.

142. ПЕСНЯ О МИНКЮЛЛЮ

Вырос Минкюллю в долине, где свежа роса.
Врезались в его затылок густо волоса.
Как животное какое, шерстью он оброс,
Словно девушка-невеста, был длинноволос.
Посреди полей опасных он разбил шатер.
Он, кизяк таская, тело кизяком натер.
Посреди степей опасных он стерег свой скот,
Уважал ягняток малых, как больших господ.
На тропе черкесской лаять обучил щенков,
Он давал еду голодным, а бездомным — кров.
Для него была постелью мурава в тени,
Для него подушкой были корни или пни.
Из серебряной посуды пили псы при нем:
Как женился, так полгода их поил вином!

Некий человек однажды говорит ему:
«Минкюллю, живи ты с миром! Право, не пойму,
Почему все дни проводишь в этой тишине,
Почему ты не приходишь к молодой жене,
Почему ей не расскажешь, как, среди полей,
Ты один живешь, скучаешь, думаешь о ней...»
Так сказав, ушел прохожий. Минкюллю притих,
А потом, подумав, кликнул трех собак своих:
«Три собаки, вы — три стража маток и ягнят,
Нет, скорее вы — три брата, я — четвертый брат!
Доверяю вам отару, маток и ягнят,
Навещу отца и скоро я вернусь назад».
— «Минкюллю! Придут к нам воры — выловим воров.
Нападут на стадо волки — истребим волков.
Но когда нагрянет войско, прогремев, как гром, —
Убежим, покинув стадо, пастбище с шатром!»

— «На три дня я вас покину. Не вернусь назад —
Три стрелы, как срок настанет, пусть меня пронзят!»

Кляче серой, как цыпленок, ехать тяжело.
Деревянное накинул на нее седло.
В отчий дом поехал всадник, прямо в Эндирей, —
Что на свете Эндирея краше и милей!

Занялось второе утро над холмом крутым,
Но с холма ему не видно: где же Айханым?
В третье утро он взобрался на курган степной —
Айханым не появилась до поры ночной.
Рассветает день четвертый. Взял звенящий лук,
По тропе напротив дома выехал на луг.
Вот, держа кумган луженый, вышла Айханым,
Что-то говоря служанкам сорока своим.

Лук с тесьмою из оленьей кожи натянул,
И стрела его взметнулась через весь аул.
В ручку белого кумгана врезалась стрела, —
Айханым не потому ли голос подняла:
«Минкюллю, иль убегаю, на твою беду?
Или я переселяюсь и тебя не жду?
У тебя сегодня горе: сыщется ли след
Той отары, что растил ты с детских ранних лет?
Обманул тебя прохожий, подлый клеветник:
Захватил твою стоянку и поджег калмык.
Он угнал твою отару, завидущий враг,
Он поранил острой шашкой трех твоих собак».

Лук с руки он бросил наземь, в отчий дом спеша:
«Ты, отец, мне так же дорог, как моя душа!
Я прошу тебя, ты дай мне твоего коня,
Что летит быстрее ветра и быстрей огня».
— «Отдал другу я на время своего коня,
Что летит быстрее ветра и быстрей огня».
— «Я люблю тебя, как душу! Дай мне синий щит, —
Никакой стрелой не будет он в бою пробит!»
— «И его я отдал другу, этот синий щит,
Что в бою стрелой не будет никогда пробит!»
— «Дай мне саблю в черных ножнах, дорогой отец!»
— «И ее вручил я другу, чтоб носил храбрец».
— «Дай мне лук, отец любимый, — тот, что вшестером
Если горцы и натянут, то с большим трудом».
— «Шестеро с трудом натянут этот грозный лук,
Но и лук унес, как видно, мой отважный друг».

— «Ветроногого не можешь дать мне скакуна, —
Пусть его заменит кляча — лошадь чабана!

Мне щита не дашь? Черкеску старую мою
Я надену, ту, в которой я овец дою!
Дать мне саблю в черных ножнах ты не пожелал,
Так пускай ее заменит горский мой кинжал!
Лук, что вшестером не просто горцам натянуть,
Заменю я шилом в сумке, справлюсь как-нибудь!
Буду биться, как мужчина, — это мой закон.
Ты считай девчонкой сына, если струсит он!»

Цвета серого цыпленка клячу он привел.
Сел в седло, могучий, гордый, как степной орел.
Клячу он огрел три раза плетью чабана,
Поскакал — и пыль взметнулась, тяжела, черна.
На стоянке — только пепел, пепел от костра.
Не успел он до шестого доскакать бугра —
Шестьдесят убил калмыков, но и шестьдесят
Получил он ран в сраженье, а они болят!
С мордой, поднятою в небо, воет Караташ.
«Что завыл ты, пес мой черный, неусыпный страж?»
— «Минкюллю, хозяин добрый, с лошади сойди,
С нитью кожаною в сумке шило ты найди.
Поскорей зашей мне брюхо, и тогда вдвоем
Против горя и напасти мы с тобой пойдем!..»
С нитью кожаною в сумке шило он достал,
Спешился и Караташу брюхо залатал.

Не успел взобраться всадник на бугор седьмой —
Семьдесят убил калмыков средь травы степной.
Семь десятков раз был ранен. Он спустился вниз —
Слышит: желтая завыла сука Сарикыз:
«Минкюллю, достань-ка шило с ниткой поскорей,
Спрыгни с лошади, хозяин, мне бедро зашей,
И тогда на все напасти ринемся втроем...»

Не успел промчаться всадник над восьмым бугром —
Восемьдесят истребил он недругов в бою,
Восемьдесят получил он ран в степном краю,
И тогда-то вой протяжный услыхал пастух:
Выл, вздымая морду, белый пес Акташ-аух:
«Минкюллю, рожденный шлюхой, прóклятый судьбой!

Как ты смел нарушить слово, данное тобой!
Взял ты срок — три дня. А сколько миновало дней?
Спрыгни с лошади, хозяин, брюхо мне зашей!
Будем с горем и напастью биться вчетвером...»
С лошади хозяин спрыгнул пред восьмым бугром,
Он зашил Акташу брюхо, и на бой с врагом
Минкюллю и три собаки вышли вчетвером.

Терек, наш отец! Ты лучше б лужей стал тогда,
Где по брюхо и лягушкам мелкая вода!
Терек, лучше для двуколок стал бы ты тропой
В те часы, когда неравный загорелся бой!
Из врагов в живых остался лишь один, и вдруг
Он пустил стрелу, потуже натянув свой лук.
В душу Минкюллю вонзилась меткая стрела.
Минкюллю сказал, — предсмертной речь его была:

«Три собаки, вы — три стража маток и ягнят,
Нет, скорее вы — три брата, я — четвертый брат!
Тот из братьев, кто сильнее, преданней, храбрей,
Пусть отправится с известьем к Айханым скорей».

И один из псов помчался, быстрый, как стрела, —
К умирающему мужу Айханым пришла.
Извлекла стрелу из места, где душа живет, —
Минкюллю вздохнул и умер у бурлящих вод.
Айханым сказала: «Многих ты затмил один,
О мой муж, каким мужчиной был ты средь мужчин!»

И кинжал из ножен мужа извлекла она,
И свое пронзила сердце верная жена.
Долго ль так они лежали, мертвые, в песке?
Все овечки превратились в камушки в реке,
Псы умчались в лес, — и много ль протекло веков?
Прародителями стали яростных волков!

143. ПЕСНЯ ОБ ЭЛЬДАРУШЕ

Эльдаруш и Бектемир доводились друг другу двоюродными братьями. Бектемир был богат. Эльдаруш имел лишь оружие и коня. Дружбы между ними не было, и Бектемир, взявший в жены княгиню Месей, даже не пригласил Эльдаруша на свадьбу. По настоянию уважаемых людей он все-таки вынужден был приглашение послать, но когда Эльдаруш появился на свадебном пиру, упрекнул его обидным словом: «От тебя пахнет бедностью!» Эльдаруш вскочил на своего коня и уехал. Он приехал туда, где паслись стада Бектемира.

В ночь ты ехал на свадьбу Месей-бике,
На заре Бектемира стада увидал.
«Ассаламу алейкум, отец Кокчакай,
Чтоб от каждой овцы тебе сотня ягнят!
Из отары одну лишь овцу мне отдай!»

— «Если надо овец тебе, Эльдаруш,
Поезжай на кош, на кутан,
Пастухи там беспечные спят в этот час.
А у нас — кто барана отдаст одного,
Как барана, зарежут его самого,
Мол — хозяйского стада не рушь!»

— «Кокчакай, я к вам на кутан не пойду.
Не отдашь, я ударю медной камчой
И овец твоих уведу!»
Эльдаруш ударил медной камчой.
По оврагам, по балкам отары угнал,
Лес в ущелье окрест порубил,
Кош поставил, ягнятину жарить стал.
На шампурах ягнятина докрасна́
Не обжарилась на углях.
Кокчакай поднялся на холм и глядит —
Скачут конные; на далеких холмах
Топот слышится, пыль пылит,
Подымается пыль, как дым.
Это скачет нарт Бектемир,
Сорок верных нукеров с ним.

К Эльдарушу он подскакал,
Душу бедняка утеснил.
И сказал Эльдаруш: «Отстань, Бектемир,
И да будет меж нами мир
Разве вор не крал у тебя овец?
Разве волк не рвал у тебя овец?
Гость сегодня в коше твоем!
Честь тебе! Не позорь свой дом!»

— «Как может волк овец моих рвать?
Видно, псы заелись, стали жирны.
Как может вор овец моих брать?
Видно, спят проклятые чабаны.
Если в кош кунак за мясом придет,
Он по чести встречу найдет.

Эй, потаскухин сын, Эльдаруш,
Шелудивой суки сын, Эльдаруш!
Твое тело взболтаю я, как захочу,
Словно кувшин молока проглочу!
Материнских седин не увидишь ты,
Жив отсюда не выйдешь ты!»

И не так ли ему Эльдаруш отвечал:
«Ты железом был, но сталью не стал!
Вижу — сорок нукеров идут за тобой.
В туле сорок стрел у меня за спиной.
Знаешь сам, что в бою я без промаха бью.
Меч мой в войлочных ножнах на шею твою!»

И сразились они,
И рубились они,
Кровью по стремена обагрились они.
Эльдаруш сорок сильных свалил человек,
Нос и ухо у Бектемира отсек
И за пазуху положил, говорят.

И кляче своей сказал Эльдаруш:
«Ложись отдохни, маштак!
Головой я прилягу на гриву твою,
Что мягка, как пуховый мутак».

Отвечала кляча ему:
«Сплю я стоя, в бой с тобою хожу!
Но подушкой под шею твою
Свою гриву не положу.
Аргамака ты кормишь чистым овсом,
А меня только старым сеном всегда».

— «Аргамака отдам я за белый овес,
А с тобой не расстанусь теперь никогда».
И на брюхе кляча маштак
Подползла к нему — говорят —
И сказала ему — говорят:
«Ты садись на меня, Эльдаруш!
Если я тебя домой не домчу
В три прыжка, — мне овса не давай.
Если ты со спины моей
Упадешь, — на себя пеняй!»

И сказал Эльдаруш: «Перестань!
Много рубленых ран на теле моем,
Много в теле обломков стрел.
Ты скачи быстрей, чтоб с родной моей
Я пред смертью проститься успел».

Эльдаруш домой поскакал,
Встречный ветер лицом рассекал.
Поздним вечером въехал в аул,
Осадил коня и сказал:
«Нет ли лекаря здесь у вас,
Чтобы раны мои омыть,
Чтобы в раны юлы вложить?»
Эльдарушу сказала кляча маштак:
«Ты покамест сидишь на спине моей,
А здесь — Бектемира люди живут,
Здесь тебя и меня убьют.
К матери помчимся твоей!»

К материнским подъехали воротам,
А мать не внимает его словам.
И крикнул матери Эльдаруш:
«Мать! Ворота проклятые открывай,

Светильню проклятую зажигай,
Постель проклятую постилай,
Сына с коня сними!»

— «Я ворота проклятые не отворю,
Я светильню проклятую не зажгу,
Я постель проклятую не постелю,
Сына с коня не сниму!
Руки трусов коснулись тебя, —
Чтобы тонкие их кишки
Волчья стая разорвала!
Чтобы толстые их кишки
Стая коршунов разнесла!
Чтоб оленья корова в ауле их
Олененка дикого принесла!
Чтобы там он звал свою мать,
Как зовешь ты меня с седла!»

— «Трус железом коснулся меня,
Смертью я за это трусу воздал.
Отелилась олениха в крепости их,
Опустел их двор, одичал.
Слышны стоны там сорока матерей.
Надо мною плач на один только день,
А над трусом плач — до скончанья дней».

144. АЙГАЗИ

Взнуздал Айгази верхового коня,
Но видит, собравшись в дорогу,
Быстрей облаков неспокойного дня
Два всадника мчатся к порогу.

Вот кованый цокот раздался вблизи,
Отцовских друзей узнает Айгази.

Приветствует их у раскрытых ворот
В словах уважительных самых,

Обоих в кунацкую прямо ведет,
Ячмень задает скакунам их.

И снова послышался цокот вблизи:
«Желаю удачи тебе, Айгази», —
Так молвил приятель, подъехав к нему.
И встретил учтиво он друга.
«Коня расседлать не спешишь почему?»
— «Прости, не имею досуга.
Но прежде, чем двину каурого вспять,
Я слов тебе несколько должен сказать.

Узнай, Айгази: мне в ауле друзья
Правдивую весть сообщили,
Что ту, кого любишь ты, трусы-князья
Похитить сегодня решили.
К тому же твой кровник отправился в путь,
Тропы бавтогайской ему не минуть...»

И друг ускакал... Айгази омрачен.
И, брови насупив угрюмо,
Наполнил кунацкую вздохами он,
На сердце — нелегкая дума.

«О чем ты вздыхаешь, понять не могу?
Зачем предаешься кручине?» —
Мать сына спросила, неся к очагу
Огонь на короткой лучине.

«О, как же, скажи мне, любимая мать,
Могу не грустить я, могу не вздыхать.

И волк, и джейран, и охотник к ручью
Явились, томимые жаждой.
Три долга свалились на совесть мою,
И должен исполнить я каждый.

Похитить сегодня, бесчестьем грозя,
Невесту мою замышляют князья.

И недруг мой нынче, коня торопя,
Проедет тропой бавтогайской,

Но если покину гостей на тебя,
Я долг не исполню хозяйский.
Врага ненавижу, невесту люблю,
Как ты посоветуешь, я поступлю».

— «Невесту и лучшую сможешь найти, —
Красивых горянок немало.
Не раз еще недруга встретишь в пути, —
Уважь кунаков ты сначала».

И пил он, и ел он с друзьями отца,
Затем, проводив их с почетом,
Он бросил в намет своего жеребца,
За первым исчез поворотом.

Ведет к Бав-Тогаю тропа напрямик.
Растет в Бав-Тогае терновник.
Туда он примчался, и вот через миг
Пред ним появляется кровник.

Ни тот, ни другой не съезжают с тропы.
Кто нынче здесь голову сложит?
Вздымает коня Айгази на дыбы,
И пятится кровника лошадь.

«Эй, падаль, я вижу, что душу свою
Ты спрятать торопишься в пятки.
Не с войском стотысячным здесь я стою,
Бежать не спеши без оглядки!»

— «Стотысячным войском хоть мне пригрози,
Не дрогну. Рожден я не трусом!
Да будь предо мною хоть сам Айгази,
Сразился б я с этим безусым...»

Но больше ни слова добавить не смог:
Нажал Айгази на послушный курок.

Нажал на курок и пришпорил коня,
Чтоб мчаться на помощь к невесте,

Как вдруг услыхал он: «Оставив меня,
Навеки лишишься ты чести.

Я ранен смертельно. Как тонкая нить,
Вот-вот во мне жизнь оборвется.
Нельзя меня бросить, нельзя пристрелить,
Уважить обычай придется.

Меня положив головою на юг,
Где высится саван тумана,
Присядь в изголовье, как будто бы друг,
Молитву читай из Корана.

Душа улетит моя. Саблю возьмешь,
О камень холодный наточишь,
Проколешь губу мне, башку отсечешь,
К седлу своему приторочишь.
Домой возвратишься ты после того,
Как воин, что выиграл битву...»

И к югу лицом положил он его,
Прочел из Корана молитву.

Когда улетела душа из врага,
Его Айгази обезглавил,
Но, собственной чести отважный слуга,
Не к дому коня он направил.

Он, птиц обгоняя и бешено мчась,
Увидел двор княжеский вскоре.
С трусливой душою родившийся князь
Ворота держал на запоре.

В груди Айгази и тревога, и боль,
И ревность, — как в рану попавшая соль.

Он крикнул, коня осадив у ворот:
«Я здесь, мое счастье земное!

Пусть ринется в битву весь княжеский род,
Тебя не отдам всё равно я».

Открылась тут дверца с железным кольцом.
Невеста к нему подбежала,
В глаза заглянула и белым лицом
К руке и колену припала.
Легко, словно беркут свое же крыло,
Он поднял невесту к себе на седло.

«Лети, иноходец, дорогой прямой,
Скачи по тропинкам знакомым».
И вот прискакал он с невестой домой,
Коня осадил перед домом.

«О милая матушка, сыну в ночи
Ворота скорей отопри ты,
Скорее при свете дамасской свечи
На то, что привез, посмотри ты.

Привез тебе голову кровника я,
Взгляни и поплачь, если нужно,
А эта красотка — невеста моя,
Тебе она будет послушна».

— «Спасибо, сыночек! Тебе, молодцу,
Чье сердце не ведает страха,
Как славному воину, очень к лицу
Надетая лихо папаха».

145. ПЕСНЯ АБДУЛЛЫ

«Вставай, вставай, мой Абдулла!
Враги в ауле! — грабят и жгут!
Убивают старых и молодых,
Женщин, девушек в плен, на продажу
берут!»

— «Матушка, не могу я встать,
Голова болит, умираю я.

Смерть моя от тебя, о мать!»
— «Голова у тебя болит, Абдулла?
Я тебя положу в колыбель.
Жарко будет тебе — на коленях моих
Я устрою тебе постель.
Коолбавы, сшитые мной,
На которых я качала тебя,
Ночи, в которые пó сорок раз
Просыпалась я, утешала тебя,
Белое, из сорока корней,
Молоко, которым питала тебя, —
Это всё сегодня из ран твоих
Утечет, как алый ручей.
Пусть будут молитвы мои за тебя
Камнем на шее твоей!»

— «Матушка! Из младенческих лет
Я не вышел. А что ж покоя мне нет?
Видел нынче я удивительный сон:
Волки в верхнем покое у нас пили мед,
Шили нам халаты без рукавов.
Деревянные кони в парче
Стояли у наших ворот».

— «Если волки в гостях у нас пили мед,
Разве сон твой не перед бедой?
Если шили халаты без рукавов, —
То не белый ли саван твой?
Деревянные кони у наших ворот
Не носилки ли для похорон?
А парчовые попоны на них
Значат гибель со всех сторон!»

Тут разгневался Абдулла,
Встал в бешмете, оружье с гвоздя сорвал,
В ноговицах вышел, коня оседлал,
А седла рукой не достал.
Мать, похлопав его по спине, говорят,
Сесть ему в седло помогла.
Он хлестнул коня и догнал врага
На окраине села.

Врезался в бой. Совершились тут
Неслыханные дела.
Столько врагов порубил Абдулла,
Что кровь их рекой потекла.
Кровь обрызгала его стремена,
Но внезапно вонзилась в тело ему
Смертоносная вражеская стрела.
Повернулся в правую сторону он:
«Где мой старший брат?» — а старший убит.
Повернулся в левую сторону он —
Младший брат на земле лежит.
Друга кликнул он. И на клич его
Прискакал к нему джан Курдаш.

«Словно желтое золото, тело мое,
Побратим, в объятья возьми!
Становой мой хребет перебит,
На коня меня подыми,
Отвези к родимой моей!»

— «Словно желтое золото, тело твое
Я в объятия не возьму,
К дому матери не повезу.
Сесть в седло я тебе помогу.
Встань! Садись на коня, скачи, джигит!
Смертью вражьи глаза омрачи, джигит!»
Как джигит, Абдулла на коне
Смертный страх на врага нагнал
И к воротам своим прискакал.

«О мой сын, пусть в тебя не стрела,
А пушечное ядро попадет,
Мать твоя — покуда ты жив —
Лица к тебе не повернет.
Трижды плетью коня ударь,
Проскачи по селу, как встарь,
Чтоб тобой любовалась я,
Чтобы радовались друзья!»

Абдулла коня повернул
Из последних сил — говорят,
Проскакал через весь аул.

И пока друзья выходили встречать,
Прилетел на черном коне,
Взял его Азраил, говорят.

«Умер ты, хоть рана твоя мала.
Трус в тебя стрелял, мой сын Абдулла.
Пусть завоет, как я, его мать!»

— «За ущельем, матушка, там —
Стад гусиных гогот и гам...
Мать врага, что меня застрелил,
Прежде стала плакать над ним.
День один тебе — плач надо мной.
Вечный плач по врагам моим!»

146. БИЙ И КАЗАК

«Эй, мой бий, будь сватом моим,
Сам ты знаешь горе мое.
Словно черные ягоды терна,
Черны глаза у нее».

— «Знаю я тебя, мой казак,
Нет дурного в тебе ничего,
Только сватать тебя не могу,
И не хватит добра моего.
Ведь с калымом едут за ней
От шамхала самого».
Разобиделся удалец казак,
Взял оружье, сел на коня.
«Ты мне больше не бий,
Не вернусь к тебе,
Не зови и не жди меня.
Только знай — за обиду я отомщу!»

На прощанье камчой помахал,
Прискакал в Эсменкол, где паслись табуны,
Скакунов отборных угнал.

Снова выехал на добычу казак,
Ездит по миру, гол и сир.

Не стерпел — приехал к бию в аул.
А в ауле — свадебный пир...

«Как бы мне показаться любимой моей?
И откуда мне в бия стрелять поверней?
Я навстречу невесте прямо пойду,
В бия выстрелю, в сердце ему попаду».
Вышел, сел напротив окна.

Глянул бий — говорят, увидал казака,
Притворился, что он не узнал казака,
И сказал, подперев щеку:

«Я тоскую по моему казаку.
А зачем казаку скучать обо мне?
Он далеко от нас в чужой стороне.
Кто расскажет ему, что — так, мол, и так,
Я такой же, как ты, казак.
Да на тысячу одного
Я не променял бы его».

— «Эй, вот я вернулся к тебе, твой казак,
Дай-ка вéрбовый мне хомуз.
Правду я сказать не боюсь».

Взял в руки хомуз батыр-казак,
Столб опорный спиной подпер.
И не так ли казак сказал:

«Словно волны, ходит трава бетеке.
Что ты стал, батыр-бий,
В обмелевшей реке?

За меня ты красавицу не отдаешь,
Вам казак неимущий не ко двору.
Где ты эту красавицу убережешь?
Увезу ее, пусть я умру.

Я невесту вашу умкну, умчу,
Ее косы на руку закручу.

Поглядим, как ляжет с нею жених,
Лучше смерть, чем позор такой.

Хоть и дал шамхал за нее калым,
А не быть ей шамхалу женой.

Соколенок, вылетев из гнезда,
Не вернется к гнезду своему никогда,
Хоть в ущельях — туманы висят.

И бедняк обездоленный — твой казак
В день беды не будет на помощь звать.
В день возмездия — перед ним одним
Вашим трусам не устоять!»

Распалился гневом батыр-казак,
Как блеснул он саблей — взгляни!
Бии-ханы не отыскали дверей,
В окна выскочили они.
Мой казак к красавице подошел,
Взял за рученьку и увел.

«Мы пойдем, полетим в мой отчий дом!
Счастье нам, если мать живую найдем».
Шесть увалов перевалили они,
На седьмой увал поднялись.
Только девушка ни жива ни мертва:
«Оглянись, казак, оглянись!»

— «Ведь никто не неволил тебя, не бранил.
Или дальний путь тебя утомил?
Что ты голову опустила свою?»

— «Как же мне не печалиться, государь?
Сорок всадников скачут за нами вслед.
Облики драконьи у них,
Старший брат мой — погони главарь».

— «Видит бог, я гибели их не хотел,
Пусть догонят, таков их удел.
Как лесной кабан, чья сила крепка,
Один я выйду против сорока.
Им валежник лесной под бока покладут,
Похоронный саван им травы соткут.

Не печалься, любовь моя!
Здесь один с ними справлюсь я».

Скачет, скачет старший брат впереди.
Эй, надменный всадник, зорче гляди!
Ты моргнуть не успел, как стрела
Прямо в сердце твое вошла.

Молвил казак: «Что я вам говорил?
Вы, трусы, мне покажете тыл!»
Самые горячие из удальцов
Сказали: «А ну — еще раз нападем!»

Самый трезвый умом среди них отвечал:
«Нападем, а его не возьмем».

И поняли всадники мудрый совет,
Повернули коней назад:
«А расспрашивать будут, дадим ответ,
Что в горах потеряли след».

— «Из-за них ты печалилась, радость моя?
Где они? — где следы их коней?
Мы теперь поскачем в отцовский аул,
К матери милой моей».
— «Вот — жена моя, матушка, ваша сноха!»
Мать вздыхает — больная, совсем плоха.

«Матушка, чем опечалены вы,
Почему не подымете головы?»
— «Как же мне не печалиться, бедный мой сын!
Ты в наезды ночные уходишь один,
Не слушаешься меня!»

— «Я выехал до рассвета дня,
Всё свершил, что хотела ты.
Пушечным раскаленным ядром
Я вылетел из темноты —
Я следа не оставил там, где был.

Вьется облаком хвост коня моего.
Я ублю́дка спе́шил. Мне место теперь
У доброго очага твоего».

147. ДЕЛИ ОСМАН ИЗ АКСАЯ

В Аксае задумали думу князья,
Чтоб Муса ими правил — родня им своя.
А Дели Османа подальше убрать.
Вот грамоту пишут, ставят печать.
Призывают Дели Османа к себе:
«Ты с письмом поскорей
Скачи в Эндирей,
И удача будет тебе!»

Вот Дели Осман посланье берет,
За пазуху кладет.
Прискакал в Эндирей.
А стражник ему
Не отпирает ворот.
«Эй, сторож, открой ворота скорей!
Долг чести — на шее моей.
Лежит за пазухой у меня
Письмо от аксайских князей».

— «Я, сторож, ворот не открою тебе,
Сдай оружье — въедешь в аул».
Не хотел расставаться с оружьем Осман,
Назад коня повернул.
Да неладно впустую ехать назад.
Он оружие сдать решил — говорят.
Маяру — начальнику самому —
Он письмо вручил — говорят.

Взял маяр бумагу, сломал печать,
Прочитал: «Если надо, возьмите его.
Сотню палок всыпьте ему
И в Сибирь сошлите его».
Тут Дели Османа взяли, связали,
Не судили, где правда,
А где обман,
Посадили в тележку, в Сибирь помчали.
И сказал тогда мой Дели Осман:
«Знают ли отец мой и мать,
Гадают ли обо мне?

А такая беда, что случилась со мной,
Не привидится и во сне.
Пусть в Казанище друг мой Карлам
Не гарцует на лучшем своем коне,
Пусть он в гости меня не зовет,
Пусть зальет кипящий свой самовар,
Пусть о блюдце он свой стакан разобьет.
Пусть думают старые обо мне,
Пусть свадьбы играются без меня,
Пусть тоской отец мой и мать
Истязаются без меня.
Князь Муса, что взлелеял подлый обман,
Пусть ликует — пропал, мол, Дели Осман.
Эй, солдат, помоги кандалы подобрать,
Помоги мне в тележку сесть!
Даст бог, я с этой дороги вернусь,
Даст бог, верну свою честь.
Берегитесь тогда вы, трусы князья!
Эту саблю точил я на вас.
Удальцу где жить — не всё ли равно?
Только знать никому не дано,
Где он встретит свой смертный час.

Черный хлеб — отныне пища моя,
Черный день — отныне мое житье.
Из свинины — похлебка моя.
Пусть, как горы, горе мое
Вас раздавит, трусы князья!»

148. ПЕСНЯ О ДАГЕСТАНСКОМ ПОЛКЕ

Кумузы настроим, начнем бисмиллах —
Споем о героях и ратных делах,

Уходит наш полк, он в сражение рвется.
Пусть тот сожалеет, кто здесь остается.

Винтовки чисты, и отточены шашки.
Вы, матери наши, не плачьте, бедняжки.

И вы не горюйте, любимые жены,
Назад привезем мы кресты и погоны.

За подвиг солдатам наденет война
Погоны на плечи, на грудь ордена.

...Мы кровь проливаем три года подряд.
Не наши медали, а пули звенят.

И нет ни крестов, ни отличий несметных,
Ни звезд на погонах у нас — беспросветных.

Здесь тот, кто холуй, а не тот, кто герой,
Чины и кресты получает порой.

Не те, кого пули в сражениях косят, —
Те в славе, кто водку начальству подносит,

Не те, перед кем отступают враги, —
Кто чистить готов писарям сапоги.

В обозах штабных получают медали
Герои, что посвиста пуль не слыхали.

Мы все получили лишь то, что смогли:
Угодник — медали, герой — костыли.

Когда мы вернемся, окончив поход,
Где львы, где шакалы — никто не поймет.

Кто нас пожалеет, кто нас защитит?
Ходили к начальству — начальство молчит.

К начальникам русским ходили не раз,
Молчали и русские — им не до нас.

Что толку в молитвах, что толку в словах?
Орудья гремят, нас не слышит аллах!

149

Кто геройством от рожденья наделен,
Тот не знает на пути своем препон.
По степи идя, реку герой найдет,
По реке плывя, найдет дубовый плот.

Хоть на кляче — первым ринется он в бой,
Без награды не вернется он домой.
Но герою не награда дорога.
Должен славу он добыть, разя врага.
Если ж славы не добудет он — беда!
Лучше в землю лечь ему тогда.

150

Друг героя — быстроногий конь лихой.
Честь героя — закаленный меч стальной.
Гордость дома у героя лишь одна —
Хлопотливая красавица жена.

Пусть стоит их одинокий дом
На холме безводном и пустом,
Даже там герой с красавицей своей
Будут слыть примером для людей.

151

Речь героя прямодушна и чиста.
Ложью, лестью он не осквернит уста.
В ночь безлунную — на кляче без седла —
Трус, дивись! — вершит он славные дела.

Боевая не страшна ему гроза.
Лютой смерти смотрит прямо он в глаза.
Ценит жизнь герой недорого свою,
Но не дешево отдаст ее в бою.
Да погибнут трусы!
Честь героям!

152

Если станет аргамак похваляться,
Скажет: был я в походе первым.

Если сокол станет похваляться,
Скажет: сбил на лету я лебедя.

Если станет герой похваляться,
Скажет: много по свету я странствовал,
Но вернулся
в отчий
дом.

153

У отца и матери есть изъян:
Средь пяти сыновей
Одного они любят больше.

У коня боевого есть изъян:
Он в неравном бою
Героя не спас от раны.

У тугой тетивы есть изъян:
Ослабела она
И не держит стрелу, как прежде.

У горы Асхартау есть изъян:
Спит на ней богатырь,
А она разбудить не может.

Чем же виновны вы,
Отец и мать,
Если один ваш сын хорош,
А другие плохи?

Чем же виновен ты,
Боевой конь,
Если на тебе, неседланном,
Всё лето скакали табунщики?

Чем же виновна ты,
Тетива лука,
Если каждое утро
Трепали тебя подростки?

Чем же виновна ты,
Гора Асхартау,
Если пробил гибели час
Для молодого бойца?

154

Если скакун, как стрела, не летит,
То на него и не сядет джигит.
Сложится жизнь у меня несчастливо,
Будет жена не умна, не красива.
Что же мне делать тогда, молодому?
Всё прокляну, убегу я из дому.
Пусть хоть провалится он, хоть сгорит.

155

Асхартау, высок твой нетронутый снег!
Анадол, ты других многоводнее рек!
Аргамак, ты красив, с чем сравнится твой бег!
Богатырь, есть ли лучше тебя человек?
Что твоя высота, Асхартау-гора?
Достигает орел твоего серебра!
Анадол, что твоя ширина, глубина,
Если стужа тебя проморозит до дна?
Аргамак, что твоя бесподобная стать:
Ты приучен дорогу коням уступать!
А в тебе что хорошего, сильный джигит?
Ты стоишь перед баем, который сидит.
Что хорошего, если потупил ты взгляд
Перед тем, кто и слаб, и труслив, но богат.

156

Сколько смелых джигитов
Осталось в далеких полях!
Сколько в саклях папах
Одиноко висит на гвоздях!
Сколько в семьях у нас
И в селеньях у нас
Овдовевших невест
И заплаканных глаз.

Если с острой косою
На землю придет Азраил,
Не уйдет Азраил
Без души, за которой ходил,
Без души не уйдет,
Но и он обождет:
Пусть джигит пред кончиною
С недругом счеты сведет.

Потерпи, Азраил,
Обожди нас, пока
Не истратим мы пуль,
Не затупим клинка!

157

Если, парень, сокола
Пустишь в облака,
Если пустишь сокола,
Пускай на гусака.

Если, парень, женишься,
Черт тебя дери,
Если, парень, женишься,
Красавицу бери.

Чем чадить без пламени,
Лучше уж сгори.
Если смерть назначена,
То в бою умри!

Чем прийти нетронутым
Трусом-подлецом,
Воротись на родину
Мертвым храбрецом.

158. ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

Совершилось:
разгулялся черный день!
Как поток в ущелье узком —
грозный день.
Как река в кровавых льдинах —
страшный день.
Кони падают под нами —
тяжкий день!
Не туманом, стянут дымом —
черный день.
Пули, точно град в долине —
черный день.
Движутся враги, как тучи, —
черный день.
Пали лучшие герои —
черный день.

Чуть затих свинцовый град над головой,
Отступает вражье войско... Замер бой.
Мы считаем и не знаем, сколько их, —
Горе, братья! — сколько пало молодых.

Вот лежит один, разрубленный от плеч,
У другого в девяти местах картечь,
Третий, ползая, ведет кровавый след...
О герои, кто ж виновник наших бед?

Кто простит врагу кровавый лед в воде,
Кто забудет этот долгий, черный день?

159. ПЕСНЯ СТАРЫХ ДЖИГИТОВ

Жизнь прошла, а когда-то мы были и сами
У почтенных отцов, матерей сыновьями.
Тех, кто нас обижал неприветливым словом,
Повергали во прах в поединке суровом.
Мы удачу встречали, скакали мы смело,
И быстрее, чем мы, наша слава летела.
Наша грозная сталь над полями звенела,
Души недругов мы вышибали из тела.
Что же смелых джигитов осилить сумело?
Бедность черная сделала черное дело,
А потом одиночество нас одолело.

160. СТРУНЫ КУМУЗА

Струны кумуза — не жилы, а сталь.
Рвет их джигит, изливает печаль.
Сбыться ли счастью его и надежде?
Или земля погребет его прежде?
Разве джигита не жаль?

161. ТРИНАДЦАТЬ ЧИНАР

Тринадцать чинар засыхают у речки,
Топливо будет для чьей-нибудь печки.
Кто пожалеет меня?
Конь подо мной ковыляет, хромая,
Дома жена молодая, да злая,
А для джигита хозяйка плохая
Хуже плохого коня.

162. СМЕРТЬ ДЖИГИТА

Солнце взойдет и блестит, как пятак,
Сядет — и горы окутает мрак.
Храбрый джигит или скачет в седле,
Или недвижно лежит на земле.
Где ж твоя удаль и где твоя сила?
Или звезда несчастливо светила?
Ты ведь клинком поиграл на веку
Там, где меняют башку на башку.

163

Ну и лошадь аргамак!
Ну и птица байдаяк!
Аргамак — скакун хорош,
Я б купил — в кармане грош.
Чудо-птица — вот беда! —
В небе прячется всегда.

164. ТРУСЫ

Кругом тишина —
Трусы шумят.
Грохочет война —
Трусы молчат.

Свадьба идет —
Трусы вперед.
Кличут поход —
Трусы назад.
Пьют да едят —
Трусы красны.
Стрелы летят —
Трусы бледны!
Трус говорит,
Я, мол, герой.
Битва гремит —
Он за горой.

165

Я и медом в кувшине был,
И стволом на равнине был.
Сладкий мед, что в кувшине был,
Кто-то выпил или пролил,
Кто-то ветви срубил со ствола.
Оттого и равнина гола.

166. ЖАЛОБА

Конь крутобокий, караковой масти,
Где мне найти тебя в пору несчастья?
Беки-враги одолели меня,
А у меня ни ружья, ни коня.
Как же мне биться, где же мне скрыться?
Где отдохнуть мне, где мне напиться?
Плохо, признаюсь я, дело мое.
Ноет разбитое тело мое.
Было когда-то товарищей много,
И — никого, кроме господа бога.
Что ж, подходите, проклятые беки,
Я вас один успокою навеки.

167. НАШИ ДЕДЫ

Говорят, что деды были
Боевой народ.
Уксус пили и хвалили,
Говорили: «Мед!»
Пели, пили,
Аж кряхтели,
Портить пира не хотели.
Деды засевали мало,
А зато росло.
Что за год земля давала —
На два года им хватало,
Хоть и ели до отвала.
Вот как в старину бывало,
Да прошло.

168

Не оттого ли, что жизнь свою прожил,
Низко склонилась твоя голова?
Ребра коня выпирают под кожей
Не оттого ль, что сгорела трава?

Ходишь в черкеске с потертой полою
Не оттого ли, что всех ты бедней?
Сабля врага занеслась над тобою
Не оттого ли, что жил без друзей?

169. КАК ПОСТУПИШЬ?

«Как поступишь и станешь кому ты молиться,
Если твой аргамак под тобой притомится?

Если травы внизу, где пасется твой скот,
Выжжет солнце иль пламя пожара сожжет?

Если в твой золотой или медный сосуд
Кровь людскую к воде питьевой подольют?

И сломается плеть с рукоятью резной
И в руках не окажется плети иной?»

— «Если мой аргамак под мной притомится, —
Оседлаю я сокола — ловчую птицу.

Если выгорит пастбище наше внизу,
Шелковистого сена я с гор привезу.

Коль сломается плети моей рукоять,
Я поймаю змею, чтоб, как плетью, махать.

И кровавого не отстраню я сосуда,
Кровь с водой, как шербет, буду пить я оттуда.

Я — чинар кривоствольный: я вырос кривым,
Как ни делайте больно, не стать мне прямым.

Если я смуглокожим на свет уродился,
Светлым мне не бывать, как усердно б ни мылся.

В небе черном я — туча, и как я ни тщусь,
Не рассеюсь, покуда дождем не прольюсь».

170

Сталь не согнется. Захочешь согнуть —
Скорей не согнешь, а сломаешь,
Пока не пойдешь с ним в бой или в путь,
Предателя не разгадаешь.

Те, с кем мы знались множество лет,
С кем на пирах обнимались,
Все растерялись, и в дни наших бед
Рядом лишь братья остались.

Тогда побеждает несчастие нас,
Тогда нам приходится туго,
Когда наступает черный наш час,
А рядом — ни брата, ни друга.

171

Если со склонов гранит потечет, словно реки,
Если ручьи в берегах затвердеют навеки,

Если, как летний туман, мы отступим в атаке,
Если под нами падут на бегу аргамаки,

Если посыпятся вслед нам на выжженном поле
Пули горячие, словно зернинки фасоли,

Вот мы тогда поглядим и поймем наконец,
Кто настоящий мужчина, кто трус, кто храбрец.

Кто-то падет, зажимая распоротый бок,
Кто-то уткнется кровавой щекою в песок,

Кто-то свою на бегу потеряет папаху,
За гору прочь убежит, чтоб дрожать там со страху,

Кто-то останется, будет стоять, как гранит,
Вынесет всё и пред тем, как упасть, победит.

172. НОВЫЕ БАИ

Баями нынче трусливые стали.
Те, чьих отцов за людей не считали,
Те, чьи отцы на конях не скакали.
Им ни по храбрости и ни по чести
Не восседать бы с достоинством вместе.
Если б цари-государи решили,
Если богатство бы в кучу свалили,
Роздали всем по отваге и силе,
Мы посмотрели, кто сделался б нищим,
Кто получил бы великие тыщи.

173

Если буря вдруг нагрянет, разве страшно
Стройной роще, защищенной цепью гор?
Если сокол грозно глянет, разве страшно
Средь лебяжьей стаи лебедю с озер?

Если солнце будет не в ладу с землею,
Разве могут в поле травы зеленеть?
Если будем мы дружны между собою,
Разве нас враги сумеют одолеть?

174

Когда среди бегущих по долине белых ланей
Одна, прихрамывая, отстает,
Знай: она ранена стрелою.
Когда человек, тяжело опуская голову, вздыхает,
Знай: он потерял товарища.

175

Слава сына-храбреца —
Гордость старика отца.
Но живет недолгий век
Всякий храбрый человек.

176

«Что ты знаешь?»
— «Что ходишь опасной тропою».
— «Чего ты не знаешь?»
— «Где притаилась беда».
— «Что ты знаешь?»
— «Явится смерть за тобою».
— «Чего ты не знаешь?»
— «Когда».

177. СМОЛОДУ

Смолоду в битве клинком
Побеждай, а не то
Крепость возьмешь стариком —
Не поверит никто.

178. ТЫ БЫЛ

Ты был горою —
Моей твердыней,
Ты был рекою,
Рекою синей.
Гора осела,
Низиною стала.
Река обмелела —
Трясиною стала.

179

Когда соединяются семь звезд на небе,
Вовек не пошатнется небесная твердь.
А если мы соединимся, мой черный лебедь,
Что для нас бедность? . .
Что для нас смерть?!

Дождь прольется —
Хлеб пробьется.
Бек с беком погрызется —
Наша кровь прольется.
Трус найдется —
От родины отвернется.

181. ВЕРШИНА И ПРОПАСТЬ

Высоте, которой можно достигнуть,
Нету границы.
Нету предела пропасти,
В которую можно скатиться.

182. ЗА ДЖЕНГУТАЕМ

За Дженгутаем гора стоит.
А сам Дженгутай туманом покрыт.
Это туман, или же пыль,
Или же облака?

Не различишь,
Не разберешь
Издалека.

В садах плоды на ветвях висят.
Что там такое: айва иль гранат?
А за окном,
В доме твоем,
Нынче опять
Кто-то весь вечер сидит за шитьем.

Ты ли это?
В тумане густом
Мне не видать.

Пусть же горят над твоим окном
Ночью луна, солнышко днем!
Пусть виноград обвивает твой дом,
С тобою мы затеряемся в нем,
Поздней порой

Двери открой,
В сад я приду.

Кто нас обидит,
Кто нас увидит
В вашем саду?

183

Погляди, честной народ,
Как мой конь копытом бьет.
День, когда тебя не вижу,
Для меня не день, а год.

Мастерит дербентец плуг,
Дженгутаец косит луг.
У меня ж одна забота:
Думать о тебе, мой друг.

С крыльев капает вода.
Птица, ты летишь куда?
Улетишь ты, не вернешься,
Мне тогда совсем беда.

От меня ты далека.
Я — земля, ты — облака.
В сакле я, ты в доме бека —
Не дотянется рука.

184. ОБРАЩЕНИЕ К ЛЮБИМОЙ

Может, и люди заморского края
Молятся, имя твое повторяя.

Ты — драгоценный и яркий, как солнце,
Денежный знак в государстве японца.

Вышитый флаг всемогущего хана,
Черная пена морей Индостана.

Ты для султана — София святая,
Ты — самоцвет, драгоценность Китая.

Струйка зем-зем у священной Медины,
Ваза французской прославленной глины.

Птица чудесного райского сада,
Пальма, цветущая в рощах Багдада.

Ты — куропатка иранского края,
Лампа в покое царя Николая.

Зеркало в комнате баев испанских,
Белый ягненок лугов хорасанских.

Как же могу, о чудесная птица,
На красоту твою я не дивиться?

185

Красивые девушки, будьте умней:
Не по одежде цените парней.
Но тот вам милей,
Чья черкеска новей,
А на влюбленного бедняка,
Глупые, смотрите вы свысока.

Но погодите, увидите сами:
Быть беднякам не всегда бедняками.
Я вам, невесты, скажу наперед,
Всё по-другому еще обернется:
Бедность пройдет, и богатство уйдет.
Всё здесь проходит — любовь остается.

Земли и золото, деньги и скот —
Всё сыновьям от отцов достается.

Только любовь, что в сердце живет,
Правом наследства не передается.

Кто за богатство избрал молодца,
Тем из красавиц плакать придется.
Храбрость не купишь на деньги отца,
Не на базаре любовь продается.

186. СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Чем пить, да не петь,
Лучше трезвыми сидеть,
Чем жить — не любить,
Лучше голову сложить.
Ва алла, Назму-Хайбат,
Ва алла, Назму-Хайбат,
Ва алла, Назму-Хайбат,
Не красавица, а клад.
А красавица Исбат
Убежала, говорят.
А плутовка Асият —
Для души опасный яд.
Бавтогайская Айшат,
Эрпелинская Майсат,
Эндирейская Хаджат —
Мы за вас хоть прямо в ад.
Вы и сахар, и хурма,
Не сводите нас с ума.
Вы и финик, и кишмиш,
Кирли-кирли-кирли-киш.
Эй, красавицы девицы,
Для чего на нас сердиться?
Дорогие вдовы,
Не будьте к нам суровы.

187. ХАЛАЛАЙ

Пожалейте, нету сил,
У меня платочек был,
Шелком вышитый платочек,
Золотом расшитый край.
Я в руках ёго держала,
С ним я пела и плясала.

Халалай!
Халалай!

Был в руке моей платочек,
Словно белый голубок.
Мой платочек-голубочек,
Золотом расшитый край.
Если грустно мне бывало,
Я им слезы утирала.

Халалай!
Халалай!

Был платочек чист и бел,
Только быстро он истлел.
Мой платочек-голубочек,
Золотом расшитый край.
Был он чист и непорочен,
Только шелк его непрочен.

Халалай!
Халалай!

Слезы мне мешают петь,
Нечем слезы утереть,
Мой платочек-голубочек,
Золотом расшитый край,
Износился, изорвался,
Только в песне и остался.

Халалай!
Халалай!

188. КОЛЕЧКО

Я колечко не любила,
Я колечко не носила,
Было мне оно мало.
Как-то я его достала,
Надевать на палец стала
И сломала, как назло.

Я колечко примеряла,
Я колечко поломала
Ровно год тому назад.
И с тех пор меня за это
Хочет сжить родня со света:
Поедом едят.

189. ТЫ ЗА МНОЮ ХОДИШЬ ВСЮДУ

«Ты за мною ходишь всюду,
Но твоею я не буду!
Лучше деревом айвовым
Стану я в саду плодовом.
Что ты сделаешь со мной?»

— «Коли деревом айвовым
Станешь ты в саду плодовом,
Топором я острым стану,
Дерево срубить готовым.
Что ты сделаешь тогда?»

—«Ты за мною ходишь всюду.
Пусть айвою я не буду!
Стану рыбкой золотою
И уйду на дно морское.
Что ты сделаешь со мной?»

— «Коли рыбкой золотою
Ты уйдешь на дно морское,
Чтоб тебя поймать, я стану
Сетью самою густою.
Что ты сделаешь тогда?»

— «Ты за мною ходишь всюду.
Пусть я рыбкою не буду!
Я пшеницею отборной
В борозде рассыплюсь черной.
Что ты сделаешь со мной?»

— «Коль пшеницею отборной
В борозде ты ляжешь черной,
Я фазаном диким стану
И склюю тебя проворно.
Что ты сделаешь тогда?»

— «Ты за мною ходишь всюду.
Пусть пшеницей я не буду!
Обернусь голубкой белой
И уйду за тучу смело.
Что ты сделаешь со мной?»

— «Коли, став голубкой белої,
Ты уйдешь за тучу смело,
Черным ястребом я стану,
Залучу тебя умело.
Что ты сделаешь тогда?»

— «Ты за мною ходишь всюду.
Коль залучена я буду,
То под деревом айвовым
В том саду умру плодовом!
Что ты сделаешь со мной?»

— «Коль под деревом айвовым
Ты умрешь в саду плодовом,
Я врачом искусным стану,
Воскресить тебя готовым.
Что ты сделаешь тогда?»

190. ЯБЛОНЕВЫЙ САД

Эх, яблоневый сад,
Эх, яблоневый сад!
Шесть человек поссорятся,
Коль яблочко съедят.

Эх, виноградный сад,
Эх, виноградный сад!

Сто человек поссорятся,
Коль ягодку съедят.

Осенние сады,
Осенние сады!
Все, кто ни есть, поссорятся,
Такие там плоды.

Из хвороста дворцы,
Из хвороста дворцы
Сплетают эрпелинские
Джигиты-молодцы.

Эй, молодец, смотри,
Эй, молодец, смотри,
Ты первую попавшуюся
В жены не бери!

Ой, жалко нам тебя,
Ой, жалко нам тебя,
Нам жаль тебя, красавица,
Что вышла не любя!

191. СЮЙДУМ-ТАЯК

Музыканты заиграли лезгинку. В круг выносят стул. На стуле лежит «сюйдум-таяк» — «полюби-палочка». Выходит юноша и, танцуя, ударом палочки по плечу вызывает в круг нравящуюся ему девушку. Не прекращая танца, он поет:

Я аэроплан видал,
Я цветы на льду видал,
Но таких, как ты, красивых,
Никогда я не видал.

Точно сокол молодой,
Я кружусь перед тобой.
Белоснежная голубка,
Сядь на стул и песню спой.

Девушка садится. Юноша, танцуя вокруг, изредка ударяет ее палочкой по плечу:

Не гляди стыдливо так,
Не красней, как алый мак.
Ведь в любимого руке
Бьет легко сюйдум-таяк.

И не хмурь густую бровь,
Если бью тебя я вновь.
Так от дедов повелось —
Не сердись, моя любовь.

Затем он вручает сюйдум-таяк девушке. Слегка прикрывая лицо шалью, девушка встает и вступает в танец. Теперь уже импровизирует она:

Над горами облака,
И как облако легка,
Держит шелковый платок
Моя белая рука.

Выбрать палочкой в кругу
Я лишь милого могу.
Если ж палочка солжет,
Я в огне ее сожгу.

Не прекращая танца, девушка выбирает себе пару, вызывая ударом по плечу нравящегося ей юношу. Он выходит и садится на стул. Но первый танцор продолжает плясать с девушкой, пока она не вручит палочку сидящему на стуле:

Глянешь — «смотрит», говорят,
Нет — «тоскует», говорят.
Обернешься хоть разок —
«Видно, любит», говорят.

Разодетая в парчу,
Я голубкой подлечу,
И тебя за добрый нрав
Я ударю по плечу.

Когда «полюби-палочка» вручена второму юноше, первый уходит из круга. Новый танцор выбирает себе новую девушку:

Я в колодце воду брал,
А глубок ли он — не знал.
Так тебя впервые встретив,
Полюбить я не гадал.

Ветви яблони сухой
В очаге трещат порой.
Сердце ты мое сожгла
И любуешься золой.

192—199. *ЧЕТВЕРОСТИШИЯ ВОЕННЫХ ЛЕТ*

1

На войну ведет дорога,
В добрый час, счастливый путь!
Станешь бить врагов-фашистов —
Бей штыком их прямо в грудь.

2

Брызжут искрами подковы,
Кони мчатся, как поток.
Бить фашистов скачет милый,
Острый выхватил клинок.

3

Милый с немцами воюет.
Жизнь в разлуке не мила.
Если б было разрешенье,
Я б на фронт к нему пошла.

4

Если б было разрешенье,
Я бы в армию пошла.
Пулеметчику патроны
Подносить бы я могла.

5

Хорошо воюет милый,
Грудь украшена звездой!
«Трус», — никто ему не скажет —
Позавидует любой.

6

Алых бус не надеваю,
Шаль с кистями берегу.
Милый в армии три года,
Я дождаться не могу.

7

Иней пал, белеют крыши,
Лужи скованы ледком.
Если б милый с фронта прибыл,
Я б летела босиком.

8

От рассвета до заката
С почты мы не сводим глаз:
«Враг добит в самом Берлине», —
Нет речей иных у нас.

ОБРЯДОВЫЕ, ТРУДОВЫЕ, БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

200. ПЛАЧ ПО УБИТОМУ

Был со мною мой сокол сизый,
Речь мою понимал мой сокол,
Когда я молчала, он хмурился, бедный,
Когда я смеялась, и он смеялся.
Встрепенулся сокол, улетел за горы,
Вдаль улетел, чтоб назад не вернуться.

И вот арба на больших колесах
Привезла моего дорогого,
Не живого его мне люди вернули.
В ауле женский плач раздался,
Коней вели в поводу джигиты,
За арбою плакальщицы вопили,
И дышло арбы было залито кровью;
Не подушка была под его головою —
Седло боевое под ней лежало.

Арсланхан, ты недолго носил оружье,
Ты недолго на коне красовался,
Со мною, молодою, недолго пожил.
Почему так случилось, ведь даже птицы
Улетают вдаль за черные горы
Только тогда, когда они сыты?

Что плохого мы сделали солнцу?
Что плохого мы сделали богу?
Я твой очаг затушила ногою,
Я золою усыпала саклю.
Заслонила спиною двери...
Нет, тебя не найти мне снова...

201. ПЕСНЯ ВЕСЕННЕГО ПРАЗДНИКА НАВРУЗ

Дома у вас большие,
Окна золотые.
С днем навруза — днем весны —
Мы поздравить вас должны,
Ассалам алейкум!

В этом доме все девицы,
Как одна, румянолицы,
Рукава их длинны,
И слова их умны.
С днем навруза — днем весны —
Мы поздравить вас должны.
Ассалам алейкум!

Да развеется тоска,
Да просеется мука,
А мука у нас бела.
Испечете вы пирог,
Нам отрежете кусок,
Не дадите ни куска,
Поколотит нас мулла.
С днем навруза — днем весны —
Мы поздравить вас должны.
Ассалам алейкум!

202. НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Люди добрые, салам,
Оссай!
Не жалейте проса нам,
Оссай!
Мы смолоть его снесем,
Оссай!
Сделаем бузу потом,
Оссай!
Рог пятнистого вола,
Оссай!

Чарка для бузы мала,
Оссай!
Долгой жизни дай вам бог,
Оссай!
Сыпьте просо нам в мешок,
Оссай!

203—204. *ВЫЗОВ ДОЖДЯ*

1

Туча, дождика не прячь,
Лейся, дождик, дам калач.
Дождик, лей посильней,
Дам тебе сто калачей.

2

Чтобы вызвать дождь большой,
Ва, дождик, халаллай,
Нужно взять кувшин с водой,
Ва, дождик, халаллай.
Пожилому пастуху,
Ва, дождик, халаллай,
Нужно умную сноху,
Ва, дождик, халаллай.
Нужно парню-чабану,
Ва, дождик, халаллай,
Хоть плешивую жену,
Ва, дождик, халаллай.
Если будет дождик литься,
Будет просо и пшеница.

205. ПЕСНЯ ПОГОНЩИКА ВОЛОВ

Ну-ка, черные, айда,
Эй, айда,
С вами, дьяволы, беда!
Айда, вога-харш!

С вами, дьяволы, беда,
Эй, айда!
Не крива ли борозда?
Айда, вога-харш!

На лугу траву щипать,
Эй, айда!
Веселей, чем плуг таскать.
Айда, вога-харш!

Айда, борозда пряма.
Эй, айда!
Нас не кормят задарма.
Айда, вога-харш!

Всяк бедняк на нас похож.
Эй, айда!
День попашешь — раз пожрешь.
Айда, вога-харш!

Айда, черные, айда.
Эй, айда!
Скоро будет вам еда!
Айда, вога-харш!

206. ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?

«Матушка милая, нет моих сил,
Странный мне сон приснился —
Страшный медведь в мой дом приходил,
В доме народ толпился.

Кроили материю в доме моем,
Пили и били посуду.
И черная утка с бессильным крылом
Плыла по белому пруду.

Утка плыла то вперед, то назад,
Крякала, как шальная,
И осыпался гранатовый сад.
Что это значит, не знаю».

— «Ах, мой сыночек, меня ты убил.
Страшный медведь этот был Азраил.
С тобою прощаясь, толпился народ,
Саван тебе кроили
И на поминках бузу и мед
Пили и чарки били.

А утка с крылом, бессильным от бед, —
Это я, чья печальна старость.
И опадавший гранатовый цвет —
Слезы той, что вдовой осталась».

207. ПЕСНЯ ОТЧАЯНИЯ

Пусть старые женщины не осудят,
Пусть лучше саван скроят мне скорей,
Пусть, как я, горемычные люди
Не рождаются у матерей.

Пусть глиной помажут мои ворота
И впредь соседи, друзья, родня,
Если оплакивать будут кого-то,
В плачах помянут пусть и меня.

Стало всё поле белым и гладким
От снега, что выпал сегодня днем.
Пусть мой отец, на золото падкий,
Разбогатеет на горе моем.

Пусть никогда не увидит счастья,
Как я не увижу его никогда,
Не мачеха — мать, что дала согласье
Дочь загубить в молодые года.

Сердце мое навсегда разбили,
Счастья не видеть мне на веку,
С милым моим меня разлучили,
В жены отдали старику!

208. ПЕСНЯ ОСТАВШЕГОСЯ ОДИНОКИМ

Умер отец, я один средь людей
Остался,
Плакать о жизни горькой своей
Остался.

Родная мать, как чужая мать,
Бросила сына.
Мужа пошла куда-то искать,
Бросила сына.

Я в мире один холодной зимой
Остался,
Чтоб по селеньям ходить с сумой,
Остался.

Шел я, не видя ни ночи, ни дня,
Счастья не зная.
Шел я и шел, и попала в меня
Пуля шальная.

Звал, и кричал, и плакал — всё зря, —
Жалкий я нищий.
Может быть, где-то и есть лекаря,
Да кто их отыщет.

Эх, если б отец мой не ушел
В вечное царство,
Он бы на помощь пришел и нашел
Сыну лекарство.

Брат иль сестра в эти горькие дни
Рядом бы жили, —
Рану мою пулевую они
Водой бы обмыли.

Кого я воды принести умолю?
На бедное ложе,
Которое по полу я расстелю,
Кто лечь мне поможет?

В сакле родной лежу я, больной,
Слабый и жалкий,
Лежу на полу, а надо мной
Две потолочных балки.

Только они и слышат мой крик,
Последнее слово.
Жалко, что наш непонятен язык
Балкам дубовым.

209. БОБЫЛЬ

Если вдруг беда случится за бедой,
Если горе разрастется лебедой,
Первым сляжешь, кровью харкая, не ты ль,
Всеми брошенный, стареющий бобыль?

Вот лежит бобыль один в чужом дому,
Доля лучшая мерещится ему,
Доля лучшая, где смерть не тяжела.
И ушел бобыль из отчего села.
Но настиг его в дороге Азраиль:
«Час твой пробил! Где душа твоя, бобыль?»

— «Ах, души давно не стало у меня.
Мир заездил мою душу, как коня.

Кровь живая в моих жилах не течет,
Болям горьким потерял я в жизни счет,
Пощади меня хоть ты, о Азраиль,
Не кропи моей слезой степную пыль.

Нет товарищей, чтоб тело мне омыть.
Не придет жена над телом голосить.
Только думы мои черные со мной,
Видно, лечь им в землю с грешной головой».

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

210. ШЕСТЬ ГОР

Шесть гор вдали
Не братья ли?
Асхартау среди них
Не старше ли других?
На огне золотой
Не кувшин ли с водой?
А квакает вдали,
Полусонная,
Не лягушка ли
Зеленая?

211. БИЯКАЙ

То ли с дуба, то ли с клена
Кра-кра-кра, — кричит ворона.
Возле мельницы труба.
А под нею желоба.
Это чей желобок?
Биякая желобок.
«Биякай, куда идешь?»
— «К пасечнику, кушать мед».
— «Биякай, когда придешь?»
— «Подожду, зима пройдет».
— «Биякай, зима длинна».
— «Всё равно придет весна».

Подрастут к весне ребята,
Станут утками утята.
Утки крякнут,
Гуси гагакнут.
Всех утят и всех гусят
Отдадим мы Айзанат.

212. ПЕСТУШКА

(Подбрасывая ребенка на руках.)

Кян-кян-кичив!
Кян-кичив!
К реке ходил
Кян-кичив!
И с водой придя домой,
Вот каким стал
Кян-кичив!
Вот каким стал
Кян-кичив!
Вот каким стал
Кян-кичив!

213. МАЛЕНЬКИЕ НОЖКИ

Маленькие ножки,
Маленькие ножки,
За водой ходили
Маленькие ножки,
И домой спешили
Маленькие ножки.
Дома танцевали
Маленькие ножки,
Ой, как танцевали
Маленькие ножки!

214. ГУСЬ

На твоей ладошке — тут
Садик, в середине пруд.
Палец большой —
Это гусь молодой,
Указательный — поймал,
Средний — гуся ощипал,
Этот палец суп варил,
Самый меньший печь топил.
Полетел гусь в рот,
А оттуда в живот. . .
Вот!

215. ЛИЦО

Глаз — яма,
Нос — крючок.
Рот — ну прямо
Желобок.

ЛАКСКИЕ ПЕСНИ

ЭПИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

216. ПАРТУ ПАТИМА

1

Джигиты за кладбищем копья метали,
Мечи поднимали, точили клинки,
И звон раздавался железа и стали,
И сабли сверкали, и ярко блистали
Кольчуги, и панцири, и шишаки.

Кинжалы, коснувшись кольчуг, изгибались,
Мечи о щиты ударялись, звеня.
Дрожа, на дыбы скакуны поднимались,
Из панцирей сыпались искры огня.

Парту Патима проходила с кувшином,
Увидела юношей в утренний час.
«Привет недостойна сказать я мужчинам,
Хотя недостойна, — приветствую вас!

Зачем вам кинжал — вы идете в сраженье?
Зачем вам кольчуги — вы ждете врагов?
Зачем столько сабель, мечей, шишаков?
К походу готовите вы снаряженье?»

— «Парту Патима, ты привет наш прими,
Да жизнь твоей матери будет отрадной!
Кувшин поскорее с плеча ты сними,
И нас напои ты водою прохладной!»

— «Могу я на землю кувшин опустить,
Могу вас прохладной водой угостить,
Но дайте мне саблю кривую сначала,
Чтоб я вам уменье свое показала».

Джигиты услышали эти слова,
Один посмотрел на другого сперва,
Пришли в удивленье джигиты селенья, —
Никто не скрывал своего удивленья.

Заставив плясать под собой скакуна,
Тут выступил юноша статный и ловкий.
Настала внезапно вокруг тишина.
У девушки горской спросил он с издевкой:

«Ужель, Патима, говоришь ты всерьез?
Зачем же джигитов смешишь ты до слез?
Мужчину сразишь ли кинжалом своим?
Коня ты пронзишь ли копьем боевым?
Ты женское слово сравнишь ли с мужским?»

— «Напрасно меня ты вопросами колешь,
Сосед мой, сидящий в седле молодец.
Не думай, спесивый, что ты — удалец,
Смеясь надо мной: «Ты девица всего лишь!»

Вручи мне коня боевого, седок,
Испробовать дай мне дамасский клинок,
Позволь, чтоб на голову шлем я надела,
Прикрыла кольчугой железною тело.

Мой конь будет быстрым конем храбреца,
Клинок будет острым клинком удальца,
Украсится шлемом бойца голова,
Кольчуга сравнится с кольчугою льва!

Тогда-то, в седле горделиво сидящий,
Покажешь мне, всадник ли ты настоящий,
Тогда-то, воитель в кольчуге и шлеме,
Покажешь отвагу свою перед всеми!»

Сказав, Патима возвратилась домой.
Взволнованы юноши, слов не находят,
А время проходит, а время уходит, —
Примчался, как молния, всадник лихой.

Одет был наездник в броню и забрало,
На сабле египетской солнце играло,
Скакал, точно ветер, скакун вороной,
Сверкал, точно месяц, шишак золотой.

«Привет вам, джигиты, что славой покрыты,
Теперь я могу ли приветствовать вас?
Быть может, гордиться не будут джигиты,
Спесивые речи не скажут сейчас?»

— «Родителя славного дочь молодая,
Как воин ты встречена будешь людьми!
Обидною прежнюю речь не считая,
Парту Патима, ты привет наш прими!»

Парту Патима не сказала ни слова,
Отвага сияла в глазах у нее.
Дамасскую сталь обнажила сурово
И, лихо гарцуя, метнула копье.

«Парту Патима, умоляем, скажи нам:
Мы видели, как ты ходила с кувшином,
Трудилась во время страды полевой,
Но где научилась ты подвигам львиным,
Владеть научилась ты саблей кривой?»

И тут Патима не сказала ни слова,
Клинок убрала, натянув удила,
И, спрыгнув проворно с коня вороного,
К джигиту, что задал вопрос, подошла.

«Давай поиграем, себя позабавим,
Давай испытаем, остер ли клинок.
На небо взлететь скакунов мы заставим,
Попробуем солнца отрезать кусок!»

Тут юноша вышел плечистый и статный,
Он поднял свой щит необъятный, булатный,
Могучею грудью он часто дышал
Могучею дланью он саблю держал.

Глаза его вспыхнули искрой живою,
Сверкая улыбкой, сидел он в седле,
А лошадь с опущенною головою
Чертила копытами след по земле.

Подобные нартам, закованы в брони,
Сошлись два героя, сошлись для борьбы.
Могучим горам уподобились кони,
Когда они встали, дрожа, на дыбы.

Джигит замахнулся, но сталь изогнулась,
Едва лишь кольчуги девичьей коснулась.
Он вновь замахнулся с воинственным жаром,
Но сабля ответила сабле ударом.

«Теперь, — Патима говорит, — мой черед!»
Египетской саблей своей замахнулась,
Ударилась сабля о щит, изогнулась,
По сабле джигита без промаха бьет, —
И сабля противника в землю воткнулась.

Красавец джигит побелел от стыда,
Он черные очи потупил тогда,
Он саблю кривую, свой стан наклоня,
Пытался поднять, не слезая с коня.

Но, свесясь с коня, порешила сама
Подать ему саблю Парту Патима.

Внезапно упал ее шлем на поляну,
Рассыпались черные косы по стану.
«Возьми свою саблю», — она говорит,
И шлем подает ей красавец джигит.

Наездница рядом была, недалеко,
А юноша, свой проклиная удел,
На землю сошел и на камень присел,

Поник головою, страдая жестоко,
Сгорая от срама, вздыхая глубоко.

«Прости меня, девушка, я виноват,
Прости меня, был я гордыней объят.
Теперь я увидел, кто истинный воин,
Кто славой героя гордиться достоин!»

— «Соседский джигит, умоляю тебя,
Себя ты не мучай, о прошлом скорбя.
Бывает и так, — ты поверь мне, как другу, —
Что волка лягает осел с перепугу».

2

Вернулась домой Патима дорогая,
А мать в это время на крыше сидела,
Трясла она сито, зерно очищая,
И кур отгоняла она то и дело.

«Ой, стыдно мне, люди! Скажи, бога ради,
Зачем ты в мужском щеголяешь наряде?
Найдется ли девушка, чтоб для потехи
Убитого брата надела доспехи?»

— «Ой, мать, не стыдись ты одежды моей,
Ой, милая мать, не стыдись ты людей!
Все девушки наши, все наши подруги,
Как я, надевают стальные кольчуги!»

Соседку отправил джигит к Патиме,
Слова по листку расплескали чернила,
Но всё, что написано было в письме,
Соседка тотчас наизусть заучила.

«Сказать не решаясь, но счастья желая,
К тебе, Патима, с порученьем пришла я.
Он молод, он строен, отважен, пригож,
Средь юношей равных ему не найдешь».

— «Скажи мне, соседка, о ком твоя речь?
Скажи мне, чье сердце могла я привлечь?»

— «Веду об Ахмеде я, доченька, речь,
Чье сердце смогла ты любовью зажечь.
Его ты обрадуй, приди, оживи,
Он гибнет, несчастный, от страстной любви,
Он бредит тобой наяву и во сне,
Он тонет в пучине, сгорает в огне.

О ярко пылающий утренний свет,
Тебе принесла я сердечный привет!
Джигит умирает. Приди к изголовью,
Больного своей исцелишь ты любовью!»

8

Полдневное солнце стояло высоко,
Гонец на дороге нежданно возник.
С тревогой он прибыл в Кумух издалека,
Как знамя, его развевался башлык.

Покрыт был скакун его белою пеной,
И потом и пылью покрыт был гонец.
Принес он известье: с грозою военной
Тимур наступает, железный хромец.

Торопится время, торопится время!
Глашатаи подняли горное племя.
С тревогой во все полетели концы
По маленьким лакским аулам гонцы.

Герои на битву сбирались в Кумухе.
Глядели им вслед старики и старухи.
Невесты и жены подарки несли
Защитникам смелым отцовской земли.

В доспехах военных, в кольчуге и шлеме,
Парту Патима появилась пред всеми.
Она прилетела быстрее огня,
Плясать под собой заставляя коня.

«Привет вам, джигиты, идущие биться,
Чтоб землю отцов защищать от врагов!»
— «Привет и тебе, наша смелая львица,
Геройством ты всех превзошла смельчаков!»

За соколом реет орлиная стая,
За девушкой-воином скачет отряд.
Скакун под ней пляшет, гордится, считая,
Что вслед ему с завистью кони глядят.

Торопится время, — в дорогу, в дорогу!
Вдали показалась враждебная рать.
Гонцы понеслись, поднимая тревогу,
Глашатаи стали полки собирать.

С известьем о маленьком горском отряде
К хромому Тимуру примчался гонец.
Надменно в ответ улыбнулся хромец —
Презрение было в Тимуровом взгляде.

Но вестника выслушал он до конца
И выпучил узкие, острые глазки.
Рукою сжимая клинок свой дамасский,
Властитель ответил на слово гонца:

«Вселенная клич мой услышала бранный,
Пленял я царей, завоевывал страны,
Но вижу впервые отряд пред собой,
За девушкой-воином скачущий в бой!»

Две рати столкнулись, порядки построив,
Как будто упала на гору скала.
Усеялся дол головами героев,
Горячая кровь по земле потекла.

Клинки о щиты ударяться устали,
Друг с другом противники драться устали,
Устали скакать скакуны боевые —
Монгольское войско смутилось впервые.

Тимур не запомнил подобных боев!
Он двинул в сраженье отборное войско,

Но ринулись горцы с отвагой геройской,
Как смелые соколы на воробьев.

Сомкнули ряды и монголы и горцы,
Решили: пусть встретятся единоборцы.
Монголы послали Тугая на сечу.
Ахмед, лакский юноша, вышел навстречу.

Был крепче Тугай, размахнулся сплеча,
Рассек он Ахмеда ударом меча.
Летит Патима на врага удалого,
Подняв на дыбы скакуна вороного.

Сгибался клинок, ударяясь о бронь, —
Не так ли под ветром сгибается колос?
О том, как с противником дева боролась,
Рассказывал пляшущий, скачущий конь.

Тугай замахнулся, но сабле Тугая
Ответила девушки сабля кривая.
Еще один взмах, и еще один взмах —
И пал перед ней обезглавленный враг.

Монголы другого направили в схватку,
Крича: «Отомсти, отомсти за Тугая!
Он младший твой брат, — полети же, вонзая
Орлиные когти свои в куропатку!»

На всадника прянула горная львица,
Подпрыгнул скакун, закусив удила,
И вот уже кровь супостата струится,
И падает он с дорогого седла.

«Ура!» оглашает овраги и долы
И громом на горской гремит стороне,
И стонут монголы, трясутся монголы,
Завидев Парту Патиму на коне.

Вкруг шлема обвив свои косы густые,
По локоть свои засучив рукава,
Туда, где противники самые злые,
Летит она с гордым бесстрашием льва.

Направо взмахнет — и врага обезглавит,
Налево взмахнет — и коня рассечет.
«Ура!» закричит — и джигитов направит,
«Ура!» закричит — и помчатся вперед.

А время проходит, а время уходит,
Монгольское полчище хлынуло вспять.
Своих седоков скакуны не находят,
Спасается бегством Тимурова рать.

Сказали Тимуру, царю полумира,
Что войско бежало верхом и пешком.
Осыпал он бранью стрелков и вазира,
Сказал ему гневным своим языком:

«Коль хочешь ты жить средь моих приближенных
В тени моей горя не знать впереди,
Веди свое войско, и пеших и конных,
И девушку эту ко мне приведи!»

А девушка двигалась в облаке пыли,
Героями горскими окружена.
Как звезды джигиты ее обступили,
Сияла Парту Патима, как луна.

«Друзья мои, мертвых бойцов соберите,
Погибших в бою за родные края.
Вы тело Ахмеда сюда принесите,
Любимого буду оплакивать я».

Отважная львица рыдать не умела,
Когда же Ахмеда друзья принесли,
Упала, рыдая, на мертвое тело,
И жаркие слезы текли и текли.

«Домой понесу — труден путь наш далекий,
А здесь схороню — я услышу упреки.
Но как схоронить мне, — подайте совет —
Любимое сердце, очей моих свет?»

Ахмеда единственный брат ей ответил:
«Как хочешь, ты можешь его хоронить.

О, если б сумел я судьбу изменить,
О, если б я гибель в сражении встретил,
Чтоб львиное сердце твое сохранить!»

— «Мы честно сражались, дороги открыты,
Вернемся на наши луга и поля.
В родные аулы вернемся, джигиты,
Отныне возвысилась наша земля!»

Герои пошли, завершив свое дело,
И ночь погрузила отряд в темноту,
И горсточка горцев тогда поредела,
Как в старости зубы редеют во рту.

217. ТАБАХЛИНСКИЙ КАЙДАР

Солнце скрылось за гранью гор.
И от них — в простор — издали
Тени длинные поползли.
Мрак ночной над бегущим днем
Руку властную распростер.
И дозорных крик долетел:
«Склоны гор объяты огнем,
Подымается дым густой.
Это из Акуши во тьме
В тыл нам войско ведет имчак».
Говорит Кайдару дозор —
Что зовет, мол, тебя Магди.

«Что скажешь, Магди?» — спросил Кайдар.
«Иди в Табахлю, там крепость бери.
Дорогу врагу запри!»
— «Я пойду, Магди,
Пойду в Табахлю,
Стены древние укреплю.
Я запру дорогу врагу.
Только дай мне коней, Магди.
Только дай мне людей, Магди!»

— «Мамашбека я дам тебе,
Гайдарбека я дам тебе,
Конной силою помогу.
Задержи врага в Табахлю!»

Дал Магди людей, дал коней.
В Табахлю поскакали мы.
За ночь поднялись на Гурдай,
Там всё войско собрали мы.
Тут послал на нас Длинный Сурхай
Имчака — выкормыша своего.
Мы разбили шамхалову рать.

У подножья стены крепостной
На рассвете стали кричать:
«Эй, вы — в крепости! Ваш Кайдар
Невелик, всего с кулачок!
Как он может вас защищать?
Крепость нам отворите,
Оружье сложите!
Мы вреда не сделаем вам.
Вороных коней под седлом дорогим,
Крымских ружей, с припасом всем боевым,
В награду мы вам дадим!»

— «Я пришел не честь свою продавать,
А крепость от вас отстоять.
На оружье мое, на коней погляди!
Их без счета мне дал Магди».
В ту же ночь, едва засветлел восток,
Гайдарбек проклятый и Мамашбек
Перебежали к врагу.

«Как ты сможешь крепость теперь отстоять?
Кто же будет крепость твою защищать?
Где твои полководцы — скажи, Кайдар?
Сдай нам крепость, оружье сложи, Кайдар!»

— «Я вам крепость не отдавать пришел,
Я ее защищать пришел!

Один лишь раз родила меня мать,
И один лишь раз я умру.
Пусть будет выродок Гайдарбек
В золоте утопать,
Пусть будет выродок Мамашбек
На золотой тахте восседать.
По сто пуль у меня еще есть на ружье —
Сто смертей вам! Иль пусть умрет Кайдар.
По сто стрел у меня есть на каждый лук —
Сто смертей вам! Иль пусть ослепнет Кайдар!»

Кончились пули, не стало стрел.
Над бойницами крепости встал Кайдар
И такую песню пропел:
«Где гонца крылатого мне найти,
Чтобы он полетел в Унчукатль,
Чтобы он рассказал Магди:
«Все заряды свои расстрелял Кайдар,
Нечем ружья ему заряжать».
Если б голубя я имел,
Чтобы он в Вицхи полетел,
Черному Магди рассказал,
Что у нас не осталось стрел,
Во врага нам нечем стрелять.

Табахлинские девушки, узкой тропой
Идущие за водой,
Я отдам вам сердце живое мое
За один заряд боевой!
Эй, мужчины, воины из Табахлю,
Словно женщины, на гудекане Кичи
В страхе встречающие зарю,
Я свои глазные яблоки вам
За один заряд подарю!
Проклятье тебе, Мамашбек!
Позор тебе, Гайдарбек!
Войску помощи не дали вы,
Оробели, предали вы!
Сильный наш нерушимый оплот
Рушится отныне навек.
Эй, Табахлинский Абдуразак!

Если ты поспеешь ко мне,
Мы конец положим войне!»

— «Я пришел бы к тебе, Кайдар,
Да поймал в капкан меня враг.
Не суди меня, не кляни
В яму брошенного — в цепях!»

По дорогам ходит легко
Длинного Сурхая имчак.
Иль узнал о Кайдаре он,
Что зарядов нет у него?
Конница имчака пылит,
Боевым оружьем блестит.
«Неужель узнать он успел,
Что у нас не осталось стрел?
Если б я в газырях нашел
Хоть один боевой заряд,
Получил бы привет от меня
Тот Сурхая молочный брат.
Если б я в колчане своем
Хоть одну стрелу отыскал,
Прямо в сердце имчаку тому
Я без промаха бы попал.
Если б порох был у меня,
Если б рядом был мой сынок,
Если б рядом была жена,
Чтобы мне ружье заряжать,
Показал бы я — как стрелять.
Если б фунтов десять свинца
Да полмерки пороха мне,
Я бы в бегство их обратил,
Стоя на высокой стене!»

Кучи хвороста принесли,
Обложили крепость, зажгли.
И оставшиеся в живых
Все к Кайдару в башню вошли.
Кругом бушует пожар,
Задыхаются люди в дыму.

На башне сидит Кайдар —
И огонь не страшен ему.

Вот уж башня огнем занялась.
В синих черкесках враги
Снуют у подножья ее.
«Эй, вы — в синих черкесках враги!
Вот последнее слово мое:
Я пощады не попрошу
Ни в огне, ни в густом дыму!
Невелико поле мое,
Нет богатства в моем дому,
А в хлеву лишь один бычок.
Пусть достанется всё тому,
Кто в могиле меня погребет.
В мире нечего мне жалеть.
Остается старая мать,
Да недолго она проживет.
Есть еще молодая жена,
Кто из вас не торопится умирать,
Пусть на ней и женится тот.
Остается маленький сын,
Пусть Магди его усыновит.
Гибель нас теперь не страшит!»

Вот над башней взметнулся огонь,
Затрещали стропил кресты. . .
И все разом прыгнули вниз
С той трехъярусной высоты.

Как от стаи лесных волков
Шарахаются стада,
Воины имчака внизу
Рассыпались — кто куда.
Как, увидев волка, скулит
Щенок полугодовой,
Так завыл, заскулил имчак,
Прятавшийся за стеной.
Прыгнув, ногу сломал Кайдар
И не мог подняться с земли.
Но джигиты его на руках
Из аула уволокли.

Мы укрылись в поле ржаном,
Но враги окружили нас.
Нам прорваться не удалось.
Всех они захватили нас.
Был привязан к камню Кайдар.
А враги солому несли,
Обложили соломой его,
Высекли огонь, подожгли.

Засмеялся Кайдар, сказал:
«Что ж, потешьте сердце свое!
Жарьте, ешьте тело мое!
Пока сила была у меня —
Эту крепость я защищал.
Пока в теле была душа —
Вас под крепостью задержал».

218. ПЕСНЯ О ГЕРОЕ МУРТАЗАЛИ

О давних годах я сказанье спою,
О храбрых, прославивших землю свою.
Я нартов напомню вам имена,
Что гибель каджарам на шашках несли.
О кровавом Надир-шахе спою
И об отважном Муртазали.

Из Стамбула длинные ружья взяв,
А в Дамаске сабли ковать приказав,
Из Арабистана коней пригнав,
Из людей Афгана войско набрав,
Богом, шахом вселенной желая стать,
Говоря: «Будет мир у меня в ногах!» —
В путь повел полки каджар Надир-шах.

Он от наших гор не отводит глаз.
Как сучок в глазу у него Кавказ.

Всюду шли бои. Но вражьи войска
Налетали бесчисленнее песка.
Шли на приступ каджары, как муравьи.

Истомились крепкие руки бойцов,
Ноги их скользили в горячей крови.
И слетали тысячи храбрых голов
Под мечами с насечкою золотой.

Покорились шаху Нуха и Дербент.
На Самуре такая битва была,
Что заплакало небо и черная мгла
Саваном горы заволокла.

По следам своим путь кровавый стеля,
Истоптав, костьми засеяв поля,
Истребляя посевы, как саранча,
К землям лакским грозный Надир подступил.
Под Кукма-горой он шатры разбил,
По долинам коней он пастись пустил,
Под Хосрех он пушки свои подкатил.

Вот гонцы по аулам с криком спешат:
«Эй! Кто истинный воин — на бой выходи!
Кто бесстрашен — в наши ряды иди!»
На великий совет собрался народ,
Призывая в свидетели горную высь,
И поля, и незыблемый небосвод.

Все собравшиеся, как один, поклялись:
«Умирает женщина в трудных родах,
Пусть мужчина в бою умрет!
Мы за родину жизни не пощадим,
Грудью, сталью острой врага отразим,
Беспощадно каджаров будем рубить,
Пока без остатка не истребим!

Если дрогнем, изменим, от клятвы уйдем
И живые в руки врага попадем,
Пусть живыми зароют нас в землю тогда,
Пусть позор на нас падет навсегда!»

Вот кольчуги на плечи надели они
И оружье поверх железной брони.
Железные палицы взяли бойцы,

Копья дедовские достали бойцы,
Взяли заветные пищали бойцы,
Вздели на плечи луки кривые свои,
Ружья достали боевые свои.

Чуть рассветным лучом блеснул небосвод,
Загудели ущелья тесные гор.
Взбудораженным ульем со всех сторон,
Как за роем рой, за отрядом отряд —
Отовсюду навстречу друг другу спешат.
И на каждой горе, за каждой скалой
Старцы, дети, старухи той порой
Груды наваливали из камней,
Чтоб камнями пришельцам давать отпор.
Ну а жены по скатам и выступам гор
Глыбы каменные поставили в ряд.
Будто воины это, мужчины стоят!

Охватил каджаров немалый страх.
Стал по тем камням бить из пушек враг,
Камни с громом катились на головы им,
Сея смерть и урон во вражьих рядах.
Надир-шах разъярился, словно гроза,
Налились от гнева кровью глаза.
Зарычал он, словно бешеный пес:
«Захлебнутся, собаки, в потоке слез!
На колени встанут передо мной
И ярем покорно наденут мой!
Дважды я из Ирана ходил сюда,
Дважды сгибли плоды моего труда.
Но теперь с великою силой моей
Я приду, всё я здесь сравняю с землей,
Всё я в землю втопчу, что есть на ней!»

Все аулы велел он сжечь до утра.
Всё забрать, не оставить и нитки добра.
И устроил он «шахскую молотьбу»:
Матерей он велел и грудных детей
На току под копыта бросить коней.

Глубже в горы войска каджарские шли,
Плотным строем к мосту Шовкра подошли.

Вышли белобородые старики
И бесстрашно в бою с врагом полегли.
В красный цвет окрасились волны Койсу.
Взяли с бою Кумух каджары с утра,
Прокатили пушки через Хурукра,
А как станом стали в селенье Хури,
Сдался в плен Сурхай, чтобы кончить войну,
На разграбленье им отдал казну.

Только шах Надир в наш предел вступил,
Он старейшинам головы отрубил,
В каждом доме отец или сын был казнен,
Каждый был в округе аул разорен.
В одеянье кровавом каджарский шакал
Достоянье наше уничтожал.

Воду в речках выпили кони врагов;
В Дагестане — в стране родников и рек —
Не нашел бы глотка воды человек!
А на Турчидаге вместо цветов
Забелели полы каджарских шатров.

На горе Турчидаг Надир-шах сидел,
Ликовал он, смеялся, в трубу глядел,
Говорил, что весь Дагестан захватил, —
Так в гордыне своей Надир говорил.

А в долине Согратля герои сошлись,
Удальцы наши лакские собрались.
Акушинцы пришли, и даргинцы пришли,
И аварцы пришли, и кюринцы пришли.
Как потоки бурных весенних дождей,
Как в ущельях малые родники
Наполняют сухое русло реки,
Так и ненависть клокотала в бойцах,
Словно бурный поток, бушевал Хунзах.

Да прославится твоя мать, Муртазали!
Ты, как пламя, горящую речь сказал.

И внимала словам удальца семья
Белоглавых гор, и лесов, и скал.
Став под стяг с наконечником золотым,
Так сказал соратникам ты своим:
«Мы сошлись, чтобы родину защитить,
Чтоб врагу вековечному отомстить.
Нам в бою пора показать пришла,
Что отцов отвага не умерла,
Что в сердцах у нас та отвага живет!
Имя того, кто падет в бою,
Будет вечно жить, никогда не умрет.
Тем, кто ранен, будет высокий почет.
Мы должны сегодня врага истребить,
Мы должны нашу родину освободить!

Если в реках вода, бегущая вниз,
Неким чудом в горы вспять потечет,
И тогда нам одна дорога вперед!
Если встанут покойники из могил,
Не подставим спины пулям врага!
Если завтра с запада солнце взойдет,
Не уронит оружья наша рука!
Мы на кровных врагов за край родной,
Братья, выйдем все священной войной.
Победить или умереть в бою —
Нам один теперь из беды исход!»

В бой вступили с первым рассветным лучом.
Горы, тихие долы наполнил гром,
Будто наземь падал, гремя, небосвод.
Это был не свирепый зимний буран,
Что лавины сбрасывает с высот,
Это пули героев летели, как град,
Покрывая инеем вражеский строй,
Прибивая к земле за рядом ряд.

Крымские ружья, что больше папах,
С драгоценным ложем у них в руках.
Словно полные луны клейма на них.
Жазаилами эти пищали зовут,
Длинноствольные, в цель далеко они бьют.

Горстью порох бойцы засыпают в стволы,
Пули шомполом забивают в стволы.
Друг надежный — пищаль с цудахарским
кремнем,
Далеко они бьют смертоносным огнем.

Разгорался, шумел и дымился бой,
Будто спорило в гневе небо с землей.
Уши глохли от грома немолчной пальбы,
Будто шла, грохоча, не смолкая, гроза.
Будто волны огня ослепляли глаза.
Как долина Мяшар, была Анада
В день последний безжалостного суда.
Та долина от крови была красна,
Кизилбашей телами была полна.

Копья по ветру крыльями расстелив,
Бурки по ветру крыльями расстелив,
С пудовыми палицами в руках,
Сверкая кольчугами на плечах,
В блеске сабель, что шлем рассекают стальной,
Поднимая зеленый стяг боевой,
Двинулся малый отряд на конях,
Догоняющих быстрого тура в горах.
Кони у всадников масти одной,
У главаря — скакун вороной.

Да прославится твоя мать, Муртазали!
Ты как ястреб среди куропаток был.
До полудня вы бой жестокий вели,
И один богатырь с мольбой возопил:
«Истомились львиные руки мои!»
И ответил воину Муртазали:
«Если силы в руках твоих львиных нет,
Львы другие идут за тобою вслед!»
А как вихрем ворвались во вражий стан,
Возопил один богатырь-великан:
«Изнемог я! Кровью, текущей из ран,
Моя шелковая рубаха полна!»
И ответил воину Муртазали:
«Если, витязь, кровью, текущей из ран,

Твоя шелковая рубаха полна,
Ты взгляни, как редеют вражьи ряды!»

Нет, не ждал Надир-шах подобной беды.
Содрогнулось сердце в груди его,
Видит — многих Муртазали покосил.
Войско свежее в бой Надир-шах пустил,
И с утроенной силой бой закипел.
С сабель сыплются искры, кони храпят.
Но не дрогнул горский малый отряд.
Грозной саблею Муртазали сверкал;
Там, где сеют меру, он десять клал,
Там, где сеют десять, сто убивал.
Словно быстрая молния с синих небес —
Кизилбашей саблей он поражал.

Сеча шла, клокотала крови река,
Словно чаши весов, качались войска.
Храбро малая горстка горцев дралась.
Вот над чохской дорогой пыль поднялась.
То, на плечи черкески мужские надев,
То, папахи на косы густые надев,
Взяв кинжалы, на помощь Муртазали
Жены горские в бой на каджаров пошли.

Время шло. Разгорался жестокий бой.
Вот с глазами орлиными воин вскричал:
«Иступился клинок моей сабли кривой!»
И воину Муртазали отвечал:
«Если сабли твоей иступился клинок,
То взгляни, к нам бойцы на смену идут,
Их мечи пополам железо секут!»

Выслал новые силы каджарский стан.
И в бою возопил богатырь Курбан:
«Горе! Палицы я сломал рукоять!»

И ответил Курбану Муртазали:
«Если, друг, сломал свою палицу ты,
То ломаются у каджаров хребты!»
Длится сеча. Кровью дол обагрен.

Шумом битвы потоков шум заглушен.
Кони ржут. Бойцы, наступая, кричат.
Стонут раненые, доспехи звенят.
Грохот пушек и ружей со всех сторон.

Как при утренних золотых лучах
Тают звезды ночные на небесах,
Так бесчисленные, как звезды в ночи,
Стали таять войска, что привел Надир-шах.
Вспять шумящая лава их потекла,
Словно вспугнутые журавли от орла.
Словно стадо овец бежит от волков,
Побежали, смешались полки врагов.
Опрокинул каджаров отряд храбрецов.

«Эй, сын мой, Муртазали, поспешай!
Живыми каджаров не отпускай!»

— «Не кричи со скалы, мой отец Сурхай!
Резвы ноги, сердце полно огня
Моего вороного, лихого коня.
Удирают от нас каджаров войска,
Словно стая шакалов от своры борзых!
На горе Турчидаге, где дров не найдешь,
Как поленницы, сложены трупы их.
По долинам безводным чохской земли
Реки крови каджаров, шумя, потекли!»

Лютым гневом каджар Надир-шах воспылал,
Кизилбашам бегущим он закричал:
«Вы ведь взяли со мною Машрик и Магриб,
Всю подлунную завоевать вы могли б!
Так неужто, о доблестные войска,
Устрашились вы этого сопляка?»

Возопили каджары к шаху с мольбой:
«Жизней наших владыка! Наш царь земной!
Упроси — пусть он нас отпустит домой!
Нет, не можем мы продолжать с ним бой,
Его руки, словно столбы, тяжелы,
Словно миски, глаза у него круглы,
Словно лев, широк в груди удалец.

Его голос — словно разящий свинец.
Конь его вороной, как ветер, летит,
Словно молния, сабля его разит.
И пока он сам одного убьет —
Конь копытами десятерых убьет,
Сабля-молния двадцать голов снесет!
Умоли отважного Муртазали:
Просьбу выслушай — мол, благородный герой,
Отпусти ты нас в наш предел родной!
Пусть отпустит он нас в Хорасан — домой!»

И напрасно взывал к ним собака-шах,
Побросали каджары оружье в полях,
Как шакалы от льва, как со скал река,
Как бураном гонимые облака,
Удирали они, охватил их страх.

Пал каджарский шах на лицо земли:
«Дад бидад, — говорит, — мой Муртазали!
Пощади, чтоб мы с миром от вас ушли!
Отпусти нас, Муртазали, в Хорасан,
Дад бидад! — говорит. — Аман, аман!
Если хочешь, золота много дадим,
Разойдемся мы по домам своим,
Не вернемся вовек мы сюда назад!
Отпусти, — говорит, — аман, дад бидад!
Мы тебя серебром своим наградим,
Мы тебе аманатов своих дадим,
Только дай нам уйти домой в Хорасан!»

— «Шах, собака, что в золоте мне твоем?
Сам добуду золото я мечом!
Серебро твое не сочту серебром!
Если выстрелю я, серебро само
Потечет ручьем пред моим ружьем!
Что мне пленные? Волю я дам коню,
Все войска твои я в плен угоню.

Так и быть, отпущу я вас в Хорасан,
Знак поставлю на синей сабле моей.
Так и быть, вам открою дорогу я,
Знак поставлю на длинном дуле ружья.

Я за вами пойду, подобно огню,
В Хорасан далекий вас погоню,
По-черкесски тебя и твоих людей
Ударяя по спинам саблей своей!»

219. ПЕСНЯ О БАЛХАРСКОМ ДАВДИ

Друзья, Давди Балхарский
Свершил одну ошибку!
О ней рассказ печальный
Вы приготовьтесь слушать.

Служил Давди Балхарский
Судьей у Аглар-хана,
За свой великий разум
Был у него в почете.

Годами был он молод,
А телом всех стройнее,
И мудрыми речами
Добро он делал людям.

Но как-то раз, случайно,
Перед его глазами
Мелькнул цветок нарядный
Из сада Аглар-хана.

И, слывший всех стройнее,
Качнулся тополь трижды,
Почуяв редкий запах
Из цветников запретных.

«Ах, сахарное сердце,
Фарфор прозрачный тела,
Хотел бы вас иметь я!» —
Сказал Давди, вздыхая.

С тех пор, хотя ночами
Не жгли светилен слуги,
Сверкал балкон узорный
В хоромах Аглар-хана.

И с высоты балкона
Сияющие очи
Давди с ума сводили,
Когда в суде сидел он.

Но тайно наблюдали
За ним нукеры всюду
И поспешили хану
Донос об этом сделать.

Был Аглар-хан коварен,
Он гнев свой скрыл искусно
И, хитрости готовя,
Почет Давди утроил.

«Тот день, как стал я ханом,
Желаю я отметить,
Чтоб верных слуг достойно
Вознаградить», — сказал он.

И послан был в Балхары
Гонец с письмом от хана:
«Пускай в Кумух приедет
Герой Давди на праздник. . .»

Как стал я наряжаться,
Мать в черное оделась,
Как стал я брать доспехи,
Пришли, рыдая, сестры.

«Останься!» — мать просила,
Просили сестры, плача.
Но я не мог остаться,
В Кумух стремилось сердце.

Я сел на вороного,
Как на перчатку сокол,
И конь потоком черным
Помчался по равнине.

Ржал вороной, бывало,
Я песни пел, бывало.

За час мы проскакали
Долину Унчукатля.

В высокие ворота,
Во двор просторный хана
Я въехал, не слезая,
На скакуне горячем.

«Салам алейкум, хан мой!»
— «Салам, Давди Балхарский!
Слезай-ка с вороного,
Отдай коня нукерам.

Слезай-ка с вороного,
Войди почетным гостем
И утоли с дороги
Томительную жажду.

За будущее выпей!» —
С улыбкой хан воскликнул.
«До дна!» — Заза сказала,
Тяжелый рог вручая.

Тяжелый рог вручала
Заза лишь милым сердцу.
Ах, мне-то был он подан
До края полный ядом!..

Мое здоровье пили
И мне кричали славу
Все гости Аглар-хана
На празднике веселом.

Но жег огонь мне тело —
Огонь любви и яда:
Я был коварным ханом
Из рук Зазы отравлен.

Когда мне хан воскликнул:
«За будущее выпей!» —
Зачем в ответ не снял я
Тогда свою кремневку?

Когда «до дна!» — сказала
Заза, мне рог вручая,
Зачем я вороного
Не приготовил к сроку?

Мне не идти в Кумух бы,
Остаться бы в Балхарах,
Не пить напитков ханских,
А пить крутую брагу. . .

Ах, вас молю, нукеры,
Коня мне оседлайте!
В очах, как звезды, ясных,
Не стало что-то свету.

Ах, подсадите, други,
Меня на вороного,
В могучем прежде теле
Совсем не стало силы.

Вот еду я обратно
В родимые Балхары,
От лютой боли плачу,
Склонил лицо на гриву.

Чтоб затекла ты кровью,
Долина Унчукатля,
Уж ты не степью ль стала,
Конца тебе не видно!

Всего лишь час, бывало,
Пути в село родное,
Но что с конем сегодня,
Что так мы долго едем?

Средь скакунов даргинских
Ты слыл быстрей любого,
Да будет слава дружбе,
Коль засветло вернемся.

Ведь на давно иссохших
Полях унчукатлинцев

За мной от капель пота
Озера остаются.

Глаза мои, как звезды,
Сверкавшие под бровью,
На полпути погасли
И вытекли на гриву.

И на руках железных
Слоновой кости пальцы,
Слабея час от часу,
Поводья уронили.

Ах, надо мной парящий
Золотокрылый сокол!
Не в дальние ль Балхары
Ты свой полет направил?

Коль путь твой ненароком
Лежит через Балхары,
Так передай старейшим,
Пусть мне носилки вышлют.

Ах, по небу летящий,
Проворный ястребенок!
Быть может, ты заглянешь
В родимые Балхары?

Коль будешь ненароком
В моем родном селенье,
Скажи там молодежи,
Пусть горницу готовят. . .

Несли через селенья
Дубовые носилки,
И плач кружил повсюду,
Как черные вороны.

Я вас прошу, о братья,
Носилки не качайте,
Ведь сахарное сердце
Обуглилось от яда.

Тебя, о мать, молю я,
Не поднимай ты бурки,
Чтоб потемневший лик мой
Сельчане не видали.

Кричите громче, сестры,
Став на краю обрыва,
Что золотая ваза
В осколки разлетелась. . .

Проклятья шлите, люди,
Вы в сторону Кумуха,
Чтоб грудой камня стали
Хоромы Аглар-хана!

220. СЕСТРА СУЛЕЙМАНА

Как наши войска ушли на войну —
Семь лет минуло с тех пор.
За водою с медным гунгумом я шла,
На плече кувшин для воды несла,
С подругами вела разговор.
Едут воины на утомленных конях.
«Салам вам! Счастливо жить!
Исполненье желаний да будет вам!
Дайте, сестры, воды испить».
— «Привет вам, идущим с войны удальцам!
Не воду — шараб принесем мы вам!»
Я от девушек отошла,
Всадников спрашивать начала:
«Ради бога, скажите мне —
Брата любимого моего
Сулеймана — видели вы на войне?»
— «Эй, красавица, — воины говорят, —
Мы не знаем, где Сулейман, твой брат,
Не видели мы его».
— «Он в стальной броне,
На гнедом скакуне.
Первый он всегда на войне!»
— «На гнедом коне, в булатной броне
Сулеймана не видели мы».
— «Как же брата не видели моего —
Знаменосца войска всего?
Стройный, статный, с красным стягом в руках,
На гнедом коне, он — первый в войсках.
— «Мы, сестра, Сулеймана не видели, нет!»
Войско в белых папахах скачет вослед.

В белых папахах скачут бойцы.
«Саламу алейкум вам,
Воины-удальцы».
— «Ваалейкум салам, сестра! Ты чья?
Ты кого из нас изберешь в мужья?»
— «Эй вы, в белых папахах бойцы-удальцы,
Не встречался вам мой брат Сулейман?»
— «Нет, красавица! На статном коне
Не встречался нам твой брат Сулейман».
— «В вороненой броне, на гнедом коне,
Не встречался вам мой брат Сулейман?»
— «Нет, красавица, на этой войне
Не встречался нам твой брат Сулейман».
— «Знаменосца, что знамя червленое нес,
Разве не видели вы его —
Брата любимого моего?»
— «Нет, сестра. Ни в походе, ни на войне,
На гнедом коне, в вороненой броне
Не видели мы его. . .»

Войско в черных черкесках за ними идет.
Пыль от войска тучей плывет.
«Эй, вы, в черных черкесках, братья, друзья!
Саламу алейкум вам!»
— «Здравствуй, девушка, ваалейкум салам!
Выбирай любого в мужья!»
— «Ради бога, братья, скажите мне —
Не встречался ли вам мой брат Сулейман?»

— «На статном коне, в булатной броне
Не встречался нам твой брат Сулейман.
На гнедом коне, в боевом огне
Не встречался нам твой брат Сулейман».

— «Разве там, в боях, где клубится прах,
С боевым червленым стягом в руках,
Не встречался вам мой брат Сулейман?»
— «Нет, красавица, там — в боевом огне —
Не встречался нам твой брат Сулейман».

Едут следом красные башлыки,
Папахи надвинув до глаз.

Подъехали красные башлыки.
«Салам вам в добрый час!»
— «Салам, красавица! — говорят. —
Выбирай любого из нас!»
— «Ради бога, скажите, и грех вам — обман, —
Не встречался ли вам мой брат Сулейман?»

— «Не встречался нам твой брат Сулейман,
Красавец на статном коне».
— «Неужели не видели вы его,
Первого на войне?»
— «Нет, сестра, не видели мы его —
Удальца в булатной броне».
— «Как же вы могли не видеть его —
Первого среди войска всего,
С багряным стягом в руках?»
— «Нет, сестра, не видели мы его —
Брата храброго твоего,
На врагов наводившего страх.
Мы ушли, мы укрылись
Ночной темнотой.
Там за нами отряд идет тыловой».

Весь в пыли, подошел тыловой отряд.
«Саламу алейкум вам!»
— «Ваалейкум салам тебе! — говорят. —
Эй, красавица, в добрый час,
Выбирай любого из нас!»
— «Вы, братья, защита нашим войскам,
На статном коне,
В булатной броне,
Сулейман не встречался ль вам?
Ради бога, скажите мне!»
— «На гнедом коне,
В вороненой броне,
Твой брат Сулейман не встречался нам».
— «На врагов наводящего страх,
С красным стягом в сильных руках,
Разве не видели вы его —
Брата милого моего?»
— «Нет, сестра, его не видели мы,
Уходя под покровом тьмы.

Без всадника, по Гулистанским горам
Конь его проскакал вдали.
Мы не видели, где знаменосец упал,
Мы по лисьим тропам ушли.
Мы под ветром видели красный стяг
В Арране, на Кумайнинских холмах».
Кувшин упал с плеча моего,
Разбился на куски.
Выпал медный гунгум из моей руки,
Скатился в пену реки.
В слезах, без воды, я домой пришла.
Мать моя дворик мела.
«Матушка дорогая моя,
Ты слыхала ли вести с войны?
Наше войско разгромленное бежит!
Неужели мой брат Сулейман,
Знаменосец войска всего,
На земле Арранской — убит?»

Стала рыдать моя старая мать,
По коленям себя ударять.
Плачущих оставив родных,
Побежала я в дом к жениху моему;
Камень кинула я в оконце к нему.
Удивленный, выглянул из окна,
Выбежал ко мне мой жених,
Спросил: «Почему ты в слезах?
Кто виновник твоих неутешных слез?
Почему в руках у тебя пучки
Вырванных тобою волос?»
— «Черный день настал для меня.
Помоги! Я пришла за тобой!
Брат мой пал от руки врага!
Кликни клич, выходи на месть,
Если честь тебе дорога!
Кликни клич, чтобы слышали все:
Пусть убийца — из колдунов,
Пусть он волосом обернется в хвосте
Одного из бесчисленных скакунов, —
Я его отыщу, отомщу!»
И ответил мне мой жених:
«Как узнаю в лицо я убийцу того?

Как средь войска врагов отличу?
Если даже найду врага,
Как один я его захвачу?»

Слушать речи труса не стала я.
К матери безутешной моей
Бегом прибежала я.
«Полно, матушка! Слез не лей!
Поскорее доспехи мне принеси
Брата милого моего!
Поскорее мне принеси
Боевое оружье его!
А пока оружье надену я,
Лучшего оседлай мне коня».
Как доспехи брата надела я,
Как оружье брата надела я,
Как папаху брата надела я,
Мать сперва не узнала меня.
Не успела я коня взнуздать,
Мне ворота открыла мать;
Как садилась я в боевое седло,
Подбежала стремя мне поддержать.
В облаченьи ратном мужском,
При оружии боевом,
Видом стала я как Сулейман.
В стременах, над крутым седлом
Привстала я, как Сулейман.
По дороге в дальний Арран
Поскакала, как Сулейман.

Выбежал из ворот своих,
В тревоге, трус — мой жених:
«В боевой удалецкой одежде ты. . .
На Сулеймана похожа ты!
Мне дневного света дороже ты!
Ты куда, Итаргу моя?»

— «Как Сулейман, в боевой броне,
Как Сулейман, на резвом коне,
Путь я держу к Арранской стране.
Там убийцу брата найду,
За него выйду замуж я!»

Проскакала я по высоким горам,
Реки переплыла,
По ущельям, среди отвесных скал,
Осторожно с конем прошла,
Селения обходя стороной,
Пробегая за день трехдневный путь,
Я достигла земли Арран.

В Арране — кизиловые леса.
В лесах шакальи слышны голоса...
«Эй, лесные шакалы! — сказала я. —
Саламу алейкум вам!»
— «Красавице — ваалейкум салам! —
Шакалы пролаяли мне. —
Что ты ищешь в лесной стране?»
— «Ради бога, шакалы, — сказала я, —
Сулеймана не видели вы,
Брата милого моего?»
— «Нет, не видели мы его».
— «Неужели не видели вы его,
Статного, на гнедом коне?»
— «Статного, на гнедом коне,
Его не видали мы.
Труп его мы в поле нашли,
Грудь его разорвали мы».
— «Будьте прокляты вы за такие слова!
Чтобы волки пришли вас терзать!»
А за что шакалов мне проклинать?
Я спрашивала — отвечали они,
Правду мне сказали они.
Я усталого коня погнала,
В Гулистан-долину пришла.
Каркающих увидала я
Стаю воронов черных там.
«Салам алейкум, вороны, вам!»
— «И тебе — алейкум салам!»
— «Заклинаю вас, вороны! Здесь, на войне,
Брата не видели вы моего —
Сулеймана — на статном коне?»

— «Нет, не видели мы его
На статном гнедом коне.

Среди поля пал он в бою...
Мы выпили светлые очи его,
Утолили жажду свою».

— «О черные вороны! Чтобы вам
Очи выклевала сова
За черные ваши слова!»
А за что мне воронов проклинать?
Я ведь спрашивала сама —
Что им было мне отвечать?
Время шло. Запыленный конь мой скакал.
Засинел Кумайнинский увал.
Как на склон его я кинула взгляд,
Вижу — горы трупов лежат.
Их головы стала я приподымать,
Сулеймана среди них искать.
На каменном гребне его нашла.
Вороны исклевали его,
Звери истерзали его.

От горя я обмерла.
Кричала я у него в головах,
Причитала я у него в ногах.
Как киркой, копала левой рукой;
Как лопатой, копала правой рукой;
Зарыла его в камнях.
Яс над ним совершила я.
Тут ко мне подошел убийца его.
«Салам алейкум! — мне говорит. —
Красавица ты моя!»
— «Ваалейкум салам!» — я сказала ему,
Черному врагу моему.
И сказал мне враг: «На этих горах
Даже птица не вьет гнезда.
Как же ты залетела сюда?
Здесь живая душа досель не была.
Как ты розой здесь расцвела?»

— «Брата пришла я похоронить
На увал Кумайнинский крутой.

Если убийцу брата найду,
Ему я стану женой».

— «Я убил его вот этой рукой —
Встретясь с ним грудь о грудь.
А зовут меня Кара-Ибрагим.
Как сказала — женой мне будь!»

Стать его женой я согласье дала,
Руку ему подала.
Договор заключила с ним,
В стан врагов за ним я пошла.
Хамаш-Кешеки глядели вслед.
Удивлялись: «Смотри, народ!
Он родного брата ее убил,
А она к нему в гости идет!»
— «Полно, войско Хамаш-Кешек,
Надо мной смеяться тебе!
Завтра — удивляться тебе».

Вот я к дому врага подошла,
В дверь его — с молитвой — вошла.
Сулейманова увидала коня;
Заржал он — узнал меня.
«Сдержи свою радость, не ржи, конек!
Завтра ржи, — помоги нам бог!»

А когда осмотрелась я
На высокой балахане,
Зазвенело оружие брата мне,
Развешанное по стене.
«Не звени, боевое оружье, сейчас,
Не звени, боевой убор!
Зазвените, когда пораженья позор
Вражьей кровью я смою с вас».

А когда я вошла в потайной покой,
Стяг багряный зашелестел под ногой.
«Ты, мой стяг, сегодня не шелести!
Зашелестишь в родных горах,
Чтоб на битву войско вести!»
Начал мой жених обнимать меня.

Я ответила: «Помни честь!
Я есть хочу, я пить хочу.
Дай сначала мне пить и есть!»
И повел меня он в другой покой.
На столе там яства горой,
Роги налиты черным вином.
На почетное место,
Как жених и невеста,
Сели мы пировать вдвоем.
Вот он рог осушает — в честь мою,
Я свой рог за пазуху лью.
Я ему наливаю, он пьет.
Он наливает мне в свой черед;
Я за пазуху лью, будто пью.

Наконец Кара-Ибрагим опьянел:
В это время — булатный брата кинжал
Тихо на стене зазвенел.
Из ножон его потянула я,
С молитвой булатом взмахнула я.
С плеч слетела к моим ногам
Моего жениха голова.
Голову за бороду схватив,
В хурджун ее положив,
Отрубила я руки врагу,
Отрубила пальцы врагу,
Положила в другую суму.
Со стены оружие брата сняла,
Обвешалась им, а оружье свое
Привязала к луке седла.
На братнего вороного коня
Села я. А коня своего
Следом за собой повела.
С золотым наконечником красный стяг
Я с порога врага подняла.
Взлаяли бесхвостые псы,
Как подъехала я к воротам.
«Что вы лаете, бесхвостые псы?
Труп хозяина — ужин вам!»

На Сулеймановом черном коне
Миновала я Гулистан.

Семидневный путь за три дня прошла,
Бурные реки переплыла.
А как въехала я в отцовский аул,
Все юноши меня вышли встречать.

«Что нового там — в Арранской стране?»
Я в ответ: «Новостей не слыхать.
За убийцу брата, волей своей,
Замуж, витязи, вышла я!
Он поклон вам передавал,
Много вам подарков прислал!»
А как вражью голову вынула я,
Да к ногам моей матери кинула я,
Ту кровавую голову бедная мать,
Как волчица, стала терзать.
Вражьи руки под ноги кинула я
Трусу — бывшему моему жениху.
Пальцы отрубленные врага
Разбросала в толпу удальцов.
Опустили головы удальцы.
«Что горюете, молодцы?
Нынче, видно, женщинам лучше знать,
Как с врагом по-мужски воевать.
Нам оружье свое отдавайте вы,
Платья женские надевайте вы,
Снимите папахи! Лицо от стыда
Шалью женскою прикрывайте вы!
Девушки, не упрекайте меня!
Разве можно другом того назвать,
Кто в черный день, погибельный день
Не сумеет за друга встать!»

221. АЛИЛ МУСАЛАВ И АМИРУЛ ЗАЗА

«Жени меня, мать, жени поскорей!
Мои однолетки ласкают детей.
Женаты и те, кто летами юней».

— «Жену я тебе, мой желанный, найду,
Красавицу хочешь — Парил Меседу?

А хочешь богатую в дом свой привесть, —
Богатых невест в Андалале не счесть».

— «Нет, мать, мне богатства жены не нужны,
Богатство ли это — богатство жены? . .
Искать красоту я не вижу причин:
Украсть красоту жаждут сотни мужчин.
Красива жена, так для мужа беда.
Богата она, так для дома беда. . .
Заза меня любит, Амирова дочь.
Зазу мне посватай, коль хочешь помочь».

— «Ну что ж, стариков мы к Амиру пошлем.
К жене его мы ювелира пошлем,
Чтоб ввел ты Зазу, мой единственный, в дом».

— «Дойти до Амира легко ль старикам?
Пока ювелира отыщешь ты нам, —
С отрадною вестью доеду я сам».

— «Коня ты, проверив, бери порезвей!
Оружье, проверив, бери посветлей!
Ты финиками все хурджуны набей.
Ты водкой медовой кувшины налей.
Иллара возьми с Чупалавом — друзей».

Проверив, коня порезвее он взял.
Оружье себе посветлей отобрал.
Он финиками все хурджуны набил,
Медовою водкой кувшины налил.
Иллар с Чупалавом — готовы они.
С друзьями Алил поскакал в Азайни.

За добрые речи он финик дает.
Кто выйдет навстречу, — он водки нальет.
Так прибыл Алил в Азайни невредим.
Стоят азайнинцы-герои пред ним.

«О братья, привет вам», — он им возгласил.
«Привет и тебе, благородный Алил!

Коль хочешь быть гостем, — слезай, угостим!
Коль нету друзей, у чужих приютим».

— «Не в гости приехал я в ваши края.
Приют мне не нужен: не нищий ведь я.
У знатных людей побывать я хочу,
Красавице лучшей коня поручу...
Амир не попался ли вам на глаза?
И дома ли дочка Амира — Заза?»

На двор прискакал он и крикнул: «Амир!»
Молчанье в ответ, — знать, хозяина нет!
Коня он поставил, где ставил Амир,
Кремневку повесил свою и клинок
На гвоздь, где оружие вешал Амир.
«Заза», — закричал он, взбежав на порог.
Молчанье в ответ — и Зазы, видно, нет.

И мало ли, много прошло с этих пор, —
Амирова дочь воротилась во двор.

«Чей конь на Амировом месте стоит?..
Чтоб конников не было в вашем роду!
Оружие чье у Амира висит?..
Чтоб воинов не было в вашем роду! —
Вдруг видит Алила... — Казнить не вели!
Мы, женщины, глупы, прости нас, Али!»

И много ли, мало прошло с этих пор, —
Амир престарелый вернулся во двор.
Он с ханов равнинных поборы сбирал,
С селений геллинских он подати брал.

«Чтоб конников не было в вашем роду!
Чей конь, точно мой, здесь привязан стоит?
Чтоб воинов не было в вашем роду!
Оружие чье, как мое, здесь висит?»
— «Амир азайнинский, свой гнев усмири!

Коль хочешь — отдай свою дочь за меня!
Не хочешь — назад поверну я коня!»

— «Не ты ли, Алил?! Старика не кори:
Тебя не признал, по ошибке браня. . .»

Весь день толковали Алил и Амир,
С заката до ночи шел свадебный пир.
В кунацкой постель молодым постлана.
И много ли, мало прошло с этих пор, —
Какие-то люди спустились во двор,
Стучат они, возятся возле окна. . .
И с брачной постели своей соскочил
И ринулся сразу к окошку Алил.

Алила в слезах умоляет Заза:
«Уйди, мой властитель! Да минет гроза! . .
Немало джигитов у нас в стороне
Питали надежду жениться на мне.
Врагов у тебя и завистников — тьма. . .
Уйди! . . Я окошко открою сама!»

— «Никто еще трусом Алила не знал.
Ужель пред женой бы я трусом предстал?»

И ставню рванул он могучей рукой,
Но только он ставни коснулся другой, —
Две пули блеснули, и дым повалил.
Упал, обливается кровью Алил. . .

«Заза, дочь Амира, молю, — ничего
Не ешь ты из рук у врага моего!»

— «Коль недруга пища мне в рот попадет, —
От голода вымрет отцовский мой род!»

— «Заза, я молю тебя, — в сакле своей
Убийце ты на руки воду не лей!»

— «Коль на руки капля ему попадет, —
От жажды умрет материнский мой род!»

— «Заза, дочь Амира, молю я: возьми
Клинок мой египетский — там, за дверьми,
Кремневку с гвоздя у Амира сними!»

Заза поспешила за верным клинком, —
Он — надвое сломан — лежит на полу.
К гвоздю, что в углу, потянулась потом:
Нет больше кремневки Алила в углу!

«Молю я, Заза, дорогая жена,
Домой отошли моего скакуна!»

Амирова дочь к коновязи пошла,
Коня там с распоротым брюхом нашла.

«Заза, заклинаю любовью своей,
Иллара сюда, Чупалава зови! . .»

Пошла она мужниных кликнуть друзей, —
Лежат они оба недвижны, в крови. . .

И тут поняла она всё, что стряслось.
Коварство родного отца поняла.
Кинжал с бездыханного мужа сняла
И сердце себе проколола насквозь.

222. НАМ ПРИСЛАЛИ СКАКУНА

Нам прислали скакуна
Под серебряным седлом.
Чей скакун? Да кунака!
Нам прислали и ружье —
Не простое, из Маджар,
И с насечкой золотой.
Чье ружье? Да кунака!

Мельком глянула в окно:
Рядом с матерью моей
У ворот стоит джигит
В белой шапке набекрень.
Я решила разузнать,

Из каких он прибыл мест,
Этот молодой джигит.
С лестницы спустилась вниз,
А дошла я до ворот —
Он при матери, наглец,
Краем глаза мне моргнул.
Чем торгует молодец? —
Порешила я спросить
И чуть ближе подошла
И произнесла привет, —
Он опять моргнул в ответ.

«Дорогая мать моя,
Если в дверь стучится гость
В белой шапке набекрень,
То гони его скорей —
Пусть ночует на дворе.
Если даже ночь одну
Проведет у нас наглец,
Не имеющий стыда,
В шапке набекрень, — то нас
Опозорит навсегда!»

— «О красавица моя,
Не кричи ты, не кричи,
Красным шелком я богат.
О любимая моя.
Замолчи ты, замолчи,
За тебя отцу отдам
Золото и серебро!»

— «Не нужны твои шелка,
Мне их могут подарить
Братья старшие мои.
Ни к чему твое добро,
Золото и серебро, —
Мой родной отец богат
Золотом и серебром!»

Он черкески боевой
Вытер черною полой
Слезы на своих глазах.

Стан, что мрамора белей,
Он в доспехи облачил,
Под уздцы повел коня
На широкую тропу.

Распахнула я окно,
Посмотрела вслед в слезах
И сказала: «О аллах!
Ускакал за горный склон
Тот, кто соколом рожден!
Где он, сильный мой смельчак?
Где он, молодой кунак?
Сколько глупых, вздорных слов
Наболтала я ему, —
Чтоб отнялся мой язык!»

О, как статен был кунак,
О, как строен стан прямой, —
Чтобы стан согнулся мой!
Покривила я душой,
Попросив его прогнать, —
Чтоб была довольна мать.
Как могла я упустить
Соколенка моего?

Вот на пальцах у меня
Десять дорогих колец,
Вот в хурджине у меня
Сласти — финики, изюм,
Вот в хурджине у меня
Чача, сладкое вино,
Вот надела на себя
Платье — шелковый наряд,
Платье — красную парчу,
А чувяки у меня —
Алый, дорогой сафьян,
И отправилась я вслед
Молодому кунаку.

Миновала перевал —
Вижу: сделал он привал

Там, где свежая трава,
Где зеленая листва,
Где прекрасны цветники,
Где прозрачны родники.
«Счастлив будь, желанный гость!»
— «О красавица, и ты
Горя никогда не знай!
Почему пришла сюда,
А чувяки у тебя —
Алый, дорогой сафьян?
Ты, прогнавшая меня,
Не желая и спросить,
Чем хочу я торговать, —
Ты куда теперь идешь,
Как невеста, в дорогом
Красном платье из парчи,
А на пальцах почему
Десять дорогих колец?»

— «Прежде чем скажу тебе,
Почему пришла сюда,
А чувяки у меня —
Алый, дорогой сафьян, —
Ты отведай, я прошу,
Сласти — финики, изюм.
Прежде чем скажу тебе,
Далеко держу ли путь,
Как невеста, в дорогом
Красном платье из парчи,
А на пальцах почему
Десять дорогих колец, —
Ты отведай, я прошу,
Чачи, сладкого вина».

— «Небесами и землей
Я поклялся: никогда
Сумасшедшие твои
Сласти я не буду есть!
Вседержителю-творцу
Обещал: не буду пить

Сумасшедшие твои
Чачу, сладкое вино!»

— «Если ты не хочешь есть
Сумасшедшие мои
Сласти, — соколенок, съешь
Грудь упругую мою.
Иль безумным сокол стал, —
Куропатка не нужна?
Если клятву дал творцу,
Что вовек не будешь пить
Сумасшедшие мои
Чачу, сладкое вино —
Выпей, мой желанный лев,
Черные мои глаза.
Или лев сошел с ума
И не станет есть ягнят?»

Сумасшедшие ее
Сласти сокол есть не стал, —
Куропатки молодой
Грудь упругую вкусил.
Сумасшедшие ее
Чачу, сладкое вино
Лев не выпил, — стал он пить
Черные ее глаза.

Так исполнились мечты
Двух влюбленных молодых, —
Там, где свежая трава,
Где зеленая листва,
Где прекрасны цветники,
Где прозрачны родники...

Позаботься, о аллах,
Точно так же о других,
И влюбленных молодых,
Всех влюбленных всей земли,
Светлым счастьем надели.

223. КРАСНЫЙ ЦВЕТОК

Вдали эта крепость виднелась —
Башня с одним окном;
Ту башню восемь дозоров
Хранили ночью и днем.

Но пуще всего доверяли
Свирепым, бесхвостым псам.
Пришел я. А псы прибежали,
Ласкаясь, к моим ногам.

Ни лестницы там, ни аркана —
Взобраться на башню мне.
И птице не уцепиться
За выступ на гладкой стене.

Из сабли сделал я гвозди,
Те гвозди в стену вбивал.
До полвысоты взобрался,
А доверху не достал.

Позор — уйти с полдороги,
И смерть не так страшна.
Но чудом, с помощью бога,
Добрался я до окна.

Окно стеклом блистает,
На нем — замок золотой,
Замок золотой, драгоценный,
Украшенный бирюзой.

Замок золотой открываю,
В окно без страха иду.
В той башне — в укромном покое —
Спала Парил Меседу.

Глядел на нее я долго,
Взгляда не отрывал.
И не стерпел, осторожно
В губы поцеловал.

Я обнял стан ее нежный,
Подумав: «Пусть пропаду!»
Проснулась, дрожа от страха,
Царица Парил Меседу.

Проснулась и сказала:
«Спаси, всемогущий бог,
Не ангел ли ты небесный?
Не божий ли ты пророк?»

— «Не с неба я спустился,
Нет, я с земли поднялся.
Не божий я посланник
И не пророк Иса.

Нет, я — в тебя влюбленный,
Простой бедняк — База!»
—«Коль впрямь ты в меня влюбленный
Простой бедняк База,

Коль здесь ты, в саду Арзурума,
Нашел заветный луг,
Сорви цветок мой красный,
Забытый, нежный друг!»

ПЕСНИ ГНЕВА, ТЮРЕМНЫЕ ПЕСНИ

224. ПЕСНЯ О ВОССТАНИИ 1877 ГОДА

Что за пыль там на дороге,
Что за люди там идут?
То не лакских ли героев
В ссылку дальнюю ведут?

Ой, как львы неустрашимым,
Чьи сердца стремились вширь,
На спине связали руки:
Гонят в дальнюю Сибирь!

На высокие вершины
Пал туман, окутал их.
То печаль сердца туманит
У героев молодых.

«Доброй вам дороги, братья!
Много бед она сулит. . .
Где, в каком краю Сибири
Белый царь вас поселит?»

Ой, как львы неустрашимым,
Чьи сердца стремились вширь,
На спине связали руки,
Гонят в страшную Сибирь!

«Мы охотились за туром
На вершинах Дюльты-Даг;
Вырвав когти, нам охоту
Перебил жестокий враг.

Мы взлететь хотели, братья,
Над вершинами хоть раз,
Но сломали наши крылья
И в тюрьму швырнули нас».

Ой, как львы неустрашимым,
Чьи сердца стремились вширь,
На спине связали руки,
Гонят в черную Сибирь!

225. ТЮРЕМНАЯ ПЕСНЯ

Мы узники мрачной тюрьмы,
Заржавело наше оружье. . .
Такие же лакцы, как мы,
А ваши не ржавы ли ружья?
А ваши не ржавы ли ружья?

Мы в темных застенках тюрьмы,
И наши папахи истлели.
Такие же лакцы, как мы,
А ваши-то на голове ли?
А ваши-то на голове ли?

Едите ли, матери, вы
Лепешки пшеничные сами,
Когда сухари из травы
Грызем мы и мочим слезами?
Грызем мы и мочим слезами?

Вы спите ли, жены, сейчас
И сладкие сны ли вам снятся,
Когда не забывшие вас
В холодной Сибири томятся?
В холодной Сибири томятся.

А сестры, вы ждете ли свах,
Вы шьете ли новые платья,
Когда в чужедальних краях
Томятся любимые братья?
Томятся любимые братья.

226. ПЕСНЯ УЗНИКА

Как трехлетний камыш, ты был строен
И высок, и красив хоть куда.
Как трехлетний камыш, был ты строен
И высок и красив хоть куда,
Да ненастной осенней порою
Молодого согнула беда.

Семицветная радуга, рано
Ты померкла, сгорела дотла.
Семицветная радуга, рано
Ты померкла, сгорела дотла.
Началась на горах Дагестана
И в сибирскую землю вошла.

Были ноги в чарыки обуты,
Знали много дорог и путей.
Были ноги в чарыки обуты,
Знали много дорог и путей.
Да в Сибири железные путы
Их протерли до самых костей.

Раньше кости железными были,
Зубы были крепки и тверды.
Раньше кости железными были,
Были зубы крепки и тверды,
А теперь расшатались и сгнили
От железной тюремной еды.

Это белое тело когда-то
Наряжал я в беленую бязь.
Это белое тело когда-то
Наряжал я в беленую бязь,
Мешковина, груба, полосата,
В это тело сегодня впилась.

Суждено ли мне быть в Дагестане,
Где осталась семья и родня?
Суждено ли мне быть в Дагестане,
Где осталась семья и родня?
Где сидящие на годекане,
Может быть, позабыли меня?

227. ПЕСНЯ ЧАГАНЫ

Перед тем как погибнуть,
Как мне стать чаганою,
Я росла на свободе
И листвою шумела.

Горный ветер, качая
Стан мой белый и тонкий,
Гнул меня, и я пела
Мной любимые песни.

Но меня поломали,
Ободрали мне кожу,
Иссушили мне жилы,
Дали жилы мне бычьи;

То лежу я недвижно
На ковре хорасанском,
То меня на пирушках
Песни петь заставляют.

Я пою, нет, я плачу,
А кругом веселятся,
И хохочут, и пляшут,
Плач мой песней считая.

Если б знать, где есть место,
Что печаль утоляет,
Я б к земле благодатной
Со слезами припала.

Если б знать, где источник,
Утоляющий горе,
Я туда унеслась бы
И назад не вернулась.

228. УТЕШЕНИЕ БЕДНЯКОВ

В этом мире проклятом
Утешаемся тем,
Что и к нам и к богатым —
Смерть приходит ко всем.

229. ЧЕРНАЯ ДУМА

Пала черная дума на сердце мое,
Я не в силах бороться с нею.
Потому что может прогнать ее
Только дума еще чернее.

230. НЕ ГОРДИСЬ!

Не гордись ты ни шубой овчинной,
Ни красой своего скакуна,
Может сделать мужчину мужчиной
Только женщина, только жена.

231. ТРУДНО ЛИ БЫТЬ МУЖЧИНОЙ?

Нынче всякий говорит:
«Я мужчина, я джигит!»
Очень просто слыть мужчиной,
Очень трудно быть мужчиной.

Дело вовсе не в названьи.
Нету мужества в крови —
Ты мужчиною не станешь,
Как себя ни назови.

Шли проклятия судьбе —
Нету мужества в тебе,
А купить его едва ли
Можно и за сто рублей...

И не приварю я стали
К войлочной душе твоей.

232. СВЕТ И ТЬМА

За ночью день, и ночь за днем...
День — ночь, день — ночь, пока живем...
Свет гонит тьму, а ночь потом
Спешит на смену свету дня,
Но день придет, и мы сойдем
Туда, где ночь, где нету дня.

233. ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ГОД

Пусть думает кто-то,
Что тысячу лет проживет.
Но всё равно ведь наступит
Тысяча первый год!

234. ПЕСНЯ БЕДНЯКА

Невесело песню я начал свою
И, может быть, кончу ее стариком,
Когда мое сердце, скакун без седла,
Гнилою веревочной станет пенькой.

Я многое видел на трудной земле,
Изведал, как тверд подаяния хлеб.
Мир тесен для бедных, дорога узка,
И вбороном горе над нами кружит.

Лишь звери и птицы блаженны в лесах,
Не ведают горя, не знают нужды...
А ты не в аду ли, бедняк, заключен?!
Хитрец тебя давит и сильный гнетет.

Кому рассказать мне о горе моем,
Что больше не в силах один я нести,
Что плечи мне давит, и спину мне гнет,
И голову клонит до самой земли?

Я в людях отчаялся друга найти,
А дикие звери меня не поймут.
О горе моем расскажу я пчеле,
Умеющей труд и терпенье ценить.

Искуснее многих она мастеров,
И щедрой и мудрой на свете слывет,
Полжизни проводит на сладких цветах
И счастлива, верно, судьбою своей.

Быть может, она мне откроет цветок,
Имеющий силу от бед исцелять,
Быть может, расскажет, как в мед обратить
Ту горечь, что плещется в сердце моем.

235

Я одна пошла б и стала
На краю зеленых волн,
Если б знала, что увижу
В море канувший алмаз.

Я одна бродить пошла бы
По вершинным ледникам,
Если б верила я в чудо,
Что на льду растут цветы.

Ах, алмаз, упавший в море,
Можно выловить со дна,
Но не выловишь с алмазом
Счастье, прожитое раз.

И цветы на льду взрастают,
И венки из них плетут,
Но с цветами не приходит
Юность, прожитая раз.

О мой сокол одичалый,
Кто заменит мне тебя?

236. Я ЗАВИДУЮ ВАМ

Я, старухи, завидую вам.
Поздно вам обливаться слезами.
Я, старухи, завидую вам,
Потому что меня по ночам
Обжигает проклятое пламя.

Я завидую, девочки, вам.
Для огня вы еще не созрели.
Я завидую, девочки, вам,
Потому что меня по ночам
Жжет тревога в холодной постели.

237. ПРИХОДИТ ЛЮБОВЬ

Дождь влагу дарует садам молодым
И скалам, хотя не нужна им вода.
Приходит любовь к тем, кто будет любим,
И к тем, кто не будет любим никогда,
И к тем, кто не будет любим никогда.

238. ОДИН ГЛОТОК

Из того родника
Со священной, чудесной водой
Я хлебнула глоток,
А вода оказалась бедой.
Оказалась бедою вода
Для меня, молодой.

В том чудесном саду,
Что растет у недальних дорог,
Я цветок сорвала,
Но огнем оказался цветок.
Тот цветок оказался огнем,
И меня он зажег.

Я хотела свой грех замолить,
Я шептала: «Прости!»
Я хотела огонь погасить,
Я кричала: «Пусти!»
Но горит мое сердце,
Его от огня не спасти.

Что мне делать теперь?
Я покоя себе не найду.
В небе кружится сокол,
Я этого сокола жду.
В небе кружится сокол,
А я пропадаю в аду!

239. ДВЕ ДУГИ БРОВЕЙ ТВОИХ

Две дуги бровей твоих,
Две звезды очей твоих
Для меня всего милее.

Но от дуг бровей твоих
И от звезд очей твоих
Я зачахну, заболею.

Поскачу я без коня —
Ветер понесет меня
Горе пить из полной чаши.

В ночь блаженства твоего,
В ночь несчастья моего
Подойду я к двери вашей.

240. ТЕБЕ ГОВОРИЛ ОТЕЦ

Тебе говорил отец:
«Разве она хороша?»
Тебе говорил отец:
«У отца ее нет ни гроша».

Тебе говорила мать:
«Аллах тебя сохрани!»
Тебе говорила мать:
«Нет у нее родни!»

Тебе говорила я:
«Беден родитель мой!»
Тебе говорила я:
«Сжалься, мучитель мой!»

Тебе говорила я:
«Ты любишь меня одну!»
Тебе говорила я:
«Другую возьмешь — прокляну!»

241

«Отчего ты хмуришься, гора,
Самая высокая из гор?
Ранним утром алая заря
Освещает раньше всех тебя».
— «Ранним утром алая заря
Освещает раньше всех меня,
Но когда внизу цветут цветы,
Мерзну я в папахе снеговой».

242

Я завидую шалям
И платкам головным, —
Им легко прикоснуться
К черным косам твоим,
К черным косам твоим.

Я завидую туфлям,
Их счастливой судьбе, —

Туфли трутся и рвутся,
Угождая тебе,
Угождая тебе.

Я завидую полу
В вашем белом дому, —
Ты его попираешь,
И больно ему,
Больно ему.

243. НА ВАШЕЙ КРЫШЕ СОЛНЦЕ

Солнце ниже, солнце выше,
Солнечно на вашей крыше,
А на нашей целый день
От соседской крыши тень.

Солнце ниже, солнце выше,
Вам тепло, но как назло,
От тепла на вашей крыше
Нам на нашей не тепло.

244. СЛЕДЫ НА СНЕГУ

След мышиный увидела мать на снегу,
Я пред ней оправдаться никак не могу.
«Это след не мышиный! — кричит она мне. —
А того, кто к тебе приходил при луне».

Ветер дунул с вершин и окно распахнул,
Я тайком посмотрела на отчий аул,
И кричит мне сурово разгневанный брат:
«Знаю я, на кого обращаешь ты взгляд!»

Я молю, мой желанный, не надо грустить,
Если брат и решится меня порешить,
Обернусь я скалой, что росла среди скал,
Чтоб над сердцем сломался проклятый кинжал.

Пусть отец угрожает дотла меня сжечь,
Если всю меня пламя охватит до плеч,
В честь любви я скалой обернусь ледяной,
Чтобы каждую ночь проводил ты со мной.

245

«Не ходи, Сулейман, вокруг дома,
Золотой обнесен он стеной,
Ты ее не осилишь подъема,
Чтобы встретиться, милый, со мной».

— «Подобью каблуки я стальные —
Что мне золото этой стены!
А проникну к тебе — остальные
Мне преграды тогда не страшны».

246

Утром в лес я пойду,
Стройный тополь найду.
Этот тополь спилю
И тобой назову:
«Милый, знай, я люблю,
Ляжем рядом в траву».

Днем отправлюсь я в дол,
Полный солнца и пчел.
Там цветок я сорву
И тобой назову.

Я скажу: «Не тужи
Среди ясного дня».
Я скажу: «Полежи
На груди у меня».

Там, где стонет кулик,
Срежу чуткий тростник
И к губам приложу,
И ему прикажу
Твоим голосом петь
И сегодня и впредь.

247

Кем вознесен этот белый балкон,
Будто бы мостик висячий?
Ведомо только: был мастером он
И за работу пусть вознагражден
Будет удачей.

А на балконе под белым платком
Разве не гурия, люди?
Той, что вспоила ее молоком,
Я бы наполнил, не будь бедняком,
Жемчугом груди.

248

Я в горы — владелица черных очей —
Очи пошлю свои, чтобы они
Сон стерегли твой во мраке ночей,
Зоркие, будто бы белые дни.

В Тифлис отошлю, позабыв про покой,
Белые руки свои для того,
Чтоб вытирали они в мастерской
Пот с потемневшего лба твоего.

249. ПОДСНЕЖНИК

Из-под снега подснежник пробился весной,
И о том я аллаха сегодня молю,
Чтобы с уст твоих жгучих, утес ледяной,
Сорвалось долгожданное слово: «Люблю!»

250. МАТЬ И ДОЧЬ

«Выгляни, дочь,
за отходника я
Выдам тебя, дорогая».
— «Ходит он часто в чужие края,
Пусть с ним тоскует другая».

— «Выгляни, дочь,
коробейник пришел,
Славный жених и затейник!»
— «Вечно навьючен он, словно осел,
Нужен мне ваш коробейник!»

— «Выгляни, дочь,
выдать замуж могу
За чабана тебя ныне».
— «Доит овец пусть он сам на лугу,
Спит пусть один на овчине».

— «Выгляни, дочь,
разудалый джигит
Спешился возле порога!»
— «Что ж у дверей до сих пор он стоит,
Кликните в дом, ради бога!»

251

Я шахиня меж девушек на годекане,
Да и в городе тоже имею успех.
Я — часы золотые в нагрудном кармане
У джигита того, кто достойнее всех.

Если будет поклонник и добрым и щедрым,
Стать кумганом смогу для него золотым.
Если схож мой поклонник окажется с ветром,
Для него окажусь я кувшином простым.

252

С юных лет любовь сильна,
На судьбе насечена.
Я стереть ее не в силе,
Как с гранита письмена.

С юных лет, то не секрет,
Я тянусь к тебе, мой свет,
Цепью страсти я прикован
Не к тебе ли с юных лет?

253. ТЫ УКРАЛ

Кто ворует дорогой металл,
Пред людьми и богом виноваты.
Ты ж, проклятый, у меня украл
Ту, что во сто раз дороже злата.

254. МОЛОДАЯ ПЧЕЛА

На цветке молодая пчела,
Слаще сахара мед золотой,
Но любовь, что впервые пришла,
Слаще меда пчелы молодой,
Слаще меда пчелы золотой.

Я в свои молодые года
Меда первой любви не вкусил,

Пусть же горькою будет еда
Тем, кто нашу любовь подгорчил,
Тем, кто нашу любовь омрачил.

255. Я САМА ВИНОВАТА

Не бывает дождя без тучи,
Не бывает волны без пены.
Что ж молчишь ты, мой друг неверный?
Всё равно не скроешь измены.

Я сама во всем виновата:
Я любви для тебя не жалела.
Я красивую сшила черкеску
На твое кривобокое тело,

Ты — чинар, который в полгода
Цвет меняет раз пять, не меньше.
Ты, подобно ему, не строен,
Но, подобно ему, изменчив.

А любовь твоя — серая туча,
Но не та, что посевы клонит,
А та, что летит по небу,
Куда ее ветер гонит.

256. ЧЕМ ЖЕ МНЕ ЗАПЛАТИТЬ?

«Чем же мне за тебя заплатить?
Где мне взять дорогое кольцо,
Кто придет за меня, сироту,
Пред тобою замолвить словцо?»

— «Не горюй, разве черные очи твои —
Это малый калым, мой джигит,
Жгучий взгляд, полюбившийся мне,
Лучше слов за тебя говорит».

257

Белой шалью покрывшись, не стой у перил,
Неземной красотою в ночи не блистай,
Ибо, свет твой приняв за сиянье луны,
Могут тучи застлать и похитить тебя.

Златотканое яркое платье надев,
Не всходи ты на гладкую крышу свою,
Ибо, чудною птицей считая тебя,
Может ястреб подкрасться и прочь унести.

258

Если б мы с тобою вместе, милый,
Умерли в один и тот же час,
Умерли в один и тот же час,
Может статься, что в одной могиле
Положили б нас,
Положили б нас.

Ну, а если нам в одной могиле
Было бы лежать не суждено,
Было бы лежать не суждено,
Всё равно бы рядом нас зарыли:
Кладбище одно,
Кладбище одно.

259. ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?

Что мне делать с твоею любовью,
Как мне быть со своей любовью?
Что мне делать с волей чужою,
Разлучившей меня с тобою?

260. ЗЛЫЕ ЯЗЫКИ

Обычно заволакивают тучи
Не все хребты, а те, что высоки,
И девушек не всех, а самых лучших
Чернят обычно злые языки,
Чернят привычно злые языки.

261. СОРНЯК

Весною пшеницу душит сорняк,
Душит он и ячмень.
Любовь нашу душит и друг, и враг,
И все, кому не лень.

262

Если плачет даже чагана,
Деревянная, неживая,
Как же я тогда рыдать должна,
Боль моей любви переживая.

263. БЫЛО МНОГО ЦВЕТОВ

Было много цветов,
С них пыльцу обмели,
Было много цветов,
Мед еще не готов,
А цветы отцвели.

Плод нашел я в саду,
Был он спел и упруг.

Плод нашел я в саду,
Но его на беду
Кто-то вырвал из рук.

Между нами поток,
Ты на том берегу.
Между нами поток,
Мир проклятый жесток,
Что я сделать могу?

Мало пользы от слов,
Но бессильным я стал,
Мало пользы от слов,
Я на дело готов,
Да заржавел кинжал.

264. ПОТОК ПОД МОСТОМ

«Эй, поток под мостом, объясни,
Объясни мне, куда ты спешишь?
Эй, поток под мостом, почему
На меня ты печально глядишь?»

— «Я спешу потому, что еще
Сотни верст у меня на пути.
Я спешу потому, что хочу
Побыстрее до моря дойти.

А печально гляжу я на всех,
Кто стоит над моею водой,
А печально гляжу я на всех,
Кто стоит, омраченный бедой.

Многих девушек видел и жен,
Со слезами стоящих у скал.
Но печальней тебя никогда,
Никого я еще не видал».

265. ЛЮБОВЬ

Близок сладкий родник;
Если б только я мог,
Я б губами приник,
Я бы отпил глоток,
Я бы отпил глоток.

Словно горный орел,
Я б расправил крыла,
Да на крыльях моих
Больно цепь тяжела,
Больно цепь тяжела.

Я бы взмыл к небесам,
Пролетел над рекой
И к твоим волосам
Прикоснулся щекой,
Прикоснулся щекой.

Видишь, сердце мое —
Это сказочный сад.
Для тебя для одной
Там растет виноград,
Там растет виноград.

Я на солнечный луч
Положу, чтоб само
Полетело к тебе
Заказное письмо,
Заказное письмо.

Прямо в душу к тебе
Протяну провода,
Чтобы слово мое
Долетало туда,
Долетало туда.

Ты не бойся греха:
Я тебя искушал,
Я в раю, а не ты
Плод запретный сорвал,
Плод запретный сорвал.

266. МОЙ СОВЕТ

Девушки, я вам подам совет
В сыновей соседских не влюбляться.
Девушки, я вам подам совет
В сыновей соседских не влюбляться.
Месишь тесто, варишь ли обед —
Подбежишь к воротам раз пятнадцать.

Не влюбляйтесь, девушки, в того,
Кто живет в другом конце селенья,
Не влюбляйтесь, девушки, в того,
Кто живет в другом конце селенья,
День не видеть друга своего —
Непереносимое мученье.

267. КРАСАВИЦА

«Вот яблоки, красавица,
У продавца в корзинке.
Вот яблоки, красавица,
У продавца в корзинке.
Возьмем какое нравится,
Вон то мне очень нравится,
Съедим по половинке».

— «Мне яблоки не нравятся.
Их на базаре много.
А щеки у красавицы,
Да, у меня, красавицы,
Румянее, ей-богу».

— «Вот виноград, красавица,
У продавца в корзинке.
Вот виноград, красавица,
У продавца в корзинке.
Он повсеместно славится,
Он и тебе понравится —
На ягодах слезинки».

— «Мне виноград не нравится:
Здесь винограду много.
А губы у красавицы,
Да, у меня, красавицы,
Сочней его, ей-богу».

268. МАМЕНЬКИН СЫНОК

Знаю, маменькин сынок,
Чем ты озабочен...
Ты бы сразу мне сказал,
Что боишься очень.

Шапкою была твоя
Голова покрыта.
Мне казалось, вижу я
Пред собой джигита.

Но папахою мужской
Может не гордиться
Тот, кому она нужна,
Чтоб не простудиться.

На плечах твоих была
Серая овчина,
Я глядела на тебя,
Думала — мужчина.

Убирайся, бог с тобой,
Друг мой нареченный,
Вялый веник травяной,
В шубу облаченный.

269. МЕТА НА СЕРДЦЕ

Ставит мету на сердце любовь,
Что пришла в молодые года,
Ставит мету на сердце любовь,
Что пришла в молодые года.

Хоть песком оттирай,
Хоть слезами смывай —
Этой меты не смыть никогда.

Словно цепи на сердце — любовь,
Что пришла в молодые года,
Словно цепи на сердце — любовь,
Что пришла в молодые года.
Ты хоть жги, ты хоть рви —
Цепи этой любви
Не порвать ни за что, никогда.

270

Была гора от снега бела
И поле белее мела.
Стужа была,
Вьюга мела,
Сердце мое горело.

Весною было в садах бело,
Потом наступило лето.
Солнце пекло,
Травы пожгло —
Я до сих пор не согрета.

271

Разве сердце мое — гора?
Что же в тучах оно всё лето?
Разве сердце мое — гора?
Что же нету над ним просвета?

Разве очи мои — облака?
Что же капли на них сверкают?
Разве очи мои — облака?
Что ж сухими они не бывают?

272. РЫБАЧЬЯ БАРКА

С морем борется барка рыбачья,
Стонет борт под напором воды.
Пожалей меня, парень горячий,
Погоди, далеко ль до беды,
Погоди, далеко ль до беды.

Переломлена мачта, как щепка.
Тонет барка, уходит на дно.
Сердце девушки бедной некрепко.
Пожалей, разорвется оно.
Пожалей, разорвется оно.

273

Что с виду цвету я, на то не гляди, —
Незримо душа увядает в груди.

Ведь мать обрекла с нелюбимым меня
Ложиться на ложе, где нету огня.

Что телом бела и цела, не смотри, —
Дотла отпылав, почернею внутри.

274

Моя душа в твоем осталась теле,
Хоть мы с тобой поссорились давно.
И не свожу очей с тебя доселе,
Хоть одолеть пространство мудрено.

275

Наша любовь сладка,
Как мед молодой пчелы.
Кто сделает горькой ее,
Пусть горечь познает вдвойне.

Разбили морские валы
Корабль деревянный легко,
Только бы ты не разбил
Холодом сердце мне.

276. У РОДНИКА

Пусть кувшины полны, но у всех на виду
За водою выходит она.
Пусть напоен скакун, но ведет в поводу
Парень снова поить скакуна.

Говорит ей салам и заводит с ней речь:
«Ты в браслетах пришла золотых.
Где мне золото взять, чтоб оружье насечь,
Быть желаю не хуже других».

— «Всё оружье твое от клинка до ружья,
Не торгуясь о красной цене,
Изукрасить велю чистым золотом я,
Если женишься, парень, на мне».

— «Так кувшин твой серебряный блещет светло,
Что на нем отразились хребты.
Где мне взять серебро, чтоб покрыть им седло,
О голубка, не скажешь ли ты?»

— «Сколько надо, добыть я смогу серебра,
Не торгуясь о красной цене,
Чтоб сковали седло из него мастера,
Если женишься, парень, на мне».

— «У родных попрошу я согласье сперва,
Чтоб сказать тебе «нет» или «да».
— «Тот, кто просит родных дать на свадьбу права,
Пусть забудет меня навсегда.

Разве соколу надо согласье родни,
Чтоб голубку когтить на скале?
Если сердцем ты соколу, парень, сродни,
То меня увези на седле».

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

277. ЛАЛЛУР-БАЙ

Я взяла бы тебя на ручки,
Лаллур-бай, лаллур-бай.
Да на ручках моих колючки,
Лаллур-бай, лаллур-бай.

На плечах бы тебя покатала,
Лаллур-бай, лаллур-бай.
Да они из свечного сала,
Лаллур-бай, лаллур-бай.

Мать ушла на мельницу рано,
Лаллур-бай, лаллур-бай.
Твой отец не вернулся с кутана,
Лаллур-бай, лаллур-бай.

Принесет тебе мама лепешку,
Лаллур-бай, лаллур-бай.
А папа баранью ножку,
Лаллур-бай, лаллур-бай.

Приходи-ка, мама, скорее,
Фартук наполни картошкой,
Приходи-ка, мама, скорее,
Карманы наполни горошком.

Приходи, отец, поскорее
С большим курдюком овечьим.
Полбарана взвалив на плечи,
Приходи, отец, поскорее.

278

Ходит мышка полевая,
Пыль слезами поливая,
И вздыхает тяжко-тяжко.
«Что с тобою, мышь-бедняжка?»

— «Отец Ажай меня бил!»
— «За что же он тебя бил?»
— «Бил он за дело —
Пшеницу ела».

— «Ешь, иди, вволю
На ханском поле».

— «Боюсь росы я,
Ножки босые».

— «Как, босы ножки?!
А где ж сапожки?»

— «Мальчик забрал».
— «Где ж этот мальчик?»
— «Бык забодал».

— «Где ж бык рогатый?»
— «Волку достался».

— «Где ж волк мохнатый?»
— «В капкан попался».

— «Где ж волчья шкура?»
— «Взял дед сердитый».
— «Где ж дед сердитый?»
— «Домой ушел!»

279

На льду лисица танцевала, говорят,
Лисица ножик потеряла, говорят,
Шел мимо хитрый старый мельник, говорят,
Шутник известный и бездельник, говорят.

И ножиком он, говорят,
Козла зарезал, говорят,
И мясо отдал, говорят,
Своим соседкам, говорят,
Соседки дали, говорят,
Собакам кости, говорят,
Собаки дали, говорят,
Остатки скалам, говорят,
А скалы дали, говорят,
Свой щебень рекам, говорят,
А реки дали, говорят,
На пашни воду, говорят,
А пашни дали, говорят,
Ячмень козлятам, говорят,
Козлята дали, говорят,
Старухе сало, говорят,
Старуха сало, говорят,
Студила в яме, говорят,
Слепой увидел, говорят,
Схватил безрукий, говорят,
Жевал беззубый, говорят,
Удрал безногий, говорят,
А вдогонку им брошенный старый
башмак —
В бездонное озеро —
Чамп!
Чюмп!
Чмак!

280

Одна сорока, говорят,
В аул далекий, говорят,
На пир богатый, говорят,
Пошла когда-то, говорят.
Там брагу пили, говорят,
Там в бубны били, говорят,
Котлы кипели, говорят,
Коровы пели, говорят,
И тамадой там, говорят,
Был конь гнедой сам, говорят.

А мышь с лягушкой, говорят,
На побегушках, говорят,
Гостям служили, говорят,
И дружно жили, говорят,
Так говорят!

281. ТЫ КУДА?

«Эй, прохожий, ты куда?»
— «Через горы, в Дарада!»
— «Что там делать? Путь далек!»
— «Надо мне купить досок!»
— «Для чего они, прохожий?»
— «Я хочу построить дом!»
— «Дом построить для чего же?»
— «Чтобы дети жили в нем!»
— «А зачем, прохожий, дети?»
— «Чтоб вставали на рассвете,
Чтоб толкли толокно,
Сторожили зерно».

ЛЕЗГИНСКИЕ ПЕСНИ

282. КАМЕННЫЙ МАЛЬЧИК

Потемнели небеса в тревоге,
Клубы дыма катятся, как вьюки, —
То Тимур пирует хромоногий,
Вьючит наше горе, наши муки.

С родниками, что текут издревле,
Кровь смешалась, но исчезла жалость:
Горе матерей — воды дешевле,
Честь невест с речным песком сравнялась.

Разве можно горцам Дагестана
Примириться с горькою годиной?
Разве можно горцам Дагестана
Не вступить в борьбу семьей единой?

У судьбы, как у арбы, — колеса,
Непрестанно времени круженье,
Высоко Тимур-хромец вознесся,
Началось теперь его паденье.

Хоть в аулах горских пусто ныне,
Хоть войска Тимура на вершине, —
Нет лесов, чтоб недругам укрыться,
Нет ключей, чтоб недругам напиться.

Терпкий дым окутал бездорожье,
Зной палящий давит нестерпимо,
Капля влаги — золота дороже,
Жизнь захватчиков — дешевле дыма.

Разметались вдоль долины горной
Недругов шатры, горя, как маки,
Разыщите горные потоки,
С воспаленной кожею вояки.

«Эй, гонцы, — сказал Тимур жестокий, —
Разыщите горные потоки,
Эй, верблюдов к родникам отправьте,
Войску воду в бурдюках доставьте!»

Если б в мире не было печали,
Слезы на глазах бы не блистали,
Если б не было воды бесценной,
Не было бы жизни во вселенной...

Жизни нет для воинов Тимура,
Стон в шатрах, сидит властитель хмуро, —
Нет воды! Верблюды — пред шатрами:
С мертвыми вернулись бурдюками!

На колени перед грозным шахом
Пал вазир, сказал, объятый страхом:
«Смилуйся, о шах неумолимый,
Никого в ущельях не нашли мы!

Только под утесом-великаном
Встретились мы с глупым мальчуганом.
Мальчик пас последнего ягненка,
И спросили мы у пастушонка:

«Где тут к роднику лежит дорога?»
Он молчал, — скрестились наши взоры, —
Только голову он поднял строго,
Словно эти вековые горы».

— «Эй, вазир, — сказал Тимур, вскипая, —
Ты забыл, что голова дурная
Умного меча всегда боится.
Не открыл ты, где родник таится,
Почему же мальчика дурного
Не заставил ты сказать нам слово?»

— «О владыка, смилуйся над нами,
Ты об этом мальчике послушай!
Мы беседовали с ним кнутами
И его же палкою пастушьей,
Но вели мы разговор впустую:
Он упал, но голову дурную
Высоко по-прежнему держал он,
О воде ни слова не сказал он!»

— «Эх, вазир, — сказал Тимур, вставая, —
Ты забыл, что голова дурная
Умного меча всегда боится.
Ты б огнем спалил мальчишке ноги,
Чтобы сразу вспомнил ум убогий,
Где вода желанная струится!»

— «Смилуйся, владыка с мощным станом!
Разговор вели мы с мальчуганом
Пламенем, железом раскаленным —
Не ответил ни слезой, ни стоном.
Может быть, тебе он слово скажет,
Золото ему язык развяжет?»

Пред шатром Тимура-падишаха
Мальчуган стоял, не зная страха.
Он воскликнул, не потупя взгляда:
«Падишах, мне золота не надо!
Если недруг золото предложит,
Сын родную мать продать не может,
Родину продать народ не может!»

Дерзко очи мальчика блистали, —
Приказал их выколоть властитель,
Дерзко речи мальчика звучали, —
Языка лишил его властитель.
Не вода забила ключевая, —
Это кровь горячая вскипела,
И, казалось, гордо умирая,
Землю Дагестана обагряя,
Говорит родник светло и смело:
«Пусть низвергнутся туман и тучи,
Чтоб враги не вышли из ущелий,

Пусть утесы наши станут круче,
Чтоб враги пробраться не сумели!
Пусть в теснине стану я скалою, —
Пред врагом обратный путь закрою!»

Если есть в душе твоей желанье
Горячей, чем пламени пыланье,
То всегда исполнится желанье —
И быстрей, чем пламени пыланье:
Пастушонок стал скалой в теснине, —
Та скала стоит у нас поныне!

Не дано врагам убить вовеки,
Погасить живого сердца пламень,
Не дано врагам свалить вовеки
Мальчика, что превратился в камень.
Если связан ты с родной землею,
Ты, в бою погибнув, стань скалою!

283. ГОРЕ НАМ

Каркнул ворон на погосте,
Наклевавшись допьяна.
Горе нам!
Собрались у хана гости —
Поминают чабана.
Горе нам!

Сходят близкие в могилы,
Что же делать бедняку?
Горе нам!
Неужель не хватит силы
Хану проломить башку?
Горе нам!

Нам, голодным, кто поможет?
Нет ни поля, ни сохи.
Горе нам!
Тяжко нас караешь, боже,
За нетяжкие грехи.
Горе нам!

В гору конь идет устало,
Может быть, и не дойдет.
Горе нам!
Будь ты проклят, род Мурсала,
Обобравшего народ.
Горе нам!

Судьи суд вершат над нами,
От закона не уйти.
Горе нам!
Деньги есть — плати деньгами,
Нету — головой плати.
Горе нам!

284. О ПЕРИЗАДА! О ГАДЖИБАЛА!

Лишь рассветный луч на горах блеснул,
О Перизада! О Гаджибала!
Грозный хан вставал, он костер сложил.
О Перизада! О Гаджибала!

Проклят будь навек тот жестокий хан!
О Перизада! О Гаджибала!
Молодую жизнь вашу он сгубил,
О Перизада! О Гаджибала!

Птицы в высоте, с криками кружа,
О Перизада! О Гаджибала!
Горькие несли вести на заре,
О Перизада! О Гаджибала!

Изверг и злодей — бессердечный хан,
О Перизада! О Гаджибала!
Сжег обоих вас на своем костре,
О Перизада! О Гаджибала!

Что же, как скакун, не умчался ты —
О Перизада! О Гаджибала!
О несчастный наш юноша-джигит!
О Перизада! О Гаджибала!

Заживо в огне сжег тебя злодей.
О Перизада! О Гаджибала!
Пусть аллах его громом поразит!
О Перизада! О Гаджибала!

Хан велел костер жечь на площади,
О Перизада! О Гаджибала!
И горит костер, в небо пламя бьет...
О Перизада! О Гаджибала!

Жалобно кричат птицы в высоте,
О Перизада! О Гаджибала!
А по вас народ плачет, слезы льет,
О Перизада! О Гаджибала!

Так сгорел джигит с милою своей.
О Перизада! О Гаджибала!
Чтоб такой беды никому не знать!
О Перизада! О Гаджибала!

Ночью, днем, всегда, долгие года,
О Перизада! О Гаджибала!
Люди вас добром будут поминать.
О Перизада! О Гаджибала!

285. АШУГ ЛУКМАН ХУДАТСКИЙ

У дербентского хана была дочь-красавица, Бике-ханум. Была она хитроумной загадчицей — ашугшей. Она приглашала на состязания с собой молодых ашугов из чужих ханств, обещая выйти замуж за того, кто ее победит, разгадав три ее загадки. Если ашуг не оказывался победителем, он становился ее узником.

Уже двадцать ашугов кубинского хана Амраха не вернулись с состязаний. Разгневался кубинский хан Амрах — и объявил клич: «Найти такого ашуга, который поедет на соревнование с Бике-ханум, победит ее в словесном поединке, привезет в знак победы ее саз и освободит всех моих ашугов из ее темницы! Ханским словом своим заверяю, что в награду победителю выдам чистого золота столько, сколько сам он весит!»

Молнией облетела эта весть все кубинское ханство и все соседние. Наконец нашелся в городе Худате искуснейший и не по годам мудрый молодой лезгин-ашуг — Лукман, который отправился в Кубу к хану Амраху объявить о своем согласии. Недалеко от Кубы встречается ему один старик, пригласивший его остановиться на отдых в его доме. Лукман ответил ему песней.

ПЕСНЯ ЛУКМАНА

Если вспыхнет страсть любви в душе ашуга,
Он семью оставит, он покинет друга.
Что там зной степной, на горных кручах вьюга, —
Цели он достигнет, погодите, люди!

Если ночь темна, уснуло всё живое
И над головою небо грозовое,
Пренебречь могу ли, и ради чего, я
Ханским предложеньем, посудите, люди.

Если со своим ашугским звонким сазом
Льстить ни языком не стану и ни глазом,
А раскрою сердце песенным рассказом, —
В этом нет плохого, — как хотите, люди!

Песня ашуга прозвучала на все селение, пошла из дома в дом — и Лукману предложили остаться тут на целый месяц, и за хорошее вознаграждение веселить своими песнями народ на свадьбах. Но Лукман отказался.

ПЕСНЯ ЛУКМАНА

Много вас, а я — один ашуг меж вами.
Пополам смешались тут вода и пламя.
Занят я другими важными делами, —
Отпустить прошу —
Я в дальний путь спешу.

Счастливы, друзья, до самой смерти будьте,
Бедного ашуга вы не обессудьте, —
Должен быть всему порядок, не забудьте:
Свой всему черед,
Как говорит народ.

Будут свадьбы, будут сладкой снеди груды.
Сердце наше слабо — гибнет от остуды.
Худо будет вам, коль я обижен буду.
Свадьба свадьбе вслед —
И до скончанья лет!

Народ согласился с ашугом. Но тут один юноша задал Лукману вопрос:

— Ашуг, я хочу жениться. Скажи, какую должен я выбрать девушку?

ПЕСНЯ ЛУКМАНА

Если сероглаза, как струна стройна,
И на лбу высоком родинка видна,
И с чувалом полным, как джигит, сильна,
На гору взойдет, —
Вот та и подойдет!

Если налегке и в праздничном платке,
С мушкой на щеке, с браслетом на руке,
Прибежит на зов, тоскуя по дружке, —
Знай: она! Бери —
И долго не мудри!

Никогда не верь тому, что говорят, —
Цели жизни так добьешься ты навряд.
Коль в ее руках дела горят, будь рад:
Знай, как раз она
Тебе и суждена!

От Лукмана вот тебе, джигит, наказ:
Струн не обрывай: твое богатство — саз!
Улыбнется ли, заплачет ли как раз
В тот же миг, что ты, —
Сбылись твои мечты!

Отправился Лукман дальше в путь. Позади лезгинские аулы, впереди — ханские дворцы. Достиг ашуг ханского дома, вошел. Встречает его ханский сын Селимбек, мечтавший жениться на Бике-ханум, — расспросил ашуга, кто он, что он, с чем пришел, — и устроил в честь гостя той.

ПЕСНЯ ЛУКМАНА

Поведу рукой — и море пересохнет,
Пересохнут реки — рыба передохнет.
Если песнь моя когда-нибудь заглохнет, —
Травам не расти,
Посевам не взойти!

Кто живет на свете, воздух покупая?
Уважают ли лжеца и шалопая?

Что за радость людям на пиру у бая,
Если б не был зван
На пир ашуг Лукман?

Еду я в Дербент, — я разъезжать любитель.
Счастлив будет хан, Бике-ханум родитель,
Если я, Лукман, ашугов победитель,
В песенном бою
И дочь его побью.

Сладкие слова, сладкие напевы дают людям радость, покой. Как накрыта была скатерть, так и осталась нетронутой: песня ашуга оказалась слаще всех лакомств! Люди говорили, веселились, смеялись. И ашуг снова запел.

ПЕСНЯ ЛУКМАНА

Наш язык из мяса, не из белой кости.
Дармоедами жить наконец вы бросьте.
Песнь моя сильнее жадности и злости.
Хан ты или бек,
Вставай, проспишь свой век!

Скажут степи вам и горы Дагестана,
Вам ручьи покажут, где найти Лукмана.
Мук моих хватило б морю-океану.
Камни, шевелитесь,
Горы, пошатнитесь!

Лукман на этом пиру показал всем свое высокое искусство, и, хотя и был низковат ростом, он всем понравился, и все решили, что он и должен ехать в Дербент на состязание с Бике-ханум. Согласился с этим и сам кубинский хан Амрах.

Ашуг высоко поднял голову — и запел.

ПЕСНЯ ЛУКМАНА

Без причины горя нет, не забывай.
За вину овцы козу не убивай.
По делам врагам коварным воздавай, —
Слепота на них
И немота на них!

Хан, не надо падать духом, я прошу.
Отроду я лживым словом не грешу.
Вот — я спесь дербентской птицы сокрушу —
От тебя беду
Позора отведу!

Из селения в селение, меняя дороги, идет человек — лезгин, ашуг Лукман. Временами ему становится страшновато: что его ждет?.. Доходит он так до берега моря, до города Мушкюр. Повстречались ашугу уже под самым Мушкюром местные рыбаки. Попросили они его спеть.

ПЕСНЯ ЛУКМАНА

Высишься, Дербент, над морем горделиво,
Голубем воркуешь весело-счастливо.
Ой, большой Дербент, скажи ты мне правдиво:
Друг ты добрый мой
Иль недруг ты мой злой?

С тыла защищен высокой горной цепью,
Моря под тобой блестит великолепье,
Впереди простор цветущего предстепья,
Тут река видна,
Тут крепости стена.

Дорогой Дербент! Я сильно озабочен, —
Помоги ты мне, прошу я очень, очень!
Слава ли мне здесь, позор ли напророчен?
Дай ты мне ответ —
Исполню ль свой обет?

Крепко пожав руки новым друзьям, ашуг направился в город. На одной из улиц стояло сборище людей. Кто-то спросил ашуга, кто он и откуда пришел. Послушайте, что он им ответил.

ПЕСНЯ ЛУКМАНА

Слышать приходилось имя вам — Лукмана?
Песнь моя сейчас была бы вам желанна?
Где есть хан-тиран подлее Амрах-хана?

Я затеял спор —
И мучусь я с тех пор!

Будет ли ашуг, побитый в состязанье,
Заточен у вас в темницу в наказанье?
Вот она, моя беда, мое терзанье!
Эта мысль огнем
Ночью жжет и днем.

Я сюда приехал песнями сразиться
С палачом ашугов — царственной певицей.
Если б ей потом с досады удавиться —
Буду горд и рад
И возвращусь в Худат!

Узнав, что перед ними ашуг, люди наперебой стали его уговаривать не ходить к дербентскому хану и к его дочери. Они говорят: «Не ходи!», ашуг — свое: «Нет, пойду!»

ПЕСНЯ ЛУКМАНА

Поговорка есть — и нет ее мудрее:
«Боязливый глаз калечится быстрее».
В знойный день, от жажды мучаясь, дурея,
Плохо ль взять тогда
В рот кусочек льда?

Знайте, не боюсь я ни темниц глубоких,
Ни сетей любовных пери чернооких,
И ни львов, ни тигров — хищников жестоких.
В гости меня кто
Пригласит за то?

Спел Лукман — и пошел прямо к ханскому дворцу. Вошел он — и видит за перегородкой голову Бике-ханум. А три ашуга, держа в руках сазы, готовятся петь с ней на соревнование. Тут ханум Бике начинает задавать свои коварные три загадки. Если какой ашуг отгадает все три, тогда она пожалует ему шаль со своих плеч. А не отгадает — в темницу!

БИКЕ-ХАНУМ

На мои вопросы кто мне даст ответ:
Без конца веревка может быть или нет?
Может ли так быть, чтоб весь земной наш свет
Чьим-то ясным глазом
Был увиден разом?

Один ашуг побледнел — и тут же, в знак поражения, положил свой саз на пол, повернув голову в сторону темницы.

ВТОРОЙ АШУГ

По земле дорога вьется бесконечно —
У нее с веревкой сходство есть, конечно.
Солнечное око с неба смотрит вечно —
И весь мир привычно
Видит безгранично.

БИКЕ-ХАНУМ

День и ночь долиной вниз она струится,
К морю через все препятствия стремится,
А при солнце — в небе любит распылиться.
Жду, ашуг, ответа
На загадку эту.

Не нашел бедный ашуг ответа на эту загадку — и лопнула струна на его сазе. Тогда третий ашуг, подняв саз на грудь, приготовился отвечать.

ТРЕТИЙ АШУГ

Вниз течет вода долиной, как известно,
И в моря потом впадает повсеместно.
Испарясь, взлетает на небо чудесно.
Выполняй условье —
Награди любовью.

БИКЕ-ХАНУМ

Верный дал ответ ты моему вопросу,
Мне в лицо глядишь ты прямо, а не косо.
Быстрые, как пули, жалящие осы —
Что это? Разгадку
Дай-ка на загадку!

ТРЕТИЙ АШУГ

Вновь, ханум Бике, ты загадала дельно.
Для ответа мне не нужен срок недельный.
Быстрые, как пули, как они, смертельны, —
Осы роковые —
Стрелы боевые!

Сердце ашуга, разгадавшего уже две загадки, колотилось от волнения: какова-то будет третья? «Молодец! Молодец!» — восклицали слушатели, подбадривая его. А Бике уже задает третью свою загадку.

БИКЕ-ХАНУМ

Разбудить ее бывает нелегко нам,
Ходит в нашем теле, в сердце омраченном,
Не подчинена она ничьим законам.
Дать ответ сумеешь —
Мною овладеешь.

Сколько ни ломал себе голову бедняга ашуг, как ни крутил себе мозги, — ответить так и не смог, и Бике-ханум велела отвести всех трех ашугов-неудачников в темницу. Все присутствовавшие, жалея несчастных, погрузились в глубокую печаль.

Тут вышел вперед Лукман — и запел, обращаясь к Бике.

ПЕСНЯ ЛУКМАНА

Хитроумные ты всем вопросы ставишь.
Так, Бике, ты всех ашугов обезглавишь.
Может быть, и мне еще вопрос прибавишь?
Озадачь хоть сотней,
Только подобротней!

Но коль все загадки правильно решу я,
То награду я потребую большую:
Отпустить ашугов пленных попрошу я,
Сразу без остатка —
Ровно два десятка.

Ханская дочка, Бике-ханум, условие это приняла, и Лукман Худатский сразу же ответил на загадку, не разгаданную последним из трех ашугов.

ОТВЕТ ЛУКМАНА

Старость в наше тело входит самовольно,
Душу бередит и мучит сердце больно,
Все законы жизни обходя окольно.
Вот тебе ответ,
Ханум-Бике, мой свет!

Все слушатели восхитились догадливостью Лукмана, а Бике стала задавать ашугу новые три загадки.

БИКЕ-ХАНУМ

Много дней уже минуло и ночей,
Думу думаю — и не сомкну очей.
Ты не знаешь ли, ашуг, таких вещей,
С коих мед сочится
Заодно с горчицей?

ОТВЕТ ЛУКМАНА

Долго размышлять я, право, не привык.
Слушайте, друзья, я в суть загадки вник:
Сладкий мед струит порою наш язык,
А порой горчицей
Может он сочиться.

БИКЕ-ХАНУМ

Саз серебряный прижав к своей груди,
Нас, ашуг, ты умным словом награди:

Ты такую штуку умудрись — найди,
Чтоб мелка была
И глубока была.

ОТВЕТ ЛУКМАНА

В жизни не гонюсь за денежным уловом.
Подпишусь под каждым сказанным мной словом.
Богом ум глубокий дан мудроголовым,
А иным людишкам
Мелкое умишко.

БИКЕ-ХАНУМ

Ты печалью-горем сердце зря не мучай.
Начал делать дело — завершай получше.
Угадай, что это: естеством текуче,
В теплом и в прохладном
Много в нем услад нам?

ОТВЕТ ЛУКМАНА

Вечной жизни нет и не бывало сроду.
Размышлять, скорбеть — толочь без смысла воду!
Кислой нас и сладкой радует природа
Влагой виноградной —
Теплой и прохладной!

Теперь Лукман поменялся с Бике местами, и задал ей единственный вопрос.

ЛУКМАН

Хитроумная, Бике-ханум, ты баба!
А со мною схватку выдержать могла бы?
Что бывает сильно и бывает слабо?
Думай, думай, ну-ка,
Что это за штука?

Не нашла ответа ханум Бике — сбила себе цену. Не нашла она ответа, поняла, что побеждена, — и опустила к ногам Лукмана свой чунгур, в знак своего поражения. Потом встала — выпрямилась, пристально вгляде-

лась в лицо ашуга, — пришелся ей джигит по нраву. А Лукман, подавшись вперед, запел, сам отвечая на свой вопрос.

ЛУКМАН

Слушайте, прошел и горы я и долы.
Нелегко мне дался дальний путь тяжелый,
Но в Дербент пришел здоровый и веселый.
Сердце слабо, хило,
А полюбит — сила!

Тут с улыбкой на лице вышел хан, отец Бике, и обратился к народу с таким словом:

— Поклялась когда-то своенравная дочь моя, мол, замуж выйдет только за ашуга, который победит ее на состязании. Десять лет сама мучилась — и меня измучила. И вот, видите, я, отец ее, десять лет ждал — и дождался!..

Сыграли свадьбу Бике и Лукмана — всем свадьбам свадьбу, выпустили на волю двадцать пленных кубинских ашугов. Отправились они во владения кубинского хана, поведали ему о счастливой судьбе Лукмана Худатского.

Вскочил с места хан Амрах — в ярость пришел, стал бить себя кулаками по голове, по коленям, губы в кровь искусал: выпорхнула из рук золотая пташка, Бике-ханум! Ведь он ее для сына своего прочил, а женился на ней безродный бедняк лезгин, ашуг из Худата!

Опять собрались у хана везиры-векилы и договорились так:

«Отправимся туда, подкараулим, когда Лукман с Бике станут переправляться через Самур-реку, схватим и похитим Бике, а Лукмана утопим!»

И вот однажды, когда ашуг Лукман с молодой женой отдыхали в шатре на берегу Самура, откуда ни возьмись — четыре везира хана Амраха, не смыкая глаз следившие из укрытия за молодоженами, внезапно напали на них, связали — и стали избивать Лукмана.

Думая, что это грабители, Лукман стал кричать:

— Я не купец, я — ашуг Лукман из Худата!

— А вот ты-то как раз нам и нужен! — отвечают кубинцы, продолжая безжалостно его избивать.

— Отпустите нас! — кричит и бедняжка Бике-ханум, — я дочь хана, ханум Бике!

— Как раз и ты, ханум Бике, нужна нам, — не шуми, не поможет! — говорят кубинские везиры.

Тут же избитого Лукмана бросают они в мутные воды Самура, а несчастную Бике везут к хану Амраху в Кубу.

Сидит бедняжка Бике у хана, плачет, рыдает, наотрез отказывается стать женой ханского сына Селимбека. Проходят дни — Лукмана нет, — говорят ей, что тело Лукмана река в море унесла. Но ханум Бике, гордо подняв голову, так сказала кубинскому хану.

БИКЕ-ХАНУМ

Чтоб ты высох весь, кровавый ты бурдюк,
Чтоб тебе без ног остаться и без рук!
Пел на радость людям соловей-ашуг, —
Как ты смел, зверюга,
Убивать ашуга?!

Где такой закон, чтоб брать насильно жен,
Чтобы был охотник сокола лишен?
Мне не будет мужем сын твой, сдохни он!
Не отец ты, вижу, —
Сводник ты бесстыжий!

Сыну твоему не буду я женой, —
Радости людской не угрожай войной.
Прочее пока обходим стороной, —
К подлости готовясь,
Осквернил ты совесть!

Видя, что волю упрямицы не сломить уговорами, взбесился кубинский хан от злобы, ушел — хлопнул дверью, — крикнул везирам:

— Держите ее взаперти в глухой комнате!

Заперли ее. Сидит Бике — тоскует, иной раз посмотрит сквозь маленькое окошко на Самур-реку, думает:

«Когда же наконец оставит меня в покое этот изверг? Умру, а не сдамся!»

А везиры нашептывают хану:

— Напрасно огорчаешься, хан. Как только она разделит ложе с твоим сыном, так и успокоится. А свадьбу можно сыграть и без ее согласия.

И приказал хан завтра же начать подготовку к свадьбе:

— Пусть семь дней бьют барабаны, играют зурны, поют ашуги, пусть радуется сердце моего наследника Селимбека!

А между тем Лукман-ашуг, брошенный в воду и упавший на кучу камней, остался жив, кое-как пришел в себя — и выбрался на берег. Голова, ноги, руки оказались целыми, только все тело болело от побоев и от удара о камни, да из носа текла кровь. Попробовал ашуг поворочать языком и подать голос — оказалось, к его радости, что он еще может петь.

Бредет Лукман незнакомой тропой — входит в какое-то селение. Видит он, возле одной хижины народ собрался — кричат, шумят. Подошел к ним Лукман — спрашивает, что случилось.

— Да вот видишь, — говорят ему, — этот джигит отказывается справлять свою свадьбу без песен. А денег ашуга нанять у него нет.

— Хорошо, — говорит Лукман, — в этой беде я могу помочь: сам я ашуг. Принесите мне саз — я сыграю и спою вам бесплатно.

Обрадовался и жених и весь народ, — принесли саз.

ЛУКМАН

В этом мире ложь царит и тунеядство.
Не нужны мне деньги, не ищу богатства:
Песни эти вам дарю во имя братства
С теми, кто их ценит,
Чести не изменит.

Сердце мое боль печали одолела.
Нет людскому горю меры и предела.
Коль душою друга злоба овладела, —
Слезы льем и стонем —
Счастье мы хороним!

У Лукмана добрых слов для песен много.
Мой народ лезгинский дорог мне, ей-богу!
Мне ль до дна не выпить свадебного рога,
Чтоб вы в дружбе жили,
Честью дорожили?!

Свадьба кончилась, Лукман отдохнул, боль в теле утихла — и ашуг двинулся по пути на Кубу. Приблизившись к Кубе, присел он на пригорке отдохнуть. Видит — вдалеке, пыль поднимая, несутся всадники прямо к нему. Подумал Лукман:

«Наверно, дали знать обо мне кубинскому хану, и он выслал войско, чтобы со мной расправиться и не уплатить обещанного».

А трое джигитов, возглавлявших отряд конников, подъехали к ашугу и сообщили:

— Знай, это войско из Лезгистана, это войско мести за тебя!

ЛУКМАН

Честь блюдя и совесть, снарядились в путь
Вы ради меня, но надо вас вернуть:
Не нужна война — в ней пользы нет ничуть.
Вам же за участье
Я желаю счастья!

Я, ашуг Лукман, ваш верный кровный брат, —
Голову за вас сложить я буду рад.
Только б Лезгистан расцвел, как райский сад,
А войны не надо, —
Во́йны — хуже ада!

В это время прискакали из Кубы три джигита на черных конях и обратились к лезгинским воинам:

— Кто вы такие? Откройте ваши замыслы! Зачем захватываете наши поля?!

Отвечают им лезгины:

— Лезгины мы. В своем и в чужом мы хорошо разбираемся. А вот скажите-ка: дочь дербентского хана, ханум Бике, жена ашуга Лукмана, пришлась вам по душе? Так знайте: не отпустит ваш хан Бике-ханум — большой ущерб потерпит Куба!

А кубинцы отвечают:
— Зря шумите. Сегодня свадьба Бике и Селимбека.
Тут вскочил Лукман с места и грозно закричал:
— Что?! Ах, вы, амрахские псы!

ЛУКМАН

Этот мир, где нет ни совести, ни чести,
Пусть дотла сгорит с правителями вместе!
Что молчите вы, подохнуть вам на месте!
Совесть, правосудье
Будут у вас, люди?!

Иль у вас не сердце — камень под рубахой?
Кровь людскую льете с именем аллаха!
Лучше бы прикончить хана вам, Амраха!
В этом самосуде
Бог судья вам, люди!

Не было и нет в моих словах обмана —
Словно клятва, свято слово у Лукмана.
Не должно пощады быть тирану хану:
Царствует он, люди,
На крови и блуде!

Приехавшие кубинцы уехали ни с чем, только уши и щеки пылали у них от стыда. А лезгинское войско двинулось вперед, чтобы проучить Кубу.

Кубинский хан между тем приостановил свадьбу и собрал свои войска. И пошли лезгины на кубинцев, кубинцы — на лезгин. И началась смертельная игра пулями. Тут подоспел ашуг Лукман — и с песней обратился к воюющим. А разве можно не слушать вдохновенно поющего ашуга?!

ПЕСНЯ ЛУКМАНА

Люди, если есть в вас сердце человечье,
Не чините людям смерти и увечья, —
Вот вас от чего хочу предостеречь я!
Дураки вояки,
Прок ли в смертной драке?

Заклинаю вас, кончайте эти войны!
Радует нас песня, а не клич разбойный.
Пусть влюбленные встречаются спокойно,
Да царит любовь
И да не льется кровь!

Послушались воины увещеваний Лукмана — оставили свои ряды, стали готовиться ко сну. Замерла земля, замерло небо, заснуло ханство кубинское. А Бике-ханум не спит. Исхитрилась она как-то выйти на волю никем не замеченная, идет куда глаза глядят. Слышит она знакомый голос мужской. Лукман поет! Голоса Лукмана неужели не узнала бы она! Нарвала она большой букет цветов, идет на голос, — встретились возлюбленные!

ЛУКМАН

Ты как нашла меня, любимая моя?
За след ступней твоих рад умереть бы я,
За ласку рук твоих, за голос соловья
Готов на плаху лечь —
Дать голову отсечь!

БИКЕ-ХАНУМ

Как долго я тебя ждала, мой муж-ашуг!
Тоски моей ты исцелил недуг.
Не разлучимся мы вовеки, милый друг!
Я так любви полна,
Что смерть мне не страшна!

286. ВЫСОКИЕ ГОРЫ

Родные горы высоки,
Шумят на склонах родники,
О красивые горы!
Там вырос виноградный сад,
В саду мой милый, говорят,
О счастливые горы!

Далекие горы,
Высокие горы,
Красивые горы,
Счастливые горы!

Вода потока холодна,
Когда в тени течет она.
О красивые горы!
Меня ж моя родная мать
Не хочет милому отдать,
О счастливые горы!

Далекие горы,
Высокие горы,
Красивые горы,
Счастливые горы!

Немало горя у людей,
Но чью печаль сравнить с моей,
О красивые горы!
Как черен этот белый свет,

Где есть любовь, а счастья нет,
О счастливые горы!

Далекие горы,
Высокие горы,
Красивые горы,
Счастливые горы!

287

Как хорош он, как хорош!
Посмотрите, как хорош
Тот зурнач золотоусый,
Где таких еще найдешь?

Как хорош он, как хорош!
Посмотрите, как хорош!
Как зурна его играет
И сердца бросает в дрожь.

Как хорош он, как хорош!
Посмотрите, как хорош!
А глаза — как у джейрана,
Но они для сердца — нож.

288. О ДРУГ!

Пусть я жертвой буду твоей,
О прозрачный, быстрый ручей!
Разве сердцу не тяжело,
Если милый чужих чужей
И тоски не видит моей.

Хоть и сладок чунгура звон,
Да в руках не у милого он.
Сколько слов я ни говорила, о друг,
Твое сердце не разбудила, о друг,
Или ты в другую влюблен?

Если лопнет струна под твоей рукой,
Пусть мой волос будет тебе струной;
Но коль ты покинешь меня, мой друг,
Если женишься на другой,
Если я расстанусь с тобой, о друг,
Породнюсь с могилой сырой.

289. ПОЧЕМУ, СКАЖИТЕ, ПОЧЕМУ?

Летом землю снегом замело,
Почему, скажите, почему?
Летним утром солнце не взошло,
Почему, скажите, почему?

Кончив песню про мою беду,
Соловей замолк в густом саду.
Я по саду грустная бреду,
Почему, скажите, почему?

Мать с отцом решили, что пора, —
Белый я платок сняла вчера,
Мир закрыла черная чадра,
Почему, скажите, почему?

Утром я спешила к роднику,
Шла навстречу милому дружку,
Не унял дружок мою тоску,
Почему, скажите, почему?

Разлучают нас, любимый мой,
Будет муж мой старый и седой,
Плохо мне живется, молодой,
Почему, скажите, почему?

290

Я пройти стараюсь стороной
Мимо тех, которыми любима,
А зато джигит, любимый мной,
Хоть сама зову, проходит мимо.

291. ДОЧЬ СТАРУШКИ

Дочка твоя, словно груша, созрела,
Платье на ней, что лицо твое, бело,
Белый платок твоя дочка надела.
Как твоя дочка одета, старушка!

Новые туфли на ней и галоши.
Согнут я страстью, как тяжкою ношей.
Много я девушек видел хороших —
В мире красивее нету, старушка.

Сердце горит, я сгораю, старушка,
Что мне поможет, не знаю, старушка,
Дочку отдай, дорогая старушка,
Я ожидаю ответа, старушка.

Трудно поладить со старой каргою.
Дочка старушки, пойдешь ли со мною?
Кто нас найдет за далекой горою!
Глупая, спи до рассвета, старушка.

292. КУМА ПАЙКАР

«Эй, кума Пайкар, салам алейкум!
Где живет моя милая, в доме каком?
Эй, кума Пайкар, салам алейкум,
Где живет моя милая, в доме каком?»
— «Алейкум салам, дорогой джигит,
За домом моим найдешь ее дом».

«Холоднее льда в роднике вода,
Если бросить в струи свежий листок.
Будет вода холоднее льда,
Если свежий листок упадет в ручеек.
Если будешь моей, о, тогда, Гюлюм,
Я скажу, что добром наградил меня бог.

На плече ты кувшин высокий несешь.
Ты идешь к роднику за водой,

На плече ты кувшин высокий несешь,
Ты идешь за водой крутою тропой!
Ты, подруга, со мной по соседству живешь,
И ровесники мы с тобой.

О белые голуби, летящие по небу,
Скажите, куда вы летите, куда?
О белые голуби, летящие по небу,
Куда вы летите, куда?

С кровли на кровлю прыгать надо,
Только прыгать нет моих сил. . .
С кровли на кровлю прыгать надо,
Только прыгать нет моих сил.
Я в лихорадке.
О, где ты, отрада, Гюлюм?
Сердца недуг меня подкосил.

Здравствуй, красавица! Как спешил я.
Крепкого чаю налей-ка нам!
Радостна ты, весела, слава богу!
Ставь самовар да налей-ка нам.
Если же мук и страданий много, —
Все мы разделим с тобой пополам».

293—300. *ДЕВИЧИЙ ХОРОВОД*

1

На склоне снег,
На склоне снег, дитя,
Холодный есть.
В ауле друг,
В ауле друг, дитя,
Желанный есть.
Влюбленных в нас,
Влюбленных в нас, дитя,
Хоть двести есть.
Желанный нам,
Желанный нам, дитя,
Один лишь есть.

2

Когда мы ткать начнем ковер,
Ах, роза,
соловей,
джан!
Открой окно, чтоб падал свет,
Ах, роза,
соловей,
джан!
Чтоб лучше видеть нам узор,
Ах, роза,
соловей,
джан!
И слышать милого привет,
Ах, роза,
соловей,
джан!

3

Кружатся ласточки порой,
Перизада!
Перизада!
Над тихой утренней водой.
Перизада!
Перизада!
Так милый кружит надо мной,
Перизада!
Перизада!
Скажи, сестра, что делать с ним?
Перизада!
Перизада!

4

Невольно обернется всяк,
Ах, джейран!
На твой серебряный кушак,
Ах, джейран!

На белый лоб, на тонкий стан,
Ах, джейран!
На девичий пугливый шаг,
Ах, джейран!

5

Я башлыком хотела б стать,
Сувалай яр!
Чтоб шею милого обнять,
Сувалай яр!
Когда он скачет по горам,
Сувалай яр!
Навстречу ледяным ветрам,
Сувалай яр!

6

Лежит любовь на дне морском,
Дарман!
Покрыта золотым песком,
Дарман!
Но как достанешь? Вот беда!
Дарман!
Задушит черная вода.
Дарман!

7

Мелькнул малиновый платок,
Девица
с розой на груди!
Прошла ты — легкий ветерок,
Девица
с розой на груди!
И сердце унесла мое,
Девица
с розой на груди!
Как ветвь упавшую поток,
Девица
с розой на груди!

8

Папахи верх бафтой прошит.
Прекрасный друг,
Прекрасный друг!
Осенний дождик моросит,
Прекрасный друг,
Прекрасный друг!
Я выйду по воду одна,
Прекрасный друг,
Прекрасный друг!
Кувшин мой трижды зазвенит.
Прекрасный друг,
Прекрасный друг!

301. ПЕРИЗАДА

С кувшинами к ручью с горы,
Дочка Пери, Перизада,
Идем мы вместе, две сестры,
Дочка Пери, Перизада.
Идем к ручью и видим вдруг,
Дочка Пери, Перизада,
Среди дружков стоит наш друг,
Дочка Пери, Перизада.

Ах, дочка Пери, Перизада,
Что же нам делать, прямо беда?

В Курахе б нам бафты купить,
Дочка Пери, Перизада.
Дружку папаху бы обшить,
Дочка Пери, Перизада.

Дружок, дружок, когда б ты смог,
Дочка Пери, Перизада,
Папаху дать нам на денек,
Дочка Пери, Перизада.

Ах, дочка Пери, Перизада,
Что же нам делать, прямо беда.

Пусть в дом ворвется ветер к нам,
Дочка Пери, Перизада.
Расколет лампу пополам,
Дочка Пери, Перизада.

Чтоб обе встрепенулись мы,
Дочка Пери, Перизада,
Дружка увидев среди тьмы,
Дочка Пери, Перизада.

302. ПРИХОДИ В НАШ САД

Утром ты встаешь с зарею, ай джейран.
Утром ты встаешь с зарею, ай джейран.
Умываешься росою, ай джейран,
Умываешься росою, ай джейран.

Приходи в наш сад,
Как я буду рад.
Приходи в наш сад, я жду,
Будь садовницей в саду!

Слово мне скажи на радость, ай джейран,
Слово мне скажи на радость, ай джейран.
С губ твоих нисходит сладость, ай джейран,
С губ твоих нисходит сладость, ай джейран.

Приходи в наш сад,
Как я буду рад.
Приходи в наш сад, я жду,
Будь садовницей в саду!

Мы на берегу потока, ай джейран,
Мы на берегу потока, ай джейран,
Мы разлучены жестоко, ай джейран,
Мы разлучены жестоко, ай джейран.

Приходи в наш сад,
Как я буду рад,
Приходи в наш сад, я жду,
Будь садовницей в саду!

Как ни любим мы, а всё же, ай джейран,
Как ни любим мы, а всё же, ай джейран,
Вместе быть никак не сможем, ай джейран,
Вместе быть никак не можем, ай джейран.

Приходи в наш сад,
Как я буду рад,
Приходи в наш сад, я жду,
Будь садовницей в саду!

303. МАХИ-ДИЛЬБЕР-ДЖАН

Я — дерево во цвете лет,
Махи-Дильбер-Джан.
Цвету, цвету, а плода нет,
Махи-Дильбер-Джан.

Глухой летит из сердца стон,
Махи-Дильбер-Джан.
Оно как выжатый лимон,
Махи-Дильбер-Джан.

Я в шелке белом, как стена,
Махи-Дильбер-Джан.
Иль в саван я наряжена?
Махи-Дильбер-Джан.

В моей могиле хоть одно,
Махи-Дильбер-Джан,
Оставь для милого окно,
Махи-Дильбер-Джан.

Вороньи на песке следы,
Махи-Дильбер-Джан.
Есть две великие беды,
Махи-Дильбер-Джан.

Уйти из жизни молодой,
Махи-Дильбер-Джан.
Что тяжелей беды такой?
Махи-Дильбер-Джан.

Есть хуже лишь одна беда,
Махи-Дильбер-Джан.
Не встретить друга никогда,
Махи-Дильбер-Джан.

304—312. *ЧЕТВЕРОСТИШИЯ*

1

Глиняный ковшик висит на стене,
Не расколи невзначай, мой возлюбленный.
Если меня ты увидишь во сне,
Волю рукам не давай, мой возлюбленный.

2

В горы высокие трудны пути,
Если не дует попутный ветер.
Трудно в аул мне обратно идти,
Если в ауле любимый не встретит.

3

Голубь, о чем ты воркуешь и тужишь?
В клетке серебряной горько житье.
Отданной в руки недоброму мужу,
Плохо мне, сердце горюет мое.

4

Разве порох не взорвется, милый,
Если он хранится у огня?
Пусть родня твоя убьется, милый,
Всё равно ты выберешь меня.

5

Милый мой, пусти на грядки воду, —
Увядают розы, пожалей.
Старику меня отец мой продал
За пятьсот серебряных рублей.

6

Два самовара на столе стоят.
Какой из них красивей — не поймешь.
Джигит в двоих влюбился, говорят,
Не знаю, правда это или ложь?

7

Ты к бурной речке не води коня,
Там половодье залило дорогу.
Своим страданьем не терзай меня,
И своего хватает, слава богу.

8

По Шахдагу проползла змея,
Прошипела, черная и злая,
Ходит к нам разлучница моя,
У меня дружка отнять желая.

9

Многое отцу в тебе не нравится,
За тебя отдаст меня едва ли.
Ты женись, любимый, на красавице,
Чтобы, как меня, ее хоть звали.

ОБРЯДОВЫЕ, КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

313—317. *СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ*

1

СВАТАНЬЕ

Салам-алейк,
Кумушки-кумушки,
Алейк-салам,
Кумушки-кумушки.
Мы пришли не в первый раз,
Кумушки-кумушки.
Что вы ищете у нас,
Кумушки-кумушки?
Молодая нам нужна,
Кумушки-кумушки.
Есть у нас для вас одна,
Кумушки-кумушки.
Велика ли ей цена,
Кумушки-кумушки?
Ей пятьсот рублей цена,
Кумушки-кумушки.

И когда прийти за ней,
Кумушки-кумушки?
В понедельник попоздней,
Кумушки-кумушки.
Вы скажите, где наш зять,
Кумушки-кумушки?
На майдане будет ждать,
Кумушки-кумушки.

Что за имя носит зять,
Кумушки-кумушки?
Зятя Мирзабеком звать,
Кумушки-кумушки.

2

ОДЕВАНИЕ НЕВЕСТЫ

Мы пред тобою слезы льем,
Ли-ла-ли-ла-ли.
Тебя в чужой уводят дом,
Ли-ла-ли-ла-ли.
В Чархи ковыль покрыл овраг,
Ли-ла-ли-ла-ли.
Хозяин твой наш будет враг,
Ли-ла-ли-ла-ли.
На сундуке лежит абасс,
Ли-ла-ли-ла-ли.
Уводят девушку от нас,
Ли-ла-ли-ла-ли.
Играет солнце в облаках,
Ли-ла-ли-ла-ли.
Блестит слеза в твоих глазах,
Ли-ла-ли-ла-ли.
Не плачь, подружка, всё равно,
Не плачь, Джейран-ханум.
И нам всё это суждено.
Не плачь, Джейран-ханум.

3

ПРИХОД ДРУЖКОВ ЖЕНИХА

Я-ле-ле, я-ле-ле,
Жених сжимает прут в руке.
Я-ле-ле, я-ле-ле,
Дрожит невеста в уголке.

Я-ле-ле, я-ле-ле,
Смотри, жених, жену не бей.
Я-ле-ле, я-ле-ле,
Но знай, что битая милей.

Я-ле-ле, я-ле-ле,
Невеста, нынче ты — княжна.
Я-ле-ле, я-ле-ле,
А завтра мужняя жена.

Я-ле-ле, я-ле-ле,
Сошлась у нас гора с горой.
Я-ле-ле, я-ле-ле,
Лучами, солнце, их покрой.

Я-ле-ле, я-ле-ле,
На шее бусы в два ряда.
Я-ле-ле, я-ле-ле,
Они рассыпятся — беда.

Я-ле-ле, я-ле-ле,
Легко собрать их, но опять,
Я-ле-ле, я-ле-ле,
На нитку их не нанизать.

Я-ле-ле, я-ле-ле,
Невесту к жениху ведут.
Я-ле-ле, я-ле-ле,
Старуха сваха тут как тут.

Я-ле-ле, я-ле-ле,
Шурпа в тарелку налита.
Я-ле-ле, я-ле-ле,
А сваха будет ли сыта?

4

ПЕСНЯ ГОСТЕЙ

Стели не меньше
Двух перин.
А в них пусть будет
Пух один.
Пусть семь детей,
Семь сыновей,
У женщины счастливой будет.
Родится дочь — пусть сливой будет.
А слива долго не живет,
Когда от ветки отпадет.

5

ПЕСНЯ, ПОЮЩАЯСЯ В ДОМЕ ЖЕНИХА

Мы к молодому Абасу пришли.
Радостно к дому Абаса пришли.
Комнаты, комнаты,
Всюду полно.
Комнаты, комнаты,
В каждой окно.
Двери открыты,
Одна лишь закрыта.
Там ожидает
Невеста джигита.

318—319. *ПЛАЧИ*

Н

1

Я бы умерла за одну твою руку,
Руку с мозолями от кизиловой палки.
Умерла за одно плечо твое дорогое,
Натертое лямкой пастушеской сумки.
Ты сидел у костра, овец считая,
И не успел досчитать отары.
Из рук ты выронил верную палку,
Сползла с плеча тяжелая сумка.

Белые, словно пена, отары
Перегонял ты к синему морю.
Ты доил оягнившихся маток.
И ягнят согревал ты под буркой,
Как тебя когда-то я согревала.

2

Когда ты ступал, земля трещала,
Когда ты кричал, к тебе сбегались овцы,
Когда у огня ты играл на свирели,
Клонились травы в зеленой долине,
Чабан, брат мой.

А теперь ты лежишь, лишенный жизни,
Лишенный лугов зеленых и гор высоких,
Лишенный слез горячих и родников холодных.
Бессильными стали твои могучие руки,
Чабан, брат мой.

320. ЛАЙЛА

(Колыбельная)

Лайла, мой свет, лайла,
Лайла, Ахмед, лайла!
На свете слова нет
Прекрасней, чем Ахмед.
Лайла, Ахмед, лайла,
Лайла, мой свет, лайла!

Зима хоть и длинна,
Окончится она.
И к нам придет весна.
Лайла, Ахмед, лайла,
Лайла, мой свет, лайла!

Весной весна придет
И в сад и в огород.
Весною всё цветет.
Лайла, Ахмед, лайла,
Лайла, мой свет, лайла!

Ты, мальчик, будешь рад,
Что белым станет сад,
Что речки зажурчат.
Лайла, Ахмед, лайла,
Лайла, мой свет, лайла!

Получит цвет цветок,
Пчела получит сок,
А птица голосок.
Лайла, Ахмед, лайла,
Лайла, мой свет, лайла!

Ты младший сын у нас,
Ты наш и саз, и глаз,
И дорогой алмаз.
Лайла, Ахмед, лайла,
Лайла, мой свет, лайла!

НОГАЙСКИЕ ПЕСНИ

ЭПИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

321. БАТЫР АМИТ, СЫН АЙСЫЛА

Жил некогда батыр Айсыл — воин Джанибек-хана. Не был он ни знатен, ни богат, но стоял перед ханом как равный, и хан возненавидел его за это.

Чтобы спастись от ханского гнева, Айсыл покинул жену и малого сына Амита, ушел в леса.

Долгие годы провел он в скитаниях, а хан все помнил о нем, копил ненависть, и вот наконец послал войско: отыскать и убить Айсыла.

Айсыл не вступил в бой, но и не отступил, когда воины Джанибека нашли его... Он разделил с ними трапезу, во время которой, гадая по бараньей лопатке, предсказал, что вскоре прольются реки крови: враг уже идет войной на становья ногайцев.

— В этот трудный для народа час, — воскликнул Айсыл, — я выступлю на войну вместе с вами!

И Айсыл вернулся домой. Сын его Амит в это время отсутствовал. Приехал, увидел юноша у коновязи могучего чалого коня и понял, что у них гостит славный батыр. Войдя, он больше, чем на Айсыла, смотрел на его огромный лук и колчан со стрелами.

— Разреши мне, гость, испытать твое оружие! — попросил Амит и, получив позволение, далеко послал звонкую стрелу из лука... А лук этот никто никогда не мог поднять, кроме самого хозяина. Понял тут отец, что сын его будет великим батыром, и открыл ему свое имя.

Но вскоре Айсыл захворал и умер.

На войну отправился Амит один. И случилось так, что войска Джанибек-хана дрогнули перед врагом и обратились вспять. Сам хан едва не попал в плен. Тогда отдал

ему Амит от отца полученного чалого коня, за что трус Джанибек пообещал батыру в жены свою красавицу дочь — Шеербек. Так хан спасся бегством, а Амита оставил военачальником.

По пути остановился Джанибек-хан со свитой отдохнуть у богатого бая Бугалы. Бай дал пир в честь знатного гостя. Джанибек решил, что Амит все равно погибнет в неравном бою, и обещал свою дочь сыну Бугалы — Темиру.

Вскоре после того бай и его сын явились к хану с драгоценными дарами для невесты, и начались при дворе пиры.

Но Амит не погиб. Он одержал трудную победу над врагом и, услышав, что Шеербек, которую он давно любил, отдают другому, прискакал во дворец.

Смутился хан, поднес из своих рук батыру золотую чашу кумыса.

Амит взял чашу, но пить не стал, а запел:

Волга в бурю черным-черна —
И не скоро утихнет она.
Сокол буре навстречу путь ведет —
Прям и труден его полет!..
Я, сын Айсыла, как вскочу на коня —
Никому в степи не осилить меня.
Я в седле никогда не гнусь дугой,
Не изгибаюсь медной серьгой!
Средь прямых в бою — я самый прямой.
Я с победой вернулся домой!
Скакуна не треножат шелком-сырцом!..
Ты с каким же, эй, хан Джанибек, лицом
Отдал байскому сыну свою Шеербек?
Ты же мне ее обещал навек!
Дареное раз — вторично нельзя дарить.
А коль обещаешь что, — правду учись говорить!
Клянусь, я дорогу чести тебе укажу.
На тебя, двуличный, узду наложу:
Я на месте сынка твоего уложу,
Куцым я сделаю твой род.
Против тебя подниму народ!
Как чабан умеет отару гнать,
Так твою берусь разогнать я рать!

Если ж клятву нарушу себе на беду,
Если до цели я не дойду, —
Пусть тогда сквозь землю я провалюсь.
Я, Амит, сын Айсыла, — батыром зовусь.

И бросил Амит хану под ноги золотую чашу с кумысом и покинул дворец.

Почернел от гнева Джанибек, велел убить батыра. Но придворные советники убедили его отменить приказ.

— Это опасно! За него народ... — сказал один, самый лукавый из них. — Заставь лучше Амита сыграть с Темиром в шахматы. Он — воин и навряд ли искусен в этой игре. Он проиграет, ты и отдашь дочь за Темира!

Только начали соперники игру, Шеербек, чтобы испытать их, послала со служанкой обоим по одинаковому шелковому поясу. Амит туго опоясал свой стан... Темир с поклоном положил пояс себе на голову.

«Байский сын — льстец! Амит горд и смел, как подобает батыру! Только ему я буду женой!» — решила про себя Шеербек. Она глядела на игроков из окна и, когда увидела, что Амит может проиграть, в тревоге запела:

Кто слона ударит слоном,
А коня побьет конем —
Тот красавицу Шеербек
Женою введет в свой дом!

Услышал Амит ее песню, сделал, как Шеербек велела, и выиграл игру.

Но лживый Джанибек-хан и тогда не захотел отдать гордому батыру свою дочь.

Тут понял Амит, что добром спор не решить. Сговорился с Шеербек, вывел ночью из ханской конюшни своего чалого и увез возлюбленную.

В ту же ночь узнал об их побеге хан и послал за ними большой отряд во главе с сильным Алав-батыром...

Все ближе и ближе топот погони. Услышала это Шеербек и горько заплакала.

Тогда, чтобы успокоить ее, Амит запел:

Ты не плачь, подруга, не плачь!
Чалый конь мой несется вскачь.

Опалит тебе щеки на ветру слеза,
Покраснеют от слез глаза.

И ответила ему так Шеербек:

Как же слезы мне, бедной, не лить,
Как же, бедной, мне не тужить,
Если, левой рукою лук зажав,
Держит правой стрелу Алав,
Чтобы смерть нам вослед послать,
Только руки он должен поднять.
Конь твой чалый, как шалая птица летит,
Но когда стрела мою грудь пронзит
И я, словно смятый ковыль,
Упаду в дорожную пыль, —
Пощадит ли погоня, Айсыла сын,
Нас, плененных, лишенных сил!

Тогда, чтоб утешить ее, Амит запел:

Ты не плачь, подруга моя, не плачь!
Чалый конь, не слабея, несется вскачь.
На ветру опалит тебе щеки слеза,
Станут красными, джан, от плача глаза...
Пусть левой рукою он лук зажал,
Пусть в правой держит стрелу Алав, —
Мы с тобой от него далеки,
И в тебя стрелять ему не с руки,
И, не ведая устали, чалый конь
Унесет нас от ста погонь!

И ответила ему так Шеербек:

Как же, бедной, мне не тужить,
Как же слезы, бедной, не лить,
Если, левой рукою лук подняв,
Держит в правой стрелу Алав,
Если он, пуская коня в намет,
Уже по пятам за нами идет!..
Ты великий батыр, от батыра ты был рожден,
Но когда, стрелою Алава пронзен,
Ты с седла упадешь в пути, —
От смертного часа и тебе не уйти...

И повезут меня, пленную, со стыдом
Обратно в постылый отцовский дом!

Тогда громко запел Амит:

Ты не плачь, подруга, не плачь!
Чалый конь мой несется вскачь.
На ветру обожгла тебе щеки слеза,
Покраснели от слез твои глаза...
Пусть Алав скакуна пускает в намет,
По пятам за нами идет,
Пусть, левой рукою лук подняв,
В правой держит стрелу Алав, —
Слаба у него рука и не зорок глаз.
На охоту с Алавом ходил я не раз.
Когда я стрелял — оленя бил наповал.
Когда он стрелял — олененка лишь подбивал...
Не дрожи! Я от батыра Айсыла рожден.
Удержусь в седле, стрелою пронзен!

Так утешал он Шеербек. А в это время батыр Алав далеко опередил своих воинов и настиг беглецов... Но, приближаясь, Алав опустил лук и крикнул Амиту:

— Я не желаю тебе зла! Я погнался за вами, чтобы обмануть хана. Стреляй в мой средний палец!

И Амит прострелил батыру палец.

Тогда Алав поскакал к своему отряду. Он поднял окровавленную руку и сказал:

— Невозможно бороться с Амитом! Я ранен... Вернемся, пока живы, домой!

И любившие Амита воины молча повернули коней.

322. ОТВАЖНАЯ ЯН-БИКЕШ

Хан — хоть тот, хан хоть этот — хан!
Жил-был некогда Сыгай-хан...
Сыгай-хан был лют, но лютей
Джанибек оказался злодей.
Морит он людей, как собак,
Наложил тяжелый ясак.
Извести задумал народ:

Всех подряд на войну берет!
Сын подрос — тянут сына прочь!
Дочь растет — надо прятать дочь!
Если нет молодых в дому —
Старику идти самому...
Кто ж остался, скажите мне,
В горемычной этой стране?
А остался старый Янай
И корит жену то и знай:
«Не под силу нам ханский указ.
Нет батыра-сына у нас.
Не сумела сынов нарожать —
Завтра мертвому мне лежать...»

Как поднимет старуха крик:
«Ах, трусливый, слезливый старик!
Чуть услышал он ханский приказ,
Помирать собрался сейчас!..
Не жалея сил молодых,
Я на сливках вскормила одних
Ян-Бикеш — мою белую дочь.
Вот кто сможет тебе помочь!»

Шапку на брови, щит на ремне —
Дочь Яная сидит на коне.
Почитая отца седину,
Ян-Бикеш идет на войну,
И колчан и кедровый лук
Из родительских приняв рук,
Говорит: «Объеду я мир,
И хоть сам Ель-Кильдек-Батыр
Повстречается мне, о мать,
Кто я есть — не стану скрывать!»

323. АДИЛ СОЛТАН

Как ему исполнился год,
Он зубами льва заблистал.
Как ему исполнилось два —
Он копье оттачивать стал.

Как ему исполнилось три, —
Он птенцом из гнезда взлетал.
А в четыре — ему народ,
Словно хану-судье, внимал.
Как ему исполнилось пять —
Брал любого коня в табуне.
А когда исполнилось шесть —
Он прославился на войне.
В семилетнем возрасте он
Семьдесят джигитов водил.
В восьмилетнем возрасте он
Восемьдесят водил.
В девять лет — все люди в Крыму
Повиноваться стали ему.
В десять лет — табуны коней
Ханы пригоняли ему.

Двух княжон прислали ему —
Описать нельзя их красу.
Платье их — в золотом шитье,
Золотые серьги в носу.

Из Стамбула пришли корабли,
Стариков с письмом привезли.
И устроили скачку сперва,
А потом письмо принесли.
На одном корабле шестьдесят мудрецов
Прочитать письмо не могли.
Прочитал бы Касым-грамотей!
Семьдесят на другом корабле
Мудрецов — письмо не прочли.
Прочитал бы Касым-грамотей,
Да в ту пору его не нашли.

Кто остался дома, друзья?
А остался в верховье реки
Длинноусый, с высокой чалмой,
Много странствовавший на веку,
Обошедший весь мир земной,
Тот, кто жизнь глубоко познал;
Старый, мудрый Абыл-Касым-Шелеби
Заболел и дома лежал.

Положили подушки в возок,
Шесть коней в возок запрягли,
Привезли на подушках его,
И письмо ему принесли.

Свиток Абыл-Касым развернул,
Прочитал, головой покачал:
«Эй, Адил, роковое это письмо!
Говорю тебе прямо, любя.
То, что писано в нем, я бы скрыл,
Не сказал бы тебе, мой Адил,
Да терпенья нет у тебя.
Из Ынжилгы ты телеги возьми,
Крепких выбери лошадей.
Пушку бери, ядра бери,
Подбери надежных людей.
Стрел и луков запас возьми.
Сулеймана, сына Уйсина,
Лучшего среди нас, возьми.
Карасая, сына Орака,
Мы в помощь дадим тебе.
Кызылбасов саблями бей,
Прославляй свой меч в Кабарде.
Верь своей счастливой судьбе!»

Карасай, сын Орака, сказал:
«На кутане, эй, мой Адил,
Было много тысяч овец,
Не успел я зарезать овцу.
Велика Кызылбасов страна,
За шесть месяцев из конца в конец
Не проехать ее удальцу.
Там в горах тропы не найти,
Не проехать там, не пройти.
Будет лучше, эй, мой Адил,
Нам вернуться в Бакша-Сарай.
Мы вернемся, коль не позорно тебе,
От беды уйдем, мой Адил,
Воротимся в отчий край!»

И Адил Солтан отвечал:
«Кто боится, пусть в шалаше лежит,

Ну а кто не боится, тот
Выступит со мною в поход.
Завтра к полдню будете вы утопать
В золоте и серебре!»

В первом бою, на рассветной заре,
Сулейман, сын Уйсина, пал.
Во втором бою, на вечерней заре,
Конь его темно-бурый пропал.

Разгневался мой Кулыншак,
Звон стремян долетал из дали.
И над красной от крови Курой
Вражьи трупы горой полегли.
Одержал победу Адил Солтан,
Захватил он вражеский стан,
Добычу богатую взял,
Но, собравшись с войском домой,
Над Курою заночевал.
В ночь на них напали враги,
В плен Адила взяли враги.
Выкололи Адилу глаза,
Бросили в яму его.

Мать Адила страшный видела сон,
К гадальщице утром пошла.
Сон рассказывать начала:

«Этой ночью я видела сон,
Коль к добру, Адилу добро предскажи,
Если к худу, — врагу предскажи.
Снилось мне, что я косы плету,
И никак их не заплету.
Укоротился, казалось мне,
Красный язык во рту.
На коне Адила ездил чужой,
Плеткой бил — показывал власть.
Снилось мне, запряженная в шесть лошадей,
Пушка разорвалась.
Опора мужа — две крепких ноги —
Протянулись, казалось мне.

Помощь мужа — две крепких руки —
Согнулись, казалось мне.
Светочи мужа — зеницы его —
Закрылись, казалось мне.
Семь высоких, надежно сколоченных арб
Развалились, казалось мне.
Достигающий до неба дым
Не вставал над его шатром.
Кобылица табунная родила
Жеребенка с куцым хвостом».

Баранью лопатку гадалка достала,
Посмотрела и так сказала:
«Если волосы не заплетались в косу,
Это знак, что добру не быть.
Если красный укоротился язык,
Значит, он перестал говорить.
Если ходит конь под чужим седоком,
Он хозяину перестал служить.
Если пушка разорвалась,
Нельзя из нее палить.
Если ноги раскинуты по земле,
Значит, больше не смогут ходить.
Если руки согнуты у него,
Он не сможет их распрямить.
Если закрыты глаза его,
Это значит — он спит беспробудным сном.
Если семь телег развалились вдруг —
Значит, помощи нет кругом.
Если дыма нет над его шатром,
То напрасно мы его ждем.
Не к добру — во сне видать
Жеребенка с куцым хвостом.
Если режут у нас нежеребых кобыл,
Если пар мясной валит над котлом,
Если платья надели без рукавов —
Это значит, готовят поминки о нем!»

324. КУСЕП

Выпущенная мною стрела
Над городом пронеслась.
Прямо в грудь Сыйдаку она
Острием ядовитым впилась.

Из Алкара — в железной броне —
От шестивратных Масак,
Миновав Карадув и Айдак,
Выехал я на коне.
Поднялся на гору Орып.
Всю равнину с крутого седла горы
Взглядом вы охватить могли б.
С давних времен по привольным местам
Кочевали ногайцы там.
Перешел я реку Максап,
Мирно там я, спокойно жил,
Но сказали нарты, что я
Совести завет преступил.
Кто же спутал ноги коня,
Сизого коня моего?
Или всё случилось со мной
Волей вечного самого?

Голова моя — первая в Кабарде —
Неужель теперь пропадет?
Ормамбетов сын, собака Сыйдак,
Неужель меня в плен возьмет?
Говорит Кусеп:
«Где, друзья, мой хозяин Сыйдак?»

Он, как сокол, на горную кручу взлетел,
Кабардинских биев сбрасывал вниз,
На камни — в пену реки.
Шеи сильные кабардинских князей
Согнулись, как ивняки.

Сын Ак-Кошкара — отважный Кусеп
Вынул саблю изогнутую из ножон.
В окровавленной кольчуге своей
Снова бросился в битву он.

Дочь Наймана, прекрасная Акманглай,
Ставшая Кусепу женой,
Сказала несчастная Акманглай:

«Каменными рукавами одежд
Раскалывается земля.
Волос падет с моей головы,
В одинокой юрте моей —
Сирота несчастная я.
С исцарапанным от горя лицом,
Как вернуться мне в отчий дом?
Кусепа погибшего моего
Где теперь я найти смогу?
Запряжен в арбу одногорбый верблюд.
На арбу погружены сорок овец
Из сорока кошар.
А куда же поедем мы?
Чем встретит нас Ак-Кошкар?
Память от горя теряю я.
В слезах изнываю я.
Призываю имя отца,
Мужа моего, удальца».

Захромал аргамак Кусепа Аксан, —
Ногу, видно, о камень сбил.
А когда в дозоре гибнет джигит,
Значит — кошкой вскарабкавшись на скалу,
Кабардинец его убил.

Коль Кусепа кольчугу покрыла ржа,
То причина в том, что долго он
Скакал по степям глухим.
Коль ремни на одежде его боевой
Оборвались, то это лишь оттого,
Что жена не смотрит за ним.

Коль по чести не встречен он был у врагов,
Это — думаю — оттого, что Сыйдак
Сроду был нечестным и злым.

Принесите, матери, мне
Шубу на дорогих соболях!

Хороша одежда моя,
Хна красна на моих ногтях.

Покрывалом белый атлас
Дайте белым моим щекам.
Крепко стоя на узких стопах,
Грудь открою я всем ветрам.
Хорошо бы я гостей приняла.
А гостей нам больше не ждать,
Да и некому их принять.
Кобылица пасется у нас,
Только нет жеребенка у ней,
Чтоб кумыс из меха цедить.
Только дома Кусепа любимого нет.
Эй, подруженьки! Вы его
Видели, может быть?

Он далеко из лука стрелы пускал,
Он копьем до облака доставал,
По примеру своих отцов.
О двух гончих на лов он ходил всегда,
Соколенка брал из гнезда,
Дичь ловить его приучал.
Может быть, вы встречали его,
Сильного моего?

Как теперь к Найманам пойти,
Как оплакиванье вести?

Выдал замуж меня отец,
Выдала меня мать.
Уговаривали: «Хорош молодец,
У него богатырская стать,
Уважает, мол, стариков,
Мол, разумен, в речах толков.
Даст тебе он лучших коней
И мешки дорогих сластей».

Ах, зачем несчастный отец
Выдал замуж меня за него?
Молодым убили его!

С желтым медом чаши несут,
Желтые виселицы впереди,
Гроб сколоченный — позади.
Кусеп, сын Ак-Кошкара убит,
Кто виновен в смерти его?
Коль средь горцев убийцу искать, —
Там не назовешь никого.
Тот виновен, кому продался Сыйдак.
Выдался черный день! —
Гриву по ветру расстелив,
По ущелью он ускакал. . .
Но как вихря дикий порыв,
Супостат Кусепа догнал.
Натиск их отразил батыр.
Ускакали они в свой стан.
Гуся сбил его сокол в тот день, —
Гриву по ветру расстелив,
По ущелью он ускакал. . .
Но как вихря дикий порыв,
Супостат Кусепа догнал.

Натиск их отразил батыр.
Ускакали они в свой стан.
Гуся сбил его сокол в тот день, —
Был тот гусь — кабардинский хан.
И собрался княжеский сход,
И Сыйдака он подкупил.
Дали денег ему на расход. . .
И Сыйдак Кусепа убил.

Медная кольчуга Орака
В ту пору у нас была.
Белая кольчуга Мамая
Тоже у нас была,
Среди наших трех сотен юрт
Прославленная кольчуга стальная
Тоже была у нас.
Мой хозяин — славный Кусеп —
У бывалых богатырей
С бою взял их саблей своей.

Коня, на котором скакал Кусеп,
Кобылицу дойную — для кумыса,
Верблюда, чтобы в арбу запрягать,
Саблю, чтобы поражать врага,
Кольчугу, чтоб тело в бою защищать, —
Всё, что в дар Кусеп получил,
Когда жив был и полон сил, —
Это всё, унижаясь, просил
Сыйдак, Ормамбета сын,
Изменой прославленный, а не в бою,
Презренный, подобный псу,
Пожирающему блевоту свою.

325. МУСЕКЕ-БАТЫР

Я скитаюсь в горах, как олень.
Чутко сплю в предрассветной тиши.
В глазах моих, как у птицы тарлан,
Гнев и горе моей души.
Я хожу не касаясь земли,
Мой топор золотой — со мной.
Я оленей диких ловлю,
Ем их мясо, как волк лесной.
Я скачу куда захочу,
От горы ухожу к горе.
А хозяин мой Бора-хан
У шатра лежит на ковре.

Мусеке-батыр пришел во владения Акша-хана.
Когда его спросили: «Откуда ты?», —
Он запел:

Так широки увалы гор,
Что сыч их не перелетит.
Тот, кто слаб крылами ума, —
Сам себе словами вредит.

Моего коня, что грызет удила,
Не пожалею другу отдать.

Будет проклят тот, кто вздумает вдруг
Достаток друга забрать.
Моя душа для врага черна.
Найти бы ровесника мне,
За которого можно и душу отдать,
И не жалко — пасть на войне.

Что качаешься и шумишь,
Явор, свежей листвой своей?
Дикой лошади, дикой козе
Жизнь и воля — простор степей.
Много думают важные ханы у нас,
Хороши джигиты у них.
Шиты золотом шубы на богачах,
В воротниках дорогих.
Хвастаются богатством своим...
Трус роняет саблю из рук,
А в руке джигита и плеть,
Словно сабля, — надежный друг.

Туча кровлей моей была,
Помогала ночная мгла
К стану вражьему подползать.
Темно-золотистый мой конь —
Это всё богатство мое.
Враг коня моего украл.
Был бы он со мною, мой конь,
Я напрасно б не тосковал.

Кто я родом — спросил ты меня?
Я Нукая сын
Из рода Уйсин.
Перед боем не содрогался я,
Видя девушек, не спотыкался я.
Неутомим, как Тулпар,
Нартов я на битву водил.
Ради жизни братьев моих,
Я неверных войско разбил.
Борагана увалы я отстоял,
Бора-хана я защитил.
Если степь заметал буран,
Братьев я укрывал крылом.

Я друзей от смерти спасал,
Когда шли враги напролом.

Если другу грозит беда, —
Я не отступлю никогда,
Перед войском не задрожу.
На врага врага уложу.
Коль в руке сломается меч,
Словно волк, рабов буду рвать.
А умру, как Темир-Казык,
Я на небе буду блистать.
Я, как трус, за жизнь не держусь,
Ничего нигде не страшусь.
Когда стрелы густо, как снег,
Над землею летят в бою,
За народ болея душой,
Положу я душу свою.

Что ж лежу я — батыр-джигит, —
Одинок и всеми забыт?
Но когда враги нападут,
Как колючку, их растопчу,
Съем их, как одногорбый верблюд.
Коль в степи настигнут меня,
Я не дрогну, не отойду.
Дам отпор врагам, как смогу,
В честной битве с честью паду.
Словно волк, врага разорву,
Если нечем будет стрелять.
Так над колыбелью моей
Пела в младенчестве мать:

«Вырастай джигитом, сынок,
Чтоб родной народ отстоять!»

326. КАЗТУВГАН

Луноликий, как сын луны,
Словно солнце в пору весны,
Ликом свежий, как тобылга,
С куполом широкого лба,

Схожий с двухнедельной луной,
Крепкий, как оленьи рога,
Щедрый, как степные луга
Над родною Эдиль-рекой.
Быстроногий, как кабарга,
Острый, словно когти орла,
В дорогой одежде цветной,
Словно мех бобра дорогой.
Он как ханской юрты сурык,
Как степного неука хвост,
Как высокий купол дворца,
Достигающий до звезд,
Словно облак белый, клубясь,
Он на солнце дня набегал.
Чтоб спокойно жил мой народ,
Он всю жизнь свою воевал.
Дух в его отважной груди,
Как булат — в огне закален.
Он — от богатырских кровей —
Был на подвиги порожден.
Как Шуйка, Суюниша сын,
Он, как ворон, был умудрен.
Белую, в просторе степном,
Возвел Казтувган мечеть.
Под широким сводом ее
Песнь о подвигах начал петь,
Чтоб записывали ее.
Четки брал он из ста камней
И, лицом обратясь на юг,
В лад покачиваясь словам,
Он молился, пока звезда
Над землей совершает круг.

Путь прокладывая в песках,
На Кубань он привел народ,
Чтобы вольно там кочевал,
Чтоб довольством процвел народ.
Так в сказанье своем Казтувган говорил:

«Елманбет, сын Некиса — наш проводник,
Впервые путь нам открыл.

Он был нартом из племени Этисан,
Был подобен коню, что копытом своим
Раскалывает скалу.

Над юртами племени Эмбойлык
Подымался облаком дым.
Они не праздновали оразу,
Не стелили коврики на полу,
Не любили творить намаз.
Всё же издавна я привык
Этисан и неверующий Эмбойлык
Считать опорой для нас.

В Етишкуле сила моя была,
С двух сторон — два надежных крыла.

Одиноким я был порой,
Словно дикий сокол степной,
Словно коршун, охотился я,
Чтоб отцов продолжить пути,
От врагов народ увести,
Чтобы мать утешалась моя,
Чтобы племя мое спаслось,
Чтобы его желанье сбылось,
Я, как вихрь, в степях пролетал,
Я дорогу людям искал.

Чтоб достигнуть Кобан-реки,
Окунуться в ее волну,
Передышки я не давал
Темно-рыжему скакуну.
С кем мне было держать совет,
Прав иль нет я? Что делать нам?
Я, как странник, двинулся в путь,
Не оглядываясь по сторонам.
К хану старому Аюке,
Что сидел в своем белом шатре
О шестидесяти куполах,
Я с оружием заходил.
Правду всю, не страшась ничего,

Я в лицо ему говорил.
И не смели тронуть меня.

И под вьюгой, в сильный мороз,
Перешел я по льду Эдиль.
После перехода того
Мне такая помнится быль:
Юрту белую Аюке
Я со снегом степным сравнял.
Из пустынной желтой дали,
Где не пролетят журавли,
За врагами я наблюдал.

Там — в становьях Аралаши,
Там — в становьях людей Манаши,
На ночлег иногда вставал.
Анк-етер прошел я с войной;
Я погоню, посланную за мной,
Вдребезги разбивал.
И далеко ушел от них —
Одинок, как сапсан степной».

Захватили враги Эдиль,
Взяли Яик, Эмбу и Тэн.
Что теперь оставалось нам?
Захватили братьев моих
И подрезали крылья их.
Что теперь оставалось нам?
С кишлаками нашими враг
Место славное взял — Масак.
Что теперь оставалось нам?
Наши арбы калмык забрал,
Всех верблюдов наших угнал.
Что теперь оставалось нам?
Чтоб не пенился в чашах у нас кумыс,
Дойных он угнал кобылиц.
Что теперь оставалось нам?
Чтобы нечем было нам чай заправлять,
Соль и масло не постыдился забрать.
Что теперь оставалось нам?
Только носящие серьги в носу,
Золотые застежки на воротниках,

Девушки — чью не опишешь красу,
В дорогой парче и шелках,
Чьей нежной кожи не тронул загар,
Но просвечивает огонь их глаз
Сквозь тонкую кисею...
Девушки уцелели у нас.
Всех забрали бы, если б не Казтувган,
Сам их отстоявший в бою.

Подобно плывущим вдаль облакам,
Подобно бегущим вольно стадам,
Подобно бьющим из скал родникам
Или разветвляющимся ручейкам,
Подобно тому, как дикий лук
Заполняет поемный луг,
Сытые, не знающие беды,
На углях мясо диких коней
Жарящие во время нужды,
Как в весенней воде белуга и сом,
Играющие на свету.
Как лебеди, с зеркальных озер
Взлетающие в высоту,
К богатым лугам, к высоким лесам,
К изобильной земле и воде
Пришли наконец на берег Кобан
Эмбойлык мой и Этисан.

Об Эдиле не спрашивайте у меня!
Живет над Эдилем чужой народ.
Об Яике не спрашивайте у меня!
Он достался врагу, как сому в заглот.
Где юрта белая Аюке?
Там теперь чужанин живет.

Озлоблен, разгневан, суров,
В железные доспехи одет,
Холодные, словно лед.
Я врасплох к ним сумел поспеть.
Ханов — таких, как хан Аюке, —
Как медведей заставил реветь.
Я — со свистом, как змей айдаха,
Раздавил их своим кораблем.

А когда вернулись мы на Эдиль,
Вновь луга свои обрели,
Двое послов от двух племен
Пришли и речь повели,
И поставили мы кибитку в степи.
Вновь баранина на углях шипит,
В круглых чашках кумыс кипит.

А когда широкой я шел юргой,
Далеко дрожала земля.
Мой бегун, иноходец мой,
Мчался, по ветру гриву стеля.
Да коварно для нас обернулась война —
Моего коня заарканил враг,
Как хозяин, надменно сел
На строптивого скакуна.
Я его жеребенком взял в табуне,
Чтобы выкормить и воспитать,
Он ко мне как к родному привык.
И теперь, когда трудный день настает,
Я хотел бы опять увидать
Эмбойлык, Этисан — мой народ.

327—329. *ЗАПЕВКИ*

1

Скала ветров! Песня бурей летит!
Наше солнце затмили тучи...
Если стонет земля от вражьих копыт,
Время ль травам цвести пахучим?
Дождь омоет травы живой водой,
Врагов герой одолеет!
Вышел герой сражаться с бедой,
А трус в кибитке жиреет...

2

Сытая лошадь голодной зимой
Тоньше веревки станет.
Бай, что кичился толстой сумой,
Нищим плешивым станет.
Байская дочь в золотом платке
Пленницей труса станет.
Нищий, ходивший в степях налегке,
Бия богаче станет!

3

Заяц, сбегая с Оргыз-горы,
В поле борзую встретит.
Гусь, вылетая в степь до поры,
Ястреба в небе встретит.

Всадник, ведя скакуна в поводу,
Волка голодного встретит.
Сын бедняка, попадая в беду,
Злого чиновника встретит.

330. БИЙ-МАМАЙ

«На степи у трех озер
Кто зимою дно видал?
У реки, бегущей с гор,
Кто весной исток видал?
Кто у лебедей седых
Лапы на лету видал,
И предутренней звезды
Кто рождение видал?

Мех у шубы дорогой,
Верх у шапки золотой, —
Алтын-бек я, Тулан-бек,
Кто поборется со мной?»

— «На степи у трех озер
Дно зимой чебак видал.
У реки, бегущей с гор,
Рыболов исток видал.
Лапы лебедей седых
На лету стрелок видал,
И рождение звезды
Старый звездочет видал.

Мех ты носишь дорогой,
Верх у шапки золотой,
Алтын-бек ты! Но с тобой
Выйдет Бий-Мамай на бой!»

331. ПЕСНЯ О НЕВЕРНУВШЕМСЯ КАЗАКЕ

Расступитесь вы, тучи мглистые,
Чтоб нам свет увидать дневной,
Пронеситесь вы, кони быстрые,
Чтоб нам край обскакать родной.

Ой, не скот ли это пылит,
Не народ ли это валит?
Нет, не стадо тысчеголовое —
По дороге пылит народ,
И красавица крутобровая
В этой пестрой толпе идет.

...Пусть на степи падет сухие
Много снега в урочный час,
Пусть красавицы молодые
Не утешатся после нас.
Пусть не пляшут они, не поют,
В память нашу пусть слезы льют.

Конь у берега спотыкается,
Всадник стремя поймать пытается,
Да шатается, хоть не пьян,
Кровь багровая растекается,
Красит черный его кафтан.
Смыть водой он ее старается,
Трет соломой — не оттирается.

Степи, степи чужие, дальние
Белой пылью занесены.
Ой, слова казака прощальные
Не дойдут до его жены.
Конь пугливый, с дороги сбившийся,
Лезет в Волгу, плывет, храпит.
Прошлым летом с женой простившийся,
Не вернется домой джигит.

Плачет, плачет красавица белая.
Косы падают на подол.

Из волос она ложе сделает,
Только муж бы ее пришел.

На груди ее истомившейся
Набухают соски, болят,
Прошлым летом с женой простившийся,
Не вернется казак назад.

Что, бессильная, неумелая,
Станет делать она одна?
И опустятся руки белые,
И согнется ее спина.

332. АПРАМ

Под Апрамом белый конь горячий,
Пустишь вскачь, не повернешь назад.
Если вдоль селенья всадник скачет,
Из ворот красавицы глядят.
Скачет всадник на страданье вдовам,
Жены вслед бросают грешный взгляд.
С именем Апрам под отчим кровом
До рассвета девушки не спят.

Ох, откуда, — не было б каштана, —
Возле дома взяться холодку?
Ой, откуда, — не было б султана, —
Смерть пришла б к Апраму-бедняку.

333

Коль по снегу волк пройдет,
След останется.
Сыну, коль отец умрет,
Скот достанется.

Озирает сын добро,
Не нахвалится.
От скота в степи пестро,
Что печалиться!

Кони под Бугды-горой
Тонкомордые.
А над ними целый рой —
Мухи черные.

Хоть колодец невелик —
Дно теряется.
Крикнешь вниз — не скоро крик
Возвращается.

Губы девушек — коралл,
Косы — золото.
Я, Аскар, об этом знал
Еще смолоду.

334

Коль заржавел кинжал, притупился клинок,
Это значит, оружие джигит не берег.

Если не цел воротник, а рукав уже рван,
Значит, беден хозяин, носивший кафтан.

Если враг подошел и свалил тебя с ног,
Значит, ты одинок.

335. У ПРОЗРАЧНЫХ ОЗЕР

У прозрачных озер на зеленой степи
Юрту поставивший — не пожалеет.
В табунах скакуна, точно льва на цепи,
Себе покоривший — не пожалеет.

Опоясан мечом, чтобы встретить набег,
Панцирь надевший — не пожалеет.
И красавиц, чьи косы душисты, как снег,
В губы целующий — не пожалеет.
Для почетных гостей, для друзей молодых
Пиры задающий — не пожалеет.
Пьющий терпкий кумыс из кувшинов литых,
Песни слагающий — не пожалеет.
Если враг нападет, обойдя с двух сторон,
Если стрелы врага смертный вызовут стон,
Пусть горячею кровью будет мох обагрен —
Пусть!
Сражаясь на краю желтого склона,
В честной битве поверженный — не пожалеет.

336

Стан твой гибкий, что лоза,
К старости скривится.
Если заболят глаза,
Не спасут ресницы.

Та, что птицей ты зовешь,
Мотыльком окажется.
Цель вдали, а подойдешь,
Цель дымком окажется.

337. СВЕТЛОВОЛОСАЯ

В степи широкой разлилась река,
Как мне, пловцу, от бурных вод спастись?
Не ждет, не ищет счастье казака,
Как, удальцу, мне от невзгод спастись?

Есть белая кобылка в табуне,
Есть средь орлов орлица — вся бела,
Как быть, что делать, если в душу мне
Любовь светловолосая вошла?

Ни месяца, ни звезд в полночный час.
Темно, пятак уронишь — не найдешь.
У светлокосой родинка меж глаз,
Ни мылом, ни песком не ототрешь.

У птицы переломаны крыла.
Ловцы за ней гнались издалека.
Зачем ты, светлокосая, ушла,
Оставила в печали казака?

Пройду я мимо, загляну в окно:
Пуста кровать, беловолосой нет.
Открою дверь, войду: темным-темно.
Рыдает мать, беловолосой нет.

338. ПЕСНЯ ВТОРОЙ ЖЕНЫ

Влез ты в шубу меховую,
Значит, ждешь ты холодов?
Взял к жене жену вторую,
Значит, будь к беде готов!..

Я ведь в девушках твердила,
Что порог высок у вас,
Что входить в твой дом постылый
Буду с гневом всякий раз...

Псы залают — знаю, знаю:
Друг — за мной издалека,
И гвоздикой натираю
Кисти красного платка.

Может, в красном непригожа?
Лучше белый повяжу!
Друг мой молод, я моложе,
Всё исполнит, что скажу!

Очи — терн, дождем омытый,
Лоб мой — полная луна.
Эй, старик! Я для джигита
Быть женою рождена!

339—348. *Дияр*

1

Бурки вымокли края,
Просушить изволь, дияр!
А тебя, любовь моя,
Целовать позволь, дияр!

2

Нет, счастливой мне не быть
У людей чужих, дияр!
На челне бы можно плыть
В море слез моих, дияр!

3

Тает, тает вешний лед,
Кони вскачь летят, дияр!
Голос милой — сладкий мед,
Грудь — цветущий сад, дияр!

4

Серой шапки верхний край
Кумачом подшей, дияр!
Если молод — выбирай
Девушку скорей, дияр!

5

Чутко спит твоя сестра,
Злые псы у вас, дияр!
Жду давно я у двора,
Выйди хоть на час, дияр!

6

Шелк зеленый на бешмет
Ты купи скорей, дияр!
Он хранит, как амулет,
От лихих очей, дияр!

7

Мне ночами горьких слез
Не унять никак, дияр!
Поезд милого увез
В город, на рабфак, дияр!

8

Шли под песню мы с полей,
Жаркий день угас, дияр!
Парень, месяца светлей,
Бригадир у нас, дияр!

9

Девять шелковых платков
Милый мне привез, дияр!
Там не встретишь бедняков,
Где расцвел колхоз, дияр!

10

Трактор кружится в степи,
Весел стал наш труд, дияр!
Милый, домбру мне купи,
Струны пусть поют, дияр!

ОБРЯДОВЫЕ, ТРУДОВЫЕ, БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

349. ПРИЧИТАНИЯ ЖЕНЫ НАД ТЕЛОМ МУЖА

Я бога ничем не обидела,
Я даже юрты его не видела.
Я в садах у него не бывала,
Яблок его я не крала.
Я в кош к нему не ходила,
Ягнят его не уводила.
А он разразился грозою,
Оставил меня сиротою.
И нет моего господина,
Нет моего господина!..

350. ПУТЬ ДЕВОЧКИ

В первый годик, в самый первый год,
Много было с девочкой хлопот.
Два ей стало — начала ходить,
Три минуло — стала говорить,
К ней пришло в четыре года знание,
В пять она взялась за вышивание.
В шесть она ходила за скотиною,
В семь была степенною и чинною.
В восемь — стала в алый шелк рядиться,
В девять лет — была уже девица,
В десять лет ее увидел в щелку
Байский сын, болтавший без умолку.

Байский сын глядел — ее не прятали.
Стало ей одиннадцать — просватали.
Мать с отцом тряслись, калым считали,
Дочь свою в двенадцать лет венчали.

351. ЧЕКМЕНЬ

Девушка из Аккермана
Шерсть щипала...
Для чего?
Девушка из Аккермана
Шерсть чесала...
Для чего?
Девушка из Аккермана
Шерсть пушила...
Для чего?
Девушка из Аккермана
Нить сучила...
Для чего?
Девушка из Аккермана
Пряжу пряла...
Для чего?
Девушка из Аккермана
Сукна ткала...
Для чего?
После сукна те стирала.
Расстилала...
Для чего?

Девушка из Аккермана
Шерсть щипала на чекмень.
Девушка из Аккермана
Шерсть чесала на чекмень.
Девушка из Аккермана
Пряжу пряла на чекмень.
Девушка из Аккермана
Сукна ткала на чекмень.

Их тянула, расстилала,
Чтобы тонким был чекмень.

А потом она скроила
Новый праздничный чекмень.

А потом она пошила
Новый праздничный чекмень.

А когда его скроила,
И когда его пошила —
Нарядилась в тот чекмень!

352. ПЕВЕЦ И ВОЛК

Как-то раз осенним днем
Я верхом пустился в путь,
Загадал, что, может быть,
Свадьбу встречу где-нибудь.

Рад бы дома я сидеть,
Да жена корит меня:
«Нет ни масла, ни муки, —
Оседлал бы ты коня!»

Ночь на свадьбе песни пел,
Утром еду я домой,
И рысцой коня гоню:
Возвращаюсь не пустой!

Вижу — бледная, в слезах,
Мне бежит навстречу дочь:
«Ой, отец! У нас козу
Волк зарезал в эту ночь!

А богач Кок-Коз-Ажи
На всё стойбище орал:
«Волк, ей-богу, молодец,
Что козу у них задрал!»

Спрыгнул в ярости с коня:
«Слушай, глупый ты богач!
Хоть певец я, не пророк, —
Смех твой обратится в плач!»

Дочку ж я утешил так:
«Пусть смеется на беду!
Я его развеселю,
С волком дружбу заведу!»

И певец отыскал волка и сказал:

«Эх, беспамятный ты зверь!
Стыд и совесть потерял!
Мало у князей отар,
Что на мой ты кош напал?

Помнишь, я подпаском был,
Пас хозяйские стада, —
Так пока играл я в мяч,
Ты ягнят губил тогда...

Что же, всадника с ружьем
Я хоть раз навел на след?
Что же, баю за ягнят
На тебя донес я? Нет!

А теперь в мой бедный кош
За единственной козой,
Нашу дружбу позабыв,
Лезть... Да это же разбой!

Ишь, разлегся, как купец!
Слопал белую козу...
Погоди, вот по бокам
Плетью я тебя свезу!»

Тогда волк ответил:

«Экий грех!.. Прости, певец!
Я не знал ведь, чья коза...
Пусть мне ворон, если вру,
Тут же выклюет глаза!

Мимо коша твоего
Сроду близко не пройду,
Или пусть волчонок мой
Нынче ж попадет в беду!»

Певец

Чтоб он завтра околел,
Твой волчонок озорной,
И чтоб до смерти ты сам
Болью мучился зубной!

Волк

Плетка у тебя в руках,
Замахнулся — бей, певец!
Но клянусь, разбоям я
Положу теперь конец!

Певец

Ладно, серый! Ты прощен!..
Одного теперь хочу.
Помоги мне отплатить
За обиду богачу.

Знаешь ты Кок-Коз-Ажи?
Всполоши его стада.
Постарайся за меня,
Натвори ему вреда!

А пока «Кабыл-мултык»
Он заставит говорить, —
Ты успеешь без помех
Быстрый Терек переплыть!

353. ПЕСНЯ, СПЕТАЯ ПЕВЦОМ, ДЕРЖАЩИМ В РУКАХ САРАНЧУ

Злая, злая Саранча!
Дорогая Саранча!
Жить спокойно дай нам, людям.
Прикажи — служить мы будем.
Ты приходишь и берешь,
Ты не сеешь, только жнешь.
Нам, голодным, много слез
Ты приносишь, Саранча.

Без серпов и острых кос
Как ты косишь, Саранча?
Без лопат и без мешков
Как ты носишь, Саранча?
Без цепов и без волов
Как молотишь, Саранча?
Без мешков и без весов,
Как ты делишь, Саранча?
Без колес, без жерновов
Как ты мелешь, Саранча?

Шея у тебя длинна,
А на крыльях — письмена.
Айтмамбет, я не учен,
Мне не разобрать письмен.
Но, наверно, в письменах
Есть слова «беда» и «прах».
В поле я пошел с серпом —
Не досталось ячменя:
Оказалась ты жнецом
Расторопнее меня.
То не предгрозовый мрак,
То не облака черны —
Прилетел к нам черный враг
Тучей с южной стороны.

Что над полем: ночь иль день?
В поле пепел иль ячмень?

Эту песню Айтмамбет
Я пропел на склоне лет.
Не жалел я сил, пахал,
Сеял я, да не пожал.

Нету в поле ни копны,
Дома дети голодны.
Что же делать мы должны?
Мы б купили, да бедны.

Как спастись нам от невзгод?
Как прожить нам этот год?
Может, в будущем году
Мы не попадем в беду.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

354. ДЕТСКАЯ ПЕСНЯ

У ногайца-бедняка
Народились два сынка.
Сын Эдиль был невелик,
Невелик был сын Яик.

Взял Эдиль колесный круг,
Разломил и сделал лук,
Навострил Яик пилу,
Сделал тонкую стрелу.

После братья и друзья
Подстрелили воробья.
Птичье мясо две недели
Братья до отвала ели.

Спали братья на перинах
Из перышек воробьиных.
Из костей его с трудом
Братья выстроили дом.

Братья и умны, и ловки,
Всех добрей, но всех бедней.
Даже нет у них веревки,
Чтоб стреноживать коней.

355. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

У меня сыночек народился,
В красную рубашку нарядился,
Снял сыночек мой свою обновку
И сушить повесил на веревку.
Проходила мимо дочка бая,
Заспешила, глаз не поднимая.
Дочке хана проходить случилось,
Глянула она и рассердилась.
Проходила дочка бедняка —
Полюбила моего сынка.

356. АЙДАНАК

Ай, Айданак, Айданак!
Месяц ал, как алый мак.
Всё сверкает в эту ночь.
Спи, дочь!

Белый снег рука твоя,
Белый мед щека твоя.
Прочь беда и горе прочь.
Спи, дочь!

Скоро в школу ты пойдешь,
Долю лучшую найдешь —
Есть теперь кому помочь.
Спи, дочь!

ТАБАСАРАНСКИЕ ПЕСНИ

357. СОРЕВНОВАНИЕ АШУГОВ

Первый ашуг

Что это, скажи, с небес до земли висит?
Что это, скажи, отцу утешать легко?
Что это, скажи, из рук в руки дают?

Второй ашуг

Это дождик от небес до земли висит;
Это дочь свою отцу утешать легко;
Это проданный товар из рук в руки дают.

Первый ашуг

Что это, скажи, в воде остается сухим?
Что это, скажи, в земле не ржавея лежит?
Что это, скажи, за птица в гнезде одна?

Второй ашуг

Это солнца луч в воде остается сухим;
Это самоцвет в земле не ржавея лежит;
Это сердце-птица в гнезде одна!

358. Я В ОДНУ КРАСАВИЦУ ВЛЮБЛЕН

Слезы по щекам текут рекою,
Я в одну красавицу влюблен.
Даже и во сне мне нет покою,
Я в одну красавицу влюблен.

Красота ее неповторима,
Кто увидит, не проходит мимо,
А стоит и смотрит недвижимо.
Я в одну красавицу влюблен.

Две ее косы подобны струнам,
Две дуги бровей подобны лунам,
Две щеки подобны розам юным,
Я в одну красавицу влюблен.

Я вам описать ее не смею,
Если и посмею, не сумею.
Я о ней подумаю — немею.
Я в одну красавицу влюблен.

359. ТЫ МЕНЯ ПОЖАЛЕЙ

Про намус позабудь,
Не гляди на отцов-матерей,
Пламя жжет мою грудь,
Ты меня пожалей!

Приходи, мой жених,
Станет в доме холодном теплей,
Не гляди на других,
Ты меня пожалей.

Днем сижу я одна
И горюю о доле своей,
Ночью мне не до сна.
Ты меня пожалей!

Книгу в руки взяла
И читать начала, а по ней
Вдруг слеза потекла,
Ты меня пожалей!

Эта книга толста,
Словно книга печали моей,
Эта книга чиста,
Ты меня пожалей!

Без тебя от обид
Жизнь моя с каждым днем тяжелей.
Бог тебе не простит.
Ты меня пожалей.

360. ПРОСНИСЬ, КРАСАВИЦА

Шумит листвой весенний сад,
Проснись, красавица, проснись!
Скворцы на яблонях кричат.
Проснись, красавица, проснись!

Я жду давно тебя в саду,
Хоть не сказала ты «приду!»
Пророчит сердце мне беду.
Проснись, красавица, проснись!

Папаху набекрень надел,
Мой пояс ал, бешмет мой бел,
Но черен без тебя удел.
Проснись, красавица, проснись!

Ты хмуришь бархатную бровь,
А я и брань твою готов
Ценить дороже жемчугов.
Проснись, красавица, проснись!

Безумье у меня в крови,
Цветком я стал, меня сорви,
Сорви и брось в огонь любви.
Проснись, красавица, проснись!

361

И в восемнадцать лет мне жить не сладко.
Соседки дочь меня любить не хочет.
Красавица с глазами куропатки
Зажгла мне сердце, а гасить не хочет.

Я жду, чтоб ты меня благословила.
Ужели, мать, ты мне желаешь зла.
Ведь ты сама когда-то полюбила
И всем назло за милого пошла.

О мама-джан, пути любви не гладки.
И я прошу: какою б ни была,
Красавицу с глазами куропатки
Люби за то, что мне она мила.

362. СОЛОВЕЙ

Соловей, лети скорее,
К милому в аул спеши.
Скажешь: «Понежней, добрее
Письмецо ей напиши!»

Поспеши, певунья-пташка,
Соловей мой, соловей!
Скажешь: «Знай, давно бедняжка
Там болеет. Пожалей!»

Ах, певец мой серокрылый,
Ты от мук меня избавь:
Те слова, что скажет милый,
Как лекарство мне доставь.

Ты мою исполни просьбу —
Сразу стану здоровей.
Ах, хоть раз еще пришлось бы
В сад мне выйти, соловей!

363. ТЫ МЕНЯ СОЖГЛА

Мать старых слов тебе немало нашептала, —
Ты, растерявшись, ей согласие дала.
Цвет нашей молодой любви ты растоптала,
И я, живой, испепелен дотла.

Такой старик и ты — какая это пара?!
Счастливой будет ли отныне жизнь твоя?
И матери твоей дождаться ль счастья, старой,
Что с розой разлучила соловья?!

Ослеплена была богатством ты, бедняжка,
Но денежный мешок — не молодой супруг.
Поймешь ли боль моей обиды тяжкой?
Мне жаль тебя, мой изменивший друг!

364. ЛАНЬ

С белой шейкой лань одну
Третий месяц я люблю.
С гибким станом лань одну
Неужели не словлю?

Ты же в сеть мою попасть
Жаждешь и сама теперь.
Лет девичьих урожай
Соберу я без потерь!

Лоб твой светел, как луна,
Щеки — алы, черен глаз...
До чего же, до чего
Счастлив я на этот раз!

365. КРАСАВИЦА

Ах, в каждый волос я влюблен
Твоих бровей и кос,
Красавица!
Как в соловьиных песен звон,
В твой голос я влюблен,
Красавица!

366

Как тень блуждал я за тобой,
Как нищий ждал в пыли густой,
А ты ленилась знак пустой
Подать изнеженной рукой.

В тяжелый шелк тебя рядят,
Отец твой золотом богат.
Но я другую полюбил —
За светлый взгляд, не за наряд.

Ее, как редкостный опал,
В домах богатых я искал,
И в ослеплении моем,
Что сам я беден, забывал.

367. ЖУРАВЛЬ

Эй, журавлик одинокий,
Слышишь ты меня иль нет?
Если милого увидишь,
Передай ему привет!

Письмецо я написала б —
Не снесешь ли ты к нему?
Пусть прочтет, как я страдаю,
Пусть узнает, почему.

Если взять письма не можешь,
Скажешь: «По тебе она
Так страдает, так тоскует,
По ночам не знает сна».

Ты скажи ему, журавлик:
«Плохо Сайрапат твоей,
Но поправилась бы сразу,
Если б ты приехал к ней...»

Пролетая в чистом небе,
И вперед гляди и вкось —
Милого увидев, скажешь,
Как мне горько жить с ним врозь!

С ним бы встретиться — исчезли б
Тела боль и боль души.
Ты скажи ему, журавлик:
«Всё бросай — и к ней спеши!

Будет вам спокойно, сладко
Вместе жить в краю родном».
Ты скажи ему, журавлик,
Все мечты мои о нем.

А когда на просьбу эту
Мой любимый скажет: «Да!» —
У меня от счастья, верно,
Сердце выпрыгнет тогда!

868. ЧТО ТЫ СДЕЛАЕШЬ?

Девушка

Буду в поле опустелом
Я орехом недозрелым.
Что ты сможешь сделать мне?

Парень

Будешь в поле опустелом
Ты орехом недозрелым —
Черной стану я вороной,
Чтоб клевать орех зеленый.
Что ты скажешь мне в ответ?

Девушка

Если станешь ты вороной,
Чтоб клевать орех зеленый,
Стану я зерном пшеницы,
Чтобы в поле поселиться.
Что ты сможешь сделать мне?

Парень

Если станешь ты пшеницей,
Чтобы в поле поселиться,
Превращусь тогда я в птицу,
Прилечу клевать пшеницу.
Что ты скажешь мне в ответ?

Девушка

Если превратишься в птицу,
Прилетишь клевать пшеницу,
Стану яблоком я нежным,
Схоронюсь в ларце железном.
Что ты сможешь сделать мне?

Парень

Станешь яблоком ты нежным,
Спрячешься в ларце железном —
Стану я ключом, который
Открывает все запоры.
Что ты скажешь мне в ответ?

Девушка

Будешь ты ключом, который
Открывает все запоры, —
Стану ланью быстроногой,
Побегу лесной дорогой.
Что ты сможешь сделать мне?

Парень

Если ланью быстроногой
Побежишь лесной дорогой,
Поскачу я, не помедлю,
На тебя наброшу петлю.
Что ты скажешь мне в ответ?

Девушка

Пусть охотником ты станешь,
Лань лесную заарканишь,
Слягу я тогда больная,
Буду немощна, бледна я.
Что ты можешь сделать мне?

Парень

Если будешь ты больная,
Девушка моя родная,
Я найду секрет леченья,
Облегчу твои мученья.
Что ты скажешь мне в ответ?

Девушка

Ты найдешь секрет леченья,
Облегчишь мои мученья,
Стану я тогда здоровой,
Для любви на всё готовой.
Что ты сможешь сделать мне?

Парень

Если станешь ты здоровой,
Для любви на всё готовой,
Убегу с тобой из дому.
Молодому, дорогому,
Что ты скажешь мне в ответ?

369—376. *ЧЕТВЕРОСТИШИЯ*

1

Ты не ложись, мой милый, в тень,
Не то простудишься, я знаю.
Ко мне не езди каждый день —
Пойдет о нас молва дурная.

2

В саду густом роса осталась,
Хоть тьма ночная солнце скрыла.
К тебе прийти я собиралась,
Но смерть меня опередила.

3

Над солнцем туча дождевая,
Как над огнем открытым дым.
Мой милый по чужому краю
Идет. Мой дух летит за ним.

4

Пять пролетело голубей.
Они не братья ль, интересно?
Соседу о любви моей
Известно или неизвестно?

5

Свечу, что над столом моим,
Я в поле засветить смогу ли?
Хоть требуют большой калым,
Тебя я разлюбить смогу ли?

6

Что, милый, мне с тобою делать?
Что мне со злой судьбою делать?
Коль я достанусь не тебе,
Скажи, что мне с собою делать?

7

Уходит солнце с небосклона,
Врезаясь в море, будто нож.
Дай мне, старушка, дочку в жены,
Ты в рай за это попадешь.

8

Увидеть милого хотела,
Пошла, как будто за водой,
Остановилась, поглядела:
А он стоит передо мной.

377

Мне горечь слез сжимает грудь,
Мне горе не дает уснуть.
«Скончался Ленин, — брат сказал, —
Его, сестрица, не забудь!»

Узор я выбрала такой,
Чтоб красок радовал игрой.
И Ленин выткан на ковре
Моею любящей рукой.

В благоухающем саду
Я розы алые найду
И в клубе Ленина портрет
Украсить к празднику пойду.

378. ПЕРЕКЛИЧКА

Джигит

Девушка, красавица, ты куда идешь?
Путь твой будь недолгим, глаз моих услада!
Может быть, меня минутку подождешь —
Письмецо тебе вручить мне очень надо!

Девушка

Мне, признаться, жаль твоих чернил, джигит:
Азбукой латинской я не овладела.
Страстью, верно, так твое письмо кипит,
Что сожжет мое девическое тело.

Джигит

Для меня луны и солнца ты светлей,
Для меня — ты краше куропатки горной.
Пожалей меня, царевна, пожалей, —
Всей душой в тебя влюблен я непритворно!

Девушка

Чай из самовара пить я собралась —
И в трубу древесный уголь набросала.

Матери своей в тот день я поклялась:
«Я бы жизнь свою с любимым лишь связала!»

Джигит

Коль сегодня сладкой груши я не съем,
Завтра — лучших яблок не возьму и даром.
Молодость моя мне без тебя зачем
И любовь зачем, когда я стану старым?

Девушка

Сняты яблоки, сады оголены,
Две лишь яблони забыты — мы с тобою.
Поженились все, кто были влюблены,
Только я да ты обойдены судьбою.

Джигит

Слаще меда ты и слаще всех плодов,
Каждым словом ты мне душу окрыляешь.
Жертвой за тебя всегда я быть готов,
Целовать твои следы, когда гуляешь.

Девушка

В руки свой чунгур возьми — и не тужи,
На прогулку выйдем мы с тобою вместе.
Руку сильную ты в руку мне вложи, —
Убежим и жить начнем на новом месте.

379. ДЕВУШКА, ДЕВУШКА

Девушка, девушка, ты куда идешь,
Красные хурджины тащишь на спине?
На прополке в поле у Латан-наме
Ты вчера приснилась мне в приятном сне.

Девушка, девушка, ты куда идешь,
С молоком кувшин куда несешь с утра?
Как доила ты породистых коров,
Тоже видел я в приятном сне вчера.

Девушка, девушка, ты куда идешь,
На ходу крутя какой-то ключ кривой?
Видел я тебя вчера опять во сне —
За рулем большой машины грузовой.

Девушка, девушка, ты скажи, куда
С книжкою под мышкой ты идешь, смеясь?
С этой книгой видел я тебя во сне —
Ты в нее глазами за столом впилась.

Девушка, девушка, ты куда идешь,
Держишь ярких ниток ты в руках набор?
Мне во сне приятном снилась ты вчера,
За станком стояла и ткала ковер.

380. РОДИМЫЙ КРАЙ

Пусть только камнем ты богат,
Пусть жизнь твоих детей — не рай,
Но нам милей, чем райский сад,
Твой камень, о родимый край!

Твой камень снится нам подчас.
Могила, поле, дом, сарай —
Всё камень, лишь сердца у нас
Не камень, о родимый край!

381. БЕДНОСТЬ

Ты держишь в страхе человечий род,
Нас от невзгод не ограждаешь, бедность.
Когда приходит к нам тяжелый год,
Ты нас от братьев отдаляешь, бедность!

Когда огнем уже охвачен дом,
Нас не идут спасать, хоть мы зовем.
Нас, бедняков, и ночью ты и днем
Жить в беспокойстве заставляешь, бедность!

Не всходит хлеб без пота, без труда,
Без рек и в море высохнет вода.
Хоть мир богат, но доли никогда
Ты бедняку не оставляешь, бедность!

Нет гроз без туч, нет дыма без огня,
Базара — без людей, без света — дня.
Всем обделяя бедняка меня,
Лишь горем ты не обделяешь, бедность!

На мне всю жизнь лежит твоя печать.
Как от нее уйти, с чего начать?
Без сожаленья, не по силам кладь
На бедняков ты нагружаешь, бедность!

Густеют тучи — наступает тьма.
Темно и днем, коль пусты закрома.
Своею властью сводишь нас с ума,
Ты нас гнетешь и унижаешь, бедность!

382. В ТЯЖЕЛУЮ ПОРУ

Горем согнутый тяжким, шагал я с трудом,
Горем согнутый, я постучался в твой дом.
Ты взглянул, да недобро, и взгляд твой погас.
Будь он проклят, тот день, будь он проклят,
тот час,
Когда я в твой дом постучался.

Не желаю я тем, кто придавлен судьбой,
Постучаться в твой дом, повстречаться с тобой.
Ты охотно берешь, да не щедро даешь.
Ты за грош с правоверного шкуру сдерешь,
Ах, зачем я в твой дом постучался?

383

Какие нынче времена,
А лучших и не ждать.
В ауле староста один,
А мулл в ауле пять.

Кто может строчек пять прочесть,
Тот и мулла у нас,
Тот тянет с бедняков добро
И копит про запас.

Муллы, пускай пошлет аллах
На всех на вас беду,
Чтоб в день вы мерли штук по пять
И жарились в аду.

384. МУЛЛА

Дым в глаза пуская нам,
Пользуешься властью грязной.
Не пахал, не сеял сам,
А ведь жрешь, обжора праздный!

Нашу кровь и пот всё жрешь,
С нас дерешь семь шкур закята.
Адом нас пугая, врешь,
Живодер, мулла проклятый!

То курбан, то ураза,
Такса талисману — кура.
Но открыли мы глаза —
Хватит драть с народа шкуру.

Богачам — твоя хвала,
Солнцем ты зовешь тирана.
Грабежом живешь, мулла,
Ты при помощи Корана.

385. ЯРАЛИ

Чего ты с утра, Ярали,
Кричишь средь двора, Ярали.
Борода у тебя седая.
Поумнеть пора, Ярали!

Необузданный нрав — беда.
От горячности никогда
Ничего запальчивым людям
Не бывало, кроме вреда.

Надо с близкими дружно жить,
Все обиды нужно забыть,
Вместо горечи несогласья
Лучше мед согласья вкусить.

Если зол ты на белый свет,
Дом свой, близких избавь от бед.
Перед тем, как браниться, к старшим
Обратись и возьми совет.

386. ПЛАЧ ПО УШЕДШЕМУ НА ВОЙНУ

Кричу я, твое повторяю имя.
Стоит предо мной беспросветная мгла.
Покуда не скрылся ты вместе с другими,
Вслед я смотрела и зрячей была.

Кто так же, как я, томится, сгорая,
Кто так же рыдает на этой земле?
Несчастней меня найдется ль другая
Из тех, кто страдает на этой земле?

По белому небу кружится птица,
Я руки вздымаю — достать не могу.
Ушел ты, мой милый, чтоб не возвратиться.
Ушел — и позвать я тебя не могу!

Погнали солдат, как на бойню отары.
Оставил меня ты и старую мать.
«Будь дочерью ей — моей матери старой!» —
Ты мне завещал и пошел умирать.

387. ТАРИКУЛИ ЮЗБЕКОВ

Из Баку он по приказу
Прибыл к нам в годину ту
И сплотил, и поднял сразу
На амиров бедноту.

Дорог бедному народу
Был герой Тарикули,
Утвердить свою свободу
Горцы лавой потекли.

Был Тарикули бесстрашен,
Меткой славился стрельбой.
Патронташами украшен,
Полк его стремился в бой.

В горы конница махнула,
Склоны сплошь собой покрыв,
В битве у Матрач-аула
Вражью силу перебив.

Так в аул Касум свобода
Навсегда в те дни пришла.
От деникинского сброда
Прах остался и зола.

388

Неподвижно в небе ясном
Тучки белые стоят.
На своем посту опасном
Парни смелые стоят.

На бумаге белой-белой
Много черных букв и слов.
Сына б я не пожалела,
Если б он щадил врагов!

Дверь я в саклю распахнула —
Сына нет, — храню бешмет,
На папаху я взглянула —
Головы папахе нет!

389. ПЕСНЯ ДЕВУШЕК, ПРИШЕДШИХ ЗА НЕВЕСТОЙ

Мы стоим в сенях твоих.
Отвори нам двери, сват!
Нас сюда прислал жених.
Неужели ты не рад?

Поздно клясть теперь судьбу
И просить калым назад.
Дочь свою сажай в арбу
И вези на свадьбу, сват!

В доме жениха народ,
И уже который день
Там жених невесту ждет,
Сдвинув шапку набекрень.

Сват, ты слышишь, как вдали,
За горой грохочет гром.
За невестой мы пришли,
Пусть украсит новый дом.

390. СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

В мире, в согласьи живите, сваты,
Пошире дверь растворите, сваты!
Сваты, ворота быстрей отворите,
Скатерть, снега белей, расстелите.

Дым очага вылетает в трубу,
Пару быков запрягают в арбу.
Уже в окруженьи близких своих
Невеста в пути, в своем доме жених.

Краснеют красные губы невесты,
Белеют белые зубы невесты.
Идет нареченная наша к венцу,
Шаль ей дареная очень к лицу.

С вершин снеговых утекает вода.
Ужель молодых ожидает беда?
Свершится всё так, как назначит аллах.
И счастье, и горе — всё в божьих руках!

С волос нареченной узорный платок
Сползает и падает в черный поток.
Не знала невеста, попала в тот дом,
Где тесно, где плакать придется потом.

Зима наступает за летом вослед.
Кто знает: к нам счастье придет или нет?
Что́ это — роса иль слезинки невесты?
Что́ — свадьба сейчас иль поминки невесты?

391

«Гот-гот-гот», — голубица бормочет.
«Болит живот!» — синица бормочет.
Синица у нас хороша.
Как имя ее?
Айша!
Чтоб Айше угодить,
Обновка нужна.
Чтоб бычка приручить,
Веревка нужна.
Чтобы воды бычку принести,
Должна Айша к родничку пойти.

392

Урчур-тумтум,
Урчай-тамтам.
Где чурдафский родничок —
Есть франтиха кукла там,
Где мизнанский родничок —
Щеголиха кукла там.
Девушка там есть одна —
Краше нет на свете глаз.
Если петь начнет она,
Пустятся и звери в пляс.
Девушка в Хулюге есть
Удивительной красы, —
Справит — слава ей и честь! —

Свадьбу зайца и лисы.
Причесавшись, мать-лиса
Поохотиться идет.
У лисят горят глаза:
Вкусный ли обед их ждет?
С пастбища пришла овца —
Вымя белое полно.
Струйки с каждого сосца —
«Цих-цих-цих» — в ведро, на дно!
Вот коров пригнал пастух —
Их доить пришла пора.
И звенит «цух-цух, цух-цух»
Молоко об дно ведра!

ТАТСКИЕ ПЕСНИ

393. ДЕВУШКА-ДЖАН

«Каковы твои очи, о девушка-джан?»
— «Объяснить я могла б, да не надо, —
Словно пара больших виноградин они,
Разве ты не видал винограда?»

— «Каковы твои брови, о девушка-джан?»
— «Как могу объяснить я словами?
Но черта, проведенная тонким пером,
Очень схожа с моими бровями!»

— «Каковы твои косы, о девушка-джан?»
— «Я тебе не отвечу на это, —
Выйди в поле, увидишь цветок золотой,
Вот и косы такого же цвета».

— «Каковы твои щеки, о девушка-джан?»
— «Мне вопрос этот кажется странным, —
Словно спелые яблоки, щеки мои,
И свежи, и сочны, и румяны!»

— «Каковы твои губы, о девушка-джан?»
— «Ты вопрос задаешь мне напрасно, —
Если видел когда-нибудь спелый гранат,
Знаешь, как мои губы прекрасны!»

— «Каковы твои зубы, о девушка-джан?»
— «Ты ответа не жди, он не нужен, —
Ты на жемчуг взгляни, ибо зубы мои
Словно ряд белоснежных жемчужин».

394. КАК МНЕ ПОВЕЗЛО

По-татарски *«беки»* — нож,
«Корде» — у евреев.
Я влюбился — невтерпеж —
В дочку богатеев!

Сколько было стад овец,
Дом какой! Хоромы!
Ночь настала наконец —
Я крадусь к их дому.

Спит на лавке у ворот
Сторож, да храпит как!
Я толкнул калитку... Черт!
Заперта калитка!

Ни души кругом... темно...
Страх! От пота мокну.
Что же делать? Лезть в окно?
Да высоки окна!

Всё на свете я забыл —
Прыгнул, словно кошка,
Вдребезги стекло разбил —
И открыл окошко.

Влез — и на пол. Пол, скажу,
Гладок, словно бубен!
Я шагнул, а весь дрожу,
Пересохли губы.

Я иду, как по стеклу,
Страх трясет колена.
Что-то вижу я в углу
Белое, как пена!

Предо мной ее кровать...
Сбилось одеяло...
Я ее за ножку хвать! —
Шевельнулась вяло.

Спит — не спит? Я стал смелей, —
Положась на бога,
Подтянулся ближе к ней —
И погладил ногу.

Слышу шепот... Неужель?
Ах, не спит плутовка!
Поскользнувшись, я в постель
Падаю неловко —

Ей на грудь!.. Ты посуди, —
Дух во мне зашелся:
На сосок ее груди
Грудью напоролся!

Веришь! Чуть я не кричу, —
Держит, силой прямо.
Встать, бежать скорей хочу...
На пороге мама!

С вечера ушел отец —
Где-то задержался...
«Мама! Этот молодец,
Видно, помешался!

Он твою тут мучил дочь, —
Как ты не слыхала?
Прогони скорее прочь
Этого нахала!»

— «Что вы, в косточки игру
Завели тут, детки?
Ну и будь оно к добру, —
Случай ведь не редкий!»

— «Мама, знай же правды суть:
Жаль мне парня! Шутка ль,
Я ему пронзила грудь
Своей острой грудкой!»

395. СПОР

Джигит

Бочка с кружкой без воды.
Вроде мы знакомы.
Коль зайдешь — в том нет беды, —
Никого нет дома.

Девушка

Села я одна за стол —
Самовар забулькал.
В это время ты зашел —
Вызвал на танцульку.

Я пошла с тобой плясать —
И плясать устала.
От любви я, так сказать,
Тронутою стала.

Джигит

Ты открой свое окно,
Звонким смехом брызни.
За тебя готов давно
Я лишиться жизни.

Девушка

В поле убраны хлеба, —
Дождь да ветер: осень!
Покарай тебя судьба,
Коль меня б ты бросил!

Джигит

Чай горячий остуди
Ты на мелком блюдце.
А меня не осуди, —
Видишь — слезы льются.

Девушка

Пару я носков свяжу —
Подарить не жалко,
Но тобой не дорожу —
Выброшу на свалку.

Джигит

Горе, хвори и беда
Пусть тебя минуют,
И удачами всегда
Пусть судьба балует.

Девушка

В кресло, как на трон, ты сядь
Важным ханом, чванным.
Шуток в толк не можешь взять —
Помирай болваном.

Джигит

Не сойтись с трубой трубе.
Если выйти замуж
Брат не разрешит тебе,
С ним расправлюсь сам уж.

Девушка

Не сойтись трубе с трубой.
Если разрешенья
Брат не даст на брак с тобой,
Зря грозишь ты мщеньем.

Джигит

Не пойму я, как тебя
Полюбить решился.
Знаю только, что, любя,
Я ума лишился.

Девушка

Если любишь, мне с тобой
Чваниться к чему же?
Нам назначено судьбой
Стать женой и мужем.

Джигит

Где ты мне зимой, весной
Встретилась, — гадаю.
А пойду с тобой, с женой,
Ночевать куда я?

Девушка

Задирать не стану нос
Пред тобой ни разу.
Под венец! И весь вопрос
Разрешится сразу!

Джигит

Камень вправлен в перстенек,
Самый перстень золот.
Кто б ни стал нам поперек,
Будет мной заколот.

Девушка

Сын купца придурковат,
Груб и безобразен.
Ну, а раз отец богат,
Мнит себя он князем.

Джигит

Ты была мне — как сестра,
Я был братом словно.
Но минула та пора —
Во вражде мы кровной.

Девушка

Руку правую дала
Я тебе при встрече.
Если верной не была,
Головой отвечу.

Джигит

Кто коня угонит, тот
Драки не минует;
Кто кинжал пускает в ход,
Запах крови чует.

Если я тебе мигну,
Как ты это примешь?
Если я тебя умкну,
Шума не поднимешь?

Девушка

Кто коня угонит, тот
Будет бит, конечно.
Ну, а кто меня умкнет,
Будет счастлив вечно.

396–402. *ТАТСКИЕ ЧАСТУШКИ*

1

Ты лицо мне покажи,
Смуглая красавица.
Что в душе твоей, скажи,
Милая лукавица!

2

Гостя приглашают сесть.
Ставят угощение.
Тяжела любовь — не снесть,
Чистое мучение!

3

Хороша в горшке уха,
А к барашку — овощи.
Все богатства — чепуха,
Ты — мое сокровище!

4

Песни «песнями» зовем,
Ну, а как по-вашему?
Душа в душу мы живем,
Веселимся, пляшем мы.

5

Вей, осенний ветер, вей,
Пасть, медведь, ощеривай!
Сел красивый соловей
На большое дерево.

6

Выйди в поле, погляди
Ты на небо звездное.
Ты разжег в моей груди
Пламя страсти грозное.

7

У коровы черный глаз,
Телка белолобая.
Девушка, пойдем — у нас
Есть дела особые!

403. ПЕСНЯ НЕВЕСТЫ

Всем не спится в эту ночь:
Неумолчно плачет дочь.
Ой, дэдэ! Ой!

Шапку шила для отца,
Не дошила до конца.
Ой, дэдэ! Ой!

Шила братику платок,
Не дошила уголок.
Ой, дэдэ! Ой!

А спешила ведь она,
Шелком шила дотемна.
Ой, дэдэ! Ой!

Но так труден был узор...
Рано сват зашел во двор...
Ой, дэдэ! Ой!

И теперь сестра да мать,
Видно, будут дошивать.
Ой, дэдэ! Ой!

404. РЕКРУТСКАЯ

Виноград всё ниже клонит лозы
Во дворе знакомом.
Матерью посаженные розы
Выросли за домом.

Мне сулили лучшую невесту,
Да ошиблись сваты.
Налетело черное известье:
Царь берет в солдаты.

И теперь хожу, роняя слезы,
Во дворе знакомом.
Для меня посаженные розы
Отцвели за домом.

405. НЕНЕМ-НАНУЙ

Ненем-нануй, нануй-ненем, баю, баю,
Пусть достанется мне, от невзгод постаревшей,
Пусть достанется мне, от забот поседевшей,
Горе, назначенное тебе!

Ненем-нануй, нануй-ненем, баю, баю,
Пусть достанется мне, изнуренной заботой,
Пусть достанется мне, изможденной работой,
Горе, назначенное тебе!

Ненем-нануй, нануй-ненем, баю, баю,
Пусть достанется мне, без кинжала убитой,
Пусть достанется мне, без нагайки побитой,
Горе, назначенное тебе!

Ненем-нануй, нануй-ненем, баю, баю,
Пусть достанется матери, счастья не знавшей,
Пусть достанется матери, зло испытавшей,
Горе, назначенное тебе!

Ненем-нануй, нануй-ненем, баю, баю,
Пусть достанется матери многострадальной,
Пусть достанется матери, с детства печальной,
Горе, назначенное тебе.

406. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

На спине носили, носили,
Крошку хлеба у людей просили.
Люди рассердились и не дали.
«Вы нам спать мешаете», — сказали.
Спи!

Но потом малютку пожалели:
Чем же он виновен, в самом деле?
«Хлеб лежит на полочке», — сказали.

Мы за хлебом мальчика послали.
Спи!

Мальчик не смотрел себе под ноги
И разбил коленку на пороге,
Потекла на землю кровь рекою,
Проросла земля травой густою.
Мы траву по осени скосили.

На спине носили, носили...
Спи!

Вот приходит к нам коза с козленком,
Просит голосом протяжным, тонким:
«Ах, продайте мне травы немного,
Пожалейте странников убогих».

— «Травка продается на базаре.
Не мешай нам спать!» — мы ей сказали.
Спи!

Но потом козу мы пожалели,
Почему б не дать ей в самом деле?
«Вот трава, бери себе», — сказали.

Но за травку денег мы не взяли.
Спи!

РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ
И
ПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАБОТКИ

407

«Выйди, мать, наружу, посмотри на диво:
Из-под снега травка проросла красиво.
Влезь-ко, мать, на крышу, глянь-ко на восток:
Из-под льда ущелья вешний вон цветок».
— «Не пробиться травке из-под груды снежной,
Изо льда ущелья цвет не виден нежный;
Никакого дива: влюблена-то ты,
Так тебе на снеге чудятся цветы».

29 октября 1875

(Аварская)

АЛ. ЭЛЬСКИЙ

408. БИТВА С НАДИР-ШАХОМ

Словно тучи в день осенний,
Надвигаются иранцы.
Как на дне морском песчинок,
Сосчитать их невозможно.
Слышен рокот, словно волны
Разлились живого моря,
Разлились — вот-вот затопят
Наши горы, наши гнезда!
Блещут ратные доспехи,
Копий вырос лес дремучий, —
То идут на нас афганцы,
С ними курды и трухменцы,
Посредине выступают
Силачи мазандеранцы;
Эта шахова пехота
Всё с лица земли стирает!
Перед нею врассыпную,
Но готовые для битвы,
Идут стройные красавцы —
То стрелки Азербайджана.
Весь Иран на нас поднялся —
Реют шаховы знамена!
Столько их, что даже мулла
Не сочтет с утра до ночи...

Все равнины на предгорьях
Затопили орды злые.

Во главе их всепобедный
Шах-Надир — Гроза вселенной.
С ним Шах-Ман, изменник подлый,
От которого и дети,
Сыновья его, любимцы,
Отказалися навеки.
Изгнан был Шах-Ман презренный.

На родимые аулы,
Ради мести за обиду,
Он привел теперь иранцев.
Проклято пусть будет чрево,
Что его в себе носило!
Пусть сосцы прокляты будут,
Что изменника вскормили!
Пусть его презренной кровью
И кинжал не обагрится!
Пусть умрет он, как собака,
Проклинаемый в аулах!

Надвигаются иранцы.
Вот пред ними наши горы...
Топот ног людских и конских
Заглушает рев потоков.
Ой, беда! Родные горы!
Как бы с места вас иранцы
Не подвинули, чтоб в море
Побросать вас вместе с нами!
Вот пришли... Пришли и стали.

Шах-Надир с Шах-Маном подлым
Из долины смотрят зорко
На утесы, на вершины.
Говорит Надир Шах-Ману:
«На подоблачных высотах,
Где орлы одни летают,
Вижу я людей каких-то.
Верно, страх передо мною,
Пред моей великой силой,
Нет которой равной в свете,
Их загнал на эти кручи!»

Отвечал изменник шаху,
Потупляя долу очи:
«Нет, не страх туда загнал их
Пред твоей великой силой!
Страх сердцам их неизвестен,
Битва — радость им и счастье...
Берегися, повелитель:
Там ты видишь андаляльцев.
То гнездо над облаками
Не орлам приютом служит —
Чох аул-то андаляльский,
Берегись, Гроза вселенной!»

Шах-Надир, Гроза вселенной,
Услыхав ответ Шах-Мана,
Засмеялся, словно шутку
Он веселую услышал.
«Не смеши, — в ответ промолвил, —
Разве есть на белом свете,
Кто противиться мне мог бы,
Повелителю вселенной?
Сокрушу я андаляльцев
Так, что память их исчезнет!»
И, сказав такое слово,
Он послал спросить в аулы:
«Что за мыши это лезут
На моих котов иранских?»
И владыке полумира
Отвечали андаляльцы:
«Погляди, шиит презренный,
На своих ты куропаток,
Что осмелились подняться
На орлов из Лезгистана!»

И тогда вскипела битва.
Загремели наши ружья,
Засверкали наши шашки,
Полилися реки крови.
Лезут на горы иранцы,
Нет числа их ратной силе,
Но пред ними оживают
Камни, скалы и утесы.

Из-за них бойцам навстречу
Смерть холодная несется,
Но их столько, что и смерти
Подбирать их не под силу.

Добрались до нас... Стеною
Встали мы живой пред ними,
И схватилися грудь с грудью
Мы с иранскими бойцами.

Солнце вышло, и на солнце
Сталь каленая сверкает.
И заржавели кинжалы
От иранской подлой крови.
На горах другие горы
Поднялись высоко к небу, —
То тела бойцов Надира,
Павших в битве перед Чохом.

Полдень знойный. Андаляльцы
Не отдвинулись ни шагу
И стоят средь грозной сечи
Пред иранскими бойцами,
Что по воле Шах-Надира
На смерть идут неотступно,
Как гранитные утесы
Пред морским прибоем в бурю!

Но и капля долбит камень!
Лишь один аллах всесилен,
А людским ничтожным силам
Им положены пределы.
Андаляльцы все на месте —
Взад не двинулись ни шагу,
Все остались, но не много
На ногах среди стоящих.
Большинство легло, как ветром
В ниве сбитые колосья.

В дикой радости иранцы
Заревели, словно звери!
Верх за ними остается!

Погибают андаляльцы...
Ждать им помощи откуда?
Разве только от аллаха?
Но и тот разгневан, верно,
А не то такой победы
Он отверженцам-шиитам
Никогда не даровал бы!

Шах-Надир уже ликует.
Конь под ним арабской крови,
Разукрашенный, как в сказке,
Удила грызет свирепо.
А Шах-Ман главой поникнул:
Знать, ему под броню в сердце
Заползла змеею совесть,
Заползла и душу точит.
Говорит Надир, надменно
На изменника взгляд кинув:
«Поглядим-ка мы на дерзких,
Что противиться нам смели!»

Тронул он коня и скачет.
Визирь скачет вслед за шахом,
И блестящая вся свита
Потянулася за ними.
Вдруг — о ужас! — что такое?
Потемнел Надир... Он видит,
Что к бойцам последним помощь
Из аула подоспела;
Видит, будто в пять раз больше
Стало сразу андаляльцев,
И опять бой затихавший
Разгорелся с силой ярой.

Что за воины такие?
Место им не в жаркой сече...
Не отточенною шашкой
Наносить им людям раны.
Нет! Не шашкой... Поцелуем
Им разить сердца людские
И в гаремах им любовью
Услаждать бы жизнь на свете!

То не мужи, что для битвы
Родились и с колыбели
Приучалися с врагами
В жаркой схватке биться насмерть,
Андаляльские то девы,
Жены, матери и вдовы
В миг последний на подмогу
В бой кровавый поспешили.
Умереть они готовы
С теми, кто был дорог сердцу,
Только б смерть их подороже
Обошлась врагам свирепым!
Блещут шашки и кинжалы
В их руках, что лишь недавно
В праздник светлый и веселый
Бубны звонкие держали.
И не песня — клич свирепый
С уст срывается их нежных,
Будто смерть сама несется,
Предводительствуя ими.

Сонм ли гурий, злые ль духи
Появились столь нежданно?
Распознать того не могут
Пораженные иранцы.
Опустилися их руки,
Робость их сердца объяла,
Вместе с нею смертный ужас
Помрачил их слабый разум.
Миг еще — они шатнулись. . .
Миг еще — и в беспорядке
Побежали вспять от Чоха
Все бойцы Надира-шаха.

Шах-Надир глядит на битву
И глазам своим не верит:
Как напуганное стадо,
Орды катятся от Чоха;
Побежали вспять афганцы,
Что закованы в железо,
Понеслись азербайджанцы
С наших гор быстрее ланей.

Силачи-мазандеранцы
Покатилися за ними;
Курды, лазы и трухменцы
С диким гиканьем помчались...
Удержать их невозможно,
Даже шаховых велений
Беглецы в испуге диком
На пути своем не слышат.
Вслед им смех несется женский,
Смех и радостный, и звонкий...
Всемогущему аллаху
Похвала гремит несмолчно.
Со стыдом от андаляльцев
Шах ушел в Иран свой бедный.
Был слабейшими руками
Посрамлен Гроза вселенной.

(Аварская)

409

Слуги вечного аллаха!
К вам молитву мы возносим:
В деле ратном счастья просим.
Пусть душа не знает страха,
Руки — слабости позорной,
Чтоб обвалом беспощадным
Мы к врагам слетели жадным
С высоты своей нагорной.

Помогите, помогите!
О святые, к вам взываем,
Магомета умолите, —
Без него мы погибаем.
Нет у нас иной защиты,
Нет заступника иного,
Без него мы все разбиты,
С ним сразим врага любого!

Дверь победы растворяя
Для рабов своих покорных,
О пророк, аулов горных
Не забудь в утехах рая,
Наша кровь рекой прольется,
Но за муки и страданья
Тем сторицей воздается,
Кто томится в ожиданьи!

410

Кто, отважный, обрек себя богу,
Без боязни иди на дорогу.
Всё, что видит орлиное око
Позади, впереди и далеко,
Облака и сиянье лазури,
И утесы, и вихри, и бури —
Всё послужит во славу аллаха,
Начинанью джигита без страха.
И не место бесплодным тревогам,
Если смерть суждена тебе богом,
Азраил над тобою несется,
Пусть душа, как орел, встрепенется;
Улыбайся, глаза закрывая,
Иль не слышишь — далекого рая
Уж звучат, не смолкая, напевы;
Ждут тебя благодатные девы!

411

Каждое утро по улице красиво идешь ты.
Хороша!
Красиво надеваешь алый шелк поверх зеленого!
Хороша!
На тонком стане твоем золотой пояс с эмалью.
Хороша!
На крашенных хною руках золотые браслеты.
Хороша!
Каждое утро разбрасываешь кудри.
Хороша!

412

Смертоносный клинок мой со мною,
Я очистил и дуло ружья.
Глаз мой верен и зорок... С тобою
Будет весело горной тропою
Убежать нам, орлица моя!

Пусть настигнет, исполненный мести,
Твой отец, нас обоих кляня.
Умереть не боимся мы вместе:
Пуля меткая — в сердце невесте,
Смертоносный клинок — для меня.

Азраил унесет нас высоко,
Где волшебные птицы поют.
У дворцов бирюзовых пророка
Там прекрасные звезды востока
На деревьях волшебных цветут.

С. АРГАШЕВ

413. РАЖБАДИН

Солнце за грузные горы уводит лучи.
Сакли синеют в молочном вечернем тумане.
Много отважных имеет аул Харачи.
Вот они держат совет на родном годекане.
Из Салатавии нынче посланье пришло.
Время джигиту готовить ружье и седло.

Праздные дни. До отвала наевшись зерном,
Видят Загорье и бесятся кони гнедые.
Мало ль еще азнауров? И не перечтем.
Что же мечи заскучали по вражеской вые?
Эх, молодые! Какие из вас удальцы?
Так ли ходили на Грузию наши отцы!

«Красною сделаем из голубой Алазань.
Вытопчем травы на тучных, нетронутых нивах.
Пусть неприятель свинец наш возьмет себе в дань
И обменяет на тамошних женщин красивых.
Гей, молодцы салатавцы — стальные сердца,
В пятницу — в Джары. Кто хочет иного конца?»

Так говорил Ражбадин — дагестанец хромой.
Знал, что от смелых не будет другого ответа.
Каждый из горцев спешит, улыбаясь, домой.
Громкое конское ржание слышится где-то...
Перед набегом сходить еще надо в мечеть,
Завтра заблещут подковы, защелкает плеть.

Мгла опустилась в ущелье на спящий аул.
Только под крайнею кровлей огня не гасили.
Кузница там. От ударов — немолкнущий гул.
Ходит молва о большой Ражбадиновой силе.
Сам он — у горна. Звенящие искры — дождем.
«С пулей горячей, — он шепчет, — грузин подождем».

Утром с ковра он снимает египетский меч.
Раз одинок — в путь недолго готовиться надо.
Вынул привычного друга излюбленных сеч —
Верный кирим с голубым драгоценным прикладом:
«Будет работа тебе, как минуем Куру.
Или врага истреблю, или с честью умру!»

Сел Ражбадин на коня, крикнул: «Бисмилляги!»
Смуглые гурии стремя джигиту держали.
Счастье с тобой; но себя, богатырь, береги!
Воины тронулись, свистнули, сгинули в дали.
Пусть, как Зирару, им будет удача дана.
Горе грузинам — поклонникам злого вина!

Всюду, где скачут, неистовый носится плач.
Схвачены девы, прекрасные телом и взором.
Связаны стройные юноши. Грозный палач
Гонит грузин, перепуганных натиском скорым.
И Ражбадин не насмотрится вдоволь в глаза
Взятой в Шираке прелестной, но гордой Уза...

Резвым пожаром охвачен богатый Тифлис.
Горца, как зверя, с обильной добычей не трогай!
Вот с безопасностью в месте условном сошлись,
Из Гурджистана помчались обратной дорогой.
Только у Красного, зоркие видят, Холма
Расположилась врагов неучетная тьма.

Знамя Ираклия реет над войском грузин.
Тут азнауры, тушинцы и даже мосоки.
Путь через воды опасен, но только один.
Дальше противник, а берег — крутой и высокий.
«Слушайте. Каждый — единственный сын у отца.
Посторонитесь. Мы женам утешим сердца».

Те Ражбадину в ответ: «Мы утешим старух:
Сердце и голову мы им отправим в подарок.
Сын был один, — мы ударим и... сделаем двух.
Вождь ваш — хромой. Хоть в сражениях гневен
и жарок,
Но чтоб в землю укрыться от нас, он — не мышь,
Да и на небо без крыльев, джигит, не взлетишь».

— «Да. Мы — не мыши, но землю взрываем мечом,
Да. Мы не птицы, но небо достанут винтовки.
Много видал Ражбадин; всё ему нипочем.
Пусть-ка под нашею пулей пройдет самый ловкий!
Братья-аварцы, домой нас не пустят они.
Кланяться будем — не станут длинней наши дни».

— «Кто и умрет, его имя в горах не умрет.
Острым кинжалом нарежьте пушистого дерна,
Родины честь поддержать наступает черед.
Стройте завалы прочнее рукою проворной.
Нету завала — зарежь скакуна и свали.
Прячься за ним, пока братья твои не легли.

Явится жажда — так пей лошадиную кровь.
Голод проснется — бери лошадиное мясо.
С выстрелом каждым погибель гяурам готовь.
Порох на бурке храни до последнего часа.
Кто оробеет, — землею набьет себе рот.
С ним и любовница тотчас в могилу сойдет.

Длинные крымские ружья прижмите к плечу.
Бейте, пока дым, сгустясь, не поднимется клубом.
Дайте свободно рубиться стальному мечу,
Ставя следы на доспехе тяжелом и грубом.
Если и сломится, должно, не дрогнув, стоять,
Коли в руке не осталась одна рукоять».

Сыплются выстрелы. Жаркая сеча пошла.
«Эй, Ражбадин! — закричал ненавистный Ираклий. —
Выйди сюда! Не желает никто тебе зла.
Мир заключим. Ты почетного просишь, не так ли?
Дам тебе пригоршни золота и серебра.
Дам и красавиц стыдливых, но кончить пора».

— «Царь Гурджистана, несметных богатств не сули:
Если умру, — мне открыты сокровища рая.
Что ваши девушки — бледные дети земли!
Сладостных гурий в объятья приму, умирая.
Мир между нами разделят мечей острия.
Пулей на дружбу грузина ответствую я».

Вождь вызывает аварца и молвит ему:
«Братец, я к джарцам тебя посылаю с поклоном.
Пусть поспешают на помощь сквозь ветер и тьму,
Чтобы к полудню ударить в тыл вражьим знаменам.
Пули и порох, как видишь, у нас на счету.
Только устали мы. Биться нам невмоготу».

...Тяжко аварцам. Но, бросив душистый пилав,
Джарцы летят на подмогу, как сильные волки.
Вот и Катехский Шахман, разом крылья поджав,
Словно орел опустился. Меч царский — в осколки.
Дрогнули толпы неверных. Карающий враг
Топчет копытом грузинский серебряный стяг.

То над Шираком не туча, а дым — словно щит.
Из голубой Алазань утром стала кровавой.
Рать Гурджистана разбита, к Тифлису бежит...
На серебро обменяли красавиц со славой...
Так Ражбадин охранял честь аварской страны.
Пусть в каждой сакле родятся такие сыны.

6 сентября 1923

(Аварская)

414. СТРАСТЬ

Я, вздыхая, ложусь и, вздыхая, встаю.
Вся горю от любви. Кто поймет страсть мою?

Что бояться мужчин? Разве люди — враги?
Мать сказала: «Ты тело, как клад, береги!»

Братья дома бессменно лелеют меня.
Мать, ты лучше добро охраняй от огня.

Стерегите вы, братья, горячих коней,
А меня замуж, замуж отдайте скорей.

Зелье есть от любви (в саклях так говорят).
Я его ль не найду. Разве зелье то — яд?

Слышно, заговор девушкам пишет мулла.
Что же мне не напишет? Была не была —

Выйду замуж. А зелье пусть с корнем сгниет,
Пусть утратит мулла перьям сломанным счет.

28 декабря 1923

(Аварская)

415. ЛЕСТЬ МУТАЛИМА

В осеннее время щедры облака,
Над бедными саклями рея,
Но мудрого хана, признаться, рука
Всех туч несравненно щедрее:
Те — капли роняли с утра до утра,
А хан уронил... кошелек серебра.

28 декабря 1923

(Лакская)

АНДРЕЙ ГЛОБА

416. САЛТИНСКИЙ МОСТ

Тучи как скалы, —
Гранитная глыба, —
Небо упало
На скалы Гуниба.
Гей, почему все черешни в цвету
И скворцы поют?
Гей, почему на Салтинском мосту
Барабаны бьют?

Трупами черные
Выстланы скалы,
Жены на жернове
Точат кинжалы.
Гей, по ущельям проносится гром
Или град пошел?
Гей, закружил над Салтинским мостом
Золотой орел?

Царское знамя
С орлом двухголовым,
Дымное пламя
Над гибнущим кровом.
Гей, по ущельям, по рощам, по рвам
Разбрелись быки.
Гей, под Салтинским мостом, как трава,
Полегли полки.

Вскинься медведицей,
Ярость свободы!
Славой осветятся
Черные годы!
Гей, почему все черешни в цвету,
А земля красна?
Гей, посвети на Салтинском мосту
Мертвецам, луна!

(Аварская)

417. ТЮРЬМА ЦАРСКАЯ, ПРОКЛЯТАЯ

Ночью волчий вой
За глухой стеной.
За железной дверью
Ходит часовой.

Ночь и день без сна.
Высока стена.
Не достать решетки
Тусклого окна.

Если б цепь порвать!
Если б дверь сломать!
Если б аргамак мой
Подо мной опять!

Эй, тюремщик, спишь?
Точит камень мышь!
Гложет ржа железо
Кандалов и крыш!

Ночью волчий вой
За глухой стеной.
Шагом меря время,
Ходит часовой.

(Аварская)

418. ВОЛК

Потянул из-за куста
Сладкий дух кутана.
Под камнями баранта
Спит у ног чабана.
Ночь беззвездная пуста.

Обсвистал собак пастух,
Кинул им объедки.
Чтоб огонь в костре не тух,
Сгреб в него все ветки:
Искры вверх, как птичий пух.

Выгнуть спину, взвихрить шерсть,
В тьму зубами впиться
И, как праведная месть,
Кровью насладиться! —
Разве волк не должен есть?!

(Даргинская)

419. ПАРТИЗАН

Кумач
        на косматой папахе.
С патронами «кабардинка».
Вздохнет
        по тебе в Хунзахе
Стройная даргинка.
Есть слух:
        побили белых —
К Тифлису они бежали.
Немало осталось смелых —
Там, на перевале.
Скучают
        овечьи отары
О рыжей твоей папахе.
Шумят
        о тебе базары
Не в одном Хунзахе.

(Даргинская)

420. ТРЕВОГА

Ветер на Кумух
Подул.
Месяц потух.
Уснул
Аул.

Месяц на горах
Блестит.
Чей карабах
Летит,
Не жалея копыт?

Казаки́! казаки́! казаки́!
У реки
Коней поят!
Режут ягнят!
У реки, у реки, у реки
Казаки!

Кони водой плеснули —
Не замутят
Воды.
Не проспят
В ауле
Беды!
Казаки! казаки! казаки!
У реки!

Месяц на суку —
Как повешенный.
Храпит
Карабах на скаку,
Летит,
Как бешеный!
Месяц на Кумух
Взглянул,
Пропел
Петух.
Влетел
Карабах в аул!

(Лакская)

421. НАБЕГ

На Самуре дождь и снег,
Дождь и снег.
Удальцы ушли в набег.
Долго, мать,
Нет вестей,
Не слыхать
Топота коней!
Скучно ждать
Братьев, сыновей!

Доткала я свой ковер,
Свой ковер.
Из-за гор до сих пор
Нет вестей.
Долго, мать,
Не слыхать
Топота коней!
Скучно ждать
Братьев, сыновей!

(Лезгинская)

422. УЩЕЛЬЕ

Под буркой,
под бурей
в седле лечу.
Задуть хочет ветер
месяц,
как свечу.
Прижмись, дорогая,
крепче
к плечу, —
Светит коню
мое сердце!
Догонит,
обгонит
шальной поток.

Скорей из ущелья
                    в долину,
                              ездок!
Дрожишь, дорогая,
Как нежный
              цветок, —
Пусть греет тебя
                    мое сердце!

(Лезгинская)

423. БИТВА

Ночь была светла, как день,
От блеска наших сабель!
Враг бежал,
              теряя тень,
Как от волчьих стай олень —
От блеска наших сабель!

День чернее ночи стал
От крови наших сабель!
Кони сбились, как обвал,
Враг бежал,
              но настигал
Везде блеск наших сабель!

(Лезгинская)

424. КОЛХОЗ

От обвала ль на горах
          По аулам
          Шум и гул?
От речей и громких споров —
          Словно улей
          Наш аул.

Почему сердит мулла
          И духанщик
          Морщит нос?

О колхозе,
О коммуне
На повестке дня вопрос.

Потому-то целый день
У духана
Шум и гул,
Что в колхоз вступил сегодня
И бедняцкий
Наш аул.

(Кумыкская)

425. КОМСОМОЛКА

Перед саклей
У дороги
Красным цветом
Мак зацвел.
Заругали
Мать и тетки,
Что пошла я
В комсомол.

Пусть бранятся —
Не печалься!
Пусть ругают —
Не тужи.
И платочком
Красным уши,
Чтоб не слушать,
Повяжи.

(Татская)

426

Ты в сердце моем родилась,
как молодое дерево,
Распустила ветви,
выросла, расцвела.
Я ждал плодов,
я в сладость их
и в свежесть их
уверовал,
Но яд,
но горечь их
меня с ума свела.

427

Звезда закатилась
над моей головой.
Степная метель заметает дорогу.
Черный сокол мой,
где ты?
Иду за тобой,
А встречаю лишь волчью берлогу.

428—431. *РАЗДУМЬЯ*

1

И мы умрем...
А когда умрем,
То закроются наши очи,
И люди, оставшиеся после нас,
Будут повторять
Наши слова
На земле.

2

Всё короче и глуше
звон стального меча.
Над озерами дым,
там, где лебеди плыли.
Здравствуй, старость!
Я щит свой сложил пред тобой.
Здравствуй, старость!
Тебе уступаю я бой:
Лебединою стаей, кружась и крича,
Улетают из рук моих силы.

3

Я устал. Ходит старость за мной по стопам,
Кости близкую непогодь чуют...
Высыхают озера,
И по дальним степям
Журавлиные стаи кочуют.

4

О, если б молодость
на базаре
продавали,
Я бы первый
Ее
Купил!

432. БОЙ У АРКАСА

Гей! Это кто кричит над горами:
Орел
        или
                стремительный сокол?
Звезды бледнеют над грешными нами,
Солнце встает с востока.

Гей!
    Это конь
                или тур быстроногий, —
Кто скажет,
                куда он скачет?
И почему
                на дороге отлогой
Безвестная женщина плачет?

Это кричат по вершинам джигиты,
В бой
        на врагов
                созывая.
Орлиные гнезда
                картечью разбиты,
И туча висит грозовая.

Это не тур,
                а гонец быстроногий
Скачет в Буглен за подмогой.
И на дороге отлогой
                рыдает
Мать партизана седая.

Так что же, товарищи, —
Солнце за нас...
— Гей! Никогда не удастся Деникину
Ночь повернуть на Аркас!

433. ГИБЕЛЬ ГЕРОЯ

Ты лежишь, Ай-Гази!
Мы стоим, Ай-Гази!
Мы врагу все равно отомстим,
Ай-Гази!
Ты был молод и чист, как металл,
Ай-Гази!
Как и мы, ты за правду стоял,
Ай-Гази!

От мужских наших слез что за толк,
Ай-Гази!
В эту трудную ночь ты умолк,
Ай-Гази!
Партизаны стоят, ты лежишь,
Ай-Гази!
Ты не слышишь, ты спишь, ты молчишь,
Ай-Гази!

Но зачем сторонится твой конь,
Ай-Гази?
Почему в нашем сердце огонь,
Ай-Гази?
Над горами седая луна,
Ай-Гази!
И дорога печали длинна,
Ай-Гази!

434. ЛЕНИН

Зажигаем костер —
        огонь поет о тебе.
Ткем ли новый ковер —
        лишь тронь,
                поет о тебе.
Начинаем ли сказку —
        великаны поют о тебе.
Так проходит зима —
        день за днем —
                с именем *Ленин.*

Устремляясь в полет,
птицы поют о тебе,
Пробиваясь сквозь лед,
травы поют о тебе,
Тая вешним ручьем —
самый лед
поет о тебе,
Так весна начинается в мире
с именем Ленин.

Над вершинами гор
самолет поет о тебе,
Бесконечный простор
наших нив
поет о тебе.
На глубинах морей
знойный жемчуг поет о тебе,
так цветет
в свой черед
Лето ясное с именем Ленин.

Повисая с ветвей,
красный плод поет о тебе,
Золотая пчела,
собирая свой мед,
поет о тебе.
В звездах, ярче огней,
круглый год
небосвод поет о тебе,
О великий из всех,
кто велик был,
великий наш Ленин.

Зацветая зарей,
закипая грозой, —
С нами Ленин.
Жизнетворным ключом
и двуострым мечом
С нами Ленин...

ИБРАГИМ ГУСЕЙНОВ

435. ШАРВИЛИ

(Отрывок из поэмы)

Гром гремит, небо рвет,
Вспышки режут темень, —
Дождь льет, дождь льет,
Набухает семя.

Человек, коль ты смел,
То за громким словом
Следуй честностью дел,
Словно дождь за громом.

День придет, год уйдет,
И снега, и грозы...
Сколько вод утечет
Чистых, точно слезы!

По лугам, по лесам
Шествует Шарвили.
Видит край свой он сам
В радости и силе:

Горцы пашут, пасут
Тучные отары,
Гордость в сердце несут
Молодой и старый.

Падал в ноги ручей,
Стлались травы шелком,
Соловей на плече
У Шарвили щелкал.

Ни джейран, ни олень
Не бежали в чащу,
И — ни пули весь день,
Ни стрелы свистящей.

Как хлеба высоки
Стали в поле горном!
Счастлив будь! Сорняки
Сам ты вырвал с корнем!

Не насытится взор,
Хоть смотри веками
На веселие гор,
На зацветший камень!..

. . . .

Но чернеют вдали
Туч глухие стены,
И цветы полегли
Мертвые, как сено.

Струи в чистом ключе
Задышали тяжко,
Соловей на плече
Застонал протяжно.

Тьма ползет на Шахдаг,
Тучи — дымом черным:
Надвигается враг
Из-за цепи горной.

Край лезгин невелик,
Войском небогат он,
Но кипит, но бурлит
От горячих схваток.

Словно тысячи пчел,
Стрелы в небо взмыли.
«Враг умрет, коль пришел», —
Так сказал Шарвили.

И подъемлет он меч,
Кровью закаленный,
Взмах — и головы с плеч
Катятся по склонам.

А его не берет
Ни стрела, ни сабля.
На лице его пот,
Крови — нет ни капли.

Меч ему жжет ладонь,
Раздирает кожу, —
Он идет сквозь огонь,
На огонь похожий!

Бой кипит — дней не счесть!
Вдруг во вражьем стане
Долгожданная весть:
Сам Шарвили ранен!

Боль бы можно унять —
Только знак зловещий:
День проходит, и опять —
Кровь из раны хлещет!

И невинная кровь
С вражеской смешалась, —
Хлынув сотней ручьев,
В глубь земли впиталась.

Тех боев до сих пор
Горы не забыли:
Жаркий мак наших гор —
Это кровь Шарвили.

И от ярости серп
Превратился в саблю,
Стал оружием хлеб,
Крепостями — сакли.

На подмогу пришли
Горцы сел соседних,

И над стоном земли
Грянул бой последний.

Пар кровавый взвился
И пополз туманом, —
Звон железа, свинца,
Грохот непрестанный!

Всё трещало подряд,
В бездну мир катился.
Громыхал в мире ад,
Чтобы рай открылся.

Меч заветный сечет —
Вражьи орды взвыли!
Но... течет и течет
Кровь из ран Шарвили.

Видит враг, что герой
Раной обессилен,
И зовет он на бой
Одного Шарвили.

«Для чего нам губить
Зря невинных горцев,
Если можно решить
Бой единоборством!»

И отважный лезгин,
Край любя свой горный,
Встал — один на один —
С трехголовым Черным.

Кровь стучала в виски
И гудела в жилах.
Трав целебных пучки
К ранам приложил он...

А враги все жужжат
В пустоте бахвальства:
«Мы не знали преград
От стены китайской!»

Обойти ход судьбы
Враг решил украдкой:
Словно слон, на дыбы
Черный встал пред схваткой.

Вот трехглавый дракон
Три руки заносит,
Миг — и кажется, он
Вниз Шарвили сбросит.

А Шарвили глядит:
Нет, не Черный страшен,
Страшен дым, что висит
Вдоль сожженных пашен...

И Шарвили рванул
Черного за гриву,
С треском шею свернул,
Что тянулась криво.

Камни в небо взвились,
Задохнулись травы...
Три руки обвились,
Словно три удава,

Вкруг лезгинского льва.
Но вскричал Шарвили:
«Что, жива, голова?
Наглоталась пыли? ..»

Дым столбом! Тьма кругом,
Кровь ползет, рыжея...
Был трехглавым дракон,
Стал дракон трехшеим.

Средь спаленной травы
На уступе горном
Рядом три головы
С безголовым Черным!

Но взметнулись клинки,
Снова стрелы кружат —

Наступают враги,
Уговор нарушив,

Что гласил: не губить
Зря невинных горцев,
Постараться решить
Бой единоборством...

Пар кровавый ползет
По камням окрестным,
Пышет небо — вот-вот
Наземь рухнет с треском.

Но куют кузнецы
Новое оружье,
И встают храбрецы
На пришельцев дружно.

О, лезгинский народ,
Маленький, отважный,
Если враг нападет —
Меч поднимет каждый!

Бой гремит! Бой растет!
Бой к концу подходит!
Враг разбит! Враг ползет,
В землю змей уходит,

Тот, что сжег полземли —
Города и села.
Трупы вражьи легли
По горам и долам.

Тем, кому удалось
Разойтись со смертью, —
С гор вдогонку неслось:
«Приходить не смейте!

Уползайте, враги,
Добивать не станем!
Расскажите другим
Быль о Лезгистане!..»

Скупа ты на слезы и крики,
Земля моя, край мой суровый,
Но нынче от скорби великой
Рыдаешь ты снова и снова.

Шли толпы прощаться с Шарвили,
Как малые дети рыдая,
Смолкали, едва подходили,
Сойдясь боевыми рядами.

А раны Шарвили сочились,
И кровь уходила из тела,
И маки в горах распустились,
И кровью заря заалела.

«Мужайтесь, — промолвил Шарвили,
На жестком чарпаре слабея, —
Мы родине храбро служили
И смотрим на смерть, не робея.

Друзья мои, с миром идите!
Живите в покое и силе.
А в горе — придите, придите
К моей незаросшей могиле
И трижды меня позовите:
Шарвили!
Шарвили!
Шарвили!

И выйду оттуда я снова,
Призыву народному внемля,
Пойду против смерти и злобы
За вольную горскую землю...»

Умолк он. Печально упали
Лучи к изголовью чарпара...
И в полном молчанье стихали
Могучего сердца удары.

Как Самур-река, без остановки
Месяцы и годы проходили.

А народ лезгинский, словно песню,
Нес с собою память о Шарвили.

Каждого, кто шел войной на горцев,
В Лезгистане срам и гибель ждали:
Без нужды Шарвили не тревожа.
Внуки брали меч — и побеждали.

«Сын мой, джан, — мне мать моя сказала,
Слово к слову клея в стройный ряд,
Что-то бормоча весь день негромко, —
Пишешь ты стихи, мне говорят...

Слушай же! Когда погиб Шарвили,
Целый год дожди не проходили,
Целый год вода не высыхала,
Половодьем, стылая, стояла...»

И запела мать, полна печали,
Песню ту, с какой ее качали,
И запела мать... Уж так ведется,
Песня нам в наследство достается:

«Плачут реки, и поля, и горы
С матерью Шарвили.
Меч оживший восклицает: «Горе
Матери Шарвили!»
Дождь бесшумный слезы льет над сыном
С матерью Шарвили.
Горе, горе! В трауре лезгины,
Точно мать Шарвили.

Глаз твоих сияние, Шарвили,
Мы несем с собою.
Ты и наши правнуки, Шарвили,
Спаяны судьбою».

Солнце темной ночью спит,
Луч его в луне блестит.
Умерев, мильоны лет
Звезды льют посмертный свет.

Как звезда, сквозь век и год
Нам Шарвили свет свой шлет.
Вот он виден и сейчас
В чистом блеске детских глаз...

Как Самур-река, без остановки
Месяцы и годы проходили.
А народ лезгинский, словно песню,
Нес с собою память о Шарвили...

Каждого, кто шел войной на горцев,
Поражение и гибель ждали.
Без нужды Шарвили не тревожа,
Внуки брали меч — и побеждали.

(Лезгинская)

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание по составу и разнообразию жанров представленного в нем дагестанского песенного фольклора является наиболее полным из всех выходивших. В него включены образцы устного песенного творчества восьми народов Дагестана: аварцев, даргинцев, кумыков, лаков, лезгин, ногайцев, табасаранов и татов. Отбор песен был подчинен следующим принципам: представить песни, ценные по идейно-художественным достоинствам, характерные для того или иного исторического периода, типические по жанровым признакам. Песни расположены в порядке языковой принадлежности по алфавиту. Внутри каждого языкового раздела они следуют по жанрам. Внутри жанров — во временнóй последовательности, там, где ее возможно установить (например, в песнях об исторических событиях, о реально существовавших личностях) Названия песен сохраняются в том случае, когда они закреплены устной или печатной традицией.

Ставшие народными авторские песни (Сулеймана Стальского, Гамзата Цадасы, Абуталиба Гафурова, Расула Гамзатова и других поэтов) в книгу не вошли. Несколько исключений сделано лишь для фольклорных песенных сюжетов, обработанных в свое время народными певцами и в таком виде вновь вошедших в устное бытование (обработка Сукур Курбаном даргинских народных баллад).

В особый раздел вынесены ранние переводы дагестанских народных песен, не утратившие поэтического или общественно-литературного интереса, но все же звучащие несколько архаично и ныне замененные новыми переводами, более точно воспроизводящими содержание и стилистические особенности подлинника.

Вслед за тем даются поэтические обработки дагестанских народных песен и вариации на песенные горские темы: стихи Вас. И. Немировича-Данченко, песни Андрея Глобы и Эффенди Капиева. А. Глоба долгие годы собирал и обрабатывал песни народов СССР и дал колоритную, своеобразную интерпретацию дагестанских народных песенных мотивов. Нам не удалось установить, с каких оригиналов сделаны переводы А. Глобы (национальная их принадлежность указывается согласно замечаниям автора). Эти стихи обогащают представление читателя о дагестанском фольклоре. Песни Эффенди Капиева из его книги «Резьба по камню» — свободная импровизация на народные темы. Это, как писал Капиев, «оригинальные» и «полуоригинальные» стихи, возникшие «по инерции из творческой работы над фольклором»

(переводами, собиранием, публикацией и т. д.). По своим идейным и формальным особенностям импровизации Капиева настолько близки к дагестанской устной лирике, что вводили в заблуждение фольклористов и на них подчас ссылались как на народные.

В целях более полного сохранения национальной лексической окраски песен написание одинаковых географических названий, собственных имен, названия предметов народного быта даются в том звучании, какое они имеют в данном языке.

В примечаниях даются сведения о первой публикации перевода, а также о месте нахождения оригинала. Имя собирателя, сведения о месте и времени записи указаны лишь в том случае, если они имеются в тексте оригинала или в источнике первой публикации. Примечания также содержат необходимые сведения об упоминающихся в песнях исторических событиях и лицах, о степени популярности песни, о ее бытовании на языках народов-соседей. В случае необходимости дается расшифровка темных мест.

Географические названия, непонятные и непереведенные слова вынесены в словарь.

Значительная часть собранных в настоящем издании песен печатается в русских поэтических переводах впервые.

Осуществление издания, подобного «Песням народов Дагестана», то есть создающегося на многоязычной основе, возможно лишь при участии многих литераторов и фольклористов. В подготовке книги составителю и редактору большую помощь оказали научные работники и писатели ДАССР: по разделу аварских песен — Г. Ахлаков, М. Магомедов; даргинских — Ф. Абакарова; кумыкских — А. Аджаматов, А. Аджиев; лакских — М.-Х. Пашаев, Х. Халилов, Ю. Хаппалаев; лезгинских — Б. Салимов; ногайских — Д. Шихмурзаев; татских — Х. Авшалумов; табасаранских — А. Джафаров, М. Гасанов.

Указатель сокращений

«Аварские песни» — «Аварские песни», составитель А.-Л. Шамхалов, Махачкала, 1929.

Афанасьев — кумыкские тексты, опубликованные М. Афанасьевым в «Сборнике сведений для описания местностей и племен Кавказа», вып. 17, Тифлис, 1893, отд. 3.

«Дагестанские лирики» — «Дагестанские лирики», «Библиотека поэта» (Большая серия), Л., 1961.

Далгат — Башир Далгат, «Цудахарские песни» в «Сборнике сведений для описания местностей и племен Кавказа», вып. 14, Тифлис, 1892.

«Даргинские стихи и песни» — «Даргинские стихи и песни», Махачкала, 1934.

ДНИИЯЛ — Дагестанский научно-исследовательский институт языка, истории и литературы им. Г. Цадасы.

«Лакская антология» — «Антология лакской поэзии», составители Б. Рамазанов и Ю. Хаппалаев, Махачкала, 1958.

«Лезгинский фольклор» — «Лезгинский фольклор», Махачкала, 1941.

«Лирика» — «Дагестанская народная лирика в переводах Н. Гребнева», М., 1957.

Османов — «Сборник ногайских и кумыкских песен, составленный М. Э. Османовым», СПб., 1883.
«Парида» — «Парида», Дагестанская поэма С. Аргашева с предисловием Валерия Брюсова, М., 1924.
«Песни безымянных певцов» — «Песни безымянных певцов. Народная лирика Северного Кавказа». Переводы Н. Гребнева, Махачкала, 1960.
«Песни горцев» — «Песни горцев». Редакция и комментарии Эффенди Капиева, М., 1939.
«Песни маленьких горцев» — «Песни маленьких горцев. Считалки, прибаутки, небылицы народов Северного Кавказа», перевод Н. Гребнева, М., 1961.
«Песни народов СССР» — Андрей Глоба, Песни народов СССР, М., 1947.
«Песни ногайцев» — «Песни ногайцев», запись А.-Г. и М. Джанибековых. Переводы и предисловие Н. Капиевой, Ставрополь, 1949.
«Песни страны гор» — «Песни страны гор», переводы Н. Капиевой, Махачкала, 1947.
«Поэзия народов Дагестана», 1954 — «Поэзия народов Дагестана», Махачкала, 1954.
«Поэзия народов Дагестана», 1960 — «Поэзия народов Дагестана», Антология в двух томах, т. 1, составители Аткай Аджаматов, Расул Гамзатов, Александр Назаревич, М., 1960.
«Резьба по камню» — Эффенди Капиев, Резьба по камню, М., 1940.
Семенов — Н. Семенов, Туземцы Северо-Восточного Кавказа, СПб., 1895.
СМОМПК — Сборник сведений для описания местностей и племен Кавказа.
«Сокровищница песен кумыков» — «Сокровищница песен кумыков». Составители Аткай и Ш. Альбериев, Махачкала, 1959.
«100 песен» — «100 дагестанских народных песен», Махачкала, 1948.
«Татский фольклор» — «Татский фольклор», Махачкала, 1940.
Услар, Аварский язык — П. К. Услар, Этнография Кавказа, Языкознание, 3, Аварский язык, Тифлис, 1889.
Услар, Лакский язык — П. К. Услар, Этнография Кавказа, Языкознание, 4, Лакский язык, Тифлис, 1890.
Услар, Хюркилинский язык — П. К. Услар, Этнография Кавказа, Языкознание, 5, Хюркилинский язык, Тифлис, 1892.
«Хрестоматия» — даргинская «Литературная хрестоматия для 7-го класса», Махачкала, 1957.
«Чеклер» — «Чечеклер», Махачкала, 1939.

АВАРСКИЕ ПЕСНИ

ЭПИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 55—62. Ранний перевод — см. № 408. Одна из наиболее распространенных эпических песен: бытует у аварцев, лакцев, кубачинцев. Сказания и легенды о Надир-шахе известны у лезгин и у других дагестанских народов. *Надир-шах* — Тахмасп-Кули-хан (1688—1747); с 1736 г. — шах Ирана. Не-

однократно предпринимал завоевательные походы на Закавказье и Кавказ. Походы в Дагестан относятся к 1734, 1735 и 1741—1742 гг. Горские народы не покорялись завоевателю, вели освободительную борьбу за свою независимость, сражаясь против поработителей, отличавшихся необычайной жестокостью. В Дагестане до наших дней сохранились предания о «шах-хирмане» — «шахской молотьбе»: в лезгинском ауле Ахты иранцы согнали женщин и детей на ток для молотьбы и растоптали копытами коней. Поход осенью 1742 г. был для Надира решающим. Он стянул в Дагестан крупные военные силы и повел наступление одновременно с нескольких сторон. Двинувшись против Казикумухского ханства, Надир-шах разгромил войска лакского *Сурхай-хана* (1688—1748), прозванного «Чолак» — «безрукий» (руку он потерял в поединке за ханскую власть со своими семью двоюродными братьями). Сурхай-хан был взят в плен. Но против иранцев объединились аварские, даргинские, лакские общества. Объединенными усилиями горских народов войска Надир-шаха были разгромлены в долине Андалала близ аула Чох. *Ибрагим-хан* — брат Надир-шаха, убитый горцами. Сохранились устные предания о том, что Надир-шах на месте, где был убит его брат, приказал воздвигнуть холм из отрубленных голов горских воинов. *Муртазали* — см. примеч. 218. *Даитиляльцы* — наименование рода. *Черкесские седла.* Слово «черкесский» в дагестанском фольклоре часто употребляется как синоним «прекрасного». *Андийские бурки* — бурки из аула Анди славятся отличной выделкой. *Чтобы отвалились у него руки* — идиома, означающая пожелание обратного, т. е. добра, счастья. *Огузиляльцы* — название рода.

2. Печ. по «Поэзии народов Дагестана», 1960, с. 75—81. Дословный перевод — П. К. Услар — в «Сборнике сведений о кавказских горцах», т. 1, Тифлис, 1868, отд. 5, с. 41. Поэтические переводы: С. Аргашева — «Парида», с. 59—64; Э. Капиев — журн. «30 дней», 1935, № 5; А. Шпирт — журн. «Колхозник», 1936, № 10 (о переводе Шпирта одобрительно отозвался А. М. Горький); Н. Капиева — «Песни страны гор», с. 11—15. Существует много вариантов песни; она бытует не только у аварцев. Лакские варианты известны как песни о Батыре Хучилау, даргинские — о Холчваре. Даргинский текст — «Холчвар Бахадур» впервые обнародовал Б. Далгат в записях «Цудахарских песен», СМОМПК, вып. 14, Тифлис, 1892, с. 42—46. Сюжетная канва даргинского варианта та же, что и в аварском. Усечен диалог Хочбара с ханом и обращения к хунзахцам. Разнятся некоторые детали (в руки Хочбару дают «бубен с золотыми стенками и весь серебряный»; слушая его песню, дети Нуцала сами подходят к нему и садятся один на правое, другой на левое колено и т. д.). Возникновение песни относят к XVII в. Сюжет ее историчен. Гидатль был вольным обществом и, отстаивая свою независимость, долго сопротивлялся притязаниям хунзахских ханов. Некоторые варианты относят жизнь Хочбара ко времени владычества Умма-хана — в конце XVIII в., сильнейшего феодала Дагестана. Народная традиция считает родиной Хочбара аул Хотода. Здесь и в наши дни показывают саклю Хочбара. Известный дагестанский историк Р. Магомедов о казни Хочбара пишет: «И сейчас в Хунзахе показывают место, где был сожжен Хочбар. Его называют Тагия-гьали — Верхний ток. Квартал, где находится это место,

называется Шотота» (Р. Магомедов, Легенды и факты, Махачкала, 1963, с. 124). Песня переводилась на языки народов СССР. Цыганский поэт А. Германо включил ее в свою книгу «Неве гиля» («Новые стихи», М., 1938). В «Резьбе по камню» Э. Капиев приводит различные концовки «Хочбара».

3. Печ. впервые. Из собрания Л. И. Жиркова. Дословный перевод Б. Маллачиханова — «Дагестанский сборник», вып. 3, Махачкала, 1927, с. 54—56. Запись сделана в 1920-х годах в Хунзахе от Гаджи Ибрагимова. Б. Маллачиханов дает к песне исторический комментарий: «Песня эта воспевает предводителя Кази, родом из селения Ашильта в Аварии. Описываемое здесь событие относится к 1774 г. Хайдакский уцмий Амир-Хамза, Казанищенский владелец, известный у кумыков под именем Тишнек (беззубый), Кази-Кумухский хан Магомед, табасаранцы и аварцы пошли походом на Фет-Али-хана Кубинского, во власти которого в это время находились Дербент, Куба и Сальяны. После кровопролитного сражения на Кедушанской равнине Фет-Али-хан потерпел поражение и бежал в Сальяны. Кубу занял Магомед-хан Кази-Кумухский. В упомянутом сражении были убиты Тишнек и Эльдар. Последний, приходившийся племянником хану Кази-Кумухскому, был правителем Дербента со стороны Фет-Али-хана». *Салатавцы* — жители плоскостной Аварии. *Али достославный... закинул в зеленое море, на дно свой меч Зульфукар.* Согласно религиозному мусульманскому преданию, Али (зять пророка Магомеда) лезвием своего меча «Зульфукара», брошенного в море, перерезал всех рыб, отчего вода в море стала красной.

4. Печ. впервые. Из собрания фольклорных материалов М. Гайдарбекова (рукописный фонд ДНИИЯЛ). Песня рассказывает об одном из эпизодов борьбы горцев против колониальной политики царизма — восстании 1830 г. в Джаро-Белоканских обществах. Руководителем восстания был шейх Шабан. Исторически события сложились иначе, чем говорится в песне: восстание было жестоко подавлено. *Эл* — здесь: Джаро-Белоканский союз горцев. *Примите тавбу* («тавбу» — покаяние). В данном контексте — «покайтесь в грехах».

5. Печ. впервые. Из «Аварских песен». Существует несколько вариантов (А.-Г. Ахлаков в наше время записал их три). Осада и штурм аварского аула Ахульго, превращенного Шамилем в неприступную крепость, — один из ярчайших эпизодов Кавказской войны, запечатлевшийся во многих произведениях горского фольклора. Героическое сопротивление Ахульго длилось три месяца. 22 августа 1839 г. крепость была взята. Обе стороны понесли тяжелые потери. При осаде Ахульго была убита жена Шамиля и его маленький сын. Сам имам с горсткой верных наибов и другим сыном ушел в Чечню. *Шамиль* (ок. 1798—1871) — руководитель антиколониальной и антифеодальной борьбы горцев Дагестана и Чечни. В 1834 г. был провозглашен имамом (духовным главой). Талантливый военачальник и политик, Шамиль сплотил вокруг себя широкие массы горцев. В 1850-х годах военные и политические успехи его пошли на спад. В 1859 г. он с небольшим отрядом мюридов был осажден царскими войсками в ауле Гуниб и капитулировал. Был поселен в Калуге. В 1870 г. уехал в Мекку, где и скончался. *Абдул-Халим* — сподвижник Шамиля. *Малачил-Сур-*

хай — военачальник Шамиля, погиб в Ахульго. Небольшой отряд мюридов во главе с Сурхаем засел в башне (названной «Сурхаевой») и защищался там много дней. *Алибек Хириясул, Малаали* — соратники Шамиля. *Ахбердилав-Магома (Акверди)* — наиб, прославленный шамилевский воин. *Взяли сына Шамиля.* В Ахульго Шамиль отдал царскому генералу Граббе в заложники своего восьмилетнего сына Джамал-Этдина.

6. Печ. впервые. Из «Аварских песен». *Салты* — крепость Шамиля на выходе из горных теснин в долину реки Самур. Осада аула царскими войсками была начата в июле 1847 г. и длилась до половины сентября. Наместник Кавказа М. С. Воронцов писал военному министру: «При долголетнем опыте мне редко случалось видеть неприятеля более упорного и стойкого, как гарнизон укрепления Салты, который составлен был из лучших и храбрейших людей Дагестана. Упрямые сопротивления этого гарнизона превосходят все, что в европейской войне может быть известным» («Покоренный Кавказ», СПб., 1904, с. 489—490). Осада Салты нашла отражение в русской художественной литературе, в очерках Вас. Ив. Немировича-Данченко «Кавказские богатыри» (М., 1902). *Рухнула, в небо взлетая костром, та крепость.* Во время осады царские войска минным зарядом взорвали часть салтинских укреплений с центральной башней. *Меликов чванный* — граф М. Т. Лорис-Меликов (1825—1888); во время Кавказской войны состоял в 1847 г. по особым поручениям при главнокомандующем М. С. Воронцове, участвовал в экспедициях против горцев. В 1856 г. назначен военным начальником Южного Дагестана.

7. Печ. впервые. Записана в 1965 г. в Чароде у певца Абдулахита Османова (рукописный фонд ДНИИЯЛ). *Аргут* — генерал, князь М. З. Аргутинский-Долгоруков (1797—1855) — русский военачальник, с 1844 г. командующий войсками в Южном Дагестане, с 1847 г. командующий войсками в Прикаспийском крае. Осаждал со своими войсками укрепленный Шамилем Чох в 1849 г., но горцы оказали упорное сопротивление, и, не взяв аул, Аргутинский вынужден был отступить. Песня связывает имя Аргутинского с событиями последующего десятилетия, когда Чох, как и все аулы нагорного Дагестана, был после сдачи Шамиля в плен занят царскими войсками. *Бактулал, бактулальцы, буртиял* и далее *каратинцы, технуцал, багва-чамалал, хиндалальцы, мехельтинцы, андийцы, аргванинцы, цунтинцы, ахвахцы* — жители дагестанских аулов и обществ. *Крепкий ствол — за двадцать верст! — по цепи передают.* Горский историк Мухаммед-Тахир Ал-Карахи пишет об этом в своей «Хронике» (М.—Л., 1941, с. 219): «Весь народ принялся носить на плечах бревна из далекостоящего леса... Они заваливали этими бревнами и землей бреши в стенах крепости, чтобы сделать такие стены, за которыми можно было укрыться». *Хайдар-Кисра* — крепость в Аравии (периода первых халифов). *Из наибов кое-кто любит деньги и почет.* Подкуп некоторых наибов Шамиля и раздача им самодержавием чинов и титулов — исторический факт. *Инков-хаджи* — наиб, оставшийся верным Шамилю.

8. Печ. впервые. Записана А.-Г. Ахлаковым в 1962 г. в Согратле от 83-летнего Исы Раджабова (рукописный фонд ДНИИЯЛ). В 1850 г. отряд горцев числом около двухсот человек под водительством наиба

Шамиля *Бук-Магомеда* выступил в поход против уцмия Кайтага. У селения Шилаги произошло сражение. Уцмию помогали царские войска. Отряд Бук-Магомеда был разбит, сам он, тяжело раненный, увезен русскими в Дербент, где и скончался. Мухаммед-Тахир Ал-Карахи пишет в «Хронике»: «Что же касается остальных товарищей Бук-Мухаммеда, то они попали в трудное положение, приведшее их к плену или смерти» (с. 230). О Бук-Магомеде сложено много песен. Варианты бытуют также у даргинцев и лаков. *Поля Музи* — название местности. *Гаджи-Али* — сподвижник Шамиля. *Аргут* — см. примеч. 7. *Танусинец* — житель аула Тануси. *Али-Гаджи, Кади из Собратля, Салман из Апши* — участники похода.

9. Печ. впервые. Дословный перевод — «Этнографическое обозрение», 1910, № 3—4, с. 171—174. Бытует во многих вариантах (рукописный фонд ДНИИЯЛ). Данный вариант записан А.-Г. Ахлаковым в ауле Шангода Гунибского района от Дарбиша Алиева. *Хаджи-Мурат* (ум. 1852) — наиб, один из выдающихся горских военачальников в антиколониальной борьбе горцев против царизма. Родился в Хунзахе, в Аварии. В 1852 г. после ряда военных неудач сдался, опасаясь гнева Шамиля, русскому командованию. Пытался бежать обратно в горы и был убит после жестокой схватки. Последний год жизни Хаджи-Мурата и его смерть описаны в одноименной повести Л. Толстого. Цикл песен о Хаджи-Мурате обширен. Они бытуют не только у аварцев, а и у других народов Дагестана. В частности, среди записей лакского фольклориста М.-Х. Пашаева есть песня, во многом схожая по сюжету с данным текстом. В публикуемом варианте речь идет о нескольких исторически подлинных эпизодах из жизни героя. Наиболее развернутые: нападение на отряд казаков в укреплении Дешлагар, столкновение с царским наибом в Аксае Аслан-ханом и наконец гибель Хаджи-Мурата в Нухе. *Бархан* — крепость. *Чтоб выдать соратникам пятую часть...* По возвращении горских воинов с войны (или из набега) они выделяли для бедных пятую часть военной добычи — «хумс». *Короткое ухо — прославленный волк* — синоним храбреца в дагестанском фольклоре. *Бика Шахвали* — жена хана Шахвали, которую Хаджи-Мурат умыкнул из аула Уллу-Буйнак в один из своих набегов. *Таркинские рощи* — леса вокруг аула Тарки. *Аргут* — см. примеч. 7. *Кафир-кумухцы* — жители кумыкского аула Кафыр-Кумух. *Тайлан* — хищная птица. *Крутогогий бык* — обычная в аварских песнях похвала герою. *Франкский курок* — оружие европейских марок горцы называли «франкским» (французским). *Клинки из Египта.* Египетская сабля («мисри») — хвалебный эпитет для оружия.

10. «Песни горцев», с. 23. Песня записана Э. Капиевым в 1936 г. в Гунибе. 25 августа 1859 г. закончилась Кавказская война. Шамиль сдался Барятинскому в ауле Гуниб. *Акверди* (Ахбердилав-Магома) — один из наибов Шамиля.

11. Печ. впервые. Записана Ш. Микаиловым в Гунибском районе в 1930-х годах (рукописный фонд ДНИИЯЛ). Песня рассказывает о событиях, связанных с восстанием горцев против царизма в 1877 г. Первая строфа, с трудом поддающаяся расшифровке, видимо, содержит намек на выдвинутого во время восстания имамом Магомеда-

Гаджи из Согратля. Далее следует рассказ о разрушении Цудахара царскими карателями. *Карах, Тленсерух, Томодал* — аварские общества. *Меликов* — см. примеч. 6. *Койсубу* — название аварского общества. *Ника-кади* — руководитель восставших цудахарцев. *Чарак* — один из участников восстания.

12. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 91—92.

13. «Песни горцев», с. 26—27. В примечании к песне указано, что она сложена хунзахскими партизанами, старыми боевыми друзьями героя. *Муса Кундухов* (ум. 1932) — революционер, организатор партизанских отрядов в горах во время гражданской войны. Позднее работал в Чечено-Ингушетии и погиб от кулацкой пули близ селения Цацан-Юрт.

14. «Резьба по камню», с. 82. Э. Капиев сопровождает песню примечанием: «Эта песня по всей вероятности относится к первым годам советизации в Дагестане, ибо сообщивший ее колхозник А. Гаджиев рассказывал мне, что слышал эту песню еще в 1923 г. на октябрьских торжествах в Гунибе. Пели песню девушки-горянки. Она была значительно длиннее, но Гаджиев не запомнил ее полностью» (с. 114).

БАЛЛАДЫ

15. Печ. впервые. Записана А.-Г. Ахлаковым в 1962 г. в ауле Шангода Гунибского района от 70-летнего Дарбиша Алиева. Сюжет отражает острую социальную борьбу, которая веками длилась в Дагестане между свободными земледельцами — «узденями» — и феодалами. Произвол феодалов при этом ничто не ограничивало. *В ауле, Али, на коня не садись...* Проскакать по аулу верхом означало нарушить обычай, выказать неуважение к его жителям. *В бинокль поглядел...* Видимо, деталь, внесенная в песню в XIX—XX вв.

16. Печ. впервые. В ДНИИЯЛ хранится несколько вариантов песни. Один из них имеет счастливый конец: герою удается спастись от расправы.

17. Печ. впервые. Песня записана А.-Г. Ахлаковым в 1962 г. в с. Гочоб Чародинского района, от певца Магомеда Нурудинова. Существуют записи, сделанные в Гунибском и других районах. В каждом из них герой, как правило, уроженец того общества, где бытует записанный вариант. *Двоюродная мне по нраву сестрица.* Браки внутри рода между двоюродными братьями и сестрами поощрялись обычаем.

18. Печ. впервые. Запись М.-С. Саидова. Вариант наиболее обширный. Обогащен некоторыми строками из варианта, записанного М. Гайдарбековым. Сходная по содержанию песня есть у лаков («Изажа Бурхай»). Даргинский поэт Сукур Курбан на этот же сюжет сложил песню «Проданная Меседу». *Умма-хан* правил Аварским ханством с 1774 по 1801 г. Свою сестру Бахтику он выдал за бывшего в уже весьма преклонных годах Карабахского Ибрагим-хана (ум.

1806). Отец и дядя Умма-хана и Бахтики были убиты на войне против Ширванского хана. Карабахский хан, союзник Ширвана — для нее кровный враг, и, отдавая ее ему в жены, Умма-хан поступает противно понятиям горской чести и установлениям адата. *Молодой Нуцал-хан* и далее *малый Булач* — сыновья Умма-хана. *Микратль* — название одного из вольных обществ в Аварии.

19. «Лирика», с. 176—178. Запись из фондов ДНИИЯЛ. Известны аварский, даргинский и лакский варианты песни.

20. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 104—108. Существует ряд записей (в том числе в рукописном фонде ДНИИЯЛ). Первая публикация — прозаический пересказ, сделанный Омаром Каранаиловым в статье «Аул Чох», СМОМПК, вып. 4, Тифлис, 1884, с. 7. Каранаилов указывает на широкую популярность этой баллады: «Песню про Али поют по всему Дагестану».

ПЕСНИ ЛЮБВИ

21. «Песни безымянных певцов», с. 11.

22. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 140—141. Дословный перевод — Услар, Аварский язык, с. 11—13. *Румский* — византийский.

23. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 138—139. Дословный перевод — П. К. Услар в статье «Кое-что о словесных произведениях горцев», «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 1, 1868, с. 34. В числе других текстов Л. Н. Толстой в 1875 г. посылал эту песню А. Фету, и поэт сделал ее стихотворный перевод (см. № 407).

24. «Песни страны гор», с. 40.

25. «Лирика», с. 92. Запись ученого-лингвиста Ш. Микаилова, сделана в Гунибском районе.

26. «Лирика», с 82. Записана поэтом О.-Г. Шахтамановым в с. Моксоб Ритлябского района. *Любви не находят в ауле чужом.* Браков между юношей и девушкой из разных аулов обычай не одобрял. Браки чаще заключались между односельчанами, внутри рода.

27. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 139—140. Дословный перевод — Услар, Аварский язык, с. 14—16.

28—29. «Лирика», с. 83. Записана Фазу Алиевой в с. Геничутль, Хунзахского района.

30. «Лирика», с. 85.

31. «Лирика», с. 91. Записана писателем М. Сулимановым в Хунзахе.

32. «Лирика», с. 93. Записана Ш. Микаиловым в Гунибском районе.

33. «Лирика», с. 99. Записана у З. Казимагомедова из с. Богмех.

34. «Лирика», с. 115. Записана О.-Г. Шахтамановым в с. Моксоб Ритлябского района.

35. «Лирика», с. 118. Записана Фазу Алиевой в с. Геничутль Хунзахского района.

36. «Лирика», с. 141. Рукописный фонд ДНИИЯЛ. Песня сложена от лица женщины, муж которой берет в дом вторую (молодую) жену.

37. «Песни безымянных певцов», с. 20.

38. «Песни безымянных певцов», с. 21.

39. «Песни безымянных певцов», с. 25.

40. «Песни безымянных певцов», с. 33.

41. «Лирика», с. 172. Записана поэтессой Машидат Гаирбековой в Ахвахском районе.

42. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 137—138.

43. «Лирика», с. 146—147. Рукописный фонд ДНИИЯЛ.

44. «Лирика», с. 256. Записал О.-Г. Шахтаманов в с. Моксоб Ритлябского района.

45. «Лирика», с. 257. Из записей З. Алиханова, Хунзах.

46—54. «Лирика», с. 261—262.

ОБРЯДОВЫЕ, ТРУДОВЫЕ, БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

55. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 82—83. Песня относится к обширному циклу оплакиваний и восхвалений воинов, погибших при набегах на Цор, как называли аварцы долины Грузии.

56. «Песни горцев», с. 21—22. Дословный перевод — П. К. Услар, Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 1, Тифлис, 1868, с. 37.

57. «Лирика», с. 193. Рукописный фонд ДНИИЯЛ.

58—59. «Лирика», с. 199—200. Рукописный фонд ДНИИЯЛ.

60. «Лирика», с. 163. Записана у Залиха Газимагомедова, с. Ботлих.

61. «Песни безымянных певцов», с. 9—10. *Вай, лабазан, алла!* — выражение восторга.

62. «Лирика», с. 153—154. Из записей З. Алиханова, Хунзах.

63. «Песни безымянных певцов», с. 19. Песни, «вызывающие» дождь, бытовали и у других народов Дагестана (см. № 203—204).

ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

64. Э. Капиев, Избранное, Махачкала, 1946, с. 280—281.

65. «Лирика», с. 216. Записана у Алигази Алигазиева из с. Карата Ахвахского района.

66. «Лирика», с. 213—214. Записана у Ахмеда Цурмилова из Гуниба.

67. «Лирика», с. 210. Записана у Залиха Газимагомедова, с. Ботлих.

68. «Лирика», с. 207. Записана Фазу Алиевой в Хунзахе.

69. «Лирика», с. 218. Записана у Омара Магомедова из аула Агвали.

70. «Лирика», с. 220. Записана у Байсары Азаева из с. Ботлих.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

71—72. «Лирика», с. 180—181. Рукописный фонд ДНИИЯЛ.

73. «Лирика», с. 234—235. Известна во многих вариантах. Расул Гамзатов, обработав, ввел эту песню в поэму «Год моего рождения».

ДАРГИНСКИЕ ПЕСНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ И БОЕВЫЕ ПЕСНИ

74. Печ. впервые. Записана А. Магомедовым в 1955 г. в ауле Кубачи от Ибрагима Хартумова. А. П. *Ермолов* (1777—1861) — военный и политический деятель; с 1816 по 1827 г. — главнокомандующий в Грузии и командир отдельного Кавказского корпуса (до 1827 г.). Военная политика Ермолова (*«Ярмула-паши»*) на Кавказе отличалась жестокостью. В горском фольклоре имя его — синоним беспощадности. Песня является откликом на поход, предпринятый Ермоловым в 1819 г., когда вольный Даргинский союз объединил крупные силы горцев против царских войск (к нему примкнули аварский и мехтулинский ханы, Уцмий Кара-Кайтагский, лакский хан Сурхай); Ермолов прошел земли Дарго и разбил горские войска в ауле Акуша 21 декабря 1819 г.

75. Печ. впервые. Записана М. Магомедовым в 1965 г. в ауле Аймау-Махи от Хангиши Ильясова, 85 лет. *Шамиль* — см. примеч. 5. *Амузгинские клинки.* Аул Амузги славился клинками отличной выделки.

76. «Лирика», с. 61. Оригинал из «Хрестоматии».

77. «Лирика», с. 63. Запись из рукописного фонда ДНИИЯЛ.

78. «Песни страны гор», с. 26—27. Из записей Н. Капиевой.

79. «Песни страны гор», с. 26. Дословный перевод — Услар, Хюркилинский язык, с. 263—265.

80. «Лирика», с. 49. Запись песни из рукописного фонда ДНИИЯЛ.

81. «Лирика», с. 11. Запись песни из рукописного фонда ДНИИЯЛ.

82. «Резьба по камню», с. 81. Из записей Э. Капиева.

83. Печ. впервые. Записана Ф. Абакаровой в г. Изберге от М. Пашаева в 1957 г. Песня посвящена историческим событиям гражданской войны в Дагестане. В августе 1919 г. на Мекегинском перевале близ долины Ая-Кака красные партизаны разбили крупные силы белогвардейцев. *Алибег Багатыров* — руководитель красных отрядов.

БАЛЛАДЫ

84. Печ. впервые. Записана в 1930-х годах даргинским писателем Рабаданом Нуровым. Существуют варианты (в том числе в фондах Союза писателей Дагестана).

85. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 115—119. Дословный перевод — Далгат, с. 63—64. Известен также аварский текст песни (рукописный фонд ДНИИЯЛ).

86. «Дагестанские лирики», с. 197—202. Дословный перевод — Далгат, с. 35—40. В записи Далгата на девушку нападают грузины. Песня поэтически обработана народным даргинским певцом Сукур Курбаном (1848—1922).

87. Печ. впервые. Записана М.-С. Мусаевым в с. Мургук. Вариант, записанный К. Баркуевым от Д. Магомедова в Ходжал-Махи в 1960 г. под названием «Гора гнева», хранится в Союзе писателей Дагестана. Лакский вариант — с более полным сюжетом и развернутыми диалогами (см. № 220).

88. Печ. впервые. Записана Ф. Абакаровой в ауле Кубачи в 1960 г. от слепого певца Р. Магомедова.

89. Печ. впервые. Записана К. Баркуевым в с. Уркарах от. Х. Гаджияхьяевой.

90. Печ. впервые. Записана М.-С. Мусаевым в с. Мургук от слепого певца Р. Магомедова в 1960 г.

91. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с 109—114. Сюжет бытует и у аварцев (см. № 20).

92. Печ. впервые. Записана Ф. Абакаровой в ауле Кубачи в 1965 г. от Издаг Ширпаевой.

93. «Дагестанские лирики», с. 193—196. Дословный перевод — Далгат, с. 35—40. Поэтическая обработка текста приписывается народному даргинскому певцу Сукур Курбану. *В Хибарае — ауле богатом — нашел он дружеский дом.* Убийца-кровник, по обычаю, вынужден был, покинув родину, скрываться на чужбине. *Кубачи* — прославленный с древности аул оружейников, ювелиров, чеканщиков по золоту, серебру, мастеров эмали и художественной резьбы по слоновой кости. В старину здесь ткали также тонкие сукна. Кубачинцы сбывали свои изделия — подчас подлинные шедевры — не только в России, но и за границей. Работы их высоко ценились и ценятся сегодня. *Сделал ей ожерелье из тридцати монет.* Дагестанки носили на лбу и на груди ожерелья из старинных монет, скрепленных серебряной цепочкой.

94. Печ. впервые. *Матери дурная дочь.* Отправляясь на поиски любимого, девушка нарушает адат, и пастухи осуждают ее.

ПЕСНИ ЛЮБВИ

95. «Лирика», с. 15.

96. «Лирика», с. 19.

97. «Лирика», с. 74. Запись из рукописных фондов ДНИИЯЛ.

98. «Лирика», с. 31. Оригинал из «Даргинских стихов и песен».

99. «Лирика», с. 23.

100. «Лирика», с. 32—33. Записана З. Зульфукаровым у А. Закарьяевой в с. Сергокала. Близкая по сюжету песня есть у даргинского классика Батырая (ок. 1831—1910).

101. «Лирика», с. 34. Записана З. Зульфукаровым у Б. Курбановой из с. Муги.

102. «Лирика», с 35.

103. «Лирика», с. 37. Оригинал из книги «100 песен».

104. «Лирика», с. 37. Текст из рукописных фондов ДНИИЯЛ.

105. «Лирика», с. 38. Текст из рукописных фондов ДНИИЯЛ.

106. «Лирика», с. 80. Запись из рукописных фондов ДНИИЯЛ.

107. «Лирика», с. 98. Записана поэтом Рашидом Рашидовым в с. Урахи.

108. «Лирика», с. 109. Текст из рукописных фондов ДНИИЯЛ.

109. «Лирика», с. 97.

110. «Лирика», с. 36. Оригинал из «Даргинских стихов и песен».

111. «Лирика», с. 107. Запись из рукописных фондов ДНИИЯЛ.

112. «Лирика», с. 108.

113. «Лирика», с. 10. Запись из рукописных фондов ДНИИЯЛ.

114. «Лирика», с. 117.

115. «Песни страны гор», с. 46—47. Дословный перевод — Услар, Хюркилинский язык, с. 265—266. Услар приводит песню как народную. В позднейших публикациях она приписывается поэту Батыраю.

116. «Лирика», с. 105. Записана Рашидом Рашидовым в с. Сергокала.

117. «Лирика», с. 164. Записана Рашидом Рашидовым в с. Акуша-Махи.

118. «Лирика», с. 165.

119. «Лирика», с. 119. Текст оригинала в «100 песнях».

120. «Лирика», с. 120—121 (в переводе — неполный текст). Дословный перевод — Далгат, с. 65—67.

121. «Лирика». с. 145. Записана в с. Уркарах у Сулеймана Рабаданова.

122. «Лирика», с. 168.

123. «Лирика», с. 111.

124. «Лирика», с. 174—175 Запись З. Зульфукарова.

125. «Лирика», с. 211. Записана З. Зульфукаровым у Х. Магомедовой из г. Каспийска.

126. «Лирика», с. 217. Оригинал из «Даргинских стихов и песен».

127. «Лирика», с. 219. Оригинал из «100 песен». *Балхарский кувшин.* Гончарные изделия аула Балхары и поныне славятся своей добротностью и красотой.

ОБРЯДОВЫЕ, ТРУДОВЫЕ, БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

128. «Песни страны гор», с. 28—29. Дословный перевод — Услар, Хюркилинский язык, с. 268—271.

129. «Песни безымянных певцов», с. 148.

130—132. «Лирика», с. 157—159. Оригиналы из «Хрестоматии».

133. «Лирика», с. 185. Записал З. Зульфукаров у своей матери Б. Зульфукаровой. *Казила-Али* — самый богатый, *Цикила-Али* — самый старый человек в ауле.

ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

134. Печ. впервые. Своеобразная народная пародия на песни-баллады. Пародийны поиски Зазы, диалоги ее и искателей ее руки. В финале песни остроумно использован традиционный лирический «спор».

135. «Лирика», с. 205. Записана у Разият Курбановой из г. Изберга.

136. «Лирика», с. 216. Записана З. Зульфукаровым у Х. Магомедовой из г. Каспийска.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

137. «Лирика», с. 182—183. Текст оригинала — из «Хрестоматии».

138. «Песни маленьких горцев», с. 40—41.

139. «Песни маленьких горцев», с. 11—12.

140. «Песни маленьких горцев», с. 49.

КУМЫКСКИЕ ПЕСНИ

ЭПИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

141. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 27—30. Оригинал из «Чечеклер». Образ *Карт-Кожака* (*карт* — старик) известен и в ногайском эпосе: богатыря Таргына, умкнувшего ханскую дочь, красавицу Акджунус, догоняет и одолевает шестидесятипятилетний всадник, прозванный старым Кожаком.

142. Печ. впервые. Записана писателем Аткаем Аджаматовым в 1938 г. в с. Гели у сказителя Тайипа (всего Аджаматов записал

у южных и северных кумыков пять вариантов этой песни); имя героя в различных вариантах звучит по-разному: «Минкюллю», «Мюкюлю», «Мункулля», «Минкуллу». Народный поэт Дагестана Казияу Али (1879—1964) слышал предания о Минкюллю в прозаических вариантах и перелагал их в стихи. *Караташ* — черный камень. *Акташ* — белый камень.

143. Печ. впервые. Записана А. Аджаматовым. *Кокчакай* — почтенный чабан (уважительное обращение). *Ты железом был, но сталью не стал.* Игра слов, основанная на смысловом значении имени: «Темир» — железо. *Чтоб оленья корова в ауле их олененка дикого принесла.* Смысл проклятья: аул врага да разрушится и место, где он стоял, зарастет дремучим лесом.

144. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 131—136. Оригинал — из «Чечеклер». *Айгази* — популярнейший герой кумыкского эпоса.

145. Печ. впервые. Песня известна в нескольких вариантах. Данная запись сделана А. Аджаматовым. *Встал в бешмете* — т. е. второпях, не успев, как положено, надеть поверх бешмета черкеску. *Седла рукой не достал* — подчеркивается юный возраст героя.

146. Печ. впервые. Записана А. Аджаматовым у Манку Бийгишиева в 1947 г. Слово «казак» у кумыков многозначно, но обязательно включает в себя понятия справедливости и храбрости. «В глубокой древности, — пишет дагестанский критик К. Султанов, — у кумыков казаками назывались... дружинники феодалов, их вооруженные всадники. Судя по песням эти всадники не всегда были послушным орудием в руках феодалов. В песнях казак нередко противопоставляется тому феодалу, у которого он находился на службе. В дни сражений со своими врагами феодал нуждался в сильных, храбрых людях, которых он вооружал. После битвы он изменял свое отношение к ним. А эти гордые и вольнолюбивые люди из народа не могли примириться с таким унизительным отношением и вступали в конфликт со своим феодалом, которого они выручали в тяжелые для него дни. Они уходили от него и мстили ему. Таков сюжетный стержень кумыкских народных песен из цикла «Къазак йирлар». Песня прославляет неимущих храбрецов, позорит богатых трусов. В этих песнях казак иногда выступает и в качестве певца, поет о своих страданиях и обидах...» (К. Султанов, Поэты Дагестана, Махачкала, 1959, с. 3—4).

147. Печ. впервые. Записана А. Аджаматовым. *Дели* — отчаянный, сорвиголова.

148. Печ. впервые. Записана А. Аджаматовым в 1939 г. в с. Карабудахкент у известного кумыкского певца Агая Капланова. *Дагестанский полк* был сформирован в 1851 г.; комплектовался строевыми нижними чинами-добровольцами на правах охотников из дагестанских горцев, обязанных прослужить не менее года и иметь собственного коня, оружие и снаряжение. Какова была жизнь рядовых солдат-горцев, показывает песня.

149. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 96. Дословный перевод — Афанасьев, с. 40. Принадлежит, как и большинство песен раздела, к обширному циклу так называемых «Къазак йирлар» — «казацких песен».

150. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 96. Дословный перевод — Семенов, с. 355.

151. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 96—97. Дословный перевод — Семенов, с. 355—356.

152. «Резьба по камню», с. 74.

153. «Песни горцев», с. 56—57. Дословный перевод — Семенов, с. 354—355. *Асхартау* — эпическая «гора гор» у кумыков.

154. «Лирика», с. 58. Оригинал из «Чечеклер».

155. «Лирика», с. 51. Оригинал из «Чечеклер».

156. «Лирика», с. 60. Оригинал из «Чечеклер».

157. «Лирика», с. 267. Оригинал из «Чечеклер».

158. «Резьба по камню», с. 65—66. Дословный перевод — Афанасьев, с. 54—55.

159. «Лирика», с. 54. Оригинал из «Чечеклер».

160. «Лирика». Записана у Казияу Али.

161. «Лирика», с. 57. Оригинал из «Чечеклер».

162. «Лирика», с. 64. Записана А. Аджаматовым у певца Манку Атай Мингишиева из с. Эндрей.

163. «Лирика», с. 67. Записана у Казияу Али. *Байдаяк* — сказочная быстрокрылая птица.

164. «Лирика», с. 48. Оригинал из «Чечеклер».

165. «Лирика», с. 53. Оригинал из «Чечеклер».

166. «Лирика», с. 143. Записана у Казияу Али.

167. «Лирика», с. 47. Записана А. Аджаматовым в с. Эндрей.

168. Печ. впервые. Оригинал у Османова.

169. Печ. впервые. Оригинал (в более полном виде) — «Чечеклер».

170. Печ. впервые. Вариант в дословном переводе — Афанасьев, с. 38.

171. Печ. впервые. Дословный перевод — Афанасьев, с. 54—55.

172. «Лирика», с. 62. Оригинал из «Чечеклер».

ПЕСНИ-РАЗДУМЬЯ

173. «Резьба по камню», с. 75. Дословный перевод — Афанасьев, с. 35—36.

174. «Резьба по камню», с. 45. Оригинал у Османова. Дословный перевод — Семенов, с. 354.

175. «Лирика», с. 68. Записана у Казияу Али.

176. «Лирика», с. 13. Записана у Казияу Али.

177. «Лирика», с. 43. Записана у Казияу Али.

178. «Лирика», с. 20. Записана у Казияу Али.

179. «Песни горцев», с. 58. Из записей Э. Капиева.

180. «Лирика». Записал А. Аджаматов у своей бабушки Абай Аджаматовой.

181. «Лирика», с. 18. Записана А. Аджаматовым у Мисархана Алдарханова в с. Эндрей.

ПЕСНИ ЛЮБВИ

182. «Лирика», с. 102. Записана у Казияу Али.

183. «Лирика», с. 116. Записана А. Аджаматовым.

184. «Песни безымянных певцов», с. 226. *София святая* — храм Айя-София в Константинополе.

185. Печ. впервые. Записана А. Аджаматовым.

186. «Лирика», с. 203. Сложена кумыками-солдатами Дагестанского конного полка. Пелась в строю. Записана А. Аджаматовым в с. Параул у бывшего всадника полка Османова.

187. «Лирика», с. 160. Народная обработка песни кумыкского поэта Ирчи Казака (ок. 1830—1879). Текст из рукописных фондов ДНИИЯЛ.

188. «Лирика», с. 162. Записана А. Аджаматовым в с. Костек у Т. Бийбулатова.

ИГРОВЫЕ, ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

189. «Песни страны гор», с. 42. Из записей А. Аджаматова.

190. «Лирика», с. 251—252. Запись А. Аджаматова. Популярная хоровая песня.

191. «Песни страны гор», с. 43—44. *Сюйдум-таяк* («полюби-палочка») — кумыкская плясовая игра. Запись четверостиший из работ писателя и фольклориста Алим-Паши Салаватова. Танец, несколько схожий с «сюйдум-таяк», есть у аварцев. Знаток горской старины, фольклорист З. Алиханов рассказывает: «Парни приглашали девушек, а девушки парней в круг. По старинному доброму обычаю они плясали вокруг табуретки в центре круга (на которую поочередно садились танцор или танцорка), исполняя при этом для сидящего какую-нибудь полюбившуюся песню или тут же сочиненные частушки. Песни эти обычно восхваляли пылающую любовь и мужскую отвагу» (Гамзат Цадаса, Воспоминания современников, Махачкала, 1968, с. 185).

192—199. «Песни страны гор», с. 77—78. Записаны народным поэтом Дагестана Анваром Аджиевым в Каякенте, Утемише, Каранае.

ОБРЯДОВЫЕ, ТРУДОВЫЕ, БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

200. «Лирика», с. 196. Запись со слов Казияу Али.

201. «Лирика», с. 187. С этой песней в день навруза дети и подростки, обычно муталимы, ходили по дворам, получая от хозяев угощенье. Записана со слов А. Аджаматова. Обычай ходить с песнями по дворам описывает А. Омаров в своих «Записках муталима»: «За час или два до зари мы ходили по деревне, разделившись на несколько партий, каждая с бубном, и, играя на нем у каждого жителя во дворе, пели арабские песни для того, чтобы разбудить хозяина к завтраку. Проснувшись таким образом, хозяин давал нам что-нибудь съестное, как-то: мяса, хлеба, яиц, что нарочно приготавливают с вечера для муталимов» (Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 2, 1869, с. 37).

202. «Лирика», с. 231. Эту песню пели подростки, чаще муталимы, осенью, обходя дома и собирая пожертвования. Записана А. Аджаматовым у Казияу Али. *Оссай* — хвалебное восклицание.

203—204. «Лирика», с. 186. Записаны А. Аджаматовым по воспоминаниям детства. На мальчика надевали мешок. Остальные дети кружились вокруг него с этой песней. Перед тем как спеть две последние строки, мальчика обливали из ведра. Когда обряд вызывания дождя совершали взрослые, мешок надевали на женщину и водили ее по берегу реки, а затем бросали в воду. Женщина выплывала так, чтобы люди ее не видели. Сходный, уходящий в седую древность обычай есть у других народов Дагестана. У лезгин на юношу надевали шапку из зеленых ветвей и водили по дворам под песню, призывающую дождь. Хозяин выходил к поющим и выливал на го-

лову укрытого зелеными ветвями кувшин воды. Лакские юноши во время обряда вызывания дождя купали друг друга в реке. Существовала песня, которую пели лакские женщины: «Да пойдет дождь, да пойдет. Аминь! Водяной дождь да пойдет, аминь! Ягнята просят травы. Аминь! Дети просят хлеба. Аминь!»

205. «Лирика», с. 155. Записана А. Аджаматовым в с. Эндрей.

206—207. Печ. впервые. Оригинал — «Сокровищница песен кумыков».

208. Печ. впервые. Дословный перевод — Афанасьев, с. 43—45.

209. Э. Капиев, Избранное, Махачкала, 1946, с. 275. Дословный перевод— Афанасьев, с. 54—55.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

210. «Лирика», с. 230. Записана А. Аджаматовым в с. Утемиш.

211. «Лирика», с. 229. Записана ученым-этнографом С. Гаджиевой в селении Башлы. Вариант песни — «Дагестанская антология», М., ГИХЛ, 1934, с. 103—104 (перевод и запись Э. Капиева).

212. «Песни горцев», с. 65. Запись Э. Капиева. А. Фадеев использовал текст песенки в пятой части романа «Последний из удэге», вложив ее в уста повивальной бабки, принимающей новорожденного Масенду.

213. «Лирика», с. 228. Записана А. Аджаматовым в с. Эндрей.

214. «Лирика», с. 227. Записана А. Аджаматовым в с. Эндрей.

215. «Лирика», с. 232. Записал А. Аджаматов у своей родственницы Базай.

ЛАКСКИЕ ПЕСНИ

ЭПИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

216. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 38—49. Записана в 1938 г. в Кумухе от 90-летней Ж. Хайдаковой. Поэтический перевод песни сделан по записи С. Хайдакова. *Парту Патима* — реальная историческая личность. Выдающийся лакский революционер и поэт С. И. Габиев писал в статье «Лаки, их прошлое и быт»: «У лаков есть своего рода Жанна Д'Арк — Парту Фатима, которая некогда спасла родной край от нашествия монголов. О ее подвиге свидетельствует и надгробный памятник, который привлекает летом много паломников, преимущественно женщин: ее считают святой девой». (СМОМПК, вып. 36, Тифлис, 1905, отд. 1, с. 105). Недалеко от лакского аула Арчутта у подножья горы Вацилу есть долина, носящая

и поныне имя Парту Патимы — «Партувалу». *Привет недостойна сказать я.* Женщине запрещено было обращаться к мужчинам со словом «салам». *Тимур* (Тимурленг, Тамерлан, 1336—1405) — полководец, основатель огромной державы в Средней Азии (со столицей в Самарканде). Военные походы Тимура отличались необычайной жестокостью и несли опустошительные разрушения. Нападения его на Дагестан относятся к 1385—1396 гг.

217. Печ. впервые. Оригинал в «Лакской антологии». Лакские фольклористы относят песню к концу XVI — началу XVII в. Историк Р. Магомедов считает, что восстание табахлинцев произошло в XVIII в. О Кайдаре из аула Табахлю у лакцев бытуют песни и много преданий. Некоторые из них дошли до наших дней лишь в отрывках. Отдельные тексты, в частности публикуемая песня, представляют собою законченные произведения. М.-Х. Пашаев — обладатель большого рукописного собрания лакских песен — составил сводный текст «Кайдара» — поэму объемом более 500 строк. В основе песенного сюжета лежат подлинные исторические события: борьба лакских вольных обществ против власти кумухских феодалов. Х. Халилов в книге «Лакский песенный фольклор» пишет: «Лакский народ сохранил предание о восстании табахлинских узденей против казикумухского хана. Последний жестоко расправился с ними: аул их был разорен до основания и уцелевшему населению пришлось бежать в Кайтаг. И по сию пору еще в селении Шадни Дахадаевского района обитают потомки этих бежавших табахлинцев. Часть жителей Табахлю была переселена в местность Вилттащи, где они основали аул под тем же названием. Табахлю был позднее перенесен поближе к Кази-Кумуху, так что оба эти аула отделяются друг от друга лишь узкой улицей» (Махачкала, 1959, с. 120). Около Табахлю до 1930-х годов существовал так называемый «смазываемый камень» со стертыми временем надписями, у которого, по преданиям, был сожжен Кайдар. В связи с тем, что к камню стекались (и умащали его жиром) многочисленные паломники, местные власти распорядились взорвать камень динамитом. *Магди* — один из руководителей восстания; как полагают, сын хана, рожденный от рабыни (фольклор наделил его эпитетом «Черный»). Записано предание о том, что в последнюю минуту Магди подоспел на помощь Кайдару, разрубил ремни из бычьей кожи, которыми он был привязан к камню и, выхватив героя из огня, ускакал с ним. Кайдара завернули в сало тут же зарезанных коней, но это его не спасло. «Один глаз он открыл, потекла слеза по окровавленным щекам», и Кайдара не стало. *Длинный Сурхай.* В истории лаков известно более восемнадцати ханов, носивших имя Сурхай; вероятно, речь идет о владетеле, правившем в самом конце XVI — начале XVII в. *Гудекан Кичи* — площадь у домов рода Кичиевых в Табахлю (существует и поныне). *Табахлинский Абдуразак* — один из сподвижников Кайдара, плененный ханом.

218. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 63—75. Существует множество вариантов. В начале 1930-х годов лакский ученый, сотрудник ДНИИЯЛ Али Каяев записал их двенадцать. Около тридцати вариантов собрал народный поэт Дагестана Юсуп Хаппалаев. Он же составил и впервые опубликовал сводный текст песни (Ю. Хаппалаев, Песни гор, Махачкала, 1947). *Муртазали* (ум. 1742) — сын лакского

хана Чолак Сурхая (1688—1748), Сурхая «Безрукого». Когда войска Сурхая были разгромлены Надир-шахом и сам Сурхай взят в плен, Муртазали, собравший лакские силы и объединившийся с аварскими дружинами Андалала, дал осенью 1742 г. сражение Надир-шаху и разгромил его. Более подробные сведения об историческом фоне песни см. примеч. 1. *Дважды я из Ирана ходил сюда.* Первый поход Надира в Кумух относится к 1734 г. *Кюринцы* — лезгины (свои земли они называют «Кюре»). *Мяшар* — по верованиям мусульман, место судного дня. *Машрик и Магриб* — Восток и Запад (по-арабски). *Дад бидад... аман* — восклицание, выражающее мольбу, отчаяние.

219. «Песни страны гор», с. 16—22. Как пишет в книге «Лакский песенный фольклор» Х. Халилов, известны четыре варианта песни. Настоящий перевод осуществлен по записи, сделанной в 1930-х годах в Кумухе Э. Капиевым. *Аглар-хан*, или Шах-Мардан (ум. 1858) — последний в роду властителей Кумуха. Отличался необузданной жестокостью и деспотизмом. Народная ненависть к нему была так велика, что его могила была разрыта и оскверненный труп (отрубленную голову швырнули к ногам) был зарыт вместе с дохлой собакой («Этнографическое обозрение», 1889, № 3). *Балхары* — стояли на границе Лакии и независимых земель Акуши; не подчинялись никакому феодалу, — вот почему, чтобы погубить Давди, Аглар-хан вынужден прибегнуть к хитрости.

БАЛЛАДЫ

220. Печ. впервые. Запись М.-Х. Пашаева. *Как наши войска ушли на войну — семь лет минуло с тех пор.* Сюжет лакской песни связывают с войнами дагестанских горцев против иранских захватчиков, в частности против Надир-шаха (войны эти длились почти тридцать лет). *С красным стягом в руках.* В сражениях против Надир-шаха у лакцев знамя было красного цвета. *В белых папахах скачут бойцы* и далее *войско в черных черкесках* и *подъехали красные башлыки* — детали одежды, отличавшие части лакских войск. *Итаргу* — название сказочной птицы, женское имя. *Кара-Ибрагим* — брат Надир-шаха и один из его военачальников Ибрагим-хан (убит в 1738 г. восставшими горцами). Возможно, что его имя вошло в песню просто как синоним ненавистного народу врага. *Хамаш-Кешеки* — видимо, название какого-то рода войск. Существует аварский вариант песни, сюжетная канва которого в основном тождественна, но в нем Сулейман погибает от рук хевсуров, и девушку хочет взять в жены «Черный хевсур»; кроме врага девушка в аварском варианте убивает и его мать; концовка аварского варианта следующая: «Хевсуры такое прислали письмо: «Ведь не мужчина же был, женщина была. Такого чуда мы не видели еще! Может, случилось видеть, горцы, вам?!» Совершенно своеобразен даргинский вариант (см. № 87).

221. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 120—124. Песня имеет ряд вариантов. В основу перевода положена запись, сделанная в 1932 г. И. Давудовым. *Парил Меседу* — прекрасная девушка, героиня многих лакских лирических песен. *Коня он поставил, где ставил*

Амир. По обычаю гость должен войти во двор, спешившись. Коня и оружие у него принимал хозяин. Поступок Алила означает, что он ставит себя выше Амира. *Геллинские селения*. Аул Гелли окружали хутора, их называли «геллинскими».

222. Печ. впервые. Запись М.-Х. Пашаева.

223. Печ. впервые. Запись М.-Х. Пашаева. В лакских легендах и песнях о красавице Парил Меседу, то ее отдают, как дань, завоевателям, то ее умыкают враги. М.-Х. Пашаев полагает, что приводимая песня «лишь отрывок из некогда существовавшего пространного песенного сказания «Парил Меседу и База». *Пророк Иса* — Иисус.

ПЕСНИ ГНЕВА, ТЮРЕМНЫЕ ПЕСНИ

224. «Песни горцев». Существует несколько записей, в том числе в рукописном фонде ДНИИЯЛ. По окончании Кавказской войны в Дагестане и в Чечне вспыхивали восстания против царизма. Наиболее крупным было восстание 1877 г., охватившее весь Северо-Восточный Кавказ и пограничные с ним районы Азербайджана. Подавив его, самодержавие жестоко расправилось с восставшими. Около 300 человек было казнено, более 5000 сослано. Песня пользовалась широчайшей известностью. Автор ее — Будугал Муса из Кумуха, видный участник восстания. Песню пели и на русском языке (в чьем переводе — установить не удалось).

225. «Лирика», с. 125. Записана у М. Ш. Омарова из с. Ханар Лакского района. Как и № 226, относится к обширному циклу песен, рожденных после восстания горцев 1877 г. против царизма.

226. «Лирика», с. 127. Записана у Б. Бугаевой из с. Хосрек Кулинского района.

ПЕСНИ-РАЗДУМЬЯ

227. «Лирика», с. 137. Оригинал в «Лакской антологии». Имеется ряд записей Перевод осуществлен по записи, сделанной со слов Г. Гаджиева в Кумухе. Народный поэт Дагестана Ю. Хаппалаев справедливо указывает, что песня эта является переводом стихов из «Тысячи и одной ночи»:

Была прежде деревом, пристанищем соловьев,
И ветви я с ними наклоняла свои в тоске.
Они на мне плакали, я плач их переняла,
И тайну мою тот плач теперь сделал явною.
Безвинно меня свалил на землю рубящий лес,
И сделал меня он лютней стройной, как видите.
Но только удар о струны пальцев вещает всем,
Что страстию я убита, ею пытаема.
И знай, из-за этого все гости застольные,
Услышав мой плач, пьянеют, в страсти безумствуют...

(«Сказка о Нур-ад-дине и Мариам-кушачнице», т. 7-й «Тысяча и одной ночи», М., 1960, с. 377). Лакский безымянный народный перевод творчески разрабатывает оригинал.

228. «Лирика», с. 8. Записана Х. Халиловым у Б. Бугаевой, с. Хосрек.

229. «Лирика», с. 14. Рукописный фонд ДНИИЯЛ. Запись со слов Магомедовой, с. Уллу-Чара Цудахарского района.

230. «Лирика», с. 56. Записана у Г. Кункуевой в Кумухе.

231. «Лирика», с. 44. Текст из рукописного фонда ДНИИЯЛ.

232. «Лирика», с. 22. Записана Х. Халиловым у П. Курбановой, с. Чакал-Мащи.

233. «Лирика», с. 9. Текст из рукописного фонда ДНИИЯЛ. Записана у Ш. Айгуновой, Кумух.

234. «Песни горцев», с. 81—82. Записана Э. Капиевым в 1935 г. в Кумухе у 80-летней Бавер.

ПЕСНИ ЛЮБВИ

235. Э. Капиев, Избранное, М., 1948, с. 32—33. Дословный перевод — Услар, Лакский язык, с. 227—229.

236. «Лирика», с. 78. Оригинал в «Лакской антологии».

237. «Лирика», с. 21. Записана Х. Халиловым у П. Мусаевой, с. Хурукра.

238. «Лирика», с. 75. Запись М.-Х. Пашаева.

239. «Лирика», с. 77. Запись М.-Х. Пашаева.

240. «Лирика», с. 72. Оригинал в «Лакской антологии».

241. «Лирика», с. 12. Записана у П. Курбановой из с. Чакал-Маши.

242. «Лирика», с. 90. Записана у Д. Хановой, с. Табахлю Лакского района. Приводится в книге Х. Халилова «Лакский фольклор», с. 20.

243. «Лирика», с. 10. Записана со слов жителя Кумуха Ш. Акниева. Дословный перевод (более полный) — Услар, Лакский язык, с. 224—226.

244—252. Печ. впервые. Оригинал в «Лакской антологии».

253. «Лирика», с. 148. Из записей Х. Халилова.

254. «Лирика», с. 144. Из записей М.-Х. Пашаева.

255. «Лирика», с. 114. Записана со слов П. Курбановой из с. Чакал-Мащи.

256. «Лирика», с. 104. Из записей М.-Х. Пашаева.

257. «Лирика», с. 100. Записана у Ш. Акниева в Кумухе.

258. «Лирика», с. 149. Записана у Ш. Акниева в Кумухе.

259. «Лирика», с. 89. Из песен, записанных Х. Халиловым.

260. «Лирика», с. 30. Из записей Х. Халилова.

261. «Лирика», с. 29. Из записей Х. Халилова.

262. «Лирика», с. 24. Записана Х. Халиловым в Кумухе.

263. «Лирика», с. 87. Рукописный фонд ДНИИЯЛ.

264. «Лирика», с. 101. Из записей М.-Х. Пашаева.

265. «Лирика», с. 94—95. Рукописный фонд ДНИИЯЛ.

266. «Лирика», с. 81. Записана у М. Мусаевой из Кумуха.

267. «Лирика», с. 221—222. Записана Х. Халиловым у Ш. Абдуллаева, с. Хури.

268. «Лирика», с. 88. Из записей Х. Халилова.

269. «Лирика», с. 79. Из записей Х. Халилова.

270. «Лирика», с. 27. Из записей Х. Халилова.

271. «Лирика», с. 28. Записана Х. Халиловым у А. Абакарова из с. Хосрек.

272 «Лирика», с. 73. Записана М.-Х. Пашаевым.

273—276. Печ. впервые. Оригинал в «Лакской антологии».

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

277. «Лирика», с. 181—182. Записал Х. Халилов у своей матери Л. Халиловой.

278. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 198. Записана Н. Капиевой в 1940 г. со слов А. Капиевой в Буйнакске.

279. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 199—200. Записал Э. Капиев у своей матери А. Капиевой.

280. «Песни страны гор», с. 59. Записана Н. Капиевой со слов А. Капиевой в 1940 г. в Буйнакске.

281. «Лирика», с. 233. Записал Х. Халилов у своей матери А. Халиловой.

ЛЕЗГИНСКИЕ ПЕСНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

282. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 50—54. Оригинал в сборнике «Сила ашуга» З. Ризванова и Б. Салимова, Махачкала, 1963. *Тимур* — см. № 216.

283. «Лирика», с. 129. Записана поэтом Алирзой Саидовым. *Род Мурсала* — Мурсал, Сурхай-хан II, правил в XVIII в.; владетель Казикумухского и Кюринского ханств; тиран, ослепивший известного лезгинского ашуга, Саида из Кочхюра.

284. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 184. По преданию, у некоего лезгинского хана среди многих молодых и красивых жен была одна, по имени Перизада, выделявшаяся особой красотой. Однажды, когда по улице проходил прекрасный юноша Гаджибала, она взглянула на него. За это хан велел бросить их обоих в огонь.

СОРЕВНОВАНИЕ АШУГОВ

285. Печ. впервые. Оригинал в сборнике «Сила ашуга». Запись и обработка З. Ризванова и Б. Салимова. Песни записаны у известного ашуга Абдулы, ашуга Нусрета и других. Сюжет бытует в отрывках. Сводный текст составлен собирателями. Дается с некоторыми сокращениями (содержание их передано прозаическими связками).

ПЕСНИ ЛЮБВИ

286. «Лирика», с. 249—250. Оригинал в «Лезгинском фольклоре».

287—288. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 153—155.

289. «Лирика», с. 169. Записана поэтом Ибрагимом Гусейновым.

290. «Лирика», с. 96. Записана А. Саидовым.

291. «Лирика», с. 209. Оригинал в «Лезгинском фольклоре».

292. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 186—187.

293—300. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 180—182. Записи сделаны Н. Капиевой в 1936 г. в аулах Ахты, Касум-Кент, Ашага-Сталь.

301. «Лирика», с. 247—248. Оригинал в «Лезгинском фольклоре». *Перизада* — женское имя («Дочь Пери») и старинный танец (медленная лезгинка).

302. «Лирика», с. 245—246. Оригинал в «Лезгинском фольклоре».

303. «Лирика», с. 243—244. Оригинал в «Лезгинском фольклоре».

304—312. «Лирика», с. 258—260. Оригинал в «Лезгинском фольклоре».

ОБРЯДОВЫЕ, КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

313—317. «Лирика», с. 188—192. Оригинал в «Лезгинском фольклоре». Цикл отражает отдельные моменты обряда лезгинской свадьбы.

318—319. «Лирика», с. 194—195. Оригинал в «Лезгинском фольклоре».

320. «Лирика», с. 179. Оригинал в «Лезгинском фольклоре».

НОГАЙСКИЕ ПЕСНИ

ЭПИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

321. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 31—37. Запись А.-Г. Джанибекова. Существует несколько вариантов. Дословный перевод — Г. Ананьев, «Караногайцы и их предания», Ставрополь, 1908. Социальная острота песни в публикации Ананьева значительно сглажена. Как это нередко бывает в древних тюркоязычных эпических сказаниях, утраченная часть стихотворного текста восполнена прозаическими связками. *Джанибек* (ум. 1357) — хан Золотой Орды.

322. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 100—102. Из записей А.-Г. Джанибекова.

323. Печ. впервые. Записана А.-Г. Джанибековым от Эмзе Муталипова в 1924 г. (рукописный фонд ДНИИЯЛ). Песне предпослан краткий прозаический текст: «Это было в те давние времена, когда султаны Стамбула владели Крымом. Всех, кто был в Крыму славен среди народа и любим, они убивали, опасаясь, что такие почитаемые люди будут добиваться власти. Адил Солтан был смелым и храбрым джигитом. Он не посягал на ханский престол, но и подчиняться крымскому хану и султану Стамбула тоже не хотел. Тогда крымский хан оклеветал Адил-Солтана перед Стамбулом. В Стамбуле султан созвал на совет своих визирей. Он задумал убить Адил-Солтана, но советники подсказали ему другое решение: «Убив его, — сказали они, — ты поднимешь против себя народ. Направь его лучше во главе войска против кизилбасов, с которыми мы воюем. Сила врага велика, и Адил-Солтан погибнет». В Крым был послан приказ. Адил-Солтан отправился на войну. Воевал он храбро и одержал победу, но когда возвращался на родину, его окружили на привале, пленили, выкололи ему глаза и бросили его в тюрьму».

324. Печ. впервые. Записана А.-Г. Джанибековым от Касыма Эсмамбетова в 1928 г. (рукописный фонд ДНИИЯЛ). *Найманы* — один из ногайских родов. *Орак* и *Мамай* — богатыри ногайского эпоса.

325. Печ. впервые. Записана А.-Г. Джанибековым от Аджимоллы Нугманова в 1923 г. По преданию, *Мусеке-батыр* был воином *Бора-хана.* По каким-то причинам Мусеке возненавидела ханша и оклеветала его. Хан подверг Мусеке пыткам, а затем изгнал. Мусеке стал «казаком» (см. № 146). *Темир-Казык* — Полярная звезда.

326. Печ. впервые. Записана А.-Г. Джанибековым от Солтана Аджимурадова в 1927 г. (рукописный фонд ДНИИЯЛ). События, о которых идет речь в песне, относят к первой половине XVII в. Ногайцев, кочевавших в низовьях Волги, где, как гласит предание, «вода была для них медом, а травы — маслом», вытеснили оттуда калмыки. Ногайцы вынуждены были расселиться. Они ушли на Куму, на Терек, на Кубань и к побережью Черного моря. В сражениях, продолжавшихся долгие годы, прославились многие богатыри-воины, боровшиеся за право народа оставаться на искони обжитых местах. Один из них — герой песни Кусеп. *Этисан, Эмбойлык* — названия ногайских родов.

ПЕСНИ ГЕРОЕВ

327—329. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 102—103. Записи А.-Г. Джанибекова.

330. «Песни ногайцев», с. 23—24. Запись А.-Г. Джанибекова.

331. «Песни безымянных певцов», с. 313—314.

332. «Песни безымянных певцов», с. 319.

333. «Песни безымянных певцов», с. 321.

334. «Песни безымянных певцов», с. 309.

335. «Резьба по камню», с. 72—73. Из записей А.-Г. Джанибекова.

ПЕСНИ ЛЮБВИ

336. «Песни безымянных певцов», с. 312.

337. «Песни безымянных певцов», с. 320.

338. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 155—156. Из записей А.-Г. Джанибекова. *Порог высок у вас.* Высокий порог — символ богатого дома.

339—348. «Песни ногайцев», с. 52—53. Записи А.-Г. и М. Джанибековых. *Дияр* — буквально: «говорят». Форма «дияр» традиционна, древнего происхождения. Она известна и в поэзии туркмен. Ее применял, в частности, туркменский классик XVIII в. Махтум-Кули.

ОБРЯДОВЫЕ, ТРУДОВЫЕ, БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

349. «Песни горцев», с. 118. Из записей А.-Г. Джанибекова.

350. «Песни безымянных певцов», с. 322. В записях А.-Г. Джанибекова отнесена к свадебным песням.

351. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 188—190. Из записей А.-Г. Джанибекова.

352. «Песни ногайцев», с. 38. Из записей А.-Г. Джанибекова. Песня сложена профессиональным «ирау» — слагателем и исполнителем песен Абыл-Халком (1858—1913). *«Кабыл-мултык»* — старинное ружье; оно заряжалось с дула, и, чтобы привести его в боевую готовность, требовалось немалое время (горцы называли в шутку такие ружья «Подожди, заряжу!»).

353. «Песни безымянных певцов», с. 317—318.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

354—355. «Песни безымянных певцов», с. 323—324.

356. «Песни горцев», с. 120. Запись Э. Капиева. *Айданак* — женское имя.

ТАБАСАРАНСКИЕ ПЕСНИ

ПЕСНИ ЛЮБВИ

357. «Резьба по камню», с. 40.

358. «Лирика», с. 122. Песня записана М. Мигаровым.

359. «Лирика», с. 166. Запись из фондов ДИИЯЛ.

360. «Песни горцев», с. 129. Записана Н. Капиевой в ауле Хучни в 1936 г.

361. Печ. впервые. Записал М. Гасанов у Ж. Рамазановой в с. Хурик в 1963 г.

362. Печ. впервые. Записана М. Гасановым у К. Хаметовой в с. Гулли в 1964 г.

363. Печ. впервые. Запись К. Рамазанова.

364. Печ. впервые. Записана М. Гасановым от Т. Ибрагимова в с. Гулли в 1963 г.

365. «Песни горцев», с. 128. Записана Н. Капиевой в ауле Хучни в 1936 г.

366. «Песни горцев», с. 126. Записана Н. Капиевой в ауле Хулюг в 1936 г.

367. Печ. впервые. Записана Т. Магомедовым у Б. Ильясовой в с. Чулат в 1957 г.

368. «Лирика», с. 139—142. Запись из рукописного фонда ДНИИЯЛ.

369—376. Печ. впервые. Записана М. Гасановым у Магомедовой в с. Гурик в 1963 г.

377. «Песни горцев», с. 130. Записана Н. Капиевой в ауле Хучни в 1936 г.

378. Печ. впервые. Записана М. Гасановым у А. Халифаевой в с. Джульжаг в 1964 г.

379. Печ. впервые. Записана Т. Магомедовым у Исрафила в с. Ружник в 1954 г.

БЫТОВЫЕ, ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

380. Печ. впервые. Записана М. Гасановым у И. Билаловой в с. Ергулиг в 1964 г.

381. Печ впервые. Записана Т. Бабасиевым.

382. «Лирика», с. 135. Запись М. Митарова.

383. «Лирика», с. 134. Запись М. Митарова.

384. Печ. впервые. Записана К. Рамазановым.

385. Печ. впервые. Записана Т. Магомедовым у 90-летней Кисран в с. Ружник в 1940 г.

386. Печ. впервые. Записана М. Гасановым у Ж. Рамазановой в с. Гурик в 1963 г. Относится ко времени первой мировой войны.

387. Печ. впервые. Записана Т. Магомедовым у Айдемира в с. Ружник в 1956 г. *Тарикули Юзбеков* — герой гражданской войны, один из большевистских деятелей, возглавивших борьбу за Советскую власть в Южном Дагестане.

388. Печ. впервые. Записана М. Гасановым у Х. Мусаевой в с. Урсиг в 1964 г. Относится к периоду Великой Отечественной войны.

389. Печ. впервые. Записана М. Гасановым у С. Аслановой в с. Хурик в 1962 г.

390. Печ. впервые. Записана М. Гасановым у М. Халифаевой в с. Джульжаг в 1964 г.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

391. Печ. впервые. Записана М. Гасановым у П. Ханмагомедовой в с. Рушель в 1964 г.

392. Печ. впервые. Записана М. Гасановым у П. Ханмагомедовой в с. Рушель в 1964 г. *Чурдаф* — селение в Табасаранском районе. *Мизнан* — местность в Табасаране.

ТАТСКИЕ ПЕСНИ

ПЕСНИ ЛЮБВИ

393. «Лирика», с. 223—224. Оригинал в «Татском фольклоре».

394. Печ. впервые. Дословный перевод в «Записках восточного отделения императорского русского археологического общества», т. 21, вып. 4, СПб., 1913, с. 0121—0128. Запись сделана Вс. Миллером со слов Н. Ц. Анисимова.

395. Печ. впервые. Оригинал в «Татском фольклоре».

396—402. Печ. впервые. Оригинал в «Татском фольклоре».

ОБРЯДОВЫЕ, БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

403. «Песни страны гор», с. 56—57. Записана Э. Капиевым в 1933 г. в Дербенте.

404. «Песни горцев», с. 131. Записана Э. Капиевым в 1933 г. в Дербенте.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

405. «Лирика». Оригинал в «Татском фольклоре».

406. «Поэзия народов Дагестана», 1960, с. 200—202. Записана Э. Капиевым в Дербенте в 1933 г.

РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ И ПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАБОТКИ

А. А. ФЕТ

407. А. А. Фет. Полное собрание стихотворений, Л., 1959, «Библиотека поэта» (Большая серия), с. 680.

АЛ. ЭЛЬСКИЙ

408. «Покоренный Кавказ», СПб., 1904, с. 158—160. Исторический комментарий см. № 1. *Погляди, шиит презренный.* Ислам имеет два основных направления: шиизм и суннизм; иранцы — шииты.

ВАС. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

409. В. И. Немирович-Данченко, «Кавказские богатыри», М., 1902, ч. 1, с. 50. Подобные песни-гимны с религиозной окраской, отражающие цели газавата, широко бытовали в шамилевских войсках.

410. Там же, с 47.

411. Там же, с. 37. Немирович-Данченко вложил эту песню в уста героя очерков — аварца. Песня является почти адекватным переложением в стихи записи, помещенной в статье А. И. фон Плотто «Природа и люди Закатальского округа» — «Сборник сведений о кавказских горцах», т. 4, Тифлис, 1870, с. 40—41.

412. Там же, с. 5. Песня героини, девушки-аварки Солтанет.

С. АРГАШЕВ

413. «Парида», с. 59—64. Относится к обширному циклу песен о набегах. Услар пишет: «Песня эта, вероятно, сочинена в конце прошлого века, когда лезгины, пользуясь ослаблением Грузии, производили беспрестанные вторжения в ее пределы. Память о герое песни, хромом Ражбадине, до сих пор сохранилась в горах, но никаких подробностей о его жизни я не мог узнать, кроме того, что он был уроженец аула Харачи...» (П. К. Услар, Аварский язык, с. 17). *Кирим с голубым... прикладом* — крымское ружье. Приклад ружья нередко украшался окрашенной костью. *Зирар* — легендарный герой восточного эпоса. *Знамя Ираклия.* Ираклий II (1744—1798) — грузинский царь, вступивший в 1783 г. под протекторат России.

414. «Парида», с. 47. Дословный перевод — П. К. Услар («Сборник сведений о кавказских горцах», т. 1, Тифлис, 1868, с. 35).

415. «Парида», с. 49. Прозаическое изложение — см.: А. Омаров, «Воспоминания муталима» («Сборник сведений о кавказских горцах», т. 1, Тифлис, 1868, с. 35). Им заканчивается приветствие хану от учеников мечетской школы.

АНДРЕЙ ГЛОБА

416—425. «Песни народов СССР», с. 351—272. *Салты* — см. № 6.

ЭФФЕНДИ КАПИЕВ

426. «Резьба по камню», с. 31.

427. Там же, с. 39.

428—431. Там же, с. 44—48. Э. Капиев дает примечание: «Эти четверостишия нередко традиционны, но еще чаще они являются экспромтами. Обычно это белые стихи, ритмическая проза» (с. 108).

432. Там же, с. 77—78.

433. Там же, с. 79—80.

434. Э. Капиев, Избранное, М., 1955, с. 411—412. Печатается с сокращением.

ИБРАГИМ ГУСЕЙНОВ

435. Ибрагим Гусейнов, Шарвили, М., 1963, с. 35—46. Издательство «Детская литература», выпустившее книгу, дает к ней следующую аннотацию: «Из поколения в поколение передавались у лезгин легенды об отважном богатыре Шарвили, верном сыне и заступнике народном. Молодой поэт Ибрагим Гусейнов написал по мотивам этих легенд героическую поэму. Большая удача автора в том, что он не только свел в стройный сюжет элементы старинных преданий, но остро и очень правильно показал освободительное движение народа в борьбе за свое счастье в далеком прошлом». Эпос о Шарвили начиная с 1956 г. собирают также лезгинские поэты и фольклористы З. Ризванов и Б. Салимов. Поэтически обработанный ими сводный текст огромен — около 15 тысяч строк. В 1964 г. лезгинская республиканская газета «Коммунист» опубликовала (4 марта) в отрывках около 700 строк из этого свода. Эпос о Шарвили, как считают эти собиратели, относится к XI—XII вв. Сохранился он лишь в отрывках — прозаических и стихотворных. Образ Шарвили, героя-богатыря, защитника угнетенных, борца за свободу родной земли, совпадает в основных чертах в поэме И. Гусейнова и в записях З. Ризванова и Б. Салимова. Поисками сказаний о Шарвили занимались также фольклорист Ал. Назаревич и историк Р. Магомедов. Р. Магомедов пишет: «Различных легенд и преданий о борьбе горцев Дагестана с Надир-шахом и другими иноземными завоевателями можно записать столько, что их хватит на целую книгу... Но среди легенд этого типа в одном из аулов есть такие, что поражают исторической неопределенностью. Речь идет об ауле Ахты и о созданном творческой фантазией ахтинцев богатыре Шарвели. Во всех дагестанских преданиях и ле-

гендах о богатырях, поднимавших народ на борьбу против завоевателей, всегда точно указывается — против кого боролся богатырь и когда это было. А в легендах о Шарвели все это стерто. О Шарвели есть много легенд, но все они какие-то расплывчатые — видимо, это какой-то древний эпос и он давно стал уже забываться...» (Р. Магомедов, Легенды и факты, Махачкала, 1963, с. 42—43). Ал. Назаревич свои записи о Шарвили опубликовал в книге «Лезгинский фольклор». Интересны в эпосе о Шарвили мотивы, напоминающие античный миф об Антее. До тех пор, пока Шарвили стоял на земле, он был непобедим. Враг одолевает его, посыпав поле поединка горохом и накрыв коврами. Имя героя в разных лезгинских районах произносят по-разному: Шарвили («шар» — лев), Ширвили («шир» — могучий), Пирвили («пир» — праведник). «Любопытно, — пишет Р. Магомедов, — что легенды о Шарвели по-новому зазвучали в годы Великой Отечественной войны. Говорят, что накануне войны кто-то из ахтинских стариков услыхал ночью голос Шарвели — он предупреждал о грозной опасности» (там же, с. 45).

СЛОВАРЬ

Абасс — мелкая серебряная монета.
Абрек — изгнанный из рода, скиталец, разбойник. Понятие абречества включает и партизанскую борьбу одиночек с царскими властями на Кавказе.
Адат — обычай. Свод народных обычаев и народной юридической практики у горцев Кавказа.
Адичах — Чеченская сторона в топонимике аварцев.
Азайни (Азейми) — аул у прибрежья Каспия, резиденция кумыкских феодалов.
Азнаур — дворянин в феодальной Грузии, властитель.
Азраил — ангел смерти у мусульман.
Айдага — сказочный змей, чудище.
Аксай — кумыкский аул.
Акуша — даргинский аул.
Алазань — река в Грузии.
Алим — ученый, арабист.
Аманат — заложник.
Амузги — даргинский аул, в прошлом родина оружейников.
Анада — местность неподалеку от аула Чох в Аварии.
Анадол — Дон у кумыков.
Андалал — местность (и название общества) в Аварии.
Анди — аварский аул.
Андрей-аул — см. Эндирей.
Ансох — аварский аул.
Апши — аварский аул.
Араканы — аварский аул.
Аркас — аварский аул.
Арран — северная часть Азербайджана.
Ашдага — см. айдага.
Ашильта — аварский аул.
Ая-Кака — долина в Дагестанских горах, где в годы гражданской войны были разгромлены красными партизанами белогвардейские войска.

Бав-Тогай — кумыкский аул.
Байган — город в Карабахском ханстве.
Бакша-Сарай — Бахчисарай у ногайцев.

Балахана — балкон, терраса.
Балхары — лакский аул.
Бартунай — аварский аул.
Батыр — богатырь, герой.
Башликент — кумыкский аул.
Бафта — золотая или серебряная нить.
Бек — представитель феодальной знати (сын или брат шамхала, нуцала или хана).
Бетеке — трава «перекати-поле».
Бий — знатный человек, принадлежавший к феодальной верхушке, старшина рода.
Бисмиллах (бисмилляги) — начало всех мусульманских молитв: «во имя бога милостивого, милосердного».

Векил — представитель, посол.
Вицхи — группа аулов в лакском районе.

Газават — «священная война» мусульман против «неверных».
Ганджа — древний город в Азербайджане (ныне Кировабад).
Газыри — патроны в гнездах, нашитых на черкеску.
Гехи — река и аул в Чечне.
Гидатль — название аварского общества.
Годекан — место, где собираются на беседу мужчины аула. Обычно на площади у мечети.
Голода — аварский аул (ныне не существует).
Голотль — аварский аул.
Гудекан — см. годекан.
Гулистан — Иран (буквально: «цветущая страна»).
Гунгум — маленький металлический кувшин для набирания воды.
Гурдай — возвышенность между аулами Кумух и Табахлю, на которой в старину размещались крепость и дворцы лакских феодалов.
Гяур — иноверец, «неверный».

Дарада — аварский аул.
Дарго — земли, населенные даргинцами.
Дарман — ласкательное слово; буквально: «лекарство».
Джамаат — общество, мир.
Джан — душечка, любимый, любимая.
Джары — Джаро-Белоканы, бывший военный округ в Грузии (в 1859 г. переименован в Закатальский).
Дженгутай — аул на границе Аварии и Кумыкии.
Дербент — город и построенная в VI в. крепость на берегу Каспийского моря.
Дешлагар — даргинский аул (ныне Сергокала).
Дибир (дебир) — духовное лицо, исполняющее одновременно обязанности судьи.
Дэдэ — мать.

Жазаил — длинноствольное ружье.

Загорье — у горцев Дагестана земли, лежащие по южную сторону Кавказского хребта.
Закаталы — город в Азербайджане.

Закят — религиозная милостыня. Взималась с каждого хозяйства в определенном проценте от урожая или дохода.
Зем-зем — «священный» источник у храма в Мекке.

Имчак — фаворит шамхала, хана. Обычно молочный брат феодала, отпрыск влиятельного рода.
Ишкарты — кумыкский аул.

Каджар — иранец (от династии Каджаров). Слово возникло позже эпоса о разгроме Надир-шаха.
Кадий — духовное лицо, судья в мусульманском суде.
Казанище — кумыкский аул.
Кайтаг (Хайдак) — так называли аварцы земли кайтагского правителя — уцмия.
Камча — плеть.
Кандирах — название местности.
Кара-Кайтаг — округ в Дагестане (и даргинское феодальное образование).
Кара-Су — река на Кумыкской плоскости.
Карабах — часть Закавказья между Зангезурским и Карабахским хребтами (ныне Нагорно-Карабахская автономная область Азербайджанской ССР).
Карах — наименование аварского вольного общества.
Карби — река в Грузии (вероятно, Иори).
Кафир-Кумух — кумыкский аул.
Кебин — брачное условие у мусульман.
Кизилбаш («красноголовый») — кличка иранских воинов.
Кобан — река Кубань у ногайцев.
Койсу (Аварская, Кази-Кумухская Койсу) — реки в нагорном Дагестане.
Койсубу — местность в Аварии и самоназвание аварского общества Андалал.
Комуз (кумуз) — струнный музыкальный инструмент.
Коолбавы — полотняные полосы, которыми у кумыков привязывали к колыбели младенца.
Кош — пастушья стоянка.
Кубачи — аул в Дагестане, известный как родина ювелиров и граверов, мастеров черни, резьбы, эмали.
Кумган — металлический кувшин для омовения.
Кумуз — см. комуз.
Кумух (Кази-Кумух) — древнейший лакский аул, центр Лакии.
Курах — лезгинский аул.
Курбан (курбан байрам) — мусульманский праздник.
Кутан — пастушья стоянка, зимнее пастбище.
Кяфир — неверный, иноверец.

Леваши — даргинский аул.

Маджары — средневековый город на Северном Кавказе.
Майдан — площадь.
Маштак — малорослая, крепкая лошадь.
Медина — город в Саудовской Аравии. Один из религиозных центров ислама, место паломничества к могиле Магомета.

Мисри — Египет.
Мосоки — хевсуры, грузинская народность.
Мукутль — аварский аул.
Мулебки — даргинский аул.
Мутак — подушка продолговатой формы в виде валика.
Муталим (мутаил) — ученик мусульманской духовной школы (медресе).
Мухаджиры («беглецы») — воины, бежавшие из своих аулов и присоединившиеся к Шамилю.
Муфтий — толкователь мусульманских законов.
Мухоб — аварский аул.
Мушкюр — у лезгин равнинная местность.
Мюрид — мусульманский послушник, ученик мюршида (духовного наставника).

Навруз — праздник нового года (справлялся в день весеннего равноденствия).
Наиб — правитель округа.
Намаз — обряд мусульманской молитвы.
Намус — честь.
Нарт — богатырь горского эпоса.
Неук — необъезженный конь.
Нукер — слуга, телохранитель, воин при дворе горского феодала.
Нуха — один из древнейших городов Азербайджана.
Нуцал — титул аварских ханов (и собственное имя).

Ораза — мусульманский пост. Соблюдая его, пищу принимают раз в сутки (вечером).
Оргыз-гора — легендарная гора ногайского эпоса.

Салатавия — плоскостная часть Аварии на границе с Чечней.
Салах — молитва.
Сальян — город в Азербайджане.
Салты — аварский аул.
Самур — река в Дагестане.
Сардар — наместник, главнокомандующий.
Синах (Сигнахи) — селение в Грузии.
Сираги — даргинский аул.
Согратль — аварский аул.
Сунжа — река в Чечне.
Сурык — часть ногайской юрты.
Суфий — аскет. Буквально — «носящий власяницу».

Табахлю — лакский аул.
Тавады — князья, грузинская знать.
Тавриз — город в Иране.
Таллух — местность неподалеку от Хунзаха в Аварии.
Таркамские села (Теркеме) — местность в Дарго.
Тарки (Азейми) — кумыкский аул у прибрежья Каспия, в прошлом резиденция феодалов (шамхалов).
Тарлан — ястреб.
Телетль — аварский аул.
Тинди — аварский аул.

Тленсерух — аварский аул (и название вольного общества).
Тобылга — кустарник, растущий на песках.
Тон — Дон у ногайцев.
Тул — колчан.
Турчидаг — гора в Лакии.
Тулпар — сказочный крылатый конь.
Туман — десять рублей.
Тушинцы (тушины) — этнографическая группа грузинского народа.

Узденъ — свободный хлебопашец.
Ункратль — аварский аул (и наименование вольного общества).
Унчукатль — лакский аул.
Ураза — см. ораза.
Уркарах — даргинский аул.
Ухли — аварский аул.
Уцмий — титул даргинского феодального владетеля.

Хабдал — название нескольких аварских аулов близ Хунзаха.
Хадис — собрание изустных преданий и наставлений Магомета и примеров из его жизни.
Хазах — раб, «низкорожденный» (также — батрак).
Хайдак — см. Кайтаг.
Хамадан — город в Иране.
Харачи — аул в Чечне.
Хибарай — даргинский аул.
Хинкал — распространенное горское блюдо.
Хициб — аварский аул.
Хомус — см. комуз.
Хорасан — провинция в Иране.
Хосрех — лакский аул.
Худат — лезгинский город в древности.
Хулюг — табасаранский аул.
Хунзах — древний аварский аул, резиденция ханов-нуцалов.
Хурджун — дорожная переметная сума.
Хури — лакский аул.
Хурукра — лакский аул.

Цараки — селение в Рутульском районе ДАССР.
Цор — у аварцев равнины к югу от главного Кавказского хребта.
Цудахар — даргинский аул.
Цунта — аварский аул.

Чагана — струнный музыкальный инструмент, горская скрипка.
Чалахская равнина — местность в Аварии.
Чалда — аул и местность в Аварии.
Чарпар — деревянная кровать, лежанка.
Чарто — тампон.
Чархи — лезгинский аул.
Чарыки — сыромятная горская обувь.
Чача — виноградная водка.
Чекмень — верхняя одежда, род казакина.
Чох — аварский аул.
Чунгур — струнный музыкальный инструмент.

Шамхал — титул кумыкских феодалов.
Шараб — сладкое питье.
Шариат — свод законов, основанный на Коране.
Шахдаг — гора в Южном Дагестане.
Шахкир — название местности на прикаспийской равнине.
Шеки — город и Шекинское ханство (XIX в.) в Азербайджане.
Шираз — город в Иране.
Ширак — Ширакская степь в Грузии.
Ширван — в середине XVIII в. самостоятельное Ширванское ханство на территории Азербайджана (с 1805 г. присоединено к России).
Шовкра — лакский аул.
Шура (Темир-Хан-Шура) — в прошлом административный и военный центр Дагестана (ныне г. Буйнакск).
Шурпа — бульон, навар из баранины.
Шуша — город в Карабахе, один из крупных старинных центров Азербайджана.

Эл — племя, народ у аварцев.
Эндирей (Андрей-аул) — кумыкский аул.
Эрпели — кумыкский аул.

Юл — тампон.
Юрга — иноходь.

Яр — милый, милая.
Яс — оплакивание.
Ясак — дань.
Ясын (Ясин) — глава (сура) из Корана.

СОДЕРЖАНИЕ

АВАРСКИЕ ПЕСНИ

ЭПИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

БАЛЛАДЫ

ПЕСНИ ЛЮБВИ

ОБРЯДОВЫЕ, ТРУДОВЫЕ, БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

ДАРГИНСКИЕ ПЕСНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ И БОЕВЫЕ ПЕСНИ

БАЛЛАДЫ

ПЕСНИ ЛЮБВИ

ОБРЯДОВЫЕ, ТРУДОВЫЕ, БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

КУМЫКСКИЕ ПЕСНИ

ЭПИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ПЕСНИ ГЕРОЕВ

ПЕСНИ-РАЗДУМЬЯ

ПЕСНИ ЛЮБВИ

ИГРОВЫЕ, ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

ОБРЯДОВЫЕ, ТРУДОВЫЕ, БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

ЛАКСКИЕ ПЕСНИ

ЭПИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

БАЛЛАДЫ

ПЕСНИ ГНЕВА, ТЮРЕМНЫЕ ПЕСНИ

ПЕСНИ-РАЗДУМЬЯ

ПЕСНИ ЛЮБВИ

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

ЛЕЗГИНСКИЕ ПЕСНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

СОРЕВНОВАНИЕ АШУГОВ

ПЕСНИ ЛЮБВИ

ОБРЯДОВЫЕ, КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

НОГАЙСКИЕ ПЕСНИ

ЭПИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ПЕСНИ ГЕРОЕВ

ПЕСНИ ЛЮБВИ

ОБРЯДОВЫЕ, ТРУДОВЫЕ, БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

ТАБАСАРАНСКИЕ ПЕСНИ

ПЕСНИ ЛЮБВИ

БЫТОВЫЕ, ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

ТАТСКИЕ ПЕСНИ

ПЕСНИ ЛЮБВИ

ОБРЯДОВЫЕ, БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ И ПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАБОТКИ

А. А. ФЕТ

АЛ. ЭЛЬСКИЙ

ВАС. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

С. АРГАШЕВ

АНДРЕЙ ГЛОБА

ЭФФЕНДИ КАПИЕВ

ИБРАГИМ ГУСЕЙНОВ

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
6	15 св.	безыскуственность	безыскусственность
13	3 св.	афорический	афористический
20	9 сн.	Чечны	Чечни
32	2 сн.	скомпанованный	скомпонованный

Песни народов Дагестана

ПЕСНИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1970,
584 стр. Тем. план вып. 1970 г., № 324

Редактор *Г. М. Цурикова*
Художник *Н. С. Серов*
Худож. редактор *Л. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Е. А. Омельяненко*

Сдано в набор 5/I 1970 г. Подписано в печать 18/V 1970 г. М 36374. Бумага 84×108[1]/32. № 1. Печ. л. 18[1]/4 (30,66). Уч.-изд. л. 26,28. Тираж 10 000 экз. Заказ № 2. Цена 1 р. 06 к.

Издательство «Советский писатель»,
Ленинградское отделение, Ленинград,
Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР.
Красная ул., 1/3.